И. Бережной

ДВА РЕЙДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о боевом пути прославленного партизанского соединения, созданного С. А. Ковпаком и С. В. Рудневым. События развертываются в 1943–1944 гг., когда под командованием П. П. Вершигоры соединение совершало рейды по территории Польши и Белоруссии. Автор книги — командир роты, потом командир главразведки, начальник штаба 1-го полка 1-й Украинской партизанской дивизии имени С. А. Ковпака — был участником этой героической эпопеи с момента рождения дивизии. Воспоминания о ковпаковцах легли в основу его книг «Записки разведчика» и «В шестнадцать мальчишеских лет».

Второе издание, исправленное и дополненное.

- Иван Иванович Бережной
  - Перед рейдом
  - Вершигора
  - Дождались!
  - Погоны
  - Семен Семенович
  - Проба сил
  - На Волыни
  - «Лесные черти»
  - Старшина
  - По тылам четвертой танковой
  - Мы будем жить!
  - В Польше
  - Командир партизанской конницы
  - Витька-сибиряк
  - Братья по оружию
  - У нас праздник
  - Большие перемены
  - Разведчики
  - Задушевный разговор
  - Роберт Клейн
  - Полк имени С. В. Руднева
  - Первые дни в полку
  - Откровение друга
  - Домбровица Дужа
  - Бой в Кособудах
  - Передышки не будет
  - Рывок через Буг

        - Перед пропастью
        - Ход конем
        - Из огня да в полымя
        - Неожиданная встреча
        - В Пинских лесах
    - На аэродроме
        - Судьба разведчиков
        - Партизанский доктор
        - Скромные труженики войны
        - Партизанские будни
        - Высокая награда
        - В новый рейд
        - Долгожданная встреча
        - Танки
        - Три «мушкетера»
        - Возмездие
        - Па путях отступления немцев
        - Последний бой
        - Путь на Киев
        - Много лет спустя
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Иван Иванович Бережной
ДВА РЕЙДА
Воспоминания партизанского командира

РЕЙД В ПОЛЬШУ

Перед рейдом

Зима подступала нерешительно, крадучись. Сначала выслала в разведку морозы, сковала реки и озера, легким снежком припорошила окаменевшую землю и затаилась в ожидании подходящего момента для того, чтобы выпустить лютые морозы и буйные метели.

Третья военная зима застала объединение партизанских отрядов Сумской области в Собычине и лесах севернее Олевска Житомирской области. Созданное Ковпаком и Рудневым осенью 1941 года на Сумщине, оно, выполняя заданий советского командования, за два с лишним года совершило рейды по Сумской, Курской, Брянской, Черниговской областям из Брянских лесов в Полесье, по Белоруссии и Правобережной Украине, провело множество успешных боев и диверсий, сея страх и смятение в рядах гитлеровцев.

В октябре 1943 года соединение возвратилось из последнего рейда в Карпаты и вот уже почти три месяца находится в Полесье. Были случаи, когда мы после завершения рейда, отправляя на Большую землю раненых и получая необходимые грузы, задерживались на одном месте месяц, даже полтора, но чтобы три месяца… Такого еще не было за все время действий в тылу врага.

Уже давно иссякли запасы продовольствия. Приходилось высылать подразделения на задание за многие десятки километров для разгрома вражеских гарнизонов с целью захвата продовольствия. Однако, несмотря на подобные меры, люди жили впроголодь, зачастую без соли. Недоедание и вынужденное бездействие отрицательно сказывались на боевом и моральном духе партизан, угнетали бойцов, притупляли бдительность, расслабляли волю, порождали беспечность. Правда, командование учитывало это и делало все для того, чтобы партизаны «не скучали»: высылало диверсионные группы к железной дороге Коростень—Сарны, устраивало засады на путях движения противника, провело серьезный бой по разгрому гарнизона и уничтожению воинских эшелонов на станции Олевск. Но все это не то. Ковпаковцы привыкли к действиям более широкого размаха. Недовольные своим положением бойцы стали поговаривать, что пора уже в новый рейд, заняться более серьезными делами. Однако почему-то задерживалась доставка с Большой земли боеприпасов, взрывчатки и других грузов.

Среди бойцов и командиров даже появились слухи, что, по всему видно, партизанские действия подходят к концу. С

нетерпением ждали соединения с советскими войсками. Особенно усилилось это мнение после того, как была освобождена столица Советской Украины город Киев. А когда об этом же намекнул один из представителей Украинского штаба партизанского движения, среди партизан распространилось явно демобилизационное настроение. В беседах бойцы и командиры уже прикидывали, кто из них будет воевать на фронте, а кого отправят в тыл.

Каждый понимал — партизаны всего лишь помощники, «второй фронт», что судьба войны решается главным образом на фронте, победа уже не за горами. А кому не хочется победителем вступить на землю, откуда началась война? Своими глазами убедиться, что фашизм разгромлен окончательно, посмотреть, что это за страна — Германия, которая столько горя обрушила на нашу Родину. Понимали и то, что не всем доведется продолжить путь на запад в рядах Советской Армии. Советский тыл крайне нуждается в специалистах, опытных организаторах. Надо было налаживать жизнь на освобожденных землях. Хочешь не хочешь, а кое-кому придется расстаться с автоматом еще до завершения разгрома врага и окончания войны.

Кроме того, давала о себе знать усталость. Слишком велико моральное и физическое напряжение, выпавшее на долю партизан. Поэтому вполне понятно желание некоторых быстрее покончить с партизанской жизнью и влиться в действующую армию.

Такое настроение, конечно, не способствовало поддержанию высокой боевой готовности соединения. Надо было рассеять недоразумение. Политруки, парторги и комсорги в беседах и на собраниях в подразделениях внушали: рано успокаиваться, еще не вся советская территория освобождена от оккупантов, будут еще дела и для партизан. Те, кто думают, что партизанской войне конец, совершают грубую ошибку. Отказаться от партизанской борьбы — значит сыграть на руку врагу, дать ему возможность спокойно распоряжаться тылом…

Бойцы слушали, сознавали справедливость доводов, но все же не хотели расстаться с мыслью о скором соединении с войсками.

— Ты мне скажи, комсомольский секретарь, если мы не собираемся идти на соединение с фронтом, то почему здесь просиживаем штаны? — спросил старшина хозчасти Семен Семенович Кадурин.

— Неужели не понятно? Еще не получили всего, что требуется для боя, — ответил Миша Андросов.

— Так-то оно так, но ты мне ответь еще на один вопрос: почему раньше стоило нам остановиться, как на следующий же

день прилетают самолеты. А теперь им, выходит, недосуг? — не унимался Кадурин.

— Возможно, самолеты и не потребуются. Наши войска вплотную подошли к партизанскому краю, освободили Коростень и Овруч… Выгоднее через линию фронта доставить грузы. Сейчас Петр Петрович Вершигора в Киеве, получает все, что нужно… Мы здесь долго не задержимся, — убеждал Андросов.

— Ну, если так…

После таких разъяснений демобилизационные страсти среди партизан несколько поулеглись. Но не окончательно. Многие по-прежнему с затаенной надеждой посматривали на восток, ждали заветной встречи. И тут произошел случай, необычный для партизан.

Сидор Артемович Ковпак, пользуясь правами члена подпольного ЦК КП(б)У, на основании Конституции СССР 29 ноября 1943 года издал приказ о проведении мобилизации на территории Олевского района Житомирской области и Ракитнянского района Ровенской области. Призыву подлежали все мужчины от 19 до 43 лет включительно, не принимающие участия в партизанской борьбе.

Приказ разослали по селам. И уже первого декабря начали прибывать первые партии мобилизованных. Приходили организованно. Каждую команду возглавлял старший, назначенный в сельском Совете. К утру 3 декабря собралось свыше 1500 человек.

Всех прибывших пропустили через медицинскую комиссию. Негодных к воинской службе отправили домой. Оставшихся свели в пять рот. Командирами рот назначили Александра Годзенко, Степана Ефремова, Тетеркина, Николая Шумейко и меня, временно освободив от исполнения своих обязанностей. Начальником сборов — майора Дегтева. Старшинами рот и командирами взводов и отделений выделили наиболее подготовленных товарищей из числа младших командиров и бойцов. Ко мне в роту назначили старшиной Семена Калачевского, а командирами взводов Константина Руднева, Василия Демина и Петра Бугримовича.

Хутор Млынок превратился в учебный центр. Занятия проводились с утра до позднего вечера, а зачастую и ночью. Призывникам прививались необходимые строевые и тактические навыки. Изучали с ними винтовку, автомат, пулемет, гранаты… Командиры горячо взялись за дело. Особой требовательностью отличался взводный Константин Васильевич Руднев. Один и тот же прием он заставлял повторять до тех пор, пока не добивался правильного его исполнения. Особое удовольствие доставляли

ему занятия по строевой подготовке.

— Взвод, в две шеренги становись! — командовал он и внимательно следил за действиями подчиненных. — Медленно. Толкучку создаете. Каждый должен раз и навсегда запомнить свое место в строю. Команду выполнять только бегом. Это вам не у тещи на блинах, — поучал Костя. — Понятно? Разойдись!.. Взвод, в две шеренги становись!

Бойцы занимали свои места в строю, опасливо поглядывая на строгого командира.

— Чего на меня смотрите? Носочки выравнять! Направо, р-рняйсь! Грудь колесом. Подбородочек выше. Смирно! Замри!!!.

Костя широким шагом проходил вдоль строя и придирчиво осматривал подчиненных.

— Как Чапай, — с восхищением сказал однажды кто-то на левом фланге. Взвод прыснул со смеху.

Взводный остановился перед строем и довольно улыбнулся. Видимо, ему понравилось такое сравнение. Но дисциплина строя нарушена.

— Кто это сказал? — спросил он, вкрадчиво улыбаясь.

— Я! — послышалось на левом фланге.

— Три шага вперед, шагом марш! — скомандовал Костя.

Из строя вышел маленький толстенький паренек с сияющим лицом.

— Кругом! — командует Руднев и добавляет — За разговоры в строю после команды «смирно» объявляют наряд вне очереди. После занятий пойдете картошку чистить.

На лице паренька выразилось такое наивное удивление, что я не удержался от смеха. Он хотел угодить взводному, а получилось наоборот…

На тактических занятиях особое внимание уделялось перебежкам, переползанию, выбору места для стрельбы, маскировке, наблюдению за полем боя. Одним словом, всему тому, что в первую очередь потребуется в бою.

Учебу завершили стрельбой. Я помнил, каких усилий в мирное время стоило подготовить молодого бойца к выполнению первого упражнения. Приходилось изрядно повозиться с каждым в отдельности, проверить правильно ли он изготавливается к стрельбе, как прицеливается, не дергает ли спусковым крючком, не моргает ли глазами… Вспомнив обо всем этом, я не возлагал особых надежд на результаты ускоренной трехнедельной подготовки. Каково же было мое удивление, когда всего десять человек из трехсот не выполнили упражнения с первого раза. Не хуже результаты были в других ротах.

В конце месяца провели контрольную проверку. Итоги были

неплохие.

— Большего за такой короткий срок и не добьешься. Важно, что они получили первоначальные тактические навыки и научились владеть оружием, — сказал Сидор Артемович, выслушав доклады командиров рот.

Рано утром 28 декабря 1943 года 1500 человек пополнения выступили к фронту. Ефремову, Рудневу, Семену Калачевскому, Прутковскому и мне приказано было провести их через линию фронта и передать командованию 4-й гвардейской дивизии, действовавшей в районе города Овруча.

Предстояло пройти около ста километров. Шли лесом. Попутно продолжали отрабатывать элементы тактической подготовки: разведку, походное охранение, марш, действия при встрече с противником. А такая встреча не исключалась, поэтому новобранцы действовали старательно и по всем правилам…

По мере приближения к фронту наша настороженность возрастала. Переходы мы строили с таким расчетом, чтобы передний край обороны войск противника пройти ночью. Но такая предосторожность оказалась излишней. Противник не решился занимать оборону в лесу, опасаясь ударов партизан с тыла. В его обороне образовалась брешь, которую мы потом назвали «партизанскими воротами».

Еще засветло заметили на буграх копошащихся людей. Они рыли окопы. Присмотрелись внимательно и различили форму советских воинов. Сердце радостно затрепетало. Прошло полтора года, как я в тылу врага. Много пережито, передумано. В моем воображении по-разному рисовалась встреча с войсками, действующими на фронте. И вдруг получилось так просто.

Не маскируясь, наша колонна продолжала маршировать по дороге.

— Подтянись, братва, к гвардейцам подходим. Не ударим в грязь лицом, — подбадривал Степа Ефремов наше уставшее войско.

Ребята старались принять молодцеватый вид. Однако рваная одежда и расползшиеся лапти и сапоги имели совсем не воинский вид.

В обороне заметили наше приближение. Люди заметались по бугру и скрылись в окопах. Не видно ни одного человека.

— Чего доброго, примут нас за фрицев и полоснут из пулемета, — высказал опасение Константин Руднев.

На всякий случай я остановил колонну и один пошел вперед. В обороне меня заметили, а когда я подошел к окопам, навстречу поднялся сержант с гвардейскими усами и автоматом в руках.

— Здравствуйте, товарищи гвардейцы. Принимайте гостей, —

сказал я.

— Здравствуйте, не знаю, как вас величать, — сдержанно ответил сержант. — Кто вы такие?

— Пополнение вам привели.

— Что-то не с той стороны идете.

— Из-под Олевска. В тылу врага мобилизованные…

— Не может быть! Там немцы, — не доверял сержант.

— В Олевске фрицы, а пойдешь лесом до Сарн ни одного гитлеровца не встретишь. Партизаны там хозяева, — ответил я. — Привели тысячу пятьсот человек. Можете убедиться, вот документы…

Сержант прочитал мое предписание, настороженность его пропала.

— Чего же они стоят? Пусть идут, — сказал он.

По моему сигналу колонна двинулась. Из окопов высыпали бойцы и с любопытством рассматривали наше безоружное, разношерстное и почти босое войско…

— Вот те и на! А мы здесь оборону закрепляем, — смеялись гвардейцы, угощая нас махоркой и папиросами. — Стало быть, от партизан?..

Командир отделения выделил солдата, который провел нас к взводному, а лейтенант проводил в деревню, где располагался штаб.

В дивизии пополнение встретили с откровенной радостью. Людей распределили по квартирам, начали готовить ужин. Меня и Ефремова пригласили к начальнику штаба.

— Для нас эти люди, как манна с неба, — говорил довольный начальник штаба, моложавый подтянутый полковник. — Бои ведем чуть ли не от самого Курска, Днепр форсировали, а пополнения не получали… Ну рассказывайте, как провели через линию фронта?

— Разве это линия фронта? — сказал Ефремов. — Здесь немца живого не встретишь. Под самые Сарны без боя можно провести целую дивизию.

— Не многовато? — иронически спросил начштаба.

— Ну тогда армию, — не сдавался Ефремов.

— Вы серьезно?

— Вполне серьезно, — поддержал я Степана. — Дальше на запад простирается партизанский край…

Беседа затянулась далеко за полночь. Мы рассказали о мобилизации и подготовке пополнения. Вручили списки. Офицеры штаба дивизии интересовались обстановкой в глубине обороны противника. Мы подробно отвечали на вопросы.

Утром гвардейцы по списку приняли от нас пополнение.

— Передайте всем партизанам большое спасибо, — сказал командир дивизии. — Может, вы в чем нуждаетесь? Поможем.

— Патронов не мешало бы, — сказал я.

— Сколько вам?

— На первый случай автоматных тысяч триста, — упредил меня Ефремов.

— Ну и замахнулся! — рассмеялся генерал.

— Для вас это капля в море, — поддержал я Степу, рассчитывая выторговать хотя бы половину.

— Сколько в вашем отряде людей? — спросил комдив.

— Около трех тысяч, — ответил я, приврав наполовину.

— Солидно… Хорошие вы хлопцы. Много наслышан о вашем командире Сидоре Артемовиче Ковпаке, боевых делах отряда. Вы помогли мне, выручу и я вас из беды, — сказал генерал и обратился к подполковнику с артиллерийскими погонами — Как, товарищ начальник артиллерийского снабжения, дадим?

— Что вы, товарищ генерал, триста тысяч? — ахнул подполковник. Видно, ему нелегко доставались боеприпасы.

— Товарищ подполковник, вы гвардеец и должны знать, что слово гвардии генерала нерушимо! — нахально заявил Ефремов, заставив меня покраснеть.

Генерал покачал головой, улыбнулся и сказал:

— Ну и хитры! Одним словом, партизаны… Если вы просите триста тысяч, то думаете получить полтораста, но я вам дам сто тысяч, — он раскатисто засмеялся, довольный выдумкой, и подтвердил свое приказание начальнику артснабжения. Извинился перед нами: — Меня ждут дела. Передайте вашим командирам и всем партизанам привет и наше гвардейское спасибо. До свидания. Может, еще встретимся…

Генерал крепко пожал нам руки и ушел.

Мы были рады и такому подарку, тем более что больше мы не могли увезти.

Возвращаясь в отряд, мы на полпути встретили большой бычий обоз. Оказывается, Вершигора в Киеве получил пушки, снаряды, патроны и много других грузов, все это на автомашинах отправил в Овруч. В соединение прислал радиограмму, чтобы в Овруч за грузом направили обоз.

Из Киева Вершигора возвратился 2 января 1944 года. К этому времени почти весь груз был доставлен в Собычин. Теперь уже никто не сомневался, что не сегодня-завтра соединение выступит в новый рейд. И тут пришла весть, которая взбудоражила всех партизан и положила начало новой истории соединения. Ковпака отзывали в Киев, а вместо него назначался Петр Петрович Вершигора.

Вершигора

По-разному встретили бойцы отъезд Ковпака и назначение Вершигоры. И не удивительно. Ведь с Ковпаком они делали первые шаги на трудном, опасном партизанском пути, за два года прошли тысячи километров по тылам врага, провели множество боев. Все успехи связывали с именем Ковпака. Люди так привыкли к нему, так верили в него, что не мыслили существования соединения без Ковпака.

Вершигору партизаны, особенно разведчики, тоже любили и, не колеблясь, шли с ним в бой. Но это было тогда, когда чувствовали за своей спиной Ковпака и Руднева, знали, что они зорко следят за ходом боя и вовремя исправят возможную ошибку. А как теперь?

Ветераны отряда сомневались в способностях нового командира. Даже то, что Петр Петрович, отдавая приказ или разговаривая с провинившимися, никогда не повышал голоса, склонны были расценивать как нерешительность и; слабохарактерность. Настораживало и то, что Вершигора не являлся кадровым военным.

— Он сугубо штатский человек, — говорили некоторые, намекая на то, что Петр Петрович по профессии кинорежиссер. — Ни тебе командирской выправки, ни военной подготовки. Какой из него командир? Даже неряху отчитать как следует не может. Одним словом, интеллигент…

Я не разделял этого опасения. Командуя тринадцатой, а затем разведывательной ротами, я полтора года находился в непосредственном подчинении Бороды, как называли разведчики Вершигору, участвовал во многих боях и видел, как он от боя к бою постигал основы командирского дела. У меня с Петром Петровичем установились близкие отношения. Не один вечер мы провели в откровенных задушевных беседах, я хорошо узнал Вершигору.

Действительно, Петр Петрович не был кадровым офицером. Военным его сделала война. Искусству воевать ему пришлось учиться прямо на поле боя.

Однако не следует сбрасывать со счета жизненный опыт, который он, несмотря на свою молодость, накопил за неполные четыре десятилетия. А жизнь помыкала им, особенно в юные годы.

Сын сельского учителя, Петр Петрович. Вершигора рано остался сиротой и с двенадцати лет пошел в люди зарабатывать на хлеб. Батрачил, работал на мельнице, был подмастерьем у

сапожника… Облегчение наступило после победы Октября и установления Советской власти в Молдавии. Но и тогда молодой Вершигора не сразу нашел свое место в жизни. Загорелся желанием стать агрономом. Даже поступил в профагрошколу, но скоро ушел. Работал в комитете бедноты, в сельском Совете. Заведовал избой-читальней. Увлекался литературой и музыкой.

Одно время его потянуло на военную службу, и он добровольно ушел в Красную Армию. Служил в 51-й Перекопской дивизии. И только после этого сделал окончательный выбор. Поступил на режиссерское отделение Одесской консерватории. После окончания работал актером и режиссером в Ижевске, Нижнем Новгороде, на Донбассе, в Ростове, Киеве, Одессе… Одним словом, повидал свет. Преподавал на молдавском факультете Одесского театрального училища и одновременно учился в Московской киноакадемии при Государственном институте кинематографии. Окончил ее в 1938 году и с тех пор работал на Киевской киностудии. Там Вершигору и застала война. А через месяц он в составе вновь сформированной дивизии принял боевое крещение.

Воевать начал в должности помощника командира взвода. Как-то разведчики попросили Петра Петровича рассказать о первом бое. Вершигора по-привычке запустил пятерню в бороду, подумал и откровенно признался…

— Неудобно вспоминать… Дело в том, что первую в своей жизни артиллерийскую подготовку я не выдержал…

— Как не выдержал? — не понял его разведчик Саша Гольцов.

— Да вот так! Когда противник открыл сильный огонь и снаряды с треском начали рваться вблизи, я задом выполз из индивидуального окопчика и не понятно каким образом очутился где-то посреди поля, очевидно выбирая свой «командный пункт» поближе к деревне, — продолжал Вершигора с присущим ему юмором.

— И подчиненные следом за своим «полководцем»? — не утерпел лейтенант Гапоненко.

— Представьте себе, не заметили. Им, видимо, было не до меня. Они уткнулись носами в землю, пережидая артподготовку, и не видели моего «маневра». Скоро я опомнился, устыдился своего поступка и незаметно вернулся на прежнее место… После этого случая, как только начинается бой, всегда вспоминаю первую артподготовку…

Вершигора подумал и продолжал:

— Потом, побывав в переделках, я понял — первый бой для каждого солдата и командира — это своего рода пробный камень. Он определяет, как поведет себя воин в будущем: как Фрус, или

как бесшабашный храбрец, или просто как честный человек…

Так уж повелось, что тот, кому удалось уцелеть после нескольких боев, считает себя бывалым солдатом. То же случилось и с Вершигорой. Начав войну помощником командира взвода, он за несколько дней успел покомандовать взводом, ротой, поработать в штабе батальона, а на десятый день пребывания на фронте стать пятым по счету командиром батальона. И приняв под свое командование батальон, Петр Петрович понимал, что он еще не командир, а всего навсего «старый солдат». Не было еще ни достаточных знаний, ни командирских навыков. Однако можно с уверенностью сказать, что именно тогда, в те тяжелые дни у Вершигоры пробуждалось первое чувство командира — чувство ответственности за жизнь людей.

Как-то мы заспорили: каким качествам должен отвечать командир. Я, по своей молодости, горячился и доказывал, что командир в первую очередь должен быть мастером своего дела… Вершигора выслушал внимательно, подумал и сказал:

— Бесспорно, то, о чем ты говоришь, необходимо командиру. Однако я убежден, что самой главной чертой командирского дела является чувство ответственности… Техника, грамотность, военная тренировка — всему этому можно научиться. Но без чувства ответственности перед своей совестью командир никогда не будет настоящим руководителем боя…

Надо отдать справедливость, сказано это было не ради красного словца. В своей командирской практике Петр Петрович придерживался именно этого святого правила. Забота о людях была у него всегда на первом месте.

Военная служба складывалась для Вершигоры удачно, И, казалось, он должен был быть довольным своей судьбой. Но в сорок первом году во время боев за Канев произошел случай, который заставил Петра Петровича по-иному взглянуть на войну.

Над обороной батальона появились немецкие самолеты, начали бомбить. Наши бойцы, укрывшиеся в окопах, увидели женщину в ярком наряде. Она металась по картофельному полю.

— Смотрите, совсем баба рехнулась!

— Убьют! Ложись!

— К нам давай! — кричали бойцы из окопов.

Женщина, казалось, не слышала их, бегала словно чумная, падала, раскинув руки крестом, потом вскакивала, перебегала на новое место и вновь валилась на землю.

— Да что она, стерва, делает?! Сама погибнет ни за грош и нас демаскирует, — рассердился командир отделения и приказал увести ее в укрытие.

Каково же было удивление красноармейцев, когда они притащили изо всех сил отбивавшуюся «женщину» и обнаружили, что это переодетый немецкий лазутчик, наводивший самолеты на цель.

— Вот это да!

— Вконец обнаглели фашисты, — возмущались красноармейцы.

Вот тогда-то Вершигора и подумал, что помимо открытого боя существует еще и скрытый. Начал помышлять о разведке в тылу врага.

Первый опыт действий в тылу противника он получил при выходе из окружения. Тогда они разгромили немецкую колонну, захватили несколько автомашин и на них проехали больше ста километров. Это утвердило его в мысли, что и с тыла врагу можно наносить чувствительные удары. С этими думами он не расставался и тогда, когда после выхода из окружения разъезжал по передовой во главе бригады фронтовых фотокорреспондентов, чтобы непосредственно в бою заснять удачные кадры.

Участвуя в боях с автоматом и фотоаппаратом, Вершигора присматривался к действиям командиров, набирался опыта. Все чаще стал задумываться над тем, что в этой войне надо найти свое настоящее место, где можно принести больше пользы. Влекло к романтическому. И когда его откомандировали в штаб Брянского фронта, там высказал свою заветную мечту:

— К партизанам бы…

— Жаждете приключений? — спросил начальник разведки фронта полковник Чекмазов. — Но там намного труднее, чем здесь.

— Это меня не пугает, — ответил Вершигора.

— Такое удовольствие могу вам доставить. Как раз сейчас мы занимаемся этим вопросом… Готовьтесь в тыл врага, — сказал начальник разведки.

После предварительной подготовки интенданта II ранга Петра Петровича Вершигору с радисткой самолетом перебросили через линию фронта. Он должен был, опираясь на партизанскую базу, организовать разведывательную работу в тылу врага.

Вершигора оказался в новых, непривычных условиях боевой обстановки. Надо было заново учиться воевать. И он с жаром принялся за дело. Заводил знакомства, изучал обстановку, организовывал наблюдение за фашистскими гарнизонами, переброской войск и грузов по железным и шоссейным дорогам… Скоро в штаб фронта полетели первые разведывательные донесения.

Работа пришлась Вершигоре по вкусу. В то же время чем

ближе он знакомился с условиями борьбы в тылу врага, тем больше убеждался, что можно сделать большее, чем он делает. Не ограничивался только разведкой. Начал присматриваться к боевым делам партизан, ходил вместе с ними на диверсии, В засады.

К этому времени среди партизан и местных жителей уже ходила слава о Ковпаке. Гитлеровцы боялись Ковпака, как огня, а народ рассказывал о нем легенды. Получилось так, что еще до личного знакомства Сидор Артемович стал идеалом Вершигоры.

Встреча Вершигоры с прославленным партизанским командиром состоялась летом 1942 года в Старой Гуте, где остановились ковпаковцы после возвращения из очередного рейда по Сумской области. Эта встреча и определила дальнейшую судьбу Петра Петровича.

— Ну, диду, принимай меня в свою партизанскую академию, — сказал он тогда Ковпаку.

Сидор Артемович сумел разглядеть в Вершигоре хорошего разведчика и способного организатора, назначил его своим помощником по разведке. Туда же, в Старую Гуту, в конце лета, после выполнения задания фронта, прибыли десантные разведывательные группы лейтенанта Гапоненко и моя. Обе группы до распоряжению разведотдела фронта поступили в подчинение Вершигоры. Здесь и состоялось наше знакомство.

Тогда я даже не подозревал, что через год с небольшим этот невысокий, коренастый, интеллигентный человек с пышной верещагинской бородой заменит знаменитого Ковпака, всеми признанного партизанского вожака.

При первом же знакомстве с разведчиками-десантниками Петр Петрович сказал:

— Я приступил к исполнению обязанностей прилежного ученика. И вам советую — присматривайтесь к партизанам. Полезно…

Основы партизанской науки Вершигора начал постигать с азов. Учеником он оказался старательным и способным. Однако первоначально действия партизанских командиров повергли его в смятение.

В конце октября 1942 года соединение вышло в рейд из Брянского леса на правобережье Днепра. Многие из нас, наслышанные о героических делах ковпаковцев, думали: стоит лишь этому прославленному соединению покинуть насиженные места в лесу и отряды сразу же ринутся в бой. На деле получилось иначе. Партизаны старались не ввязываться в драку, переходы совершали ночью, часто меняли направление движения. В полную силу трудились лишь разведчики и минеры-

подрывники.

— Первые скрытые переходы вызвали недоумение Вершигоры и десантников.

— Ничего не понимаю, — разводил руками Петр Петрович. — Если все время будем избегать противника, то какой смысл рейда…

Скоро мы убедились в ошибочности первоначального представления. После нескольких мелких стычек с гитлеровцами, когда Брянский лес остался далеко позади, действия партизан резко изменились. Броски стали более стремительными и продолжительными. Соединение не узнать. Оно словно расправило могучие плечи. Властная, умелая рука Ковпака нацеливала удары отрядов по вражеским гарнизонам и колоннам. При этом удары были неожиданными и стремительными. Действия партизан нагоняли страх на врага, вносили в его ряды панику и растерянность.

— Вот мы и вышли на оперативный простор, — сказал однажды комиссар Руднев.

Эти слова комиссара проливали свет на тактику ковпаковцев. Теперь не проходило дня без боя. Вершигора, постигая азбуку партизанской тактики, старался поспеть везде. Ходил вместе с ротой в разведку, терпеливо высиживал в засадах, участвовал в боях по разгрому вражеских гарнизонов, с минерами подкрадывался к железной дороге.

Из каждого боя он извлекал пользу, находил то, что помогало ему стать настоящим командиром. Если первое время он лез в самую гущу боя, щеголял храбростью, то со временем стал вести себя более осмотрительно, глубже вникать в суть боя. В нем постепенно вырабатывались качества, присущие командиру — руководителю боем.

Много позже, вспоминая об одном бое, где он шел в цепи атакующих, Вершигора признался:

— Вел я себя тогда по-мальчишески. Плохой тот командир, который лезет вперед, бравирует своей отвагой и не видит, что делают подчиненные. Видимо, у меня тогда еще не было чувства ответственности, которое всегда присуще командирам, понимающим свое дело… Правильно выбрать место для управления боем — вот одна из задач командира. Видеть поле боя, влиять на ход и исход сражения… Одним словом, надо еще учиться и учиться.

И он учился. Учился у Ковпака и Руднева, а чаще практически, в бою. Умный, пытливый и настойчивый, он сравнительно быстро овладел тайнами партизанской тактики. Это видели командир и комиссар. Стали доверять ему управление

боем отрядов.

Вершигора взял за правило записывать впечатления о проведенных боях, о встречах о людьми, свои размышления. Однажды в Глушкевичах в декабре сорок второго года он записывал впечатления о недавно проведенном лельчицком бое. Подолгу думал, затем не спеша исписывал целые страницы ученической тетради, перечитывал, исправлял… Вдруг оторвался от тетради, с хитрецой посмотрел на меня и спросил:

— Иван — сын собственных родителей, скажи, ты читал Достоевского?

Я удивился такому вопросу и откровенно признался, что не читал.

— Мало вероятно, чтобы и дед Ковпак его читал.

— Какое отношение Достоевский имеет к Сидору Артемовичу? — спросил я.

— Прямое, — ответил Петр Петрович. — У Достоевского есть одно изречение. Послушай: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели». Не находишь ли ты общего в сказанном и действиях Ковпака?

Не дождавшись моего ответа, Вершигора продолжал:

— Помнишь, в какое недоумение повергли нас первые переходы ковпаковцев после выхода из Брянского леса? Я все время стараюсь докопаться до сути… и, кажется, нашел разгадку. И помог мне в этом Достоевский.

— Не понимаю, чем он вам помог?

— А вот этими собаками и камнями. Неужели не понятно? То, что сказал Достоевский, применительно к нам звучало бы, примерно, так, — он раскрыл тетрадь и начал читать — Настоящий партизанский командир не тот, кто всюду и бестолку лезет в бой, теряет силы, обрастает ранеными в самом начале рейда, по мелочам расстреливает боеприпасы и по существу никогда не доходит до поставленной перед ним цели, а тот, кто умеет ужом выползти из партизанского края, всегда и обязательно блокированного противником. — Вершигора оторвался от тетради и спросил — Разве не так было при выходе из Брянского леса? Но этого мало. Надо еще с наименьшими потерями подойти к главной цели, подойти к ней внезапно и не с той стороны, с которой может ждать противник. А когда подойдешь— бей решительно, смело… В этом, на мой взгляд, секрет успехов Ковпака.

Что можно против этого возразить? Слушая Вершигору и припоминая подробности первых переходов, начинаешь догадываться — то, что вызывало у нас недоумение, даже

разочарование, не было ошибкой или слабостью партизанских командиров. Наоборот, это был заранее спланированный, тщательно продуманный ход Ковпака и Руднева. Это их тактика. Петр Петрович первым сумел разгадать замысел командира и комиссара.

Разговор этот заставил меня по-иному взглянуть на своего начальника. Вот тебе и кинорежиссер, сугубо штатский человек, слабо разбирающийся в военном деле!.. Затем последовали открытия новых талантов, которые со временем проявились у Вершигоры в полную силу и выдвинули его в ряды видных партизанских вожаков.

Первым серьезным экзаменом на командирскую зрелость для Вершигоры, по его признанию, явился Карпатский рейд. Этот экзамен он выдержал с честью. Почти без потерь вывел из Карпат самую крупную группу в шестьсот человек.

Теперь, когда позади полтора года нашего совместного пребывания в соединении Ковпака, наполненные боями и походами, могу сказать: рад, что судьба свела меня с Петром Петровичем Вершигорой — замечательным разведчиком, талантливым командиром и душевным человеком. Опыт показал — «партизанская академия Ковпака и Руднева» не прошла даром для подполковника Вершигоры. И не случайно опытный Сидор Артемович Ковпак решился судьбу сотен людей доверить именно Вершигоре — своему заместителю.

Петру Петровичу предстояло на деле доказать, что дед Ковпак не ошибся.

На первых же шагах новый командир столкнулся с большими трудностями. Перед ним встало много неотложных задач, требующих немедленного решения. И главная из них—: заново создать штаб и подобрать себе помощников, а затем, опираясь на их поддержку, провести расстановку командных кадров. А выполнить это было нелегко. Ведь даже замена одного командира влечет за собой целый ряд перестановок. Вершигоре же надо было провести новые назначения чуть ли не во всех подразделениях. А с командными кадрами было туго. Дело в том, что некоторые испытанные командиры погибли во время Карпатского рейда. Кроме того, по разным причинам на Большую землю отбыли начальник штаба соединения Г. Я. Базыма, помпохоз М. И. Павловский, секретарь парткомиссии Я. Г. Панин, помощник начальника штаба по разведке Ф. Д. Горкунов, командиры отрядов Ф. Д. Матющенко и В. М. Кудрявский, командиры рот П. С. Пятышкин, Курочкин, командир артбатареи С. Анисимов…

Надо было найти им достойную замену.

Вопрос с назначением помощника по хозяйственной части решился быстро еще до отъезда Ковпака. В Олевском районе действовал небольшой партизанский отряд. Командовал им инженер из Москвы Федчук Константин Лаврентьевич. Перед войной он руководил оборонительными работами в приграничной полосе. Там его и застала война. Федчук оказался на оккупированной территории. Из местных жителей создал партизанский отряд, установил связь с подпольщиками Олевска. Занимались диверсиями, вели разведку, совершали нападения на мелкие гарнизоны врага.

После нашего возвращения из Карпат Федчук пришел к Ковпаку и сказал;

— Хочу поступить под ваше командование.

— Люди нам нужны, — ответил Сидор Артемович. — Вольетесь на правах отдельного отряда.

Федчук помолчал, кашлянул в кулак, разгладил усы, провел рукой по рыжей бороде и сказал:

— Я бы просил вас назначить другого командира.

— Что, надоело командовать? — насторожился Ковпак.

— Как вам сказать, Сидор Артемович… Буду откровенным. Мне уже за шестьдесят. Здоровье изрядно пошаливает. Сами понимаете, какой из меня командир… Согласен на любую должность, которая будет мне посильной.

Ковпак внимательно посмотрел на высокого худощавого старика и вдруг предложил:

— А может, вас отправить на Большую землю?

— Что вы, товарищ командир! — испугался Федчук. — Война еще не кончилась. Это будет похоже на бегство.

— Почему же? Вы уже повоевали, да и в возрасте… Как специалист, вы очень нужны тылу…

— Прошу оставить, — настаивал Константин Лаврентьевич.

— Воля ваша, — после некоторого раздумья согласился Ковпак. — На Большую землю уезжает помпохоз Павловский. Как вы смотрите, если вместо него?

— Постараюсь оправдать доверие! — отчеканил Федчук.

— Значит, так тому и быть.

С первых же дней Константин Лаврентьевич окунулся в работу с головой. А дел было непочатый край: люди в рваной обуви, почти раздетые, жили впроголодь… Федчук показал свои способности хозяйственника: организовал мастерские по починке одежды и обуви, взял под свой контроль распределение продуктов, помогал старшинам наводить порядок в хозяйстве подразделений…

Невосполнимой оказалась потеря комиссара. В соединении

не нашлось человека, который бы заменил С. В. Руднева. Было решено вместо комиссара ввести должность заместителя командира по политической части. Исполнение обязанностей замполита и секретаря партийной комиссии возложили на Н. А. Москаленко.

Помощником по комсомолу по-прежнему оставался М. В. Андросов.

Из состава прежнего штаба соединения остался лишь помощник начальника штаба В. А. Войцехович. Он стал во главе нового штаба. Василий Александрович Войцехович — ветеран соединения. Грамотный, вдумчивый офицер, он как будто рожден для штабной работы. При первом же знакомстве он поразил меня своей простотой и скромностью. И чем ближе его узнавал, тем больше он мне нравился. Его выдержке, терпению и трудолюбию можно было позавидовать. Казалось, усталость его не брала.

Работая в штабе соединения, Войцехович не только постоянно был в курсе замыслов Ковпака и Руднева, но нередко и сам активно участвовал в выработке решений. По своей натуре сдержанный, скромный до застенчивости, он никогда не выставлял себя напоказ. Поэтому для многих его роль в штабе казалась незаметной. Впервые открыто его способности проявились при выходе из Карпат, когда он исполнял обязанности начальника штаба в отряде П. П. Вершигоры. Тогда-то по-настоящему раскрылся его талант организатора. Авторитет Войцеховича неизмеримо вырос в глазах партизан. И теперь назначение его начальником штаба было воспринято как должное.

Василий Александрович взял себе в помощники боевого офицера бывшего командира пятой роты Степана Ефремова. Работа в штабе закипела.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы вместо выбывших командиров назначить новых из числа офицеров, младших командиров и лучших бойцов. Правда, молодые командиры были менее опытными, зато желания и задора им не занимать… Были переукомплектованы роты и батальоны.

Появился первый приказ за подписью Вершигоры и Войцеховича. В нем сообщалось о вступлении Петра Петровича в командование соединением, говорилось, что наша часть выросла и окрепла в двухлетних многочисленных боях с немецкими захватчиками, призывалось хранить и приумножать боевые традиции, оставленные прославленными вожаками С. А. Ковпаком и С. В. Рудневым, напоминалось об усилении бдительности, повышении дисциплины и укреплении связи с народом.

Н. А. Москаленко, М. В. Андросов и политруки в беседах с бойцами, на партийных и комсомольских собраниях в ротах разъясняли обстановку на фронте, советовали, что надо сделать, чтобы лучше подготовиться к новому рейду.

Новому командованию предстояло решить еще один важный вопрос. Плохо обстояло дело с транспортом. С Большой земли мы получили две семидесятишестимиллиметровые пушки, большое количество снарядов, гранат, патронов, мин, взрывчатки и других грузов. А поднять все это не могли: не хватало лошадей и повозок.

Партизаны с тревогой смотрели на нового командира — найдет ли выход из трудного положения? Какой? На какие дела и куда поведет он своих подчиненных? Обо всем этом догадывался Вершигора. От него не ускользали настороженные взгляды, которыми провожали его партизаны.

— Единственный выход из создавшегося положения — обратиться за помощью к населению. Народ нас всегда выручал, думаю, выручит и на этот раз, — сказал Вершигора своему помпохозу. — Вас, Константин Лаврентьевич, люди здесь знают хорошо, верят вам. Постарайтесь на первый случай раздобыть пар сто быков…

Федчук долго молчал, видимо прикидывал в уме — под силу ли такое задание. Потом покашлял в кулак, поднялся и сказал:

— Трудно… очень трудно, но я постараюсь…

А когда помпохоз вышел, Вершигора, обращаясь к Войцеховичу, уверенно сказал:

— Вася, волы будут!

И не ошибся. Через несколько дней сто пар круторогих волов, запряженных в сани, стояли на улицах Собычина. Где и как Федчук раздобыл такой обоз — известно только ему одному.

Дождались!

Морозным днем 5 января 1944 года, под гром артиллерийской канонады, доносившейся с востока, объединение украинских партизанских отрядов Сумской области вышло из Собычина Олевского района и взяло направление на запад. Мы покидали Житомирщину.

Во главе разведчиков я занял привычное место в голове колонны. Разведрота пополнилась замечательными бойцами, участниками Сталинградской битвы. Отбирал их опытный командир старший лейтенант Семченок Семен Семенович из числа отличившихся фронтовиков. Новичков выделили в третий взвод, а Семченка назначили моим помощником.

За разведкой по лесной дороге на несколько километров растянулась партизанская колонна. Соединение впервые выступило в рейд без прославленных вожаков С. А. Ковпака и С. В. Руднева.

…Мы делали свои первые переходы. Партизаны радовались: «Наконец-то, дождались!» Их просто не узнать. Приободрились. Куда только подевались расслабленность, беспечность, которые чувствовались в Собычине. Люди понимали— впереди трудности. Но лучше трудности и опасности, чем неизвестность ожидания. Бойцы делились новыми впечатлениями. Всюду веселье. И только одно угнетало — бычий обоз.

Командир второго батальона Петр Леонтьевич Кульбака посмотрел на обоз, сокрушенно покачал головой:

Мабуть, мы перши среди партизан, кому пришлось воевать на волах.

— Да, этим быцикам кнут не поможет, нужен скипидарчик, — поддержал комбата лейтенант Гапоненко.

— Интересно, долго мы с ними будем мучиться?

— Теперь уже недолго: в Берлине заменим на машины.

— О, тогда надо поторапливаться, иначе мы опоздаем на парад Победы. Слышите, с юга Красная Армия нас догоняет, рвется к Сарнам! — сказал старшина разведки сибиряк Вася Зяблицкий.

Действительно, теперь уже слышалась артиллерийская стрельба не только с востока, но и с юга. Видимо, наши войска прорвали оборону противника и успешно продвигаются на запад. Мы рисковали оказаться в тылу своих войск. Надо было спешить.

До реки Горыни встречи с войсками противника не предвиделось. Здесь партизанский край. Да и авиация гитлеровцев за последнее время повыдохлась. Прошли те

времена, когда воздушные пираты гонялись даже за отдельными нашими солдатами и мирными жителями…

Стремясь выиграть время, соединение на марш выступало чуть свет, а на отдых останавливалось поздним вечером. Все же пройти больше тридцати километров в сутки не удавалось.

— Надо быстрее избавляться от быков, — все время напоминал начальник штаба Войцехович. Во время марша он не покидал седла, все время проезжал вдоль колонны, следил за порядком, собирал сведения об обстановке, поступавшие от разведчиков, и готов был принять решение об изменении маршрута или введении в бой подразделений.

Накануне выступления в рейд Вершигора потребовал от командиров рот и батальонов: с выходом на реку Горынь волов заменить лошадьми. Однако раздобыть лошадей оказалось делом нелегким. Все деревни Полесья были сожжены. Лишь на Горыни сохранились местечки и фольварки, но в них закрепились вражеские гарнизоны. Вот там-то мы и должны были обновить свой обоз.

Первыми за Горынь, как и положено, проникли разведчики. Разгромили фашистскую охрану фольварка, захватили два десятка лошадей. Но этого мало.

Через несколько переходов главные силы партизанского соединения подошли к Горыни восточнее Столина. Здесь противник еще не успел создать сплошного фронта, и мы могли бы незаметно проскользнуть между его опорными пунктами. Обычно мы так и делали. Но на этот раз Вершигора не захотел воспользоваться такой возможностью.

— По правилам партизанской тактики мы должны незаметно проскользнуть между опорными пунктами врага, — сказал Петр Петрович окружившим его командирам подразделений, — ужом выползти из партизанского края…

— Что же нам мешает поступить так и на этот раз? — спросил Кульбака.

— Придется отступить от этого правила. Во-первых, нам позарез нужны лошади. Во-вторых, в соединении много новичков. Прежде чем идти на серьезные дела, надо проверить их боеспособность на малом…

— Вы имеете в виду пятый батальон? — спросил начальник штаба.

— Вот именно…

Пятый батальон состоял из партизан Олевского отряда, который присоединился к нам в Собычине. Не хотелось разъединять людей, привыкших друг к другу. Их выделили в отдельный батальон. Командиром назначили опытного

партизана, замечательного минера, поэта Платона Никитовича Воронько, комиссаром — только что возвратившегося из госпиталя Андрея Калиновича Цымбала, который раньше командовал второй ротой, а начальником штаба — капитана Шумейко Николая Гавриловича.

Времени для изучения людей у них было очень мало. Поэтому на вопрос Вершигоры о боеспособности батальона Воронько пожал плечами:

— Хлопцы вроде ничего, держатся бодро, но в глазах особой лихости не заметно.

— Как смотришь насчет Столина? — спросил подполковник Вершигора.

— Можно попробовать, — согласился комбат.

От Столина только что возвратились разведчики во главе с Кашицким.

— Гарнизон около трехсот человек, сильно укреплен, — доложил Кашицкий. — Улицы опутаны колючей проволокой. Подходы открытые, заминированные. Лед на Горыни слабый, но пехоту выдержит. Если его усилить досками — можно и орудия переправить.

Командование решило: бесшумно переправить батальон по льду и внезапно ударить по Столину. Артиллерия будет поддерживать с восточного берега. После того, как пехота ворвется в местечко, по льду, застеленному досками и хворостом, переправятся орудия. Успех боя во многом будет зависеть от внезапности нападения и решительности наступающих.

Ночью роты пятого батальона развернулись в цепь и спустились на реку. Лед потрескивал, но не проламывался… Противник молчал. Закрадывалось даже сомнение: не ушел ли из местечка? Скоро мы убедились, что гитлеровцы и не помышляли об уходе. Наоборот, как выяснилось, они ждали нашего наступления и усилили оборону за счет гарнизона Давид-городка.

Вот и западный берег. Впереди замаячили строения. В тот момент, когда батальон изготовился для решительного броска, вокруг Столина взвились десятки ракет. Стало видно, как днем. По партизанской цепи ударили автоматы и пулеметы. Партизаны поднялись в атаку и, подавляя огневые точки врага, продвинулись вперед, ворвались в Столин. И тут наступление застопорилось. Вместо того чтобы сделать смелый рывок, роты залегли и вступили в огневой бой с противником.

Перестрелка длилась минут двадцать- Воронько, Цымбал и Шумейко перебегали вдоль цепи, пытаясь поднять батальон в атаку. Но роты действовали несогласованно, вяло. Мало обстрелянные бойцы шли густой цепью, несли потери, и атаки

захлебывались.

Артиллерия усилила обстрел фашистов. Этим воспользовался Воронько, снова поднял батальон и повел вперед. Сопротивление противника несколько ослабло: умолкли два опасных пулемета. Партизанские роты пробились к центру местечка…

Был момент, когда казалось, что с врагом скоро будет покончено. Но здесь партизаны напоролись на проволочное заграждение и минное поле. Произошла заминка. Надо было быстрее преодолеть препятствия и выйти из-под обстрела, но бойцы залегли. Тем временем гитлеровцы подвели резервы и отчаянной контратакой отбросили партизан из Столина. То, чего удалось добиться такими большими усилиями, было потеряно в один миг.

Воронько, Цымбал и Шумейко навели порядок в ротах и вновь повели их в атаку. Сопротивление противника на этот раз было еще более организованным и упорным. Атака успеха не имела.

Видя нерешительность партизан, немцы усилили огонь. Роты начали отползать. У кого-то не выдержали нервы… За паникером побежало еще несколько слабонервных. Потом еще и еще… Противник этого только и ждал. Он вел пулеметный и автоматный огонь по убегающим. Падали убитые и раненые… Цымбал бегал с автоматом, пытаясь остановить беспорядочное бегство и тем самым уменьшить потери батальона. Тщетно.

На восточном берегу бегущих остановил Вершигора.

— Стой! Ложись! — кричал он, разъяряясь. — Кто сделает хоть один шаг — пристрелю на месте!

Это подействовало отрезвляюще. Партизаны поспешно залегли, озираясь по сторонам. Немцы сразу же прекратили стрельбу.

— Где Воронько? Комбата ко мне! Почему молчите? Где командир батальона?

— Он там, — проговорил кто-то из цепи.

— Где там?

— У проволоки. Убит… или ранен…

— Оставили раненого командира? Такого у нас еще не было. Позор! Цымбал?

— Он тоже ранен…

От Столина не спеша брел человек с забинтованной рукой и опущенной головой. Это был Цымбал. Подойдя к Вершигоре, он выругался, плюнул и сквозь зубы процедил:

— Вояки… С ними не фашистов бить, а вперегонки играть…

Вершигора понимал, что внезапность потеряна, победы можно достичь лишь ценой больших жертв, и приказал

начальнику штаба батальона Шумейко навести порядок в ротах и вынести с поля боя раненых и убитых.

Подавленные и пристыженные бойцы и командиры пятого батальона вновь пошли в наступление на Столин… Бой не утихал до рассвета. И лишь после того как были вынесены все раненые и убитые, командир соединения разрешил отвести батальон.

Днем Вершигора пришел в пятый батальон. Он долго и подробно разбирал ошибки, допущенные в бою за Столин. Говорил он резко, что случалось с ним в минуты крайнего недовольства.

— Запомните раз и навсегда: на войне нельзя бегать. Даже отступать нужно лицом к врагу. Солдат, показывающий спину врагу, помимо всего, служит прекрасной мишенью… Тот, кто пытается играть вперегонки с пулей, непременно оказывается в проигрыше, — Вершигора сделал паузу и закончил — Командование недовольно вашими действиями. Так дело не пойдет. Дадим вам возможность доказать в боях, что этот случай пошел на пользу. От вас зависит — быть или не быть пятому батальону.

После неудачного боя решили вторично не испытывать судьбу. Переправились через Горынь по льду, обошли Столин с севера, уничтожили охрану переезда на железной дороге Лунинец —Сарны и углубились в леса, где хозяевами положения были отряды «дяди Пети» (А. П. Бринского), А. Ф. Федорова и Л. Я. Иванова.

Вершигора и Войцехович встретились с Федоровым и Ивановым. От них узнали, что районы на пути нашего движения насыщены бандеровскими бандами. На них и решили проверить боеспособность соединения, прежде всего вновь созданных подразделений.

Теперь мы вышли за пределы партизанского края. Разгромили несколько мелких гарнизонов противника в селах и фольварках, захватили лошадей и заменили ими волов. Темп движения резко повысился. Мы наверстывали упущенное время.

Как-то к нам в голову колонны приехал повеселевший Войцехович и сказал:

— Теперь, разведчики, ушки на макушке и — вперед. Будем жать на всю катушку.

И действительно жали. По сорок — пятьдесят километров за ночь. Наше соединение унаследовало тактику Ковпака, неожиданно появлялось там, где нас меньше всего ждал враг. Кавалеристы Саши Ленкина, за пышные усы прозванного Усачем, и третья рота Гриши Дорофеева по пути в Личины встретились с ротой гитлеровцев. Партизаны первыми обнаружили противника.

Ленкин — специалист по ведению встречного боя — приказал Дорофееву развернуть роты вдоль дороги, а сам повел эскадрон лесом в обход и ударил во фланг немцам. Внезапными и решительными действиями партизан противник был смят и обращен в бегство. Неотступно преследуя, партизаны ворвались в Личины. Оставив роту доколачивать гитлеровцев в селе, Усач повел кавалеристов вперед и с хода овладел Мильцами. Затем, не давая опомниться врагу, выбил его и из деревни Сыново.

В результате встречного боя и преследования рота немцев была наголову разгромлена. Партизанам достались склады продовольствия, вооружения и другого имущества, а главное— более двух десятков лошадей.

Удачные бои воодушевляли бойцов. Постепенно забывалась первая неудача под Столином. Соединение восстанавливало свою боевую славу. Вместе с тем рос и авторитет Верши-горы.

В Ковеле, Камень-Каширском и Любомли стояли крупные гарнизоны противника. В бой с ними решили не ввязываться, двинулись в обход. Железную дорогу Брест—Ковель преодолев ли с боем. Еще до подхода колонны эскадрон во главе с Ленкиным разгромил охрану и захватил переезд. Вправо и влево от переезда стали заслоном роты третьего батальона.

Вслед за разведкой колонна устремилась через «железку». В это время из Бреста подошел воинский эшелон. По вагонам ударили партизаны из бронебоек, пулеметов и автоматов. Загрохотали взрывы гранат. Артиллерия в упор расстреливала автомашины и танки на платформах. Боем руководил командир батальона Петр Брайко.

Колонна еще продолжала тянуться через дорогу, а Брайко прискакал к переезду и доложил находившемуся там Войцеховичу об уничтожении охраны и разгроме эшелона.

Оставив позади железную дорогу Брест—Ковель, мы углубились в тыл врага и развернули активные действия на Волыни.

— Вот мы и вышли на оперативный простор. Гуляй теперь, душа партизанская! — весело сказал Вершигора, припоминая любимое изречение покойного комиссара С. В. Руднева.

Погоны

Белой извилистой лентой вьется лесная дорога. Ночь тихая, с легким морозцем. В воздухе блуждают редкие снежинки. Бесшумно и ритмично движется партизанская колонна. В головной походной заставе — разведывательная и третья роты. Впереди — кавэскадрон Усача, а позади, словно сжатая до предела пружина, все соединение, готовое в любую минуту развернуться и вступить в бой.

Вот уже полмесяца, как мы в походе. Вершигора унаследовал тактику Ковпака. Пытаясь ввести в заблуждение немецкое командование, он бросает соединение то в одну, то в другую стороны. Вчера мы шли на запад, а сегодня повернули на юг. Трудно предугадать, куда и на какие дела ведет нас новый командир. Понятно лишь одно: бои по разгрому мелких гарнизонов врага и стычки о гитлеровцами на шоссейных и железных дорогах — это лишь частная задача. Главное впереди. Но где, в каком районе развернутся основные события?

Особенно непонятно поведение командира политруку разведроты Роберту Клейну.

— В толк не возьму — почему мы то плетемся, то несемся сломя голову? Идем, идем в одном направлении, потом вдруг шарахаемся в противоположную сторону. Почему бы не сказать: идем туда-то? — недоумевал он.

Я рассказал Роберту, что еще Ковпаком и Рудневым заведен такой порядок, при котором о замысле командира до определенного времени знают лишь начальник штаба и комиссар.

— Понимаю… конспирация! А насчет того, что каждый солдат должен знать свой маневр?

— На ближайший один-два перехода знают все. Этого вполне достаточно.

Клейн немного помолчал, а потом спросил хитровато:

— Ну а ты как думаешь: куда пойдем?

Мне замысел командования тоже не был известен. Но опыт проведенных рейдов научил строить предположения.

— Одно из двух: на запад или на юг, ответил я. — В этих направлениях зачастили наши разведчики. А это уж верный признак.

…Незадолго до рассвета в селе Крымно мы настигли кавалеристов. Они задержали подводу, на которой ехали мужчина и девушка.

— Кто они? — спросил Роберт, указывая на задержанных.

— Местные, из Кукуриков, — ответил Саша. — Старик

говорит, что там полно бандеровцев.

Послышался топот скачущих коней. К нам подъехали Вершигора, Войцехович, Москаленко и Бакрадзе в сопровождении связных.

— Почему остановились? — спросил Петр Петрович.

Ленкин доложил.

— Сколько бандеровцев в селе? — спросил Вершигора крестьянина.

— Дуже богато. Сотня чи две, а может, усе три наберется, — ответил дядько.

— Так сколько же: сотня или три?

— Мабуть, три, — растерянно проговорил дядько.

— Курень там, — осмелев, подсказала девушка.

— Что это значит — курень? — спросил Бакрадзе.

— Так запорожские казаки называли полк, — ответил Москаленко.

— Видал, куда хватили! — возмутился Ленкин.

— Курень так курень, — сказал Вершигора. — Придется его развалить.

Разгром бандеровцев поручили эскадрону Ленкина и трем ротам первого батальона под командованием Бакрадзе. Куль-баку предупредили, чтобы его батальон был наготове.

Партизанские роты и кавэскадрон к Кукурикам подошли на рассвете 19 января. В некоторых хатах уже горел свет. Вокруг — тишина. Ковпаковцы бесшумно обезоружили часовых, внезапно ворвались в село. Застигнутые врасплох бандиты попытались организовать оборону, но из этого ничего не получилось. Слишком неожиданным и мощным был удар.

Бандеровцы не устояли, начали разбегаться кто куда. Но и вырвавшись из села, они попадали под прицельный огонь второго батальона, заблаговременно перекрывшего выходы из Кукуриков.

С бандой покончили до восхода солнца. Однако через некоторое время бандеровцы попытались захватить село, но были отбиты. В преследование послали пятую роту Ларионова… В этом бою был разгромлен весь курень Лысого вместе со штабом.

Утром я зашел в штаб соединения и застал там Вершигору, Войцеховича и Ленкина. Петр Петрович распекал Усача.

— Как же это твои орлы упустили такую важную птицу? Может, это был сотник или сам атаман Гончаренко…

Прислушиваясь к разговору, я сразу понял, о чем идет речь. Произошел неприятный случай. После того как была разгромлена банда, наши подразделения вошли в село и разместились на дневку. Выставили заставы, развели людей по хатам, замаскировали повозки. Некоторые, наскоро перекусив, ложились

спать. Неожиданно на улице поднялась стрельба. Партизаны выбегали из хат и не могли понять причины тревоги. Лишь там, где располагались кавалеристы, продолжалась автоматная трескотня. Стрельба оборвалась так же внезапно, как и вспыхнула.

По улице шел расстроенный Ленкин.

— Что случилось, Саша? — спросил я.

— Часовой — шляпа. Бандита упустил, — зло проговорил Ленкин. — Понимаешь, в стогу, сена сидел. Когда в селе стало тихо, он выбрался оттуда и направился через двор на огород. Часовой посчитал его местным, но все же спросил пропуск. Тот ответил. Тут бы и задержать его. Откуда крестьянину знать пропуск? А часовой уши развесил и пропустил. Бандит, не будь дурак, вскочил на одну из наших лошадей, стоявших у плетня, и был таков… Всем эскадроном по нему палили, а он как заколдованный. Нырнул в лес, теперь ищи-свищи… Говорят, какой-то начальник…

Вот за это Вершигора и ругал командира эскадрона.

— Будь он неладный. Откуда он взялся на мою голову. Хотите, я вам к вечеру десяток бандитов приведу? — оправдывался Ленкин.

— Суть не в бандите. Дисциплина у твоих хлопцев хромает. Бдительность потеряли. Так и шпиону легко к нам пробраться, — наставительно говорил Вершигора…

Отпустив Ленкина, Петр Петрович выслушал мой доклад о высылке разведгруппы, а потом, кивнув в сторону стола, на котором валялась куча документов, пригласил:

— Присаживайся. Знакомься с трофеями — любопытные вещи попадаются. Тебе это надо знать.

Я начал перечитывать документ за документом. Чего только там не было! И договоры, заключенные с немцами, и приказы бандитских главарей, и сводки различного рода, и даже инструкция, как должен молодой человек ухаживать за девушкой. Упоминалось и об офицерской школе «лесных черней».

— Что это за школа? Я о ней слышал еще в прошлом году. Контрразведчики тоже докладывают, а где она — никто толком сказать не может. Надо заняться ею, — сказал Вершигора.

Но особое внимание среди всей кипы бумаг Привлекли два документа: договор бандеровцев, с фашистами и инструкция об отношении к партизанам и Красной Армий.

Первый документ красноречиво раскрывал совместные действия фашистов и украинских буржуазных националистов. Оказывается, у них были согласованные планы по борьбе с партизанами. Гитлеровцы выделили для бандеровцев

специальные железнодорожные переезды.

— Это нам пригодится, — сказал Петр Петрович, отмечая на карте неохраняемые переезды.

Второй документ, который привлек внимание Вершигоры и Войцеховича, также имел для нас практическое значение. В отношении партизан инструкция требовала проводить жесткую политику. Рекомендовалось для борьбы использовать все возможные средства и методы, действовать совместно с гитлеровскими войсками.

Что же касается отношений к Красной Армии, то тут планировалась более гибкая тактика. Предлагалось в открытый бой с передовыми частями не вступать, пропускать их и совершать налеты на тыловые подразделения. В первую очередь уничтожать командный и политический состав. Широко привлекать для этого красивых женщин. Они должны завлекать «красных офицеров» и истреблять. Указывалось, что фронтовые войска легко отличить от партизан по погонам. Был и такой пункт, который требовал еще до подхода Красной Армии создавать террористическое подполье. Видимо, руководство украинских буржуазных националистов не очень надеялось на победу фашизма и заранее готовилось к подрывной деятельности в советском тылу.

— С передовыми частями Красной Армии в бой не вступать, — рассуждал вслух Вершигора.

— От партизан отличать по погонам, — подсказал нач-штаба.

— Воспользуемся и этим документом. Вызывай нашего интенданта, — приказал командир.

Я ушел передать приказание. Через несколько минут помпохоз пришел в штаб. Мало кто знал, о чем они говорили. Только вскоре здание школы было оцеплено часовыми. Туда привезли пять швейных машин, доставшихся нам в числе трофеев.

Ни с того ни с сего в ротах проводились строевые смотры. Помпохоз Федчук лично проверял внешний вид партизан. Он был придирчив, давал нагоняй неряхам и строго-настрого приказал, чтобы к вечеру каждый имел иголку с ниткой и две пуговицы в запасе.

— Солдату положено иметь иголку, — то и дело басил помпохоз.

Партизаны удивленно переглядывались, пожимали плечами.

— Как перед смертью. Еще бы приказали чистое белье надеть…

— Этот Федчук оказался придирой хуже Павловского, а еще прикидывается тихоней, — бурчали после смотра ребята, но

приказание постарались выполнить: побрились, постриглись, привели одежду в порядок, раздобыли иголки и пуговицы.

Как только покинули Кукурики, вперед умчался эскадрон Ленкина. За ним Федчук с нагруженными санями. Обгоняя колонну, проскакал Вершигора со штабом.

— Не пойму, что это наше начальство стало таким беспокойным, — удивлялся разведчик Журов. — Не иначе как снова бой.

Скоро все прояснилось. Начальство встретило нас в лесу. Здесь же стояли хозяйственные повозки Федчука.

— Командир разведроты, сколько у вас офицеров, сержантов и солдат в отдельности? — спросил Федчук.

Я ответил.

— Получайте погоны и чтобы на первом же привале все пришили, — сказал помпохоз, вручая мне три свертка с погонами.

Так вот в чем дело! Значит, в школе весь день на машинках строчили погоны. Как выяснилось, для этого пошли в ход почти все грузовые десантные мешки защитного цвета, а для кантов использовали кумачовый плакат, который чудом сохранился в обозе третьего батальона.

Командование прибегло к хитрости. Из партизан в одну ночь мы превращались в армейскую часть. Бойцы поняли намерения командира и старательно прикрепляли самодельные погоны на шинели, кителя и на штатское пальто. Прикрепил и я погоны с двумя просветами и майорской звездочкой величиной на четверть погона. Звание майора мне присвоили еще в октябре 1942 года, но в отряде меня все называли по-прежнему «капитаном».

Скоро мы полностью оценили замысел командира. Не только местные жители и националисты, но и гитлеровцы принимали нас за передовую часть Красной Армии. При встрече с нами в рядах врагов возникала паника, а местные жители *с* радостью встречали первых вестников освобождения, помогали во всем. Именно с их помощью нашим разведчикам удавалось добывать нужные сведения о противнике. И только через полмесяца, в Польше, гитлеровцы поняли, что имеют дело не с регулярными частями. Им хорошо были известны методы боевых действий ковпаковцев…

В первую же ночь мы обновили погоны. Соединению предстояло форсировать железную дорогу Ковель—Хелм. Кавэскадрон и разведрота без особого труда захватили переезд у села Подгородно на перегоне Рудня—Любомль. Третий батальон выставил заслоны в обе стороны от переезда и перекрыл железную дорогу. Колонна начала пересекать «железку». Несколько минут спустя слева со стороны Ковеля подошел

воинский эшелон. Подорвав паровоз, партизаны ввязались в бой с гитлеровцами.

Вскоре и справа со стороны Любомля появился эшелон с войсками. Там тоже начался бой. Переезд, по которому проходила колонна, оказался под перекрестным огнем гитлеровцев, стрелявших с обоих эшелонов.

— Рысью!

— Не задерживаться! — торопили ездовых Вершигора и Войцехович, оставаясь на переезде и пренебрегая опасностью.

Вдруг на самом переезде упала лошадь, затем другая. Сани загородили проезд. Получился затор. Кто-то вскрикнул, видимо, раненый. Прискакал Бакрадзе и начал наводить порядок.

— Быстро, быстро… Подводу в сторону, — выкрикивал он.

Партизаны отстегнули убитых лошадей, стащили их с насыпи, затем впряглись в груженые санки и потащили через переезд. Движение возобновилось.

Бакрадзе стегнул плеткой коня, намереваясь догнать роту. Но конь вздрогнул всем телом, жалобно заржал и начал валиться на бок. Давид еле успел выскочить из седла, как его любимый Бельчук рухнул на землю…

Бой заслонов был в разгаре. Вершигора заметил, что рота справа попала под сильный пулеметный и автоматный огонь, залегла и вступила в перестрелку с гитлеровцами. В это время к переезду подошел пятый батальон.

— Вася, бросай на помощь заслонам роты пятого, — крикнул Вершигора.

Войцехович встретил капитана Шумейко, вступившего в командование батальоном после ранения Платона Воронько, и приказал вести подразделения в бой.

— Пятый батальон, к бою! — подал команду Шумейко.

Бойцы, казалось, не слышали команды: прижались в санях и подвода за подводой пролетали мимо комбата.

— Командиры рот, прошу, наведите порядок в своих подразделениях! — надрывался Шумейко.

Видя, что и ротные не в силах навести порядок, комбат схватил под уздцы лошадей первой попавшейся упряжки и остановил их. Движение вновь застопорилось. Из саней, как куропатки, посыпались бойцы. Шумейко выхватил из кобуры пистолет, выстрелил вверх, выкрикнул «За мной!» и бросился в сторону боя. Несколько десятков бойцов последовали за комбатом. Но тут кто-то истерически закричал: «Бронепоезд!» Это подхлестнуло растерявшихся бойцов. Они сбились в кучу, табуном перемахнули через железнодорожную насыпь и, под сильным пулеметным и автоматным огнем противника,

пустились вдогонку за колонной. Шумейко и командир роты лейтенант Попов, беспомощные, остались в окружении горстки бойцов.

При виде этой картины Вершигора чертыхался, грозился, но поздно — пятого батальона и след простыл.

— Бежали… Как зайцы бежали, — возмущался Вершигора.

— Петр Петрович, введем в бой роты Кульбаки, — спокойно предложил Войцехович.

— А где твой Кульбака? — не в силах сдержать ярость, выкрикнул командир соединения.

— Кому нужен Кульбака? Вот он я! — послышалось совсем рядом. Из только что подъехавших саней проворно соскочил командир второго, батальона, за могучее сложение прозванный Витязем.

— Петр Леонтьевич, немедленно роту в помощь заслону, — приказал обрадовавшийся Вершигора.

Не прошло и минуты, а рота второго батальона развернулась в цепь и бегом спешила к эшелону, где кипел бой.

К переезду прибежал связной и выпалил:

— Товарищ командир, в классном вагоне мычат…

— Кто, немцы мычат? — переспросил Кульбака.

— Коровы… Сам слышал.

— Что ты мелешь? В пассажирском вагоне — коровы?

— Так точно!

— Как они туда попали?

— А я почем знаю, — развел руками связной.

— Идем! — сказал Кульбака и направился к маячившим вдали вагонам.

Связной не ошибся: пассажирский вагон был забит скотом.

— Чудеса! За всю войну впервые встречаю таких пассажиров, — смеялся Кульбака. — Этих «пленных» захватить живыми.

Комбат приказал по вагону со скотом не стрелять. И лишь когда покончили с гитлеровцами, партизаны открыли вагон, с досок смастерили сходни, выпустили коров и присоединили их к колонне.

В результате крушения эшелонов и боя было уничтожено два паровоза, 16 пассажирских вагонов, свыше двух десятков платформ и товарных вагонов с грузами. Погибло около пятисот фашистских солдат и офицеров.

Не обошлось и без неприятностей. «Железка» давно осталась позади. Движение приобретало свой обычный ритм. Пешая и конная разведки двигались впереди и изучали обстановку. Головная походная застава обеспечивала безостановочное

движение главных сил. Некоторые ездовые начали дремать. И вдруг, точно в судорогах, затрясло колонну.

— Что случилось? — спросил я Тютерева, выехавшего вперед.

— Борода и Вася Войцехович пропали, — ответил встревоженный Саша.

— Как пропали? — одновременно удивился и испугался я.

— А так и пропали. В колонне их нет.

В первую минуту я не нашелся, что сказать. Наконец выдавил:

— Неужели погибли?

— Не должны. От переезда они раньше меня уехали, — ответил Тютерев. — Поисками занимается Ленкин. Разослал всех своих конников…

Только на рассвете Ленкину удалось разыскать командира и начальника штаба и вывести на маршрут. Выяснилось, что, догоняя штаб, ездовой Коженко проморгал дорогу в лесу, по которой свернула колонна, и поехал в деревню Машов. Там они чуть не попали в лапы бандеровцев. Вызволил один из местных жителей, которого Войцехович взял проводником. Крестьянин посмотрел удивленными глазами на погоны и красные звездочки на ушанках, подмигнул, мол, знаю, кто вы, и зашептал: «Куда вы попали! Здесь бандеры. Держи леворуч».

Проводник на ходу вскочил в санки Вершигоры и повел в обход деревни. У самой околицы путь им преградили два вооруженных винтовками бандита. Петр Петрович, не желая поднимать шума, погрозил им кулаком, выругался по-украински и крикнул: «Геть с дороги!» Ошеломленные часовые расступились. Коженко хлестнул вожжами лошадей, санки вихрем промчались мимо и нырнули в лес. Лишь после этого позади разгорелась беспорядочная стрельба.

Дядько глухими лесными тропами вывел на дорогу в Мосир. Там их и встретил Саша Ленкин.

Этот случай заставил нас серьезно подумать об охране командира и начштаба. Теперь уж комендант штаба лейтенант Дудник не спускал глаз с Вершигоры и Войцеховича.

Семен Семенович

Почти год минуло с того дня, как наши радисты впервые приняли с Большой земли радостную весть о великой победе Красной Армии под Сталинградом, а мы до сих пор продолжали жить событиями того времени. О чем бы ни начинали говорить, неизменно возвращались к Сталинграду.

Подробности о боях до нас доходили урывками, поэтому мы с нетерпением ждали газет, радовались каждому новому человеку, прилетавшему с Большой земли, и хотя некоторые из них не участвовали в боях на Волге, партизаны не оставляли их в покое до тех пор, пока не выведывали всего, что они знали или слышали от другие о сталинградской битве. И с каждым разом, слушая рассказы о смертельной схватке у стен Сталинграда, мы все отчетливее представляли грандиозность одержанной нашими войсками победы. Восхищались мужеством и стойкостью советских воинов. Сталинград для нас, партизан, стал тем пробным камнем, на котором оттачивалось мужество, мастерство, верность народу. Не удивительно, что на каждого участника сталинградской битвы мы смотрели как на героя. И когда нам приходилось особенно тяжело, мы спрашивали себя: «А разве сталинградцам было легче?» Это помогало преодолевать трудности.

Понятным было стремление партизан больше узнать о подвиге советских воинов, надломивших становой хребет гитлеровской военной машине, рвавшейся к Волге.

Большой радостью для ковпаковцев явилось прибытие в соединение взвода фронтовиков-сталинградцев. Новичков включили в состав разведывательной роты, а их командира— старшего лейтенанта Семченка Семена Семеновича назначили моим помощником.

— Повезло нам с тобой, — торжествовал политрук разведроты капитан Клейн Роберт Александрович. — Понимаешь, сталинградцы! Они-то порасскажут нам, как лупцевали гитлеровцев…

Вопреки нашим желаниям обстановка сложилась так, что предсказания Клейна сбылись не сразу.

Уже скоро месяц, как старший лейтенант Семченок у меня помощником, а поговорить по. душам нам так и не удавалось. Мы даже редко виделись: то один в разведке, то другой, а то и. оба на задании, только в разных местах. В том, что он не из трусливых и дело свое знает, я не раз имел возможность убедиться. Но мне хотелось узнать его ближе. Однако Семен Семенович оказался

человеком, которого не так-то просто вызвать на откровенность.

Природа постаралась, чтобы наградить Семченка качествами, которых хватило бы на двоих. Высокий, плечист и сложен на славу. Из-под хорошо подогнанной гимнастерки выпирали его могучие мышцы. У него крупное смуглое лицо, широкие сросшиеся черные брови, из-под которых смотрели карие удивительно спокойные глаза. Да и все в нем спокойное, неторопливое. В обращении сдержан, даже суховат. Не разговорчив он был. Это еще больше разжигало мое любопытство. Но я не знал, какой придумать предлог, чтобы расшевелить его, заставить заговорить.

Не знаю, сколько бы так продолжалось, если бы не помог случай.

Как-то к нам зашел командир артиллерийской разведки Леонид Прутковский. Заговорили о Карпатском рейде, стали припоминать погибших там товарищей.

— Да, не вернулся из Карпат и мой земляк, сибиряк Яша Мирошниченко, хороший был пулеметчик, — с грустью проговорил Прутковский, потом вдруг спросил: —А знаете, наше извещение о гибели Яшки для его семьи — третье за войну?

— Как это, третье? — не понял Клейн.

— Яков начал воевать в первый же день нападения гитлеровцев, западнее Львова. Получилось так, что их подразделение было отрезано от части, окружено. Бойцы продолжали драться и после того, как стало известно об отходе полка. Всех их, естественно, посчитали погибшими. Сообщили об этом на родину каждого. Однако нескольким человекам удалось уцелеть, в том числе и Мирошниченко. Пошли вслед за немцами. Сплошного фронта тогда еще не было. Вышли к своим, пристали к первой попавшейся части и продолжали воевать. А через некоторое время часть вступила в неравный бой западнее Киева. В этом бою немецкий танк наехал на окоп, в котором сидел Яков, и завалил его. Наши не устояли, отошли. Вслед за ними поспешили на восток и немцы. На Мирошниченко пошла домой вторая похоронка.

— Как же он выбрался из могилы? — спросил Роберт.

— К счастью для Якова, в соседних окопах незамеченные немцами остались три раненых красноармейца. Они видели, что Яшку завалило землей. Решили откопать. Мирошниченко оказался жив. Оттащили его в рощу, привели в чувство и вместе побрели на восток. Дошли до Спадщанского леса на Сумщине и там встретились с партизанами…

— Ну и ну, такого и нарочно не придумаешь — удивился Клейн. — Как в сказке…

— А чему тут удивляться? На войне всякое бывает, — подал голос Семченок. — Случается, и живых закапывают…

— Это уж ты брось, — засмеялся Роберт.

— Не веришь? Самого чуть не закопали…

— Тебя?! Не может быть! — вырвалось у меня. — Расскажи…

Мою просьбу поддержали политрук и Леня Прутковский. И Семченок уступил.

— Приключилось это в Сталинграде, незадолго перед контрнаступлением наших войск. Тогда я был еще минером, — начал спокойным голосом Семченок.

— Ты, минером? — переспросил Клейн.

— А что, не похож? — улыбнулся старший лейтенант.

— Почему же? Каждый разведчик должен, быть минером, — вставил я.

— Если хотите знать, я не просто минер, а командир саперной роты. Да и большинство ребят во взводе — минеры, переквалифицировавшиеся в разведчиков, — продолжал Семен Семенович. — Работы нам в Сталинграде было по горло. Приходилось выполнять не только свои прямые обязанности, но и как пехотинцам обороняться, стоять насмерть…

Сначала Семченок говорил неторопливо, как бы нехотя, потом воспоминания подхлестнули его, и он заговорил живее. Рассказывал о саперах, отзывался о них с теплотой. К людям этой мужественной военной профессии он относился с особой симпатией. И не только потому, что сам был сапером. Всем известно, насколько тяжелая и опасная их служба. Справедливо говорят: сапер ошибается раз в жизни…

Старший лейтенант подумал, видимо припоминая подробности тех событий, и продолжал:

— К тому времени, о котором я говорю, все попытки немцев полностью овладеть Сталинградом и выйти к Волге, хотя и с трудом, но отбивались нашими войсками. Бывали случаи, что уступали клочок земли, дом, квартал, но затем ночью отвоевывали. Противник все же не терял надежды прорваться. Только теперь немцы наступали не по всему фронту, а на отдельных направлениях: сегодня в одном месте попробуют, завтра в другом… И везде терпят неудачи. Тогда они изменили тактику. Однажды перед фронтом обороны нашей дивизии создали ударный кулак из пехотных и танковых подразделений и после мощной артиллерийской и авиационной подготовки бросили его в бой на узком участке. По тому, с каким упрямством они лезли, мы поняли: немцы решили во что бы то ни стало прорваться к Волге именно здесь. Надо сказать, это место для прорыва они избрали не случайно. Если бы им удалось выполнить

задуманное, то они убивали бы двух зайцев: держали бы под прицельным огнем реку и выходили во фланги и на тылы наших соседей. На карту ставилась судьба всей обороны. К этому надо прибавить еще и то, что дивизии как таковой не было. Подразделения, обескровленные в неравных боях, действовали на пределе, еле сдерживали атаки противника. Об этом догадывалось и немецкое командование.

Наступил момент, когда и наше командование поняло: без подмоги пехотным подразделениям не устоять… Как-то вызывает меня генерал — командир дивизии — и говорит:

— Понимаю, лейтенант, люди после ночной вылазки устали, по правилам им полагается отдых, но, видно, отдыхать будем после войны. А сейчас пехоте приходится круто, надо помочь. Как ни верти, а кроме вашей роты послать некого…

Об этом комдив, мог и не говорить. Я прекрасно знал— резервов никаких нет. Давно под метелку подчищены тылы, далее писарей посадили в окопы. Да что писаря! Раненые, способные держать оружие, оставались на позициях. Но при всем при этом редко какая рота насчитывала в своем составе более двадцати человек. А участок обороны выделяли как для настоящей роты. Вот и получалось, что самая полнокровная— моя рота, саперная. У нас было двадцать девять человек.

— Помогите братьям-пехотинцам. На вас вся надежда, — не приказывает, а как бы просит генерал. Говорит. — Любой ценой задержите врага.

— Есть задержать врага! — отвечаю, а сам думаю: «Вот это задачка».

— Не пропустите — быть вам героем. Пропустите — не вносить головы… Желаю удачи, — напутствовал меня командир дивизии. Это уже был приказ.

Вышел от генерала и иду будить своих хлопцев, а сам думаю: «Ну, Семен, героем тебе не быть. Это — как пить дать. Мозгуй, как задачу выполнить и голову сберечь».

Поднял роту по тревоге, вывел на позицию и тут понял — помогать-то, оказывается, некому. От пехотной роты остались единицы, да и те все раненые. Просто в голове не укладывается: как это им удавалось до сих пор сдерживать фашистов!

Еле успел расположить людей, даже толком не поставил задачи, а немцы тут как тут… Они, вероятно, прозевали наш приход и рассчитывали на успех. Но неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление. Их продвижение застопорилось. Тогда гитлеровцы на небольшой клочок паханной и перепаханной снарядами и бомбами земли обрушили огонь артиллерии и минометов…

Мне довелось побывать в разных переделках, но в такую артиллерийскую молотилку попал впервые. Длилась она всего десять-двенадцать минут, а показалась до ужаса долгой. Снаряд ложился к снаряду. Посмотришь, живого места не осталось, где бы не пропахали осколки. Сжавшись в комок и стараясь слиться с землей, я всем телом, каждым нервом ощущал неприятные, вызывающие озноб толчки. От страшного непрерывного грохота заложило уши. Во рту — горечь…

Меня беспокоила судьба товарищей. Лежу и думаю: «Ну, все! Отвоевались!»

Канонада оборвалась внезапно. Наступила тишина. По опыту я знал, что последует за этой тишиной. Выглянул из окопа. Первое, что увидел, — это немецкие танки. Они выползали из-за развалин, а за ними перебегали гитлеровцы. Посмотрел я на свою- оборону — сердце оборвалось. Все изменилось до неузнаваемости. Рядом с моим окопом, в том месте, где до обстрела располагался пулеметный расчет, теперь дымилась глубокая воронка. На левом фланге раньше торчала кирпичная стена разрушенного дома, теперь курился столб пыли над грудой кирпичей, заваливших окоп… Впереди моего окопа в нескольких шагах валялся чей-то сапог, из которого торчала белая кость. Мне чуть дурно не сделалось…

Жуткую картину представляла наша позиция. Гляжу и не вижу живой души. От мысли, что все погибли, меня даже в жар бросило, хотя хорошо помню — мороз в тот день был приличный.

— Ребята, кто живой, приготовиться к бою! — прохрипел я чужим голосом без всякой надежды, что меня услышат. Если, конечно, есть кому. И представьте мое состояние, когда я увидел, как справа и слева от моего окопа зашевелились бойцы. Это же чудо! Они отряхивались от земли, проверяли оружие и прилаживались для Стрельбы. У меня даже голос прорезался. Куда и хрипота делась! От радости я что-то выкрикнул, мол, держись братва!!

И тут прорвало. Бойцы, обрадованные, что остались живы, начали громко перекликаться;

— Ну и дает, сволота!

— Думал, крышка…

— Смотрите, как перепахали, гады.

— И откуда он столько снарядов берет?

— Нет, шалишь, мы еще повоюем!..

Прислушиваясь к голосам товарищей, я веселел, обретал прежнюю уверенность. Ребята у меня — один к одному. С ними не страшно… По голосам насчитал двадцать одного. Для Сталинграда — это сила! Мы им еще покажем.

— Танки! — выкрикнул наблюдатель.

— Танки!!

— Танки!!! — как эхо повторилось справа и слева от меня.

В один миг прекратились разговоры и всякое шевеление на позиции. Бойцы притаились на своих местах, следили за надвигавшейся опасностью, понимая, что для кое-кого — это последний бой. Но никто не хотел думать, что именно для него. По себе знаю… Как бы то ни было, а мы готовились к отчаянной драке. У тех, кто был недалеко от меня, я увидел в руках противотанковые гранаты. Они выжидали удобного момента для броска. Приготовил и я свои…

Впереди, покачивая хоботами орудий, ползли три танка. За ними метрах в ста — еще около десятка. А уже за теми— пехота.

По брустверу полоснула пулеметная очередь. Выдохнув облако дыма и подмигнув коротким огненным всплеском, ударила танковая пушка. Снаряд провыл над головой и взорвался где-то за спиной. Бой начался.

— Воздух! — послышался чей-то пронзительный голос.

С запада стремительно приближался косяк штурмовиков. Всего несколько минут назад в воздухе барражировали наши «ястребки». А тут, как назло, ни одного. Этим воспользовались фашистские самолеты: замкнули «кольцо» над обороной роты и устроили «карусель». Как только они не изощрялись! То следует серия бомбовых ударов, то один бомбит, а следующий за ним поливает из пулеметов, не дает поднять головы.

Сковав с воздуха, противник двинул вперед танки и пехоту. Танки на большой скорости подошли вплотную к нашей обороне. Ребята не растерялись, пустили в ход гранаты. Удачно. Одна машина с перебитой гусеницей завертелась волчком и застыла на месте. Бойцы повеселели: «Получил!»

Второй танк все же перевалил через окоп, но сержант бросил ему вдогонку противотанковую гранату. Танк вспыхнул. Этот успех окрылил бойцов. Они вели прицельный автоматный огонь по гитлеровцам, прятавшимся за танками. А тут еще пришла неожиданная помощь. Впереди, между нами и противником, который подходил к переднему краю обороны, выросла завеса от разрывов снарядов. Это наша артиллерия поставила заслон. Загорелись еще два немецких танка. Пехотинцы увидели горящие танки и залегли, а скоро начали отползать в ложбинку. Не решались наступать без танков. Штурмовики тоже улетели, вероятно, израсходовали свои запасы…

Дорого противнику обошлась эта атака. Однако он не успокоился и скоро вновь полез. Потом еще и еще… Мы уже потеряли счет времени. Я следил за ходом боя и к своему ужасу

замечал, что ряды наши редеют с каждой атакой врага. Но те, кто живы, дерутся как следует, по-гвардейски. В своих хлопцах я был уверен, как в себе, знал, поля боя без приказа никто не покинет. Меня только одно тревожило: надолго ли нас хватит?

Отбили очередную, пожалуй, самую яростную за весь день атаку противника. Последнее, что осталось у меня в памяти, — это уползающие за развалины уцелевшие фашистские танки. Радость распирала меня. Я готов был кричать «ура!». Еще бы! Солнце уже висело над горизонтом. Впереди вечер, ночь. Хоть какая ни на есть, а все-таки передышка. Можно навести порядок. Гляди, еще помощь подоспеет. Оказалось, что радость моя была преждевременной. В последний миг рядом с моим окопом раздался страшный треск. Тело мое стало невесомым, и я почувствовал, что проваливаюсь в бездонную черную яму…

Очнулся ночью. Почему-то в тряском кузове грузовика, на ворохе какого-то тряпья. Сказать, что я замерз, значит, ничего не сказать: я окоченел. Хотел крикнуть, на помощь позвать, но не было сил. К тому же все это было настолько необычным и далеким от того, чем я занимался все эти дни, что мне показалось, будто это сон. И я действительно, уснул. Или же вновь впал в забытье…

Что это не сон, я понял только тогда, когда меня разбудили, еле живого вытащили из кузова, повели куда-то и втолкнули в битком набитую, освещенную слабым светом коптилки землянку. Раненые с забинтованными головами, ногами, подвешенными на марлевых повязках руками сидели, опершись спиной о стены, а многие лежали вповалку прямо на полу. В спертом от солдатского пота и махорочного дыма воздухе пахло лекарствами. В землянке было тепло, хотя я не приметил, чтобы там стояла печка.

Сопровождавшие бойцы втиснули меня между двумя дремавшими ранеными и ушли… Долгое время у меня зуб на зуб не попадал, а когда пригрелся, снова уснул…

За ночь отоспался, как следует. Проснулся и почувствовал себя вполне нормально, если не считать шума в голове, ноющей боли в пояснице, да пощипывания на лице: все-таки щеки морозом прихватило. Продрал глаза, сижу, смотрю, как санитары уносят тяжелораненых, и не могу толком понять, где я и как сюда попал. Начал припоминать события вчерашнего дня. Сперва никак не удавалось найти зацепку, в памяти полный провал. И вдруг вспомнился вызов к генералу. И тут наступило просветление. От этой печки я и начал танцевать. Шаг за шагом, событие за событием всплывала в моей памяти и постепенно вырисовывалась картина вчерашнего боя. Но как только воспоминание дошло до момента, когда немецкие танки начали

уползать за развалины, тут моя память и кончалась… Несколько раз я мысленно возвращался в штаб дивизии, вновь и вновь прослеживал события, но всякий раз память обрывалась на одном и том же месте. Танки, да еще полет в черную яму…

Стараясь разобраться во всем, я пришел к страшной мысли, что все мои товарищи погибли и только я один, здоровый, отсиживаюсь в землянке.

За размышлениями не заметил, как настал мой черед идти к врачам. Санитары приготовили носилки, хотели было положить меня, но я отстранил их руки, встал и сам пошел к выходу. Они даже рты раскрыли. Наверное, я единственный был среди раненых, кто мог самостоятельно передвигаться. Иду к выходу и слышу позади чей-то осуждающий голос: «Ну лейтенант и дает!» Первым порывом было вернуться и объяснить им, сказать что-либо в свое оправдание, но я передумал. И хорошо сделал. В чем мне перед ними оправдываться? Да и не поверят…

Привели меня в просторную чистую землянку, освещенную ярким электрическим светом. Человек в белом халате и такой же шапочке окинул меня изучающим взглядом, велел раздеться, а сам обратился к девушке и потребовал:

— Зоя, документы!

— Товарищ лейтенант, как ваша фамилия? — спросила Зоя.

Я ответил.

Она перебрала солдатские книжки и другие документы, стопками лежавшие на столе. Моих документов среди них не оказалось.

— Опять санитары напутали, — рассердился врач. — У вас при себе есть направление или какой-либо документ?

— А как же, — ответил я и полез в боковой карман, где обычно хранил удостоверение личности. Пусто. Вывернул все карманы — тоже ничего не нашел.

— Зоечка, не будем терять времени, документы потом отыщутся. — Врач обратился ко мне — Ну-с, молодой человек, показывайте, что у вас там?

Доктор осмотрел мёня. На теле — ни единой царапины. Приставил трубку к груди, послушал, потом повернул и послушал со спины. Тоже ничего подозрительного не обнаружил.

— Как ноги? — спросил врач.

— Целы, — отвечаю.

— Что же у вас, аппендикс? На что жалуетесь? — допытывался врач.

— Ни на что…

— Так какого же дьявола вы нам головы морочите?! — раскричался врач.. — Почему вы, вполне здоровый человек,

пришли сюда? Думаете, нам делать нечего?

.— Я не пришел, меня привели, — ответил я, а сам подумал: «Ну и попал в переплет!»

— Ничего не понимаю, — развел руками доктор. — Хоть скажите, кто вас привез?

— В грузовике…

— Ну-ка подойдите ко мне еще разок. Покажите язык, больше, больше… Теперь глаза. А как со слухом?

— Теперь вроде нормально, только шум в голове.

— В бою вчера были?

— Был… А чем там кончилось, не знаю.

— Оглушило, значит? Так бы сразу и сказали, не морочили нам головы, — доктор даже повеселел. — Счастливо отделались, молодой человек. Простите, как вас величают?

— Семченок, Семен Семенович.

— Зоенька, запишите: лейтенант Семченок С. С. Контузия. Без особых рецидивов. В госпитализации не нуждается. Покой, батенька, покой. Повезло вам, дорогой, повезло…

Я так и не понял, в чем мне повезло: в том, что контузило или в том, что «без особых рецидивов».

Когда я оделся и готов был выйти, в землянку вошел молоденький, щегольски одетый лейтенант. Видно, только что из училища. Причину его появления здесь понять было нетрудно: как только он вошел, Зоенька вся так и вспыхнула.

Лейтенант как выяснилось, работал в особом отделе. Видно, он тут был частым гостем, потому что врач встретил его приветливо и, как старому приятелю, поспешил рассказать о необычном пациенте. Обозвал головотяпами тех, кто прислал меня без документов.

Слушая рассказ врача, лейтенант бесцеремонно рассматривал меня… Когда же я вышел из землянки, он догнал меня и пригласил зайти к ним в отдел. Ничего не подозревая, я зашел. И тут он учинил мне форменный допрос: как я оказался здесь? Почему без документов?

Я понимал бессмысленность вопросов и в то же время не мог вразумительно на них ответить. Из общей цепи моих объяснений выпадало целое звено — от боя до моего появления здесь. Это и путало все карты, давало повод лейтенанту усомниться в искренности моих объяснений.

— Вы, значит, командир роты? — с улыбочкой недоверчиво спрашивал лейтенант. — Как же получается, товарищ лейтенант, рота воюет, а вы здесь? А может, вы и вовсе не Семченок?

И смех, и грех. И жаль мне этого лейтенанта, и зло разбирает.

К счастью, продолжалось это недолго. Вошел майор, увидел

нас, сидящими друг против друга, спросил:

— Что здесь происходит?

— Выясняю личность, товарищ майор, — доложил лейтенант, вытянувшись перед начальством.

— Ну и как?

— Пока безрезультатно… Концы с концами никак не сходятся.

— Интересно, — проговорил майор, рассматривая меня. — Сейчас проверим…

Он задал мне несколько вопросов. Я ответил. Майор, видно, остался удовлетворенным. Обратился к лейтенанту:

— В чем же дело? Что вам непонятно?

— Так ведь подозрительно, товарищ майор, называет себя командиром роты, а как попал сюда — объяснить не может. К тому же без документов.

— Бдительность ваша похвальна, — заметил майор, — но на будущее запомните: вряд ли враг будет засылать к нам своих агентов без надежных документов… По этому вопросу мы с вами еще успеем поговорить. А сейчас помогите лейтенанту разыскать его документы. — Майор повернулся ко мне. — Кстати, товарищ лейтенант, у вас в дивизии однофамилец есть? Не знаете? Я только что из штаба дивизии. При мне кадровики приносили наградные документы на подпись генералу. Среди них есть и на Семченка… Посмертно.

Меня будто кувалдой по башке. Сразу даже не нашел, что ответить. Фамилия редкая. Другого Семченка я не знал. Скорее всего, это меня похоронили. Тут уж никакой награде не обрадуешься.

— Да, дела! — покачал головой майор. — Не волнуйтесь, я сейчас позвоню, чтобы до вашего возвращения не отсылали наградных документов.

На прощание, пожимая мою руку, майор сказал:

— Вы на лейтенанта не обижайтесь, сами небось не сразу научились воевать. К тому же за последнее время мы немало выловили вражеских агентов.

Я вовсе на него не сердился. Наоборот, рад был, что наконец-то начало проясняться.

Лейтенант чувствовал себя виноватым передо мной, изо всех сил старался помочь мне разыскать документы и тем самым исправить свою ошибку.

Нам повезло. По пути повстречали двух красноармейцев и сержанта. Они поприветствовали нас, но когда мы разминулись, они заспорили. «Ребята, это он». — «Кто?» — «Тот, которого ночью». — «Не может быть!» — «Ей-богу, он. Я его сразу узнал». И

вдруг слышу, окликают:

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант, минуточку.

Мы остановились, подождали их.

— В чем дело? — спросил мой спутник.

— Ну вот, — я же говорил вам, что это они, — сказал сержант, обращаясь к красноармейцам. Лицо его растянулось в улыбке, а глаза так и сияли.

Люди показались мне незнакомыми, и я, не понимая их радости, сказал:

— Вы, наверное, обознались, путаете меня с кем-то…

— Да вы что, товарищ лейтенант, не узнаете нас? — удивился сержант.

— Впервые вижу.

— Неужели вы так-таки ничего и не помните? И того не помните, что мы вас чуть на тот свет не отправили?

— Минуточку, минуточку, сержант, — прервал уполномоченный особого отдела. — Так это вы лейтенанта привезли сюда?

— А то кто же?! Конечно, мы. Все чин-чином. Привезли, сдали в медсанбат. Вот они могут подтвердить, — сержант указал на бойцов.

— Зачем вы меня сюда привезли? — спрашиваю.

— Вот чудак человек, извините, товарищ лейтенант, — спохватился сержант. — Я же говорю — мы вас из могилы вытащили.

— Как так из могилы? — заинтересовался особист.

— Дело было так. Вчера, как только затих бой и фрицы угомонились, — мы туда, — рассказывал сержант. — Санитары раненых унесли, а мы подобрали убитых. Погрузили в машину, привезли на кладбище, как положено, уложили в братскую могилу и начали закапывать. И вдруг, мать честная, один, из покойников зашевелился. Даже оторопь взяла. Сколько похоронили, а такое приключилось впервые. Смотрю и глазам своим не верю: вот они, — сержант указал на меня, — сели и тут из? начало выворачивать наизнанку… Чуть было греха на свою душу не взяли. А что вы думаете? Не угоди ком мерзлой земли в живот и не начни тогда лейтенанта тошнить, запросто могли живого человека похоронить. Страшно подумать… Хлопцы бросились в яму, вытащили. В воскресшем мы сразу же узнали саперного лейтенанта. Уж больно вы, товарищ лейтенант, приметны. Тут же среди барахла отыскали вашу шинель, натянули на вас и в машину… Ну, а тех, ясное дело, закопали…

Я слушал и чувствовал, как по телу мороз пробирается. Оказывается, я с того света. А что? Действительно могли закидать

землей. Повезло, что ночью и заметили. Теперь-то я окончательно поверил, что посмертно к награде представляют никого иного, как меня.

— Вот теперь все ясно, — обрадовался особист. — Спасибо вам, товарищи. Идите, да смотрите мне — живых не хороните!.. Минуточку, еще один вопрос: где документы лейтенанта?

Сержант растерянно посмотрел на красноармейцев и спросил:

— Ребята, а и правда, где документы?

— Известно где, мы их сдали вместе со всеми, что отобрали у мертвых, — ответил пожилой красноармеец.

— На списание, значит, — уточнил лейтенант. — Все равно, спасибо вам, товарищи. Вы нам очень помогли.

Документы разыскали быстро. Но злоключения мои на этом не кончились. Когда я вернулся в роту, то мои подчиненные чуть не разбежались. Они уже по мне поминки справили. А тут я собственной персоной, словно привидение. Они даже рты пораскрыли. Было чему удивляться. Гриша Ненастьин, который сейчас стоит на посту, побелел, даже икать начал. Ведь он помогал похоронщикам грузить меня на машину.

О моем воскрешении генерал узнал от майора-особиста. Примчался к нам в роту, обнял, расцеловал меня.

— Молодцы, — говорит, — саперы, дрались отлично. Всех представляем к награде. Проследите, товарищ лейтенант, чтобы никто не был забыт… и живые и мертвые. А самая большая для. нас всех награда… узнаете скоро сами, — загадочно закончил генерал.

Наградой, о которой говорил комдив, было наступление наших войск, начавшееся через несколько дней.

— Наступили веселые денечки… После Сталинграда пришлось воевать на Дону, под Курском, но все же самыми памятными для меня остались бои за Сталинград… После того злосчастного случая минуло почти год. Однажды меня вызывают к начальству. Прихожу, докладываю: так, мол, и так— по вашему приказанию гвардии старший лейтенант такой-то явился. Спрашивают: «Как смотришь на то, чтобы в глубокий тыл врага?» «Положительно», — отвечаю… Вот я и здесь, — закончил свой рассказ Семченок.

— Долго будешь жить, товарищ лейтенант, — сказал политрук.

— С моей стороны возражений нет, — улыбнулся тот.

Слушая рассказ и глядя на Семена Семеновича Семченка, я думал о том, каких только случаев на войне не бывает! Вот я узнал о судьбе еще одного замечательного человека, с которым

мне предстоит воевать бок о бок. А впереди нас ждали новые, быть может, еще более тяжелые бои в глубоком тылу врага.

Еще до того, как Семченок начал рассказ о том, что приключилось с ним в Сталинграде, через село пролетел немецкий транспортный самолет. Его появление для нас было неожиданным. Партизаны открыли по нему пальбу из пулеметов, но поздно. Самолета и след простыл. Мы подумали — случайный, заблудился. Однако через некоторое время появился второй, за ним — третий.

— Что это они разлетались! — возмутился старшина Зяблицкий.

— А тут их шлях пролегает, — ответила хозяйка, у которой мы остановились. — Они все время летают.

— Старшина, приготовь пулемет, — распорядился Семченок.

Зяблицкий принес ручной пулемет, проверил, зарядил патронами с бронебойно-зажигательными пулями и поставил у стенки возле двери.

Скоро старший лейтенант Семченок начал рассказ. Своими воспоминаниями он настолько увлек нас, что мы забыли и думать о самолетах. Да и самолеты почему-то не летали, видимо, у них в то время был перерыв.

Но, как нарочно, только Семен Семенович закончил рассказ, в окно забарабанил наблюдатель Гриша Ненастьин и крикнул:

— Летит!

Старший лейтенант схватил пулемет и без шапки вылетел из хаты. Мы за ним. На крыльцо выбежали в тот момент, когда тяжелый транспортный самолет подлетел к селу. Шел он низко, чуть левее нашего дома. Не сходя с крыльца, Семен Семенович дал две прицельные очереди подряд. Пули огненными точками прочертили вдоль фюзеляжа. Стрельба поднялась по всему селу.

Самолет «Ю-52», оставляя за собой хвост черного дыма, пошел на снижение.

— Попал!

— Смотрите — падает!

— Горит! — кричали радостно разведчики.

— Коня! — приказал я коноводу.

Меня опередил политрук Клейн. Он схватил автомат, вскочил на неоседланную лошадь и галопом погнал ее за село, на луг, где сел горящий самолёт. Однако и Клейн опоздал. Впереди скакал старшина девятой роты Николай Боголюбов.

Из самолета выскочили четыре человека и побежали к лесу.

— Уходят! — крикнул Боголюбов.

— Будь спокоен, не уйдут! — заверил Зяблицкий.

— Хальт! Хэнде хох! — скомандовал Клейн и на полном скаку пустил автоматную очередь поверх голов летчиков. Немцы остановились и подняли руки.

— Что в самолете? — спросил Роберт.

— Патроны… полторы тонны, — ответил один из летчиков, опасливо поглядывая на горящий самолет и обступивших его партизан.

— Спасайте патроны! — приказал политрук.

Партизаны кинулись было к самолету, но он в этот миг взорвался…

Пленных доставили в штаб. Они на допросе сообщили о местах базирования немецкой авиации и трассах их полетов. Это подтверждалось данными, нанесенными на картах. Самолет «Ю-52» был приписан к аэродрому в Бяла-Подляска и входил в авиагруппу первого военно-воздушного соединения. Штаб в Германии — в городе Целле. В Бяла-Подляска дислоцируется авиагруппа в составе четырех эскадрилий. Аэродром охраняется четырьмя счетверенными установками.

Этим рейсом самолет должен был доставить боеприпасы в Тернополь. Экипаж состоял из опытных вояк, имевших награды за Испанию, за Францию, за Польшу и за Сталинград. Лишь один среди них был молодой парень, который твердил, что он сын социал-демократа и ненавидит фашизм.

— Социал-демократы всегда предавали. Верить ему нельзя, — сказал старший лейтенант из особого отдела.

Пленному поверили, определили его в девятую роту. С ним произошел забавный случай. Как-то в конце одного из переходов мы обнаружили, что подвода, на которой он был ездовым, пропала. Старшина роты Боголюбов ходил как в воду опущенный.

— Пленный — черт с ним, тридцать пудов муки потеряли. Командир за это голову оторвет, — говорил он товарищам, опасливо поглядывая на Бакрадзе.

— Да, за это Давид по головке не погладит, — посмеивались над Боголюбовым ездовые и старшины других рот.

Мы не сомневались, что пленный воспользовался ночным боем на железнодорожном переезде и сбежал. Каково же было наше удивление, когда через несколько часов он въехал в село.

Боголюбов был на седьмом небе. Он дружески похлопывал ладонью по плечу улыбающегося немца и повторял:

— Молодец, гут. Понимаешь?

Немец согласно кивал головой и улыбался. Он рассказал, что, миновав переезд, его санки на повороте опрокинулись. Один он не мог их поднять. Выскочил на дорогу и начал просить, чтобы ему помогли. Но сани за санями пролетали мимо. Одни ездовые

не замечали его, а другие не понимали, чего он хочет, и отмахивались, как от назойливой мухи. Когда же прошла вся колонна, он снял груз и поднял санки. Затем уложил на них мешки с мукой и поехал по проторенному следу. Так и добрался до села, в котором мы остановились на дневку.

Несколько дней все соединение говорило об этом случае.

— Впервые встречаю такого немца, — удивлялся старший лейтенант Семченок.

— А я? — улыбаясь, спрашивал Роберт Клейн.

— Ты не в счет — ты советский немец, — ответил Семен Семенович.

Проба сил

Январь был на исходе, а зима не могла утвердиться в своих правах. Морозы сменялись оттепелями. Выпадал мокрый снег и тут же таял. Хмурое свинцовое небо нависало над лесом и селом Мосир, в котором мы задерживались четвертые сутки.

Вершигора ходил в раздумье, все чаще и чаще запускал пятерню в свою пышную бороду.

— Командир что-то замышляет, — шептались связные, наблюдая на Вершигорой. Они приметили: если Петр Петрович гладит бороду, значит, все в порядке. Когда же он начинает теребить ее — жди боя. Обычно командиры подразделений спрашивали своих связных при штабе:

— Ну как там Борода?

— Поглаживает, — отвечали связные.

На этот раз командир теребил бороду.

Для этого были причины. Минуло полмесяца, как соединение выступило в рейд. Срок достаточный для того, чтобы оглянуться на пройденный путь, сделать первые выводы, задуматься над тем, все ли идет так, как надо. А задуматься было над чем. Проведенные бои, видимо, не вполне удовлетворяли командира и давали богатую пищу для размышлений.

Часто можно было видеть Петра Петровича за чтением книги небольшого формата. Читал он с особым вниманием.

Прочтет немного, потом, вставив палец между страниц, закроет книгу и шепчет, повторяя прочитанное, будто заучивает стихи. Однажды я поинтересовался — что это за книга, которая так захватила командира.

— Очень полезная… Жаль, что ее не было в сорок первом, — сказал Вершигора и протянул мне книгу.

Это был «Боевой устав пехоты» (БУП-42). Оказывается, Петр Петрович раздобыл Устав в Киеве и всерьез занялся его изучением. И, как видно, успел кое-что почерпнуть из него.

— С первых боев меня не переставал беспокоить вопрос: почему мы несем большие потери, особенно в командном составе, — оживился Вершигора. — Устав дает на этот и другие вопросы исчерпывающие ответы. Вот свежий пример: почему потерпел неудачу батальон в бою за Столин?

— Не подготовлен для такого боя. Так я думаю.

— Это одна сторона. Вторая, на мой взгляд, более важная: неправильные действия командиров. Кому нужно необдуманное лихачество? Бросились вперед и в первые же минуты выбыли из строя. Не нашлось человека, который бы взял на себя инициативу.

Батальон, по сути, остался без управления. Вот тут-то и дало себя знать отсутствие боевого опыта у бойцов… Помнишь сорок первый год? «Командиры убиты! Мы погибли!» Мне не раз приходилось это слышать. Растерянность, переходящая иногда в панику. То же получилось и под Столином.

С доводами командира нельзя было не согласиться.

Петр Петрович продолжал:

— Устав четко определяет место командира в бою. Отделенный должен находиться непосредственно в цепи. Командиры взводов, рот и батальонов — за боевыми порядками своих подразделений, в местах с которых они могли бы наблюдать за полем боя не только своих подчиненных, но и соседей.

— Выходит, вся роль командира сводится к наблюдению?

— Почему же? В этом случае он получает возможность своевременно и на нужных направлениях вводить в бой свой резерв и правильно маневрировать огневыми средствами, управлять подразделением.

После небольшой паузы Вершигора сказал:

— Конечно, проще всего: «За мной, в атаку! Ура!» Но времена кавалерийских наскоков безвозвратно ушли в прошлое. К этому командир должен прибегать в исключительных случаях боевой обстановки, когда нет иного выхода. Более того, если такой момент назрел, он не только может, но обязан выдвинуться вперед и лично вести в бой подчиненных.

— Это давно известно. Еще Чапаев говорил: «Впереди, на лихом коне…» А как определить этот исключительный случай? — спросил я, привыкший всегда быть в одной цепи с разведчиками.

— В этом и заключается искусство командира… Надо чаще заглядывать в эту книгу, — закончил наставительно Вершигора, постучав пальцем по обложке Устава.

Как результат раздумий Вершигоры, появился приказ, тщательно разработанный им совместно с Войцеховичем. Приказ полностью был посвящен организации и ведению боя. Говорилось, что бой — самое большое испытание для воина. Бой требует громадного напряжения воли, отличной выучки и железной воинской дисциплины. Боец должен неуклонно стремиться к встрече с. противником, к уничтожению его или захвату в плен. В бою помогать товарищу, охранять и защищать командира, памятуя, что сохранение командира является залогом успеха в бою.

В приказе приводились уставные положения, четко определялись задачи командиров по организации боя, их роль и место в бою. Представлялись широкие возможности для

проявления разумной инициативы. Вместе с тем подчеркивалась их ответственность за жизнь подчиненных. Вменялось в обязанность командиров всех степеней изучить БУП-42 и в бою действовать согласно Уставу, сообразуясь с конкретной обстановкой.

Настоящим приказом закреплялись армейские взаимоотношения между рядовыми партизанами, сержантами и офицерами. Наряду с введением погон, это был еще один шаг по пути превращения партизанского соединения в соединение армейского типа. Приказ имел большое значение. Он сыграл важную роль в укреплении воинской дисциплины, повышении боеспособности и дальнейшей судьбе нашего соединения.

Оценивая проведенные бои, Вершигора и Войцехович единодушно пришли к выводу, что соединение в целом не утратило боевого ковпаковского духа и от боя к бою наращивает силы. Выявились и недостатки. Главный из них — слабая дисциплина и низкая боеспособность пятого батальона. Это отрицательно сказывалось на возможностях всего соединения.

Вывод напрашивался сам собой: чтобы выправить положение, нужны решительные меры. И меры были приняты. Пятый батальон был расформирован. Личный состав, вооружение и транспорт передали в другие подразделения. Командный состав также был переведен на новые должности. Капитана Шумейко назначили комиссаром четвертого батальона. Цымбала — комиссаром третьего батальона. Лейтенанта Тюпова — помощником командира артиллерийской батареи…

Как-то я встретил помощника начальника штаба Ефремова, которому было поручено провести расформирование пятого батальона. Степан Ефимович сказал:

— Итак, пятый батальон, не успев родиться, прекратил свое бесславное существование.

Партизаны одобряли решительные действия Вершигоры. Даже те, кто с недоверием относились к назначению нового командира, вынуждены были изменить свое первоначальное мнение.

— А Борода того… шутить не любит, — поговаривали партизаны.

Во всех подразделениях были проведены собрания, на которых командиры и политруки разъяснили бойцам требования последних двух приказов…

Вершигора пристально следил за действиями командиров подразделений, убеждался, что проведенные бои пошли им на пользу. Вместе с тем понимал, еще не все они чувствуют себя уверенно в новых должностях. Сказывалось отсутствие опыта в

командовании. Надо было вселить в них эту уверенность. Без этого нельзя думать о серьезных боях. Но как это сделать? Приказом этого не добьешься. Приказ может приучить подчиненного к исполнению, порой бездумному. И опека над тем или иным командиром тоже не поможет. Наоборот, она подавит волю у подчиненного, заставит его действовать с оглядкой на начальство, ждать указаний. Нерешительность в бою, как правило, приводит к излишним потерям, а иногда и к невыполнению задачи. Надо было сделать так, чтобы командиры подразделений поверили в свои силы и способности.

Размышляя, Вершигора пришел к выводу, что этого можно добиться в серии боев с относительно слабым противником. Скоро такой случай подвернулся. Разведчики доложили об оживленном движении на железных и шоссейных дорогах. Чувствуя себя неуверенно на фронте, гитлеровцы спешили вывезти в Германию награбленное имущество. Надо было сорвать планы врага.

Перед вечером в штаб начали собираться командиры и политруки подразделений. Пришел высокий, строгий, как всегда подтянутый капитан Токарь — командир четвертого батальона — вместе со своим новым комиссаром капитаном Шумейко. Вслед за ними гурьбой ввалились командиры рот Александр Тютерев, весельчак Гриша Дорофеев, молодой, энергичный Виктор Ларионов… Степенно вошел Саша Ленкин.

За ним — комбат два и комбат три. Командир третьего батальона Петя Брайко рядом с Петром Леонтьевичем Кульбакой выглядел юношей. И не только по возрасту, но и по росту, осанке.

Кульбака — ветеран соединения. Бывший работник райпотребсоюза, он организовал Глуховский партизанский отряд, присоединился к Ковпаку и Рудневу, участвовал во всех рейдах и многих боях. Подчиненные любили его. Особенно авторитет Кульбаки поднялся после того, как он на предложение уехать на Большую землю ответил: «Я со своими хлопцами начал воевать и не расстанусь с ними до полной победы!»

Наклоняясь, в дверь протиснулся Давид Бакрадзе. Он окинул орлиным взглядом присутствующих, отдал рапорт Верши-горе о прибытии и направился к Кульбаке. При первой же возможности — они вместе. Два богатыря — под стать друг другу. Кульбака чисто выбрит. У Бакрадзе небольшие черные, с рыжеватым оттенком усики.

— Поздравляю тебя, Давид, с пополнением, — заговорил Кульбака высоким тенором, никак не подходившим к его фигуре.

— С каким пополнением? — удивился Бакрадзе.

— Как каким? Земляки твои прибыли. Группа Арутюнова…

— Прибыли? Как бы не так! — с вызовом сказал Брайко. — Их в бою захватил Саша Берсенев…

За столом поднялся Вершигора. Разговор сразу же оборвался. Стало тихо.

— Все собрались? — спросил командир соединения, обвел взглядом присутствующих и продолжал: —Займемся делом. Мы вас пригласили, чтобы подвести некоторые итоги и наметить задачи на ближайшее время. Соединение рейдом прошло свыше трехсот километров, разгромило несколько гитлеровских гарнизонов, группу бандеровцев, уничтожило четыре воинских эшелона… От линии фронта по прямой мы ушли больше чем на сто километров. Радио приносит нам приятные вести: наступление Украинских фронтов развивается успешно. Немцы спешно подбрасывают подкрепления, чтобы заткнуть дырки на фронте. В то же время понимают, что их дела швах, торопятся вывезти как можно больше награбленного имущества. Наша задача — помешать этому. Нам надо углубляться в тыл врага. Но мы здесь посоветовались и решили: прежде, чем идти на большие дела, организовать ряд засад на путях снабжения гитлеровцев… Боевой приказ готов. Каждый свою задачу получит у начальника штаба…

Начальник штаба Войцехович — высокий, с крупными чертами лица и темными вьющимися волосами — был уважаемым человеком в соединении. Еще Ковпак и Руднев обратили внимание на молодого артиллерийского офицера, назначили его помощником начальника штаба. И не ошиблись. Василий Александрович оказался на редкость способным штабником. На его плечи легла главная тяжесть по планированию переходов, боев и диверсий. Работал он не спеша, вдумчиво, за что и получил прозвище «партизанского Кутузова».

Отношения между командиром и начальником штаба были самые дружественные. Петр Петрович называл Войцеховича просто Васей, но это не мешало делу. Вершигора ценил своего начальника штаба, советовался с ним по всем вопросам. Работали они дружно. Возможно, даже наверняка, были случаи, когда по тому или иному вопросу их мнения расходились, возникали споры. Без этого не обойдешься. Важно, что споры были деловыми, не перерастали в конфликт и что после принятия решения оба они — и командир и начальник штаба — со всей настойчивостью добивались его выполнения. Вот и теперь Войцехович указал ротам и батальонам районы действий, уточнил задачи, порядок и сроки проведения операций.

Вечером подразделения выступили на задания.

Посылая на самостоятельные задания, Вершигора

предоставлял командирам рот полную свободу действий, чтобы каждый из них имел возможность проявить свою инициативу, этим самым давал понять, что он верит в их командирские способности.

Первое испытание выпало на долю пятой и девятой рот.

Пятая рота вышла из Мосира, совершила ночной переход, незаметно обошла Владимир-Волынский и заминировала железную дорогу. Через некоторое время на мине подорвался вражеский эшелон, груженный снарядами.

Командир роты лейтенант Ларионов не ограничился этим. Получив донесение от разведчиков о передвижениях гитлеровцев по шоссе Грубешов—Владимир-Волынский, он вывел роту к дороге и организовал засаду. Еле успели замаскироваться, как со стороны Грубешова появилась колонна вражеских автомашин. Партизаны подпустили гитлеровцев и открыли огонь. В коротком бою уничтожили двадцать фашистов и сожгли десять автомашин.

Рота Бакрадзе вышла к железной дороге Ковель—Владимир-Волынский. Партизаны установили мины расположились в засаде и стали ждать появления эшелонов. Прождали ночь. Напрасно. Противник опасался нападения партизан и избегал ночных перевозок. Но на этот раз и днем эшелоны не шли. От местных жителей Бакрадзе узнал, что поезда про ходят очень редко, да и то буквально ползут.

Утром сильно похолодало. Бойцы замерзли. К тому же разбирало зло из-за напрасного ожидания. Командир роты приказал старшине Боголюбову, чтобы тот выдал бойцам по сто граммов спирту и по куску вареной свинины. Ребята сразу повеселели.

Время шло, а эшелоны не появлялись. Не в характере Бакрадзе возвращаться с задания ни с чем. Он решил попытать счастья на шоссейной дороге, проходившей вблизи. Оставив часть бойцов у железной дороги сторожить эшелон, отвел роту к «шоссейке». Наиболее подходящим местом для засады был разрушенный мостик через реку Турью у села Блаженники. Здесь в прилегающих кустарниках и расположил он партизан.

Внимание заместителя командира роты Ивана Сердюка привлекла копна сена на холмике недалеко от дороги.

— Федя, полезай на копну, оттуда обстрел получше, — сказал он пулеметчику Грамотину.

Грамотин с помощью Сердюка забрался на копну, разгреб сено и удобно там устроился.

— Ну как? — спросил Сердюк.

— Лучше быть не может, как в гнезде: сухо, тепло и далеко видно, — весело отозвался пулеметчик.

— Смотри, не усни.

— Вообще-то поспать не мешало бы, — сказал Грамотин, но тут же спохватился и добавил. — Будьте спокойны, товарищ командир, не усну.

— Без надобности стрельбы не открывай. Подпускай ближе.

— Есть! — коротко ответил Грамотин.

Недалеко от копны, поближе к дороге, Сердюк оставил бронебойщика и возвратился на наблюдательный пункт, где застал командира роты Бакрадзе и политрука Тоута.

— Все в порядке, — доложил Сердюк.

— Как ты думаешь: придут немцы? — спросил Бакрадзе.

— Почему бы им не прийти? — удивился Сердюк. — Дорога накатана.

— Наберемся терпения, подождем, — сказал Иосиф Тоут.

У шоссе тоже немало пришлось померзнуть, зато надежды, оправдались, терпение партизан было вознаграждено. Наблюдатели доложили о движении автоколонны со стороны Ковеля.

— Быть наготове! Без команды не стрелять, — приказал Бакрадзе.

Автомашины подошли к реке. Остановились перед разрушенным мостом. Из передней машины вылезли два гитлеровца. Они осмотрели мост и пошли по проторенному следу в обход. Взошли на лед. Убедились — прочный. Здесь были видны следы прошедших автомашин. Немцы возвратились, сели в машину и поехали по льду.

Противник не подозревал, что вблизи моста притаились партизаны. Первыми переправились легковые машины. За ними последовали грузовики. Те, которые переправились, отъехали от реки, свернули на шоссе и остановились. Ждали, пока переправятся остальные. На лед спустился тяжелый грузовик. Только он добрался до середины реки — лед треснул, и машина осела. Речушка оказалась мелкой. Машина надрывно урчала, колеса буксовали. Из-под них летела жидкая грязь. Гитлеровцы повыскакивали из машин и кинулись к реке. Человек двадцать облепили застрявший грузовик и под команду начали раскачивать его.

— Удобный момент накрыть, — предложил Сердюк.

— Подождем, пусть все переправятся, — не согласился Давид.

Минут через двадцать гитлеровцам удалось вытащить увязший грузовик. С полчаса потребовалось им, чтобы переправить еще два. На противоположном берегу оставались три автомашины. Немцы решили облегчить переправу. Шесть человек направились к копне. Партизаны, затаив дыхание, следили за

противником. Но начать стрельбу без команды не решались. Бакрадзе же команды не давал, выжидал.

Гитлеровцы начали выдергивать из копны слежавшееся сено. Оно плохо поддавалось. Вдруг один из них вскарабкался на копну, но получил сильный удар стволом пулемета в грудь и свалился вниз. В тот же момент сверху раздался грозный голос Грамотина:

— Хэнде хох!

Немцы на какое-то мгновение остолбенели, а затем что было сил кинулись к машине. Вслед им Грамотин полоснул из пулемета. Два фашиста свалились, а остальные еще пуще побежали.

Наблюдая эту картину, Бакрадзе понял: дольше ждать нет смысла. Он выпустил красную ракету.

Партизанские пулеметы и автоматы дружно ударили с трех сторон, почти в упор по противнику. Пошли в ход гранаты. Это произошло настолько неожиданно, что гитлеровцы и не помышляли о сопротивлении. Они бросили машины и устремились к речушке, пытаясь спастись бегством. Напрасные попытки. Их и там встретили партизаны. Гитлеровцы, как затравленные звери, метались в западне.

Бойцы девятой роты выскочили из укрытий и начали погоню. Грамотин, стоя на копне, стрелял из пулемета по убегавшим врагам. От основной группы противника откололся офицер с пистолетом в руке и побежал в сторону села. Его преследовал партизан с противотанковым ружьем, то и дело выкрикивая: «Хальт, хальт!» Но офицер настолько стремительно бежал, что бронебойщик отстал. Видя, что фашист уходит, партизан залег, прицелился и всадил крупнокалиберную бронебойную пулю в спину офицеру…

Бой был коротким. Большую часть фашистов перебили, а двенадцать захватили в плен. Автомашины сожгли.

Успешно выдержал экзамен на командирскую зрелость и командир четвертой роты Александр Филиппович Тютерев. Саша — старый мой знакомый. Мы с ним воевали в одной дивизии под командованием генерала Бирюзова. Тютерев был разведчиком. При выходе из окружения он — тяжело раненный — был оставлен в крестьянской семье. После выздоровления пришел к ковпаковцам. Начал воевать рядовым и вырос до командира роты. При выходе из Карпат рота Тютерева являлась самой боевой в группе Ковпака. И в новом рейде четвертая рота была на хорошем счету…

Умело организованной засадой на шоссе Луцк—Владимир-Волынский рота нанесла большие потери противнику и захватила

восемь трех- и восьмитонных автомашин с грузом. Партизанам досталось восемь тысяч шинелей, большое количество маскировочных курток, три тонны ваксы и даже несколько тысяч коробочек с духами и одеколоном. Когда рота вернулась с задания, то от нее на километр разносился запах духов, за что роту прозвали «пахучей». Весь этот груз предназначался для четвертой немецкой танковой армии, но так и не дошел до адресата.

Четвертый батальон, под командованием капитана Токаря, совершал самостоятельный рейд. При выходе в свой район действий южнее Владимир-Волынского на марше столкнулся с бандеровской бандой. Во встречном бою банда была разгромлена. Получив от разведки сведения о концентрации бандеровцами крупных сил в Порицке, Токарь штурмом овладел местечком. Националистическая банда понесла большие потери и распалась.

Командование соединения было довольно проведенными боевыми операциями. Все командиры подразделений успешно выдержали экзамен.

— С такими хлопцами можно в огонь и в воду! — сказал Войцехович.

В свою очередь и командиры подразделений оценили доверие Петра Петровича. Окончательно укрепился авторитет Вершигоры как командира умного, талантливого. От былых сомнений у подчиненных не осталось и следа.

На Волыни

С выходом на Волынь нам стали досаждать националисты. Основу их военных формирований составляли враги украинского народа: кулаки, реакционное духовенство и разного рода уголовники. Обманом и угрозами им удалось вовлечь в банды некоторую часть несознательного населения. Местных жителей пугали «ужасами большевистской Сибири», куда якобы будет сослано все население Западной Украины. Среди крестьян находились такие, кто верил этим басням.

Надо было рассказать людям правду, открыть им глаза на действительность. Выполнение этой задачи легло на плечи партийной и комсомольской организаций соединения. Да и каждый партизан считал своим долгом быть и пропагандистом, и агитатором.

Тут-то и развернулся замполит Москаленко Николай Алексеевич — коммунист двадцатых годов, ветеран соединения. Ему пришлось повоевать наводчиком, командиром орудия, политруком. Под руководством С. В. Руднева он прошел хорошую школу партийно-политической работы в боевых условиях. Знал людей и умел найти к ним подход. Привлекал своей простотой и душевностью.

Большую помощь замполиту оказывал Миша Андросов— комсомольский секретарь, как его называли партизаны. Несмотря на свою молодость, Миша имел опыт комсомольской работы. Он был секретарем комсомольской организации цеха завода «Коммунар», возглавлял отдел в Запорожском обкоме комсомола. С началом войны окончил спецшколу в Саратове. В октябре 1942 года по заданию ЦК ЛКСМУ он с группой комсомольских работников был направлен в тыл врага. Его назначили помощником комиссара по комсомолу. Надо сказать, за работу он взялся с большим желанием, работал с комсомольским задором. Результаты сказались скоро. Его можно было видеть в бою, в разведке, в подразделениях беседующим с бойцами, на митинге, выступающим перед местными жителями. Стоило удивляться, как он только успевал побывать везде. Поистине неугомонная голова. И не удивительно, что он стал душой молодежи.

В том, что комсомольская организация нашего соединения, как лучшая среди партизанских отрядов, была награждена Красным знаменем ЦК ВЛКСМ, есть большая заслуга и Михаила Васильевича Андросова.

Перед выступлением в рейд из Киева нам прислали большое количество листовок. Все их надо было распространить в селах,

местечках, городах, чтобы не пропала ни одна.

Кроме того, из допроса пленных и захваченных документов стали известны новые факты сговора главарей украинских буржуазных националистов с гитлеровцами. Совсем недавно, в середине декабря 1943 года, состоялись две такие встречи. С немецкой стороны на встречах присутствовали обер-лейтенант Остен и представитель Владимир-Волынского гебитскомиссариата. Организацию украинских националистов (ОУН) представляли командир загона (отряда) Антонюк (кличка Клещ), политический руководитель этого же отряда Брова, командир батальона Остап и другие…

На этом сборище стороны договорились о прекращении вооруженных нападений друг на друга. В обмен на оружие националисты обязались помогать немецким властям продовольствием. Не откладывая в долгий ящик, уже в начале января сорок четвертого года националисты предоставили возможность гитлеровцам в селах Гноино, Туропин, Вобля забрать зерно, 40 коров, лошадей, свиней, 500 кур…

15 января 1944 года немцы по сговору с националистами оставили Камень-Каширский и передали загону Назара часть вооружения и 300 комплектов обмундирования… Начались переговоры между начальником немецкой службы безопасности города Горохова с руководителем гороховской районной организации ОУН Павлом Скибой…

Ежедневно наша разведка добывала сведения о все новых сговорах предателей украинского народа с гитлеровским командованием. Путем отказа от активных действий против оккупантов украинские буржуазные националисты получили право беспрепятственного переезда через железные дороги и добились нейтралитета немецких властей в борьбе бандеровских банд против польских отрядов. Пришли к соглашению о тесном сотрудничестве по уничтожению «красных банд», как они называли советских партизан.

Все это делалось в глубокой тайне, за спиной народа. Надо было вывести их на чистую воду, раскрыть подлинное лицо бандеровских главарей, на свежих примерах показать простым людям, чего хотят руководители из Организации украинских националистов. За выполнение этой задачи мы и взялись.

Одна из первых листовок, составленных Вершигорой, Войцеховичем, Москаленко и Андросовым, называлась: «Что такое УПА? Кто такие оунивцы?» В ней просто и доходчиво рассказывалось, что кроется за лозунгом «самостийной Украины», кто такие Бандера, Омелько Брова, Гонта, Антонюк и какой «самостийности» они хотят. Приводились выдержки из

документов о сотрудничестве бандеровских атаманов с гитлеровцами. Паны атаманы пожимают руки оккупантам, а у украинского крестьянина ребра трещат… Листовка заканчивалась призывом: «Украинский народ! До каких пор ты будешь на себе терпеть эту коросту?! Она, как зараза, ползет по селам, отравляет твою душу лживыми лозунгами о независимости. Не верьте предательской, лживой агитации УПА. УПА — передовой отряд немецкого гестапо. УПА — сборище изменников украинского народа.

Бойцы УПА! Бросайте оружие, пока не поздно. Ваши атаманы скрывают от вас свою предательскую политику. Они заманили вас будто бы для борьбы с немцами, а теперь исподтишка точат ножи, чтобы вонзить их вам в спину.

Уничтожайте изменников и переходите на сторону советских партизан. Вместе с нами бейте гитлеровцев — врагов нашего народа. Долой атаманов УПА — предателей украинского народа!

Слава Советской Украине!

Смерть немецким захватчикам!»

Листовка была размножена на украинском языке. Разведчики распространили ее среди местного населения. Москаленко, Андросов и политруки рот инструктировали агитаторов. Часто и сами выступали на митингах, беседовали с крестьянами, разъясняли политику нашей партии, рассказывали об успехах Красной Армии. Одновременно вели работу по разложению самих бандеровских банд..

Проведенная разъяснительная работа, листовки с призывом к активной вооруженной борьбе против фашистов, недавние наши бои в районе Ковеля, Владимир-Волынского, разгром банды националистов в Кукуриках, а главное, успешное продвижение Советской Армии, о котором мы сообщали в листовках, всколыхнули местное население. К нам стали приходить группами и в одиночку с просьбами принять в отряд. Шли мужчины и женщины, парни и девушки, даже подростки. Были среди них и такие, кто еще до нашего прихода в этот район помогал партизанам.

В третий батальон пришла группа молодежи из Радехова и других приграничных сел.

— Мы давно партизаним. Были связными и выполняли отдельные поручения отряда Федорова, — рассказывала бойкая краснощекая девушка.

— Почему же вы не пошли к нему? — спросил Брайко.

— Договорились, что за нами придут. Но разведчики почему-то не пришли, а оставаться в селе было опасно. Бандеровцы пронюхали о наших связях с партизанами. Двух девушек поймали

и после пыток бросили в колодец. Это и нас ожидало. Решили идти, к вам. Не все ли равно, где воевать…

Девушку звали Лена Штоцкая. Она с родителями незадолго до войны приехала из Сибири в гости в Радехов. Здесь их и застала война… Отца Лены бандеровцы хотели затащить в банду, но он прямо сказал, что их затея с «самостийной Украиной» пуста и лопнет, как мыльный пузырь. Когда уговоры не подействовали, бандиты начали угрожать, а потом так избили, что Лена с матерью еле отходили его. Как только отец поднялся, Лен а с подружками ушла к нам.

Всех прибывших зачислили в отряд. Лену направили медсестрой в саперный взвод, а затем перевели в санитарную часть третьего батальона. Скоро вслед за Леной пришла и ее мать.

Несколькими днями раньше с задания вернулся Берсенев с разведчиками. Разгромив банду националистов, он встретил группу солдат и офицеров армян и привел их в батальон. Они бежали из фашистского плена, пробрались на Волынь и встретились там с бандеровцами, выдававшими себя за партизан. О том, что это были бандеровцы, бежавшие из плена, узнали только тогда, когда познакомились с ними ближе. Командиром группы в тридцать три человека был Серго Арутюнов, политруком — Погосов… Всех их оставили в батальоне Петра Брайко.

Действия советских партизан и разъяснительная работа, которую мы проводили среди населения, выбили почву из-под ног буржуазных националистов. Об этом нам говорили пленные. Да и сами бандеровские руководители вынуждены были признаться, что их надежды на «массовое движение украинского народа рухнули». В перехваченном письме одного из руководителей районного провода ОУН говорится: «Появление здесь красных сильно повлияло на наш народ, получилось смятение, и от нас уходят…».

Да, многие, вовлеченные в националистические военные формирования, стали искать пути перехода на сторону партизан.

Однажды произошел такой случай. Был у нас художник — горьковчанин Уткин Александр Павлович. Перешел он к нам из отряда Одухи в декабре 1943 года.

— Твори для истории, — сказал Вершигора. — Увековечь образы героев-ковпаковцев.

Уткин старался выполнить наказ командира. В перерывах между боями его можно было видеть сосредоточенным и погруженным в работу за этюдником или среди партизан с фотоаппаратом — беспокойного, навязчивого и неугомонного. Порой он становился задумчивым, даже рассеянным, тогда его

глаза смотрели, но ничего вокруг себя не замечали.

Во время одного из переходов на Уткина нашло «затмение». Он ехал верхом на лошади по лесной дороге, погрузившись в свои думы. Не заметил, как лошадь сошла с проторенной дороги на просеку, вывезла его из леса на поляну. Опомнился всадник лишь тогда, когда лошадь остановилась на хуторе возле колодца и заржала.

Уткин увидел перед собой двух парней.

— Здравствуйте, ребята, — сказал беззаботно Уткин. — Подержите коня, я зайду в хату, попрошу ведро.

Парни загадочно переглянулись, но на приветствие не ответили. Один из них взял лошадь под уздцы.

Александр Павлович слез с лошади и, насвистывая песенку, направился к ближайшему дому. Но только вошел в избу — от его беззаботного вида не осталось и следа. Хозяйка не дала ему и рта открыть, выпалила, словно вылила на голову ушат холодной воды:

— Сынок, тикай — бандиты!

— Где? — оторопел Уткин.

— Коня твоего держат…

Первое, что пришло в голову партизану, — выбежать из дома и огородами в лес… А хозяйка сокрушалась:

— Пропала твоя бедная головушка…

И тут Уткин пришел в отчаяние: его карабин остался притороченным к седлу. Потерять коня и оружие? Какой позор!

— Почему же они меня сразу не прикончили? — спросил Уткин.

— Не знаю…

— Была не была! Дайте ведро, — попросил Уткин.

Вышел из хаты, быстро посмотрел на парней. Как будто без оружия. Теперь только бы добраться до карабина. Тридцать шагов от дома к колодцу он прошел, как по минному полю. Подошел, протянул ведро парню, который держал лошадь, и, заикаясь, попросил:

— До-достань в-воды… Я отпущу п-подпруги…

Тот взял ведро и повернулся к колодцу. Уткин дрожащими руками отстегнул карабин, щелкнул затвором и закричал не своим голосом:

— Руки вверх!

Парни повернулись к Уткину, быстро откинули полы пальто, и в их руках оказались обрезы.

— Не дури. Договоримся по-хорошему, — проговорил один из парней.

— Бросай оружие! — приказал Уткин.

К его удивлению, те повиновались.

— Кругом! Десять Шагов вперед…

Подобрав и разрядив оружие, Уткин разрешил парням опустить руки.

— Вы мои пленники. Пойдемте со мной, — расхрабрился художник и приказал двигаться вперед.

— А коня все-таки надо напоить, — напомнил один из пленников.

— Успеется… Шагом марш, — скомандовал Уткин, усевшись в седле и держа карабин наизготовку.

— А ты куда нас поведешь?

— К партизанскому командиру.

— Они же совсем в другую сторону ушли, — сказал парень.

— Как в другую? — усомнился Уткин.

— Очень просто. Туда ушли, — указал парень в противоположную сторону.

Александр не хотел верить пленному, боясь подвоха, и в то же время понимал, что сам запутался в незнакомом лесу. Не известно, как бы поступил Уткин, если бы на помощь не пришли парни.

— Если ты забрал нас в плен, то возьми и это, — сказал тот, которому Уткин оставлял коня, при этом он снял с пояса пистолет, вынул из карманов две гранаты и протянул партизану. Его примеру последовал и второй.

— Если хочешь знать, мы сами давно собираемся идти к партизанам, но боимся — расстреляют… Да пусть лучше свои прикончат, чем носить позорную кличку бандита, — пояснил пленный.

Это было сказано с таким чувством, что Уткин поверил в искренность слов и поехал в том направлении, куда парни советовали. Через час вошли в село, где остановились партизаны.

На допросе парни рассказали, что партизанские листовки заставили их подумать о своем месте в общей борьбе. Многие обманутые крестьяне хотят перейти на сторону партизан, но боятся: запуганы националистами.

Это означало: лед тронулся. Но мы понимали, что предстоит еще длительная и упорная работа по разоблачению неприглядной роли украинских буржуазных националистов, с тем чтобы рассеять туман их лживой пропаганды, которой они одурачили часть украинского народа.

«Лесные черти»

Мы понимали, что в борьбе с украинскими буржуазными националистами нельзя ограничиваться одними лишь листовками и агитацией. В их руках имелись еще достаточно сильные военные формирования. Для их ликвидации нужны были более действенные, активные меры.

В последнее время в захваченных документах, в показаниях пленных и перебежчиков все чаще упоминалось о школе «лесных чертей».

— Эта школа — бревно в глазу. Надо заняться «лесными чертями» и покончить с ними раз и навсегда, — сказал Вершигора.

Однако выполнить этот замысел оказалось не так просто. Сложность заключалась в том, что никто толком не знал, где располагается эта школа. О ее размещении знали далеко не все бандеровские командиры.

На поиски «лесных чертей» мы выслали десятки разведывательных групп. Выяснилось, что в Свинарских лесах расположёны склады, штаб и охранные подразделения. Проникнуть в глубь леса никак не удавалось.

— Чего тут голову ломать! Прочесать лес всем соединением и делу конец, — предложил командир кавалерийского эскадрона Ленкин.

— Пустая затея. Спугнем только. Перекочуют в другой район. А чтобы окружить весь лесной массив — не хватит трех таких соединений, как наше, — сказал Вершигора. — Действовать надо наверняк.

Решение вопроса пришло неожиданно. Как-то в разговоре с начальником штаба Вершигора вспомнил о группе армян, которых привел Берсенев.

— Вася, ты их не спрашивал о «лесных чертях»? — спросил командир.

— Как-то не пришло в голову, — ответил начальник штаба. — Думаете, им известно?

— Должны знать. Ведь с ними националисты заигрывали, пытались привлечь на свою сторону, — сказал Петр Петрович. — Они здесь давно. Не могут не знать. В противном случае, какие же они вояки! Вызывай Арутюнова…

Скоро пришел Арутюнов. Выяснилось — обстановку он знает хорошо.

— Нам даже удалось установить связь с одним из бандеровских инструкторов, — сказал Серго.

— Кто он, этот инструктор? — спросил Вершигора.

— Некто Семенюк, работает военспецем в офицерской школе.

— В офицерской школе? — подскочил за столом Петр Петрович. — Так какого же дьявола ты до сих пор молчал?! Ведь это школа «лесных чертей»!

— Видимо, она. Но меня никто не спрашивал, — ответил Арутюнов, удивленный такой реакцией Вершигоры.

— Сам должен был доложить. Мы загоняли своих разведчиков в поисках школы, а он, видите ли, ждет, когда его спросят! Садись, рассказывай все, что знаешь об этой школе, где она находится, — сказал Вершигора.

— Да я, собственно, больше о ней ничего не знаю. Слышал, что есть такая…

— Не густо же, братец, — разочарованно проговорил Петр Петрович.

— Это можно будет узнать через Семенюка, — подсказал Арутюнов.

— А на него можно положиться? Кто он такой?

— Бывший командир Красной Армии. Был в плену у немцев. Бежал и попал к националистам…

— Но вы-то ручаетесь за него? — добивался Вершигора прямого ответа.

Арутюнов долго не отвечал, обдумывал что-то. Наконец проговорил:

— Как я могу за него ручаться? Я его мало знаю.

— Как с ним связаться?

— Семенюк иногда заглядывает на хутор к дивчине. Там можно перехватить, — сказал Серго.

Выполнение этой задачи поручили Саше Ленкину.

Через два дня перед командиром соединения по стойке «смирно» вытянулся невысокий, еще молодой человек.

— Так вы и есть тот самый Семенюк, который работает в школе военспецем? — спросил Вершигора.

— Так точно, товарищ подполковник, — бойко ответил Семенюк.

— Вы знаете, что от вас требуется?

— Догадываюсь.

— Поможете?

— По долгу службы.

— Как это понимать?

— В прямом смысле. Я старший лейтенант Красной Армии. Раненым попал в плен к немцам. Бежал. На Волыни встретился с группой вооруженных. Они назвались партизанами. Я обрадовался и пошел с ними. Оказалось — бандеровцы. Тогда я

только первый раз узнал, что такие есть. Дознались, что я командир, да я этого и не скрывал, и оставили инструктором в школе.

— Почему же вы не перебежали к партизанам?

— Все время находился под строгим надзором. Одного никуда не отпускали.

— А сейчас как?

— Вошел в доверие. А когда мне начали доверять, я сам решил до поры до времени не уходить. Считаю, что могу быть полезным для Родины, находясь среди врагов…

— Такой момент наступил, — сказал Вершигора…

Вершигора и Войцехович подробно расспросили о расположении и охране школы, как лучше туда подобраться. Договорились, чтобы Семенюк достал пароль на ближайшие два дня и провел эскадрон, минуя заставы бандеровцев.

Когда Семенюк вышел, Войцехович сказал:

— Самоуверенный субъект, даже нахальный. Доверять ему полностью нельзя.

— Предупреди Ленкина, чтобы глаз с него не спускал, — посоветовал Вершигора. — Но я не думаю, чтобы он пошел на подлость. Он не глуп, понимает, что дни бандеровцев сочтены. Будет из кожи лезть, чтобы доказать свою лояльность.

Взвесив все за и против, Вершигора сказал:

— Главный удар нанесем по самой школе «лесных чертей», вспомогательный — по штабу и складам. Выходы из леса на юг перекроем сетью засад. Скорее всего, они попытаются уйти в сторону Львова на соединение с атаманом Климом Савуром.

Разработали подробный план. Кульбака и Брайко своими батальонами должны были блокировать выходы из леса. Ротам первого батальона, под командованием Бакрадзе, — нанести удар по штабу и складам. Проникнуть в самое логово бандитов и расправиться с «лесными чертями» предстояло Ленкину.

Во второй половине дня 26 января 1944 года подразделения выступили на задания.

Расчет на внезапность сразу же провалился. При переходе железной дороги Ковель—Владимир-Волынский разведка натолкнулась на гитлеровский пост. Два пулемета, установленные в дзотах, и свыше десятка автоматчиков хорошо простреливали подступы к переезду.

Для того чтобы расчистить путь, Кульбаке пришлось развернуть роту и пустить в ход артиллерию. И хотя с противником удалось покончить быстро, однако бой не мог не насторожить бандеровцев. Оставалась единственная надежда на быстрые и решительные действия Ленкина.

А Ленкин в это время со своими кавалеристами успел углубиться в лес. Он слышал бой и понимал: медлить нельзя. Предупредил разведчиков, чтобы были особенно бдительными.

Ночь выдалась темная, ветреная. Снежная крупа секла лицо. Впереди на ощупь двигался дозор. Ленкин ехал во главе колонны. Рядом с ним — Семенюк. Они тихо разговаривали и настороженно прислушивались. Вдруг впереди послышался окрик:

— Стий, хто йдэ?

— Шо ты, не бачишь? Хиба тоби повылазыло? — отозвался старший дозора Коля Соловьев, подражая бандеровцам.

— Стий, стриляты буду! — донеслась настойчивая команда.

— Так уже и стриляты… Мы свои, — отозвался дозорный.

Впереди стало тихо. Видимо, партизаны назвали пароль.

Конники двинулись дальше.

— Уже близко, — прошептал Семенюк.

— Оружие к бою! Рысью! — вполголоса скомандовал Ленкин, переводя своего вороного на рысь и одновременно вынимая из ножен клинок.

Пароль, добытый Семенюком, помог партизанам приблизиться вплотную к бандеровским разведчикам.

— Ба, та цэ ж пан Семенюк! — обрадовался один из бандитов, увидав в луче карманного фонаря подъехавшего Семенюка. Потом осветил Усача и осекся. На ушанке Ленкина сверкала красная звездочка, на плечах — погоны. Опомнившись, бандеровец заорал не своим голосом:

— Червони! Рятуйся, хто як може!

— В шашки! — выкрикнул Ленкин, вонзил шпоры в бока вороного, тот сделал гигантский скачок. Саша резко взмахнул клинком. Бандеровец даже не вскрикнул, уронил фонарик и мешком свалился с коня.

Затрещали кусты, послышались удары клинков, а потом торопливый удаляющийся лошадиный топот. Прогремели три винтовочных выстрела.

— За мной! Галопом! — подал команду Ленкин и с места послал вороного в карьер. Сквозь свистящий в ушах ветер он слышал топот партизанских коней, не отставáвших от него. В голове проносилась одна и та же мысль: «Скорее, скорее! Не дать врагу приготовиться к бою!»

— Здесь! — выкрикнул Семенюк, как только впереди показалась поляна.

Где-то глухо и ритмично стучал движок. На опушке леса у барака тускло мерцала лампочка. На поляне в панике метались группки бандитов.

Все это успел заметить Ленкин, подумал: «Вовремя!» — и подал команду:

— В атаку!

Партизаны вылетели на поляну, быстро развернулись по фронту и с криками «ура!» набросились на бандитов. Пулеметчики спешились и открыли огонь. Вскоре несколько дзотов, бараки, землянки-схроны оказались в руках партизан.

Укрывшись в лесу, бандеровцы начали отстреливаться.

— К пешему бою, слезай! — прогремел голос Усача.

На некоторое время стрельба притихла. Слышалось лишь позвякивание стремян, всхрапывание разгоряченных лошадей да голоса взволнованных боем партизан.

— Миша!

— Петька, черт, где ты?

— Держи!

Как только бойцы передали лошадей коноводам, Ленкин повел эскадрон в наступление. Бандеровцы успели занять часть дзотов и окопы в глубине леса. На их стороне преимущество— они хорошо знают местность, каждая тропка пристреляна ими. Дзоты ощетинились пулеметами. Штурмовать в лоб — значит погубить людей.

— Годзенко! — позвал Ленкин своего помощника. — Пока темно, возьми второй взвод, обойди справа и заставь замолчать пулеметы…

Партизаны усилили стрельбу. Тем временем Годзенко со взводом пробрался к дзотам с тыла и забросал их гранатами. Не теряя времени, Ленкин поднял эскадрон и повел в новую атаку. Короткий бросок — и партизаны в окопах. В ход пошли клинки и приклады…

«Лесные черти» отошли на следующую позицию, а к рассвету, поняв, что бой проигран, бросились бежать. Спастись удалось немногим, тем, кто успел захватить лошадей и лишь им ведомыми тропами миновать партизанские заставы.

Школа «лесных чертей» перестала существовать.

К этому времени роты Бакрадзе разгромили бандеровский штаб и захватили склады продовольствия и оружия.

Получив донесение от Ленкина и Бакрадзе об успешных действиях, Вершигора решил было, что с бандой покончено, как вдруг выяснилось, что в партизанских сетях находится еще одна банда покрупнее, которой раньше здесь не было. Это оказался курень атамана Сосенко в составе семи сотен пехоты и конной сотни. Этот курень держал направление на юг в район Львова и случайно попал под удар ковпаковцев. Напоровшись на третий батальон и получив достойный отпор, банде-

бандеровцыотклонились в сторону и встретились с остатками школы.

Убегавшие «лесные черти» нагнали на полк столько страха, что при столкновении с ротами Бакрадзе атаман Сосенко, он же Антонюк, оставляя для прикрытия подразделения, состоящие из мобилизованных крестьян, начал отводить главные силы полка. Но при первом же броске нашей пехоты бандеровские заслоны прекращали сопротивление. Крестьяне бросали оружие и поднимали руки. А когда роты Бакрадзе и подоспевшие на помощь кавалеристы Ленкина со всей напористостью насели на главные силы полка, Сосенко, не помышляя о сопротивлении, бросил свое «войско» на произвол судьбы и с конной сотней головорезов, составляющих кулацкое ядро куреня, проскользнул в стыке между вторым и третьим батальонами и бежал на юг. Слишком жидкой оказалась сеть наших застав.

Но это была не последняя наша встреча с Сосенко. Через несколько дней, когда соединение располагалось в Корчине Радеховского района Львовской области, бандитская шайка во главе с Сосенко пробиралась в Свинарские леса, к Волчанским хуторам. На пути банды, ничего не подозревая, расквартировался штаб нашего соединения с обозом и санитарной частью. Охраняли их лишь два отделения: разведывательное и комендантское. Только случай предотвратил несчастье.

В поисках сена для лошадей ездовые Саша Коженко и Гришка Татарин пошли на ближайший хутор. Увидав конников, они приняли их за своих и побежали навстречу. Когда же поняли свою ошибку — было поздно. Коженко успел бросить две гранаты, а Гришка несколько раз выстрелить, и были зарублены.

Взрывы и выстрелы услышали часовые. Подняли тревогу. Вершигора схватил пулемет, выбежал на улицу, залег у крайнего дома и открыл огонь по банде, подъехавшей к селу. На помощь Петру Петровичу подоспели пулеметчик разведроты Ненастьин и комендант штаба лейтенант Дудник с отделением.

Услыхав стрельбу, из хат выбежали ездовые и легкораненые и подняли беспорядочную пальбу из винтовок и автоматов.

Бандиты потеряли несколько человек и, видимо, подумали, что напоролись на засаду, не приняли боя, уклонились вправо и проскочили мимо селения. Только растерянность бандитов спасла штаб нашего соединения от разгрома.

Не успели бандеровцы скрыться, как из леса, словно вихрь, вылетел Усач со своими кавалеристами и бросился вдогонку.

Преследуя остатки банды, партизаны за двое суток проскакали сто пятьдесят километров, но так и не сумели настичь атамана Сосенко-Антонюка. Хотя атаману удалось улизнуть, полк

его, так же как и школа, перестал существовать.

Старшина

Вечереет. На улицах села необычное оживление. Слышен разноголосый гомон, фырканье лошадей. Поскрипывая полозьями, со дворов выезжают груженые подводы — партизанские тылы вытягиваются в колонну. Соединение готовится к маршу.

Обычно говорят: партизаны — это армия без тыла. Это и верно и не совсем. Верно, если исходить из тактического построения боевого порядка, принятого в армии, где четко разграничены понятия фронта, флангов, тыла. Тыл — это сторона строя, противоположная фронту. Для партизан — кругом фронт. Враг может появиться в любой момент и с любой стороны.

Но если рассматривать понятие тыла более широко, как комплекс подразделений и учреждений, обеспечивающих действующие войска всем необходимым для жизни и ведения боя, то партизаны тоже имели свой тыл, правда, несколько отличный от фронтового. Каждый отряд имел хозяйственные, тыловые подразделения, которые занимались обеспечением партизан оружием, боеприпасами, снаряжением, питанием. Более крупные отряды и соединения располагали определенными запасами всего необходимого, складами. Эти склады на колесах, в обозе. К этому вынуждала обстановка. Даже мелкие партизанские группы носили свои «склады» за плечами, в вещевых мешках. Без таких запасов невозможно воевать.

В широком смысле слова надежным тылом для партизан являлись все советские люди, оказавшиеся на временно оккупированной врагом территории. Местное население во всем помогало партизанам, являлось резервом пополнения рядов народных мстителей. Можно с уверенностью сказать, что без постоянной, всесторонней помощи и поддержки народа партизанское движение не получило бы такого широкого размаха, какого оно достигло в годы Великой Отечественной войны. Сила партизан — в тесной и неразрывной связи с народом. Кто пренебрегает этим, тот не может рассчитывать на успех.

В сложных условиях партизанской войны к работникам тыла предъявлялись особые требования. Если оружие и боеприпасы большей частью мы получали с Большой земли, то вопросы питания и вещевого снабжения приходилось решать на месте, за счет трофеев, добытых в бою. От хозяйственников требовалась особая честность, бережливость, расчетливость. Ответственность за снабжение ложилась на помощников командиров по хозяйственной части и старшин подразделений. К сожалению, о

помпохозах и старшинах — партизанских интендантах — рассказано до обидного мало. А между тем они заслуживают, чтобы о них сказать доброе слово. В этом я убедился на практике. В первую очередь это относится к старшинам.

Старшина! Без преувеличения можно сказать — никто из военных не пользовался среди бойцов такой популярностью, как старшина. В то же время никто из них не вызывал столько толков, при этом самых противоречивых, не обрастал таким количеством анекдотов, пересудов и даже легенд. От самых нелепых до романтических. Одни видели в старшине только плохое, зло высмеивали его бережливость, называли тыловиком, скрягой, не задумываясь над тем, что все это делается в их же интересах. Другие, наоборот, возвышали, доказывали, что старшина чуть ли не главная фигура в армии. Но как те, так и другие были едины в том, что старшина необходим, что он, как правило, строг, непреклонен, дело свое знает. Если он отдал приказ — будьте спокойны, добьется его выполнения. Поэтому со старшиной шутки плохи.

На все лады пересказывался получивший широкую известность случай, взятый из мирной жизни. Обучая молодых солдат, старшина внушал им, что «пуля железная». Когда же на проверке боец, не желая подводить старшину, ответил, что пуля сделана из свинца с оболочкой из прочного сплава, старшина возмутился и строго спросил: «Как было сказано на занятиях?» Боец ответил: «На занятиях было сказано— пуля железная!» «Так и отвечать!» — приказал старшина, давая понять, что он не потерпит возражений, а за свои ошибки готов ответить…

Говорят, после занятий командир полка похвалил старшину за настойчивость и требовательность, но тут же заметил: «А все-таки пуля не железная!»

Давно прошли те времена, когда старшинами были малограмотные воины, считавшие пулю железной. На их смену пришли грамотные, хорошо обученные, знающие свое дело люди. Роль их еще больше возросла.

Помню, как незадолго до войны генерал-майор С. С. Бирюзов на совещании командного состава дивизии, говоря о роли сержантов и старшин, сказал: «Старшина должен быть хозяином в подразделении, правой рукой командира. К нему даже взводные обязаны относиться с уважением…»

Это действительно так. Положение обязывало старшину быть хозяином.

Большие требования предъявлялись к старшинам в боевых условиях, особенно в партизанских отрядах. На эти должности назначались испытанные воины из числа отличившихся в боях

командиров отделений и бойцов. Большинство из них имели за своими плечами житейский опыт. и с работой справлялись успешно.

Самым опытным среди старшин нашего соединения, на мой взгляд, был старшина хозяйственной части Семен Семенович Кадурин. Он и по возрасту старше многих, и в боях не новичок.

Кадурин восьмилетним несмышленышем пошел в наймы. А после победы Октября шестнадцатилетним пареньком в 1918 году ушел в партизанский отряд. Затем был разведчиком в 10-м стрелковом полку. Дрался с деникинцами, белополяками, гайдамаками, бандами всех мастей. Воевать закончил в Крыму. После изгнания Врангеля, израненный и контуженный, вернулся домой… Поправился, работал на селе. Был первым трактористом, потом бригадиром тракторной бригады, одно время даже председателем колхоза.

Весть о нападении фашистской Германии застала Семена Семеновича на колхозном поле.

Мне не раз доводилось слышать рассказ Кадурина, как он попал в отряд. Обычно он, окруженный партизанами, говорил не спеша, растягивая слова и хмуря брови.

— Стало быть, я командовал тракторной бригадой в Путивльской машинно-тракторной станции, — начинал он свой рассказ. — В воскресенье утром в наш стан прискакал на неоседланной лошадке мальчонка: «Война». Не верим: как это так, вдруг война? Мчусь в село — действительно война. Я, не заезжая домой, прямым путем в военкомат. Так, мол, и так, прошу отправить на фронт. «Не торопись, успеешь, — отвечают. — Вот вам, трактористам, боевая задача: возле Шарповки спланировать аэродром». Спорить бесполезно. Аэродром так аэродром. Взялись за дело. Несколько суток, дни и ночи напролет потели. Наконец подготовили. Можно принимать самолеты. И тут новый приказ директора МТС Петренко: эвакуировать тракторы… Отправили одну колонну, со второй — я. Добрались до Белополья. Это где станция Ворожба. Видим, в балке десятка два машин. Трактористов — ни одного. Нашлись такие молодчики, которые побросали тракторы и дали деру: кто домой, а кто подался на восток. Нет, думаю, я этого так не оставлю! Наказал трактористам своей бригады двигаться на восток, взял с собой Саньку Сабодашева и обратно. Идем себе, разговариваем, возмущаемся поведением товарищей. Злость распирает. Подождите, думаю, я вам покажу, как бросать технику, это же форменное преступление!.. Только ничего я им не показал, а влип, как кур в ощип.

На пути неожиданно повстречали немецкую разведку. Я еле

успел выбросить документы, что партизанил в гражданскую войну.

Подкатили к нам на мотоциклах, орут:

— Хальт!

— Руки доверх!

Обыскали, ничего не нашли. По лоснящимся от мазута и керосина комбинезонам догадались, что мы трактористы.

— Пальшевик там есть? — спрашивает немец, указывая на восток.

Я понял, что не расстреляют, немного пришел в себя, правда, ноги в коленях дрожали, но все-таки набрался смелости, прикинулся дурачком и отвечаю:

— Есть.

— Далеко? Много?

— Далеко, — говорю. — Если вот так прямо идти на восток, то до Тихого океана, восемь тысяч километров — везде большевики…

Немцы насторожились, уставились на восток, даже за автоматы схватились, переспрашивают:

— Восемь тысяч пальшевик? Где?

— До океана восемь тысяч, — отвечаю.

Что-то полопотали между собой, а потом зареготали во всю глотку, видно, сообразили…

— О, гросс океан! Ми будешь там… А руссиш зольдат, пальшевик близко — есть?

— Чего не видел, того не видел…

И действительно, по пути мы не встретили ни одного красноармейца. Считали, что фронт далеко. Наверное, наши отошли стороной.

Гитлеровцы посовещались, приказали нам идти на запад, а сами покатили на восток.

Тут мы с Санькой и призадумались: куда податься. Путь один — на восток. Но прежде надо повидаться с семьей, решить, что с ней делать. Дома жена, пятеро детей, самому маленькому два месяца. Да еще мать-старушка.

Пришли домой, а там фашистов, что муравьев. Успели даже назначить старосту. Предатели к ним потянулись.

Встречаю Параску Гончарову.

— А, активист объявился! — говорит. — Не иначе — партизан. Иди, иди, зараз тебя расстреляют.

— Пусть стреляют, — отвечаю безразлично, хотя внутри что-то ёкнуло. А сам думаю: «Эх, почему не ушел сразу в лес?» Один товарищ сказал, что мой сосед Алексей Ильич Коренев и Иван Веткин в партизанах. Надо и самому туда подаваться. Но теперь

труднее. Фрицы уже выставили заставы. В поселок пропускают, а из поселка ни-ни. И другое дело, опять же боязно за семью. Узнают немцы, что я в партизанах — всю семью расстреляют. По своей наивности тогда я еще думал, что сумею защитить детей. А на деле получилось защищать их надо было не так, как я хотел, а с оружием. Это я уже потом понял…

Одно из двух: или умереть ни за понюх табаку, или бороться. Бежал в Новую Шарповку. Попал на квартиру колхозника Секерина. Оказывается, туда заходили Ковпак, Руднев и Коренев… Связался с ними. На первых порах выполнял отдельные поручения партизан.

Как-то вечером сидим в квартире с Секериным. Время позднее. И тут врывается предатель-полицай с наганом.

— Руки вверх, большевики! — кричит пьяным голосом и грозит револьвером.

Федька Секерин юркнул во вторую комнату. Я остался один на один с полицаем. Между нами произошла потасовка. Верх оказался за мной… Оставаться в деревне опасно. Подался к партизанам. Меня зачислили в разведку…

На этом месте Семен Семенович обычно прерывал свой рассказ, задумывался, вновь и вновь переживая трудное время, потом продолжал:

— Вызывает как-то Семен Васильевич Руднев и приказывает привести из Путивля семью партизана Попова. Ей грозила расправа.

Прихожу в Путивль. Иду по улице Первомайской. До дома Попова — рукой подать. И, как назло, столкнулся с полицаем, бывшим агрономом Колосовым. Он вцепился в мой рукав.

— Попался, голубчик! — говорит, а у самого даже руки трясутся от радости. — Теперь ты от меня не уйдешь!

У меня с собой был пистолет. Первое, что пришло в голову — ухлопать. Но рядом немецкая комендатура. Выстрелю— и мне конец. Жалко отдавать жизнь за шкуру одного предателя. Ну, думаю, ты от меня никуда не денешься. Веди. Застрелю нескольких фашистов, потом тебя. Последнюю пулю— себе.

Смотрю, он тащит меня мимо комендатуры, и заводит к старосте города Бурцеву Александру.

— Вот он, партизан, — доложил предатель, втолкнув меня в кабинет.

Староста уже знал меня. У него я получал документ. Такой аусвайс, написанный по-немецки и по-русски.

— Хорошо, можете идти, — распорядился Бурцев, а когда Колосов вышел, зло спросил — Как ты к нему попал?

Объясняю: шел по улице, никого не трогал, а он ни с того ни

с сего придрался.

— Видишь? — указывает на стопку бумаги. — Это доносы на триста человек с требованием расстрелять или повесить. Не хватало еще тебя — триста первого. Уматывай, пока не поздно.

Я, конечно, не заставил себя упрашивать… На этот раз пронесло. Так я и не понял, почему он меня отпустил. Может, не поверил предателю, что я партизан. А возможно, побоялся за себя, ведь документы мне он выдавал. Прошло немного времени, узнаю — посадили мою жену с грудным ребенком Сашей и старшим сыном четырнадцатилетним Мишей. Поместили их в камеру смертников. Пришлось выручать…

— А вот еще случай, — вспоминал Кадурин. — Фашисты окружили нас в Новослободском лесу. Это было в июне сорок второго года. Комиссар послал меня связаться с четвертой ротой Пятыщкина и девятой Бывалина. К тому времени каратели сумели проникнуть в лес, и я напоролся на их цепь. Первыми залпами подстрелили мою лошадь. Она упала и придавила мне ногу. Пока выбирался из-под коня, гитлеровцы уже рядом. Видимо, хотели схватить меня живым. Но я шмыгнул в кусты и, отстреливаясь, бежал. Помогли кусты и густой лес… Прибежал, доложил комиссару, что человек четыреста фашистов прут прямо к штабу.

Быстро заняли оборону. Даже Ковпак и комиссар залегли в цепи. Дали достойный отпор карателям.

В Брянском лесу назначили меня старшиной штаба. Кто не понимает, скажет: подумаешь, старшина! Так и я думал, пока сам не поварился в этом котле. Людей кормить надо?

Надо. Одеть, обуть надо? Надо. А где все это брать? Только в бою. Вот и приходится ради куска хлеба вести тяжелые бои. Да и это еще не все. Не всякий раз достается мука. Допустим, разгромили гарнизон, захватили склады зерна. Не будешь же зерно жевать? А однажды оперативная группа вернулась с задания и привозит, что бы вы думали? Снопы… Меня, понимаешь, зло взяло.

— Зачем? — спрашиваю.

— Молотить.

— Как молотить?

— Это уж твоя забота, — отвечают.

Даже ушам своим не поверил. Тоже мне придумали. Потом вместе с Подгорным, он до Павловского был помпохозом, сели, обмозговали и приступили к делу. Раздобыли молотилку, даже мельницу соорудили в лесу. Вы, молодежь, не поверите: молотили, мололи, пекли хлеб. И все это в тылу врага, — обращался Семен Семенович к новичкам, не пережившим того

трудного времени вместе с ковпаковцами. — Зато, когда выступали в рейд, становилось веселее. Гарнизонов противника достаточно. А где фашисты, там и склады….А как вы думаете? На пустой желудок не навоюешь. Вспомните, как тяжело приходилось в Карпатах без продуктов… Нет, что ни говорите, а старшиной быть дело непростое, — заканчивал рассказ Кадурин.

Слушая Кадурина, я в который раз подумал: действительно, быть старшиной в партизанском отряде дело не из легких. На эту должность отбирали самых боевых, самых толковых товарищей, таких, как Семен Семенович Кадурин, Семен Калачевский, Константин Руднев, Николай Боголюбов, Петр Шепшинский, Василий Зяблицкий…

Должен сказать, мне повезло, что старшиной главразведки был неутомимый, заботливый сибиряк Василий Варлаамович Зяблицкий. Это не избалованный, трудолюбивый человек. Да и не удивительно. У своих родителей он был двадцать первым. Не до баловства, прокормить бы такую ораву. Семья была дружная. Все дети с малых лет приучены к труду.

Вася начал воевать пулеметчиком в дивизии полковника Бахарева. В первых же боях показал себя отважным воином. Попав в партизанское соединение С. А. Ковпака и став разведчиком, Зяблицкий успешно действовал в разведке и в бою. Много выполнил ответственных и опасных заданий, добывал ценные сведения о враге, приводил «языков». Скоро заслужил славу хорошего разведчика. Эта слава за ним сохранилась и когда его назначили старшиной. Да и старшиной он не упускал случая, чтобы вместе с товарищами сходить на задание. Стоило удивляться, когда только он успевал.

Разведчики гордились своим «интендантом». А я был уверен в нем, как в самом себе. Мне было легко с ним работать. Знал — разведчики всегда будут накормлены, одеты, обуты, готовы к действиям. Не говоря уже о раненых и больных. О них Зяблицкий заботился в первую очередь. Справедливо говорят: хороший старшина — командир может быть спокойным за успех дела.

А работы старшинам хватало всегда, даже тогда, когда для подразделений выпадали короткие передышки. Надо было позаботиться о людях, привести в порядок ротное хозяйство, подготовиться к походу.

И на этот раз, выступая на марш, больше всего беспокойств у старшин. В их обязанность входило — проследить, чтобы уложили весь груз, ничего не забыли, проверить упряжь, транспорт. Все помнят строгое требование Ковпака: «Чтобы на марше ни стуку, ни грюку, чтобы только шелест пошел по Украине». Это требование оставалось в силе и при Вершигоре. И

старшины старались.

По тылам четвертой танковой

Каверзная зима выдалась на Волыни в 1944 году. На смену снегопадам с легкими морозами приходили затяжные оттепели с дождями. Уже конец января, а дороги развезло, как дождливой осенью. Мы никак не могли приноровиться к погоде. За один лишь месяц трижды приходилось менять брички на сани и снова переходить на брички. Вязкие дороги затрудняли передвижение, изматывали людей и лошадей. А сейчас, как никогда, от партизан требовалась подвижность.

Радио приносило радостные вести: войска Украинских фронтов успешно наступают. Наши разведчики доложили о бегстве немцев по дорогам Луцк—Грубешов и Ровно—Львов. Бои идут за Ровно и Луцк. Надо было усилить помощь Красной Армии; глубже проникать во вражеский тыл, резать коммуникации, срывать переброски войск и грузов противника, дезорганизовывать работу его тылов, поднимать народ на вооруженную борьбу. Поэтому, прежде чем идти на запад, Вершигора решил нанести удар по магистралям, связывающим Львов с Ровно.

— Кому поручим? — спросил Петр Петрович.

— На очереди третий батальон. Думаю, Брайко справится, — сказал Войцехович.

Через час командир третьего батальона Брайко прибыл в штаб соединения. Петр Евсеевич — невысокий, шустрый, опрятно одетый. На румяном юношеском лице — плутоватая улыбка.

— Как настроение? — поинтересовался Петр Петрович.

— Люди и лошади устали, но настроение, как всегда, боевое. Ждем указаний, — ответил комбат.

Вершигора предложил комбату табуретку и заговорил:

— Обстановка тебе известна? Дороги на Львов забиты отступающими. В районе Брод размещен крупный штаб. Скорее всего — это штаб четвертой танковой армии немцев. По железной дороге Ровно—Львов через каждые десять — пятнадцать минут проходят эшелоны. Надо на широком фронте провести диверсии. Хотим поручить тебе…

— Слушаюсь, — с готовностью ответил Брайко, поднимаясь с табуретки.

— Хорошо. Пододвигайся ближе к карте, — пригласил Вершигора.

Головы Вершигоры и Брайко склонились над картой, а Войцехович, водя карандашом по карте, начал уточнять маршрут и задачу батальону.

Третьему батальону предстояло организовать диверсии на железных дорогах Луцк—Львов, Ровно—Львов, разведать расположение штаба четвертой танковой армии и прощупать его. Для диверсионных работ батальону придавалась группа опытных минеров.

— Пойдете облегченной колонной. Хозяйственный, санитарный обоз и все, без чего можете обойтись в бою, оставьте. Мы здесь задержимся два-три дня. Постарайтесь управиться до десятого февраля. Если же не поспеете к сроку — следуйте на Цешанув. Это уже в Польше. Поддерживайте постоянную радиосвязь, — напутствовал Войцехович.

А Вершигора добавил:

— Надеюсь на твою инициативу, находчивость и на хитрость. В этом деле ты мастак. Не забывай о разведке. Понятно? Вопросы есть?

Вопросов не было. Брайко распрощался и поспешил в батальон.

…Лейтенант Брайко первый бой провел на границе. От заставы в живых осталось несколько человек, в том числе и он. Долгое скитание по тылам врага. Неудачные попытки перейти линию фронта… В одном селе жители приютили на время изнуренного лейтенанта, дали хороший костюм, добротное пальто. В этой одежде и заявился Брайко к партизанам.

В отряде его встретили настороженно, недоверчиво. Редко кто приходил так одетым. Ковпак и Руднев долго и придирчиво расспрашивали, где он служил, в каких боях участвовал, где и когда попал в окружение… Брайко отвечал бойко и точно показывал по карте места, по которым проходил. Это-то особенно и насторожило Ковпака.

— М-да, подозрительный тип, — сказал Сидор Артемович комиссару, когда Брайко вышел из штаба.

— Почему? — спросил Руднев.

— А разве ты не бачишь, как он зазубрил ответы? По карте, как рыба в воде…

— В этом нет ничего удивительного. Просто грамотный, культурный офицер. Обязан уметь читать карту, на то его и учили.

— Всех учат, но не все так читают… А ты погляди, как он одет, — стоял на своем командир.

— Да, одет он с иголочки, — согласился Руднев.

— То-то же! Как бы нам тут промашки не допустить.

— Что ты предлагаешь? В расход?

— Зачем же так сразу? Оставим в отряде. Только за ним нужен надежный глаз, — сказал Ковпак.

На том и порешили: оставить, проверить на деле.

Нового партизана зачислили рядовым в разведывательный взвод. Проверка оказалась в пользу Брайко. В бою он не терялся, был не из трусливых. Ненависть к врагу бурлила в нем. Опыт, приобретенный Петром в пограничных войсках, пригодился в партизанах. Скоро его назначили командиром взвода, а затем помощником начальника штаба по разведке и, наконец, начальником штаба четвертого батальона.

Батальоном командовал уважаемый человек Василий Моисеевич Кудрявский. Вместе с ним воевала и его дочь Женя. Комбату страшно не везло. Только поправится от одного ранения, проведет несколько боев, и снова ранение. И приходилось лейтенанту Брайко больше командовать батальоном, чем заниматься штабными делами.

Брайко оказался сообразительным и находчивым командиром. Не случайно, когда в Карпатах был ранен В. М. Кудрявский, он возглавил батальон и вывел его с наименьшими потерями. За это Брайко был награжден орденом Красного Знамени…

Сейчас капитан Брайко командовал третьим батальоном. Он самый молодой среди комбатов. Ему около двадцати четырех лет. Почти никто не называет его по отчеству, а просто— Петей Брайко. Но это не вредило его авторитету среди подчиненных и командования.

И на этот раз, поручая трудную задачу, Вершигора верил, что Петя Брайко выполнит ее.

В 15.00 3 февраля 1944 года облегченная колонна третьего батальона покинула село и взяла направление на восток.

Через двенадцать суток батальон присоединился к главным силам, и Брайко подробно доложил о выполнении задания.

…Город Горохов обошли с севера и повернули на юго-восток. Шли ускоренным маршем.

Первый шестидесятикилометровый переход близился к концу. До места дневки в селе Ольховке Гороховского района оставалось чуть больше трех километров.

— В селе около сотни гитлеровцев. Ведут себя спокойно. Видно, о нас им ничего не известно, — доложил командир разведки Берсенев.

— Этого еще не хватало, — возмутился начальник штаба Попов.

— Может, это и лучше. На этом гарнизоне испытаем свои силы, — сказал Брайко.

— Люди устали, с ног валятся, — напомнил Попов.

— Внезапность — наше главное оружие. Упустим момент—

дадим козырь в руки противника. Как ты думаешь, Андрей Калинович? — спросил комбат комиссара.

— Возьмем Ольховку, в тепле отдохнем, — поддержал Цымбал.

— Прикажите сделать получасовой привал. Командиров рот вызовите ко мне, — распорядился Брайко.

Голова колонны замерла на месте, а позади еще долго слышалось чавканье солдатских сапог по грязи. Дорога превратилась в месиво. Партизаны сворачивали на обочины, подминали кусты, садились и закуривали. Изредка доносились приглушенные голоса.

— Ну и дорожка, черти бы ее взяли.

— Пора бы уже и на боковую. Почитай, километров шестьдесят отмахали…

— Ребята, у кого веревка найдется?

— Что, повеситься задумал? — пошутил кто-то.

— Сапог каши просит. Подвязать бы…

— Да, грязища! Не то что сапоги, того и гляди ноги повыдергивает…

Цымбал слышал этот разговор. Понимал — переход дался нелегко. У самого ныло все тело, глаза слипались. Казалось, остановись на минуту — и сразу же уснешь. Раньше за ним этого не наблюдалось. Видимо, три ранения не прошли бесследно. Но комиссар понимал, что за ним следят бойцы. Он не имеет права поддаваться слабости.

Подойдя к роте новичков Серго Арутюнова, Андрей Калинович как ни в чем ни бывало весело заговорил:

— Как самочувствие? Отстающих нет?

— Все в порядке, товарищ комиссар, — ответил Серго, поднимаясь с пенька.

— Сидите, сидите, — торопливо сказал Цымбал. — Я тоже не против присесть. Потолковать пришел.

Партизаны сгрудились вокруг комиссара.

— Устали? Ничего, скоро отдых, — продолжал Андрей Калинович. — Километра три осталось.

— Почему же мы остановились? Надо было идти до места, — проговорил кто-то из партизан.

— Да тут, братцы, такая заковыка… В селе немцы.

— Много?

— Человек сто…

— Ничего себе отдых! Куда же разведчики смотрели? — отозвался пожилой партизан, меняя портянку.

— Разведчики вместе с батальоном вышли и не успели раньше побывать в селе.

— Получается, как у того охотника: «Дядя, медведя поймал». — «Так веди». — «Да он не идет». — «Тогда сам иди». — «Он меня не пускает».

Шутки никто не поддержал. Некоторое время длилось молчание.

— А если немцев будем немножко любезно попросить потесниться? Может, пустят? — нарушил молчание Арутюнов.

— Вот я и пришел посоветоваться с вами, — сказал Цымбал. — Командир и начальник штаба над этим уже маракуют. Вызывают командиров рот, Вам, Сергей Аркадьевич, тоже надо быть там.

Не говоря ни слова, Арутюнов поднялся, проверил автомат и направился в голову колонны. За ним как тень последовал связной.

Когда их силуэты растаяли в темноте, комиссар вынул кисет, оторвал лоскуток бумажки, насыпал махорки, завернул цигарку, раскурил ее и лишь после этого заговорил:

— В ночном бою главное — решительность и быстрота действий. Навязывать свою волю противнику. Гитлеровец пошел какой-то жидковатый, не то, что было год-два назад. Кстати, слыхали, наши войска освободили Луцк и Ровно?

— Так это ж совсем рядом. До Ровно ста километров не наберется, а до Луцка и того меньше, — оживленно заговорил политрук роты Погосов.

— Так и есть. Теперь понимаете, какое настроение у фашистов, засевших в Ольховке? Они ждут наступления советских войск с востока, а мы им стукнем в спину…

— Чего же мы ждем? Скоро рассвет, тогда будет труднее.

— Правильно говорит отделенный, — поддержал Погосов. — Надо торопиться.

Партизаны оживились, забыли про усталость. Цымбал поспешил успокоить товарищей.

— Ждать осталось недолго. Еще раз проверьте оружие, снаряжение, чтобы в бою заминки не получилось…

Партизаны, сделав последнюю затяжку, бросали окурки и каблуками втаптывали в грязь. Командиры отделений и взводов созывали своих людей.

Теперь Цымбал не сомневался в успехе. Перед уходом сказал:

— В бой пойду с вашей ротой.

— Пожалуйста, будем рады.

— Мы этих фрицев в бараний рог согнем, — заговорили вразнобой партизаны…

На Ольховку наступали с трех сторон. Застигнутые врасплох гитлеровцы, без шинелей, а то и в нательном белье выскакивали

из хат, в панике метались по улицам, пытаясь спастись, но везде попадали под партизанские пули. Нащупав свободный выход, некоторые прорвались на восток.

К восходу солнца Ольховка была очищена от противника. Немцы потеряли свыше двадцати человек убитыми. Остальные побросали свое оружие и имущество и разбежались.

Покончив с немецким гарнизоном, партизаны выставили охранение и остановились на отдых. Из погребов, ям, канав начали выползать напуганные боем жители.

— Сынки наши ридни, вызволители. Долго мы вас ждали, — запричитали голосистые украинки, обнимая партизан.

— Измаялись под клятыми гитлерами…

— Дошли наши молитвы до бога, — прошамкала беззубым ртом морщинистая, как печеное яблоко, старушка.

— Заходьте до нашои хаты.

— И до нашои, — наперебой приглашали гостеприимные хозяйки.

Бойцы отделениями размещались по домам.

— Андрей Калинович, боюсь я этого гостеприимства, — сказал Брайко.

— Почему же? До слез трогательные встречи, — возразил Цымбал.

— Я не об этом. Понимаешь, что может получиться? На радостях тетки поставят самогон. Наши хлопцы не из тех, кто отказывается. А сколько им надо с устатку? Перепьются. Победа может обратиться поражением.

— Как я об этом не подумал? Расчувствовался, — признался комиссар.

— Пойду по хатам, поговорю с людьми. Заодно скажу политрукам и агитаторам, чтобы побеседовали с населением. Надо порадовать их новостями с фронта.

Брайко вошел в дом, отведенный под штаб, и увидел на столе миски, наполненные дымящейся картошкой, солеными огурцами, капустой, ломти ржаного хлеба.

— Раздевайтесь, будь ласка. Умойтесь с дороги: я уже и водички подогрела. Да и сниданок стынет, — затараторила не по возрасту суетливая чернявая хозяйка лет пятидесяти — пятидесяти пяти.

— Спасибо. Не беспокойтесь, мамаша. Я подожду, — ответил Брайко, снимая походное снаряжение.

— Пока закусите и курочка будет готова… уцелела от германцев, — не унималась тетя Ганна (так звали хозяйку).

— Вы одна живете? — спросил Петя Брайко, рассматривая небогатое убранство комнаты.

— Чому ж цэ одна? Со стариком, — ответила тетя Ганна и, услышав шаркающие шаги в сенцах, добавила — Ось и старый…

Скрипнула дверь, и на пороге появился высокий, сутулый мужчина лет шестидесяти, с седыми свисающими усами и черной повязкой через правый глаз. Неторопливо снял рваную шапку и лишь после этого сказал:

— Доброго ранку!

— Здравствуйте, — ответил Брайко, пошел навстречу хозяину и протянул руку.

Старик обхватил Петю за шею, уткнулся лицом в его плечо и зарыдал, приговаривая:

— Дождался… Теперь и помирать можно.

— Зачем же? Теперь только по-настоящему жить начинать, — успокаивал Брайко.

— Так, так, сынок. Твоя правда… Думал не доживу, а вот дожил… Прогнали фашиста поганого — новую жизнь строить будем, — успокаиваясь, сказал старик.

Комбат понял, что их принимают за кадровую часть Красной Армии. Ему стало не по себе. Они и не подозревают, что немцы могут снова нагрянуть, как только партизаны уйдут. Как ни печально, а Брайко сказал:

— Немцы бегут…

— Бегут, бегут, ироды, — подхватил старик.

— Но они могут к вам еще наведаться…

— Как? — встрепенулся хозяин, оторвался от плеча комбата и испытующе посмотрел в глаза Брайко.

— Да вы, батя, не беспокойтесь. Садитесь, — предложил Петя. — Дело в том, что мы партизаны. Оставаться в селе надолго не можем. У нас своя задача — бить фашистов с тыла, помогать Красной Армии.

— Как же быть? Что робить? — растерянно проговорил старик.

— Я же вам говорю — не волнуйтесь. По нашим следам идет фронт. Слышали, позавчера освобождены Ровно и Луцк?

— Нэ вже?! До Луцка от нас миль двадцать будет, — обрадовался хозяин.

— Вот видите? Скоро придет свобода. Не сегодня, так завтра наши войска будут здесь, — продолжал комбат. — Возможно, немцы к вам больше не попадут, но все же советую быть настороже. Отступая, они особенно зверствуют, не щадят ни людей, ни сел. Все сжигают до тла…

— Садись, сынок, за стол, — вмешалась хозяйка.

И хотя при виде курятины, появившейся на столе, засосало под ложечкой, Петя попросил:

— Подождем немного. Товарищи подойдут, а я пока умоюсь…

В хату вошел начальник штаба старший лейтенант Попов. Под стать командиру — молодой, стройный, веселый москвич. В отряд пришел недавно, но уже успел полюбиться партизанам.

Михаил Попов поздоровался с хозяевами и, обращаясь к комбату, доложил:

— Заставы выставил. Разведку выслал.

— Потери уточнили? — спросил Брайко.

— Запросил роты. Вызвал врача, — Попов посмотрел в окно и добавил: —Да вот он идет.

Сильно наклонясь, в дверь протиснулся молодой, высокий, худощавый, с глубоко посаженными глазами военфельдшер Михаил Михайлович Горелов. Перед самой войной он окончил медицинский техникум, служил в Харьковском пограничном училище. Но затем в первые же дни войны военфельдшер Горелов оказался на фронте в 117-й стрелковой дивизии. Воевали яростно, но уже через три-четыре месяца от дивизий почти ничего не осталось. Ее остатки оказались в глубоком окружении. Начались скитания по оккупированной территории.

Михаил видел страдания народа. По пути оказывал медицинскую помощь больным. На Ровенщине жители упросили Горелова остаться, помочь избавиться от эпидемии тифа, вспыхнувшей в селах.

Он долго колебался.

— Что же нам, пропадать? — говорили убитые горем крестьяне. — Своих врачей нет, а от фашистов помощи не жди. Оставайтесь, пожалуйста, поможете, а потом уйдете в партизаны. Все равно вам не перебраться через линию фронта…

В доводах крестьян была доля правды. Разве не все равно, где драться с врагом? Все же Горелов долго колебался. Наконец, сдался. Остался. Трудно приходилось Михаилу. Ни днем, ни ночью не было покоя. В дождь и в пургу ходил Горелов за многие километры в соседние села, помогал больным. И хотя понимал, что приносит пользу, военфельдшер чувствовал себя не в своей тарелке.

Летом 1943 года Горелов с несколькими местными парнями пришел в партизаны. Его приход был кстати: отряды Ковпака нуждались в медицинских специалистах. Горелова назначили начальником санитарной части батальона. И хотя Михаил был военфельдшером, в отряде era заслуженно называли «партизанским доктором».

С момента прихода в отряд прошло полгода. Теперь, обогащенный опытом, партизанский доктор Горелов возглавлял

санитарную часть третьего батальона.

…Не успел Михаил Михайлович переступить порог, как комбат поспешил ему навстречу и, заглядывая снизу вверх в лицо Горелову, нетерпеливо спросил:

— Как дела? Много?

— Три человека раненых. Легко, но все в ноги. Транспорт для их перевозки подготовили, — доложил Горелов. В голосе чувствовалась усталость.

В середине дня от Боремля возвратились разведчики. Они доложили, что в местечке гарнизон слабый. Но там собираются немцы, бежавшие из Ольховки.

Батальон подняли по тревоге. Путь держали на юго-восток. К местечку Боремль подошли засветло. Без труда разгромили уже подавленного поражением противника. Расчет на стремительность оправдался и на этот раз.

Дальнейший путь преградила разлившаяся река Стырь. Пришлось потрудиться саперам. Они с помощью крестьян разобрали сарай и навели наплавной мост.

Продолжая движение, партизаны уничтожили заставу в селе Волновое Козинского района. Убили всего четверых гитлеровцев. Но среди трофеев оказались ценные документы, подтверждавшие, что в Бродах расположен штаб четвертой танковой армии немцев. Решили «побеспокоить» этот штаб.

Прежде всего выслали группы минеров и заминировали шоссейные дороги: Млынов—Демддовка и Дубно—Броды. Группа подрывников, во главе с молодым минером Васей Коробко, установила фугасы на участке железной дороги Дубно—Рудня Почаевская. Результаты не заставили себя ждать. На перегоне Верба—Рудня Почаевская полетел под откос вражеский эшелон. На минах, установленных на шоссе, подорвались три автомашины с грузами и одна с гитлеровцами.

Наконец-то разразилась метель. Она не прекращалась несколько суток. Это было на руку партизанам. Мелкие группы и колонны немцев двигались вслепую и попадали на партизанские засады.

Вечером 7 февраля батальон завязал бой с сильным гарнизоном противника в Доброводах Козинского района. В поисках свободных от противника дорог начальник штаба Попов с группой разведчиков направился к Пляшовке. Не доезжая села, заметил, как на дороге вспыхнули фары. Надо было выяснить обстановку. Обычно расчетливый старший лейтенант так и поступал. На этот раз этого не случилось. Проезжая через лесную деревню, Попов зашел в один из домов. Иззябнув на пронизывающем ветру, с удовольствием хватил самогонки. Она

вселила в него безрассудную храбрость, лишила здравого смысла. Он понадеялся, что на дороге автомашины и решил кавалерийским наскоком захватить их. Со словами «По фашистам — огонь!» поскакал вперед, на ходу стреляя из автомата, увлек за собой разведчиков. Но не тут-то было! Горстку партизан немцы встретили шквальным пулеметным огнем и залпами орудий. По дороге двигалась колонна танков.

Первыми же залпами был сражен старший лейтенант Попов и тяжело ранен разведчик Шкурат. Преследуя отступающих разведчиков, вражеские танки набросились на партизанский батальон. Роты оказались зажатыми с двух сторон. И тут-то Брайко прибег к хитрости. Продолжая бой с гарнизоном и танками, он под покровом темноты и метели незаметно вывел батальон в направлении Хотыни, предоставив возможность гитлеровцам драться между собой.

Взвод Устенко, высланный к Бродам, на дороге Лешнев—Броды встретился с инженерной разведкой штаба четвертой танковой армии и уничтожил ее. В эту же ночь партизаны разгромили инженерный отдел штаба армии. При этом убили двенадцать офицеров и сожгли две автомашины. Кроме того, из минометов и пулеметов обстреляли Броды. Гитлеровское командование, видимо, приняло партизан за передовые части Советской Армии, прорвавшиеся к ним в тыл, и поспешило штаб четвертой танковой армии переместить во Львов.

Используя панику в рядах врага, третий батальон овладел местечками Станиславчиком и Лопатином. Противник не оказал серьезного сопротивления. В Лопатине партизаны захватили и уничтожили спиртзавод, сто тонн спирта, авиасигнальный пост, почту, ремонтные мастерские…

Партизанские саперы заминировали в нескольких местах железную дорогу Луцк—Львов (севернее и южнее Радехова), а затем переправились через Западный Буг у села Добротвор, установили мины на железной дороге Владимир-Волынский—Львов и подорвали один эшелон.

Батальон продолжал стремительное движение на запад. Днем 12 февраля подошел к железной дороге Рава-Русская—Львов и захватил полустанок. От начальника полустанка узнали, что через несколько минут должен пройти воинский эшелон. Не теряя времени, заминировали путь. Стали ждать. Наконец послышался грохот приближающегося эшелона.

Не подозревая об опасности, машинист вел состав полным ходом. Все ближе и ближе. Уже слышен перестук колес и буферов.

Партизанские роты изготовились к встрече. Как только взорвалась мина и паровоз с тремя вагонами свалился с насыпи,

ударили по составу из пулеметов, автоматов и бронебоек. Противник не отвечал. Тогда и партизаны прекратили стрельбу, подошли к вагонам. Эшелон оказался груженным военной техникой и различным имуществом. Несколько человек охраны погибли при крушении.

Уничтожением этого эшелона батальон завершил выполнение задания. С боями прошел шестьсот километров по тылам четвертой танковой армии противника и присоединился к главным силам в польском селе Боровце.

Успешно проведенные бои и переходы подтвердили, что третий батальон находится в надежных руках. Командир батальона Петр Брайко, командиры и политруки рот оправдали надежды, которые возлагало на них командование соединения.

Забегая вперед, скажу, что и в последующих боях третий батальон действовал успешно. А Петр Евсеевич Брайко показал себя способным командиром, настоящим руководителем боя.

Мы будем жить!

Больше недели не утихают снежные бураны. Казалось, зима, задержанная затянувшимися оттепелями, теперь вырвалась на свободу и резвилась, словно застоявшийся жеребец. Дороги начисто замело. В селе Печихвосты, где мы остановились, навалило сугробы под самые стрехи. Февраль оправдывал свое украинское название — лютый. Все живое попряталось. В такую погоду, говорят, хороший хозяин собаку на двор не выгонит, а для нас ненастье на руку. Сподручнее подобраться к гитлеровцам, забившимся в теплые хаты.

Только что от советско-польской границы вернулся Семченок со взводом разведчиков. Побывали на участке западнее Сокаль—Белз.

— Переход границы не составит труда, — деловито доложил Семченок. — Гарнизонов почти нет. На отдельных участках — посты.

Когда я доложил результаты разведки Войцеховичу, он сказал:

— Теперь надо прощупать границу южнее, в направлении Рава-Русская—Цешанув. Есть ли на этом участке укрепления и гарнизоны? Постарайтесь заглянуть поглубже на территорию Польши…

Через два часа я со взводом лейтенанта Гапоненко покинул Печихвосты и ушел за «линию Керзона» в Польшу. Вместе с нами на задание ехало отделение разведчиков-артиллеристов во главе с Леней Прутковским.

Леня поравнялся со мной. Поехали рядом, стремя в стремя.

— Думал ли я в сорок первом, что доживу до дня, когда вновь ступлю на границу?! — взволнованно заговорил Прутковский.

— Доводилось здесь бывать? — поинтересовался я.

— Не здесь, в Белоруссии, западнее Молодечно. Меня перебросили туда с группой сержантов из полковой школы за несколько дней до войны. Приехали, а командовать-то и некем, солдат нет. Не успели осмотреться — война. Дали нам на пятьдесят человек тринадцать стареньких винтовок и семь малых саперных лопат.

— Здорово вас вооружили! — съязвил разведчик Саша Гольцов.

— Да, как говорится, вооружили до зубов. Сейчас смешно вспомнить. Даже пистолетов не дали… Послали в бой. Там получите оружие, говорят. Поверили, пошли. Но, конечно, никто для нас оружия не припас. Там такое творилось!..

Правда, в первом же бою кое-кто сумел подобрать винтовки, и пулеметы убитых, а я так и остался с лопатой. Этой же лопатой оглушил первого немца. Все произошло, как во сне. Но помню, как растерялся, увидав так близко первого фашиста. Только уж когда секанул его лопатой по шее, мной овладело такое бешенство, что готов был всем им перегрызть горло…

Ну а дальше пошло, как у всех: бои, отступления… Шесть раз выходили из окружения. Последний раз с генералом Болдиным прорвались и двинулись на Лепель. Наша группа прикрывала отход через шоссе Докшица—Долгиново. Главные силы прошли, а нас, человек семьдесят, опять отрезали… Пошли на восток. По пути одни гибли, другие отставали. Когда осталось пятнадцать человек, я стал старшим. Встретили старшего политрука Громова. От него узнали о призыве партии— развертывать партизанские действия. «На восток нам не пробиться. Будем партизанить», — сказал Громов. С ним согласились.

— Выходит, ты у нас самый старый партизан, — вставил Журов, бывший пограничник. Ему самому пришлось испытать плен, побег, скитания по тылам врага.

— Не получилось у нас партизанского отряда, — с досадой сказал Леня. — Не имели мы тогда никакого представления, что можно сделать в тылу врага, да и «командующий» попался неважнецкий. Сам с пятью бойцами расположился в деревне недалеко от Лепеля, а мы жили в лесу и сторожили старшого. Как-никак — командир. Наступили холода. Сидим в лесу, клацаем зубами, а наш командир в деревне стратегические планы разрабатывает. Встретили как-то капитана Архипова— начальника штаба отряда Бати. Хотели уйти с ним, но политрук не разрешил. «Мы будем самостоятельным отрядом», — сказал он. Самостоятельным так самостоятельным. Начальству виднее, как говорится, оно газеты читает и радио слушает. А в деревне и на самом деле было радио. Там и черпал политрук вести с фронта… Дальше случилось то, что при нашей беспечности должно было случиться.

Леня, помолчал, тяжело вздохнул, видимо, припоминая подробности пережитого, и снова заговорил:

— Было страшно холодно. Костры не разводили, опасались гитлеровцев. В ночь на 10 ноября, точно помню, такое не забывается, мы забрались в шалаш и зарылись в солому. Ночью к шалашу подошло человек двадцать в красноармейской форме и с оружием. Сказали, что от политрука, и назвали пароль. Мы обрадовались пополнению, развесили уши и… влипли.

Видим, наш политрук связан и с кляпом во рту… Так я впервые повстречался с полицаями.

— Досиделся ваш «командующий, — с досадой заметил Гапоненко.

— Вот именно. Привели нас в хату. До утра допрашивали, били. В моей голове тогда никак не укладывалось: русский, белорус, украинец и вдруг — предатель!

— Надеюсь, теперь у тебя укладывается? — с иронией спросил Журов.

— Откровенно говоря, не совсем, — признался Прутковский. — Предателям, видно, надоело с нами возиться. Оставили одного охранять пятерых связанных, а сами пошли по деревне. Наверное, решили пополнить запасы самогонки. Сижу, опершись спиной о стенку, и думаю: «Неужели конец? Так скоро? Нет, сдаваться рано. Надо попытать счастья».

Кисти рук, перетянутые веревкой, онемели. Начал шевелить руками — чувствую, веревка подается. Поднатужился. Веревка еще больше ослабла. Попробовал вытащить одну руку из петли — удалось. Освободился от веревки, но руки продолжаю держать за спиной. Думаю. Один план сменяется другим. «Вдруг неудача? Тогда смерть». Гляжу на остальных, сидят, понурив головы. Наверное, тоже думают. И тут я решился. Улучив момент, когда полицай отвернулся, я вскочил на ноги, в один прыжок оказался рядом с предателем, левой рукой зажал ему рот, а правой схватил на столе вилку и со всей силы вогнал в его затылок. Полицай заревел, как бык. Я выхватил у него винтовку и прикладом добил, как бешеную собаку. Ребята повскакали на ноги, принялись зубами развязывать друг другу руки. У двоих товарищей я перерезал веревки кухонным ножом, которым полицаи резали сало.

Все произошло так быстро, что хозяева опомнились и подняли гвалт, когда мы были уже на улице. Полицаи спохватились и открыли пальбу. Я подал команду, и братва разбежалась в разные стороны: не всем, так хоть кому-нибудь удастся спастись…

— Ну а дальше? — не утерпел Павлик Лучинский.

— Собрались в лесу. Неделю ходили, искали Линькова. Не нашли и подались на восток. А там что ни деревня, то каратели. На Смоленск не прошли. Повернули на юг. На полпути из Орши в Кричев, под Дрибиным, встретили таких же, как мы. Не приняли нас. Видите ли, моя винтовка могла их выдать. Они решили пробираться без оружия. Ну уж, подумал я, оружие не брошу. Пошли дальше. Мои спутники зашли в село, чтобы раздобыть хлеба. Напоролись на засаду и погибли.

Пришлось путешествовать одному. Вот когда я понял, что такое одиночество! Страшно вспоминать… Шел перелесками

вдоль реки Прони. Возле Чаусов встретился с группой вооруженных красноармейцев. Старшим у них был лейтенант Семенов. Остался с ними.

— В Чаусах наш полк получил боевое крещение, — вспомнил я.

— А мне там пришлось попартизанить. Жаль только, мало. Организовали несколько засад и нападений на полицию. Ухлопали пропойского коменданта. Но и нам досталось. Многих тогда потеряли. Погиб храбрый командир — лейтенант Семенов. Я даже не знаю его имени… Ну а потом снова пошли искать партизан…

По наледи перебрались через Десну. На хуторе Млыны Черниговской области встретили Леонида Уткина. От него впервые услыхали о Ковпаке. На след ковпаковцев напали в деревне Юрьево Путивльского района. Связались с лесником Замулой. После узнали, что у него был своего рода сборный пункт партизан. Он-то и указал, где искать Ковпака. В Новой Слободе встретились с группой Карпенко. Но у меня, как на зло, открылась рана. Товарищи ушли, а мне пришлось задержаться в Слободе. И лишь через полтора месяца за мной приехал Леня Уткин и увез в отряд…

Рассказ как рассказ. Казалось, что в нем особенного? Мне пришлось выслушать десятки подобных историй. Но каждая из них по-своему заставляет волноваться, переживать, размышлять. Что ни человек, то судьба.

Вот со мной рядом едет Павлик Лучинский. Невысокий, скромный паренек, родом из Онеги. Я любил этого тихого, безотказного разведчика. Не помню случая, когда бы Павлик пожаловался на усталость. Глядишь на него — еле держится на ногах, а как только услышит, что надо идти в разведку, сразу же приободрится, спокойно скажет: «Я готов!»

Лучинский по своему характеру был парнем компанейским, но иногда он становился замкнутым, и тогда трудно было добиться от него хоть одного слова. Это тревожило товарищей. Как-то, выбрав удобный момент, я осторожно спросил Павлика:

— Скажи откровенно, что с тобой происходит? Может, устал?

— Ребенок из головы не выходит, — ответил задумчиво разведчик.

И Лучинский рассказал случай, который заставил содрогнуться видавших виды разведчиков.

…Группа красноармейцев оказалась в тылу врага. После смерти лейтенанта командиром стал сержант Лучинский. Лесными тропами пробирались к своим. Дороги забиты фашистами. В селах полицаи. Мучил голод. Как-то подошли к

лесной деревушке в надежде запастись хлебом. Но там зверствовали каратели. Хаты пылали. Гитлеровцы сгоняли к пожарищам жителей и косили их из автоматов. До красноармейцев доносились душераздирающие крики обреченных. Но чем могли помочь четыре изнуренных бойца? Когда же увидели как один из палачей нанизал на штык ребенка и бросил его в огонь, красноармейцы не выдержали, и не сговариваясь, открыли огонь. Немцы всполошились, залегли. Однако скоро поняли, что перед ними всего несколько человек, бросились к лесу. Лучинский и его товарищи, отстреливаясь, отошли в глубь леса. А тем временем, пока каратели гонялись за группкой отважных бойцов, часть жителей успела спастись от смерти.

— То, что увидел в деревне, на всю жизнь оставило зарубку на моем сердце. Я часто задаю себе вопрос: каким же нужно быть зверем, чтобы так поступить? — сказал в заключение Павлик.

Долго молчали разведчики, потрясенные услышанным. На их сосредоточенных лицах угадывалась решимость мстить жестокому врагу…

— А как ты оказался в тылу врага? — нарушил затянувшееся молчание Журов.

— Под Минском наш взвод прикрывал отход полка на новый рубеж. Задача была не из легких. Наступало много немцев, с танками. Мы поклялись умереть, но приказ выполнить. На всякий случай перед боем попрощались. Командиром взвода был молоденький лейтенант, но мы его любили за смелость. Так вот он обнял каждого из нас, расцеловал, а у самого слезы на глазах. Во взводе были бойцы, которые годились ему в отцы, — рассказывал Лучинский. — Дрались не на жизнь, а на смерть. Многих фашистов уложили. Приказ выполнили, но какой ценой! В живых осталось несколько человек. Под конец боя рядом с моим окопом взорвался снаряд. Что было дальше — не помню… Очнулся в лесу и увидел склонившихся надо мной троих товарищей с потными, закопченными лицами. «Все, конец», — проговорил кто-то из них. «Что все? Какой конец?» — спросил я, еще не понимая, где я и что произошло. Когда я окончательно очухался от контузии, товарищи рассказали, что в живых осталось всего пятеро. Лейтенант приказал забрать меня и начал отводить уцелевших. В последний момент пуля настигла командира взвода… Вот и пришлось нам одним пробираться к фронту. Неизвестно, сколько бы мы проблуждали по лесам, если бы не встретились с ковпаковцами.

…Павлик Лучинский, Леня Прутковский, Леша Журов, сотни и тысячи таких же, как они, честных советских людей отважно

сражаются в тылу врага, а дома на них получены похоронные или неопределенное «пропал без вести». Так и хочется крикнуть, чтобы весь мир услышал: «Дорогие! Любимые! Перестаньте плакать! Не верьте похоронкам. Вытрите слезы. Мы живы! Мы обязаны жить, чтобы бить врага. Мы будем жить!»

От этих мыслей даже жарко стало. О чем только не передумаешь за длинный путь! Ведь и обо мне больше года ничего не знали…

Позади остался Западный Буг. Южнее Сокаля мы пересекли железную дорогу Владимир-Волынский—Львов. Скоро Польша! Чем ближе подходили к границе, тем настороженнее становились разведчики. Пугало одно название: государственная граница. Здесь июньским утром сорок первого года наши пограничники приняли на себя первый удар врага.

К границе подбирались осторожно, крадучись. Каково же было наше удивление, даже разочарование, когда мы узнали от местных жителей, что находимся уже в Польше. Граница на этом участке никем не охранялась. Часть дотов не достроена, многие взорваны, да и те, которые уцелели, никем не заняты. Только в местечках и приграничных селах располагались малочисленные немецкие гарнизоны и польская полиция. Здесь было точно такое же положение, как и на участке, куда ходил Семченок.

Припомнилось, что во время рейда в Карпаты мы провели несколько боев с немецкими заставами в Галиции, на реке Збруч, где проходила старая советско-польская граница. Почему же здесь нет охраны? И вдруг я сделал для себя открытие.

Проводя политику разжигания национальной вражды, гитлеровцы натравливали украинских буржуазных националистов на поляков и наоборот. Пусть, мол, дерутся между собой, лишь бы не трогали их, фашистов. Мы знали много случаев, когда бандеровцы вырезали целые села поляков. В свою очередь, поляки предпринимали защитные меры против бандитов. Здесь-то немцы и выступали в роли «защитников».

Видимо, в этом разгадка.

В часть возвратились в веселом настроении. Опасения командования были напрасны.

Выслушав мой доклад, Вершигора просиял.

— Как ты думаешь, Вася, не настало время махнуть за «линию Керзона»?

— Это надо хорошенько обмозговать. Ведь там Польша! — ответил осторожный Войцехович.

В Польше

В затруднительном положении оказалось командование. Какой район выбрать для партизанских действий? Выбор был крайне ограничен. На восток некуда. Войска Украинских фронтов продвигались на запад. До передовой сто километров, а местами и того меньше. На юг? Мы уже на территории Львовской области, а дальше Прикарпатье. Откровенно говоря, при одном упоминании о Карпатах по спине мороз пробегает. Еще свежо в памяти все, что пришлось там перенести. Но то было летом, а сейчас… Горные тропы, по которым тогда пробирались с трудом, зимой вообще непроходимы. Надолго ли нас хватит?! С запада — граница. Там чужая территория.

Несколько переходов совершили вдоль Западного Буга на юг. Последнее время все чаще и чаще взоры Вершигоры и Войцеховича обращались к Польше. Туда же зачастили наши разведчики. Начали поступать сведения о больших перебросках фашистских войск по железным дорогам.

События торопили, требовали от наших командиров решительных действий. Вершигора был склонен продолжить рейд на территорию Польши.

— Чего тут раздумывать? — горячился обычно спокойный и молчаливый Москаленко. — Идем в Польшу — и баста.

— Пойми ты, мил человек, там чужая территория, — говорил Вершигора, в душе радуясь поддержке.

— Но эта территория нужна нам лишь для того, чтобы бить на ней фашистов.

— Дело политическое. Как на наш приход в Польшу посмотрят там? — Вершигора многозначительно показал на запад.

— Беспокоитесь, чтобы не обиделись союзники? Так я вам скажу, они были бы рады, если б война вовсе не прекращалась.

— Это понятно, — вмешался Войцехович. Он был того же мнения, что и Вершигора, но, видимо, решил еще раз убедиться в правильности замысла. — Речь идет о том, будет ли законным действие партизан за пределами своей страны?

Замполит опешил. Скорее всего, не ожидал такого вопроса. Посмотрел на Войцеховича и удивленно спросил:

— А почему незаконны? Разве задачи польского народа в этой войне не такие, как и наши? Что, они меньше терпят от фашистской кабалы, чем советские люди? Мы приветствуем польских партизан на нашей территории. Больше того — помогаем им. Видел, как разрослось соединение Роберта

Сатановского? А в отрядах Бринского чуть ли не половина поляков… Если хотите, помочь полякам — наш интернациональный долг. Можем вполне рассчитывать на сочувствие и поддержку польского народа.

Казалось, такой простой вопрос, а решение его требовало особой осторожности. Прежде чем шагнуть за «линию Керзона», надо было тщательно обдумать действия, изучить обстановку в Польше, настроение народа, установить контакт с действующими там польскими партизанскими отрядами.

Случай заставил поторопиться с принятием решения.

В ночь на 6 февраля 1944 года девятая рота вышла из Печихвост, обошла Горохов с юго-востока и ворвалась в город. Фашисты приняли партизан за передовые части Советской Армии, в бой не вступили, бросили две пушки, шестнадцать автомашин и бежали на юго-запад в сторону Львова, даже не успев взорвать заминированные здания. Двадцать три гитлеровца сдались в плен, в том числе несколько полицейских. Среди них был некто Дмитренко. Он каялся и упрашивал помощника командира девятой роты Ивана Сердюка, чтобы приняли его в партизаны. Сердюк поверил. Мало ли бывших полицаев, осознав свою ошибку, перешло на сторону партизан. Многие из них, стараясь искупить свою вину перед Родиной, воюют неплохо. Однако предатель Дмитренко был не из таких, кто хотел искупить вину. На следующий же день, выбрав удобный момент, он бежал. Мы тогда не придали этому особого значения. И лишь много лет спустя, уже после войны, выяснилось, что из рук партизан ускользнул опасный преступник, палач советского народа, бывший комендант Краснодара. Однако избежать возмездия ему не удалось…

Там же произошла встреча с партизанами соединения генерала Наумова, которые вошли в город с юга.

7 февраля к нам в Печихвосты приехали генерал Наумов и его комиссар Тарасов Михаил Михайлович. Весть об их приезде молнией облетела ковпаковцев. Добрая слава ходила в народе о лихом партизанском генерале.

Капитан-пограничник Михаил Иванович Наумов воевать начал в первые минуты нападения фашистской Германии. Как и многие пограничники, пережил немало тяжелых дней, пока добрался до Хинельских лесов и встретился с партизанами. Рядовой партизан, начальник штаба, командир отряда, и, наконец, командир партизанского соединения — таков его путь.

Зимой 1943 года партизанское кавалерийское соединение под командованием капитана Наумова выступило из Сумской области в знаменитый рейд по южным районам Украины,

получивший название Степного рейда. Побывало в Полтавской, Киевской, Черниговской, Винницкой, Житомирской и других областях. Это он, капитан Наумов, привел в трепет фашистов в полевой ставке Гитлера «Вервольф» под Винницей.

В мае 1943 года в междуречье Днепра и Припяти отряды Наумова совместно с соединением Ковпака в жестоких боях с крупной фашистской группировкой сорвали тщательно подготовленную карательную экспедицию против партизан.

За успешные боевые действия и умелое управление соединением Наумову было присвоено внеочередное воинское звание генерал-майора. Этот необычный случай вызвал много разговоров среди партизан. Рассказывали даже такие подробности. Сталин выслушал доклад о результатах Степного рейда под Винницу, пришел в восторг, расправил чубуком трубки усы и сказал: «Не солидно получается: капитан и вдруг замахнулся на ставку фюрера. Дать ему генерала!» Так М. И. Наумов из капитанов «прыгнул» сразу в генералы.

Теперь соединение этого молодого генерала действовало рядом с нами. Такое соседство нас радовало. Кроме того, у Вершигоры с Наумовым установились хорошие, дружеские отношения. Поэтому встретить гостя вышли многие ковпаковцы. Михаил Иванович, как и подобает кавалеристу, носил кубанку и роскошную меховую черную бурку. Молодцевато соскочив с седла, он весело выкрикнул:

— Приветствую славных ковпаковцев!

Партизаны дружно ответили на приветствие.

— Вас вернее называть теперь двойным именем: ковпаковцы-вершигоровцы, — сказал Наумов, крепко пожимая руку Петру Петровичу.

— Не будем нарушать традиций, к тому же моя фамилия не звучит, — ответил Вершигора.

— Земляки есть? Пермяки, поднимите руки… — обратился Наумов к окружившим его ковпаковцам.

Земляков не нашлось.

— Жаль. А пограничники?

— Я пограничник…

— Я тоже…

— И я на Гуцульщине служил, — вышел вперед Леша Журов.

Пограничников набралось больше десятка.

— Ну как, Петр Петрович, не обижаешься на пограничников?

— Золотой народ! Грех обижаться, — улыбаясь ответил Вершигора.

Посыпались вопросы и ответы. Не утерпел и я.

— Как у вас поживает Толя Инчин?

— Земляк?

— Да нет. В 1942 году из Брянского леса на Сумщину пробирались вместе. Помог он мне тогда…

— Постой, постой, — заинтересовался Наумов. — Не с вами это приключилось в поселке Локоть?

— Да.

— Как же, знаю, знаю. Инчин много раз рассказывал о ваших похождениях. Даже говорил, что не плохо бы приручить разведчиков-десантников к нам… Кстати, не удалось узнать судьбу Калинина?

<— Пока нет… А как там Анатолий?

— Геройский парень. Командует кавалерийским отрядом. Отличный командир. Побольше бы таких, — чувствовалось, что Инчин у генерала на хорошем счету.

— Михаил Иванович, снегом занесет. Прошу в хату, — пригласил Вершигора, видя, что вопросам не будет конца…

Всю ночь проговорили хозяева и гости. Изучили по карте предстоящие маршруты, обменялись разведывательными данными. Командиры двух соединений договорились продолжать спаренный рейд по параллельным маршрутам. Выработали план согласованных ударов по железнодорожным магистралям Краков—Львов, Львов—Варшава.

Решение принято. На следующий же день приступили к его осуществлению. Передвинулись на юго-запад и остановились в Корчине. Еще один переход, и мы оставили позади себя Западный Буг, заняли хутора южнее Жовквы, уже у самой границы.

— Ударим по четвертой танковой еще раз, — предложил Вершигора.

— Куда нам с танковой армией тягаться, улыбнулся Войцехович.

— А мы не по самой армии, а по тылам и путям ее снабжения.

Группы минеров, подготовленные капитаном Кальницким и Владимиром Дубиллером, направились для выполнения заданий на железных дорогах. В короткий срок им удалось взорвать девять железнодорожных мостов, пустить под откос восемь эшелонов.

Возвращаясь с задания с ротой второго батальона, Коровенко увидел «оппель-капитан», мчавшийся по шоссе Люблин—Львов. Быстро организовал засаду. Первыми же выстрелами подбили машину. Из нее выскочила женщина в котиковой шубе и, размахивая руками, закричала:

— Что вы, мерзавцы, в своих стреляете! Ведь это машина… гауптмана…

Женщину взяли в плен. Партизан она приняла за местных

полицаев и, пока ее вели в штаб, извергала поток брани и угроз: «Вы своими головами ответите за жизнь гауптмана!» А поняв, к кому попала, сразу же сникла, прикусила язык и на вопросы отвечать отказалась наотрез. И тут случилось неожиданное.

Подошел наш юный партизан Ярослав Апустек — сын Вячеслава Апустека, бывшего капитана Войска Польского. Увидел женщину и удивленно воскликнул:

— Пани научителька?! Вот так встреча!

— Ты ее знаешь? — спросил Григорий Коровченко.

— Вем, вем… знаю. В вёске Линов я учился в школе имени Генрика Сенкевича. Пани была у нас научителькой, — ответил Славик.

— Здорово! Из учительницы подалась в любовницы к фашистскому капитану…

Бывшая учительница не ждала такой встречи, побледнела и стояла молча, поджав вздрагивающие губы.

Видимо, и немцы не ждали нашего прихода. Иначе, чем же объяснить, что железные дороги и мосты охранялись малыми силами, а гитлеровцы свободно раскатывали на машинах по шоссе?..

Прежде чем перешагнуть границу, из села Печихвосты Вершигора направил в Киев радиограмму следующего содержания:

«Киев. Секретарю ЦК. Обстановка в Польше благоприятная.

Польский народ вместе с украинским способен на дела большой взрывной силы. Прошу указаний…»

Время шло, а ответ из Киева на запрос Вершигоры не приходил. Наши разведчики не раз побывали за границей, сумели связаться с польскими патриотами, привезли представителей от польских партизан. После беседы с ними Петр Петрович не стал ждать ответа, принял окончательное решение: перейти границу.

Ночью соединение вступило в пределы «области государственных интересов Германии», как именовали гитлеровцы Польшу.

Дорога проходила буграми, перелесками. На холмах маячили грозные доты. На этот раз они нам не страшны. В дотах уже обосновались наши пулеметчики — прикрывали колонну от внезапного нападения противника.

— Оказывается, железную дорогу труднее пересечь, чем границу, — смеется разведчик Маркиданов.

Это правда. Железные дороги охранялись усиленными нарядами. На станциях и у мостов — постоянные гарнизоны. Каждый переезд приходилось брать с боем.

На нашем пути появилась первая польская вёска — деревня.

Внешне она ничем не отличается от украинской: такие же белые хатки под соломенной крышей. Но хозяева этих хаток— поляки.

Напоминаю разведчикам наставления, которые на последнем совещании давал командирам подразделений Петр Петрович Вершигора.

— Учтите, мы на территории Польши. Теперь мы. не просто партизаны. По каждому из нас народ будет судить о Советской Армии, о Советском Союзе. Наша задача — рассказать полякам о положении на фронте. Помочь им организовать вооруженную народную борьбу против оккупантов. Запомните еще одно. Здесь, в Польше, кроме друзей, могут найтись и враги. Они будут выискивать наши недостатки, чтобы затем использовать их против нас. Поэтому будьте особенно осторожны, бдительны, не допускайте излишней болтовни. Крепкая дисциплина — основа успеха.

Первая дневка на чужой территории. Первые встречи с поляками. Мы с Клейном и Семченком расположились в чистенькой хатенке. Хозяйка — миловидная и бойкая пани — сразу же принялась угощать нас завтраком. Ее муж Стах начал расспрашивать о фронте, о жизни в Советском Союзе.

— Чи скоро пшийде Армия Червона?

— Красная Армия придет скоро. Но чтобы приблизить этот час, надо и здесь подготавливать победу, — ответил Клейн.

— Тутай, проше пана, теж нема спокою герману. В лясах дужо партызантув.

— Почему же вы не в партизанах?

— А для чего Стаху идти до партызантув? Там их без него досыть, — отозвалась от печки жена.

— То справа не розума кобеты[1],—огрызнулся Стах и, обращаясь к Клейну, сказал — Пан капитан прав — не к лицу сидеть дома… Мыслю тылько, до якего загону идти. Тутай дужо загонов.

— Идите в тот отряд, который лучше воюет, — посоветовал Роберт.

— Чи то правда, же разем з Армией Радецкой вальчон польские жолнеры?[2]

— Правда. Скоро сами убедитесь.

— Эх, до Войска Польского бы!

Поляки интересовались положением на фронте. Советских партизан принимали как братьев, старались во всем помочь.

На следующую ночь мы подходили к местечку Цешанув. Нас встретили разведчики во главе с Землянко.

— В Цешануве батальон польской полиции, — доложил Землянко. — С нами воевать не будут… Вот их представитель, —

разведчик указал на мужчину в полупальто и кепке.

Поляк на ломаном русском языке подтвердил все, о чем доложил Землянко.

— Вы полицейский? — спросил я поляка.

— Я партызант, — ответил тот.

— Что у вас общего с полицией?

— То не полицаи… они полицаи, но не настоящие.

— Как это понимать?

— Они пошли в полицию, чтобы добыть зброю. Помогают партызантам боевой амуницией… Проше пана, вшистко бендзе в пожондку[3],— заверил нас посланец.

Доложил Вершигоре.

— Это нас устраивает, — сказал Петр Петрович. — Все же будьте осторожны.

Белые аккуратные дома Цешанува встретили нас тихой настороженностью. На улицах ни души. Проходим, готовые в любую секунду вступить в бой. Вот казармы, за белыми стенами которых притаился полицейский батальон. Стрельбы не слышно. Ускоряем движение. Город остался позади.

Рядом со мной, припадая на левую ногу, шагает капитан Клейн.

— А ребята-то преобразились, — сказал Роберт. — Прошел вдоль колонны — все чин чином: разведчики подтянуты, никто не выходит из строя.

Да, это заметил и я. Значит, люди понимают свою задачу— задачу посланцев советского народа. О настроении разведчиков можно было судить по их разговорам. Взвод фронтовиков на этот раз шел впереди. До нас доносились возбужденные голоса бойцов.

— Верно говорит Никитенко. Куда только война не забросит нашего брата! — послышался голос Ненастьина. — Подумать только: горьковчанин Гришка Ненастьин — в Польше. Вот было бы смеху, если бы мне кто об этом сказал в сорок первом, когда под Псковом дрался врукопашную, или когда под Харьковом с бутылкой с зажигательной смесью полз навстречу танку!.

— Помнишь, под Харьковом в какую кашу мы попали? — напомнил Рыбалко.

— Еще бы не помнить! — живо отозвался Ненастьин. — Туда я попал сразу же после госпиталя. Рванулись вперед, как звери. Ну, думаю, настал час расплаты. А что получилось? Устроил нам фашист «котел». Наш саперный батальон еле вырвался. Вот тогда я и поджег немецкий танк… Многие понапрасну головы сложили. Д кто за это в ответе? Разве разведка не знала, какие силы перед нами? Знала. Тогда спрашивается: куда же смотрело начальство?

— Почему же ты не спросил? — поддел кто-то из разведчиков.

— Попробовал бы спросить! Это я сейчас такой умный и смелый…

— Смотрите, как Гриша расфилософствовался! Молчал, молчал, а тут его прорвало. Видно, польский климат пошел ему на пользу, — сказал Кирилюк.

— Як чему говорю? — не смущаясь, продолжал Ненастьин. — Много крови пролилось, пока научились воевать и сломили хребтину фашисту… Вот мы сейчас шагаем по польской земле. Поляки называют нас братьями, нам это приятно. А знают ли они, какой ценой мы дошли сюда?! Мне вот теперь петь хочется оттого, что сил в нас много…

— За чем же остановка? Запевай, Гриша! — сказал с подковыркой Кирилюк. — Ребята, тише! Зараз пан Ненастьин из Горького письню заспивае…

Разговор разведчиков дослушать не удалось. Помешали подъехавшие начальник штаба Войцехович и его помощник Степан Ефремов.

— Нравится Польша? — спросил начальник штаба.

— Рано еще говорить. Подождем — увидим, — ответил я уклончиво.

— Здесь надо быть разворотливым… Думаем эскадрон Ленкина развернуть в дивизион, — продолжал Войцехович.

— Давно надо было это сделать. Наумов все соединение посадил на лошадей. Пока мы чухаемся, он махнул хвостом и только видели его.

— Командиров эскадронов подбираем. Одна кандидатура есть — Ларионов. Его пятая рота уже посажена на коней. На второй эскадрон думаем Гапоненко. Как считаешь, подойдет?

— Подойдет ли Гапоненко? О чем вопрос? Конечно, подойдет, — не задумываясь ответил я. — Такого командира и на взводе держать! На фронте он давно был бы капитаном, а то и майором. Батальоном бы командовал.

— Не возражаешь, значит?

— Приветствую…

Лейтенанта Гапоненко я знал хорошо и мог за него поручиться головой.

Впереди послышалась стрельба. Ефремов пустил вскачь свою невзрачную кобыленку и ускакал на выстрелы.

На окраине деревни нас встретил разведчик Вася Демин.

— Фашисты засели в фольварке! — возбужденно прокричал он.

Я развернул роту и повел в наступление.

Оказалось, немцы засели не в фольварке, а в двухэтажном здании спиртзавода. Спиртзавод стоял у дороги при выезде из деревни. Надо было расчистить путь.

— Не стреляйте, я переговорю, — сказал Клейн.

— Не испытывай судьбы. Не стоит рисковать, — предостерег я Роберта.

Все же политрук в сопровождении Зяблицкого и Демина направился к спиртзаводу и заговорил по-немецки. Противник прекратил стрельбу. Мы остановились возле кирпичного здания. Следим за Клейном и разведчиками.

Клейн предложил немцам сдаться. В ответ полетели гранаты и застрочили автоматы. Меня что-то стукнуло в грудь. Машинально хватаюсь за то место руками. В руке оказалась еще горячая сплюснутая пуля. Видимо, она срикошетила от здания. И на этот раз косая прошла мимо. Кладу пулю в карман.

Послышался голос Зяблицкого:

— Политрук ранен! Прикройте.

— По окнам — огонь! — подаю команду и первым пускаю очередь.

Разведчики из пулеметов и автоматов ударили по спиртзаводу… Демин и Зяблицкий волокут по снегу политрука.

— Не захотели жить — подыхайте, — ругался Клейн. — Обзывали предателем. Думают, я перебежчик…

За время войны я вдоволь насмотрелся на раненых и приметил, что каждый из них на ранение реагирует по-своему. Одни виновато оправдываются, что не уберегли и теперь обречены на бездействие: «Экая досада. Подвел я вас., ребята!» Другие, наоборот, выглядят героями, ведут себя заносчиво перед здоровыми, гордятся раной, как заслугой: «Вот я какой! Даже ранен!» Третьи смотрят на ранение как на обычное, даже неизбежное на войне дело. Некоторые просто теряются: «Как же теперь быть?» А бывают и такие, которые злятся на всех, как будто в его ранении повинны товарищи. Такие требуют к себе особого отношения.

А вот Роберт Клейн заглушал боль проклятием в адрес гитлеровцев. Его укрыли за домами и перевязали рану. В это время подоспела рота Тютерева.

— Э, дружок, разве можно так рисковать? — с упреком бросил Саша, пробегая мимо Роберта. — Мы с ними сейчас поговорим на более понятном языке…

— Посторонись! Орудие к бою! — слышна команда Флегонтова.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов и оставив орудие на месте, упряжка с передком умчалась за дом…

— Прямой наводкой. Снаряд фугасный… Заряжай!

У прицела Вася Алексеев.

— Готово!

— Огонь!

Клуб пламени. Оглушительный выстрел. Снаряд взрывается внутри здания. Звенят стекла в соседних домах.

— Три снаряда, беглым, огонь!

Гремят выстрелы. Летят обломки здания. Вспыхивает пожар. Немцы ослабили сопротивление. Партизаны рванулись в здание спиртзавода…

Это был первый бой на территории Польши.

На отдых штаб соединения и первый батальон расположились в Боровце. Бой за спиртзавод для нас-не прошел даром. Гитлеровцы нащупали нашу стоянку и принялись бомбить. Правда, потерь от бомбежки мы не имели, но нервы были все время в напряжении.

Во второй половине дня каратели попытались выбить из соседнего села четвертый батальон. Однако Токарь дал им решительный отпор.

Рана Роберта Клейна оказалась неопасной. Доктор Мирослав Зима на месте осмотрел ее, перевязал и сделал политруку противостолбнячный укол. А на второй день тело раненого покрылось сыпью. Клейн нервничал.

— Что они мне сделали, коновалы! — кричал он. — Нашпиговали сульфуриками!

Старшина роты Зяблицкий был несколько раз ранен и на собственном опыте знал, что раненые в большинстве своем становятся мнительными. Понимая, что причин для беспокойства у Клейна нет, решил подтрунить над ним. Он подсел ко мне и заговорщицки зашептал, но так, чтобы слышал политрук:

— Товарищ майор, здесь дело не шуточное.

— Ты думаешь? — решил я помочь Васе.

— Я так понимаю, нарочно ему что-то подсунули. Отраву какую-то…

— Не может быть! — ужаснулся я.

— Это точно. Надо в особый отдел доложить…

Как и рассчитывал Зяблицкий, наш разговор услыхал Роберт.

— А-а! Меня хотят отравить! — закричал он, поднимаясь с постели. — Немедленно врача!

Он так разошелся, что мы не рады были своей неразумной затее. Начали успокаивать его, доказывая, что пошутили. Клейн не принимал в расчет никаких наших доводов, настаивал, чтобы скорее вызвали врача.

— Товарищ капитан, — начал было старшина.

— Немедленно врача, а то… — перебил Клейн и потянулся к автомату, лежавшему рядом на скамейке.

Зяблицкий, видя, что дело принимает крутой оборот, словно пуля вылетел из хаты. Как был в одном кителе и без шапки, так и помчался в санитарную часть.

Прибежал запыхавшийся Зима, как всегда веселый, жизнерадостный и неугомонный. Не обращая внимания на крики Роберта, часто употребляя свое любимое слово «правда», Зима тщательно осмотрел раненого, а потом подчеркнуто вежливо, с ехидцей спросил:

— Уважаемый Роберт Александрович, правда, скажите пожалуйста, вам какой-либо укол до ранения делали?

— Позавчера воткнули от тифа, — досадливо пробурчал Клейн.

— Так я и думал. Вот вам и разгадка. Правда, будьте спокойны. Через два-три дня сыпь как рукой снимет, а через недельку будете ходить как миленький. Это правда, я вам говорю. И тогда вам будет стыдно за вашего «коновала»… — упрекнул доктор Зима.

И действительно, Роберт поправился быстро. Но еще долго не мог простить нам злой шутки. А мы в свою очередь при случае напоминали ему о «сульфуриках» и «коновалах».

Командир партизанской конницы

На улице гуляет пурга. Порывистый ветер громыхает плохо закрытыми ставнями. Мороз разрисовал окна причудливыми узорами. А в хате тепло, уютно. Петр Петрович без кителя. Белая рубашка заправлена в брюки. Глубоко засунув руки в карманы брюк, он в задумчивости расхаживал от печки к столу, от стола к печке. Шесть шагов туда, шесть обратно.

Пристроившись за столом рядом с начальником штаба, я слушаю задачу на разведку. Василий Александрович говорит тихим, мягким голосом, как бы извиняясь, что потревожил в такую паршивую погоду.

— Немедленно вышлите три разведывательные группы. Одну через Хуту Ружанецкую на Замостье, вторую — к Тарно-груду и Билгораю, третью — обратно по маршруту к Рава-Русская. Особое внимание Билгораю и Замостью. Там люблинский «воевода» что-то замышляет…

Меня не удивил вызов в штаб. Такая уж судьба разведчиков. Нам не привыкать ни к дождям, ни к снежным бурям. Не к лицу и жаловаться на усталость.

Иногда, не ожидая вызова, как только соединение останавливалось на отдых, я шел в штаб за получением задачи. Зачастую эта задача ставилась накануне в приказе на марш. Тогда мы высылали разведку сразу же, как достигали конечного пункта перехода.

Начальника штаба я понимал с полуслова, поэтому не утруждал его вопросами. Он ставил задачу в общих чертах. Детали, способы выполнения, выбор маршрута — право разведчиков.

Уже собрался уходить, когда раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Петр Петрович.

Отворилась дверь, и в комнату, облепленный снегом, вошел Саша Ленкин. Даже на усах намерзли сосульки. Саша приложил правую руку со свисающей нагайкой к ушанке и доложил:

— По вашему приказанию явился!

— Вот и хорошо, — оживился Петр Петрович. Задумчивость с него как рукой сняло. Он подмигнул: — Как погодка?

— Собачья. Буран такой, что того и гляди вместе с лошадью унесет, — ответил Ленкин, отряхивая снег с ушанки.

— А Бережному нравится, — поддел Борода.

— Для дела — погодка что надо, а для людей…

— Ну, докладывай, что у тебя? — перешел к делу Верши-гора.

Ленкин принял стойку «смирно» и доложил:

— Сводный отряд в составе кавэскадрона и третьей роты к выполнению поставленной задачи готов. Все проверил лично.

— Хорошо. Вам задача понятна? Как вы думаете подобраться к «железке»? — опросил Вершигора, жестом приглашая Ленкина к столу, где лежала развернутая карта.

Ленкин подошел, склонился над столом, минуту всматривался в карту и лишь после этого начал показывать, какой маршрут облюбовали они с командиром третьей роты Гришей Дорофеевым.

Вершигора внимательно выслушал Усача, одобрил решение, затем напомнил:

— Главная задача — диверсии на железнодорожной магистрали Львов—Перемышль. На обратном пути вывести из строя железные дороги: Львов—Яворов, Рава-Русская—Ярослав… Избегайте встречи с карательными отрядами. На пути не ввязывайтесь в «посторонние» операции, какими бы заманчивыми они ни казались. Будьте осторожны. В районе, куда вы идете, могут располагаться армейские, а возможно даже фронтовые резервы врага.

Убедившись, что Ленкин задачу усвоил правильно, Вершигора сказал:

— Разрешаю выступать. Ждем с победой. Возвращайтесь быстрее, вас будет ждать приятный сюрприз.

— Есть! — весело ответил Ленкин. — А узнать можно, что именно?

— Потерпи. Каждому фрукту — свое время, — загадочно ответил Петр Петрович…

Вместе с командиром эскадрона из штаба вышел и я.

Вершигора любил Ленкина. Да и не только он — все партизаны любили этого лихого кавалериста. Кого бы из партизан ни спросили, знает ли он Сашу Ленкина, сразу же последует ответ:

— Сашу Ленкина? Кто же его не знает! Ведь он с пятью разведчиками разоружил пятьдесят девять полицейских. А слыхали о конной атаке под Скалатом?

А земляк Ленкина, сибиряк Вася Зяблицкий, расскажет, что знает Сашу давно. Ведь Ленкин из Карагуш Алтайского края. До войны работал главным бухгалтером Элекманарской лесозаготовительной сплавной конторы. Боевое крещение получил на Днепре. Отличился в боях на реке Оржице… Понимать надо — сибиряк! А сибиряк — это вам…

И пойдет, и пойдет… Если не остановить, то старшина главразведки наговорит столько хорошего, что спросивший еще до того, как увидит командира партизанской конницы, просто

влюбится в Ленкина.

Александр Николаевич Ленкин, или просто Усач, человек иного склада. О первых боях говорит мало. Ухмыльнется в каштановые усы и спокойно скажет:

— Васю Зяблицкого только слушайте. Любит преувеличивать.

— А как было на самом деле? — спрашивали его.

Ленкин, бывало, подумает, расправит усы, хлестнет по голенищу плеткой, с которой, наверное, не расстается и во сне, и лишь после этого через силу выдавит:

— Просто… На Днепре и Оржице — это точно, было… Жаркие бои пришлось выдержать в районе Яготина, Пирятина, Оржицы. Но, понимать надо, сила была на стороне врага. Приходилось отходить…

Зато о том, как попал в партизанский отряд, Ленкин любил рассказывать. Такой рассказ услышал и я при знакомстве с Сашей в августе 1942 года в Брянском лесу.

В сентябре сорок первого года сержант Ленкин командовал взводом конных разведчиков в 95-м отдельном разведывательном батальоне 45-й стрелковой дивизии. Дивизия держала оборону на реке Оржице южнее Прилук.

Однажды послали их в ближайший тыл противника. Они добыли важные сведения. Возвращались в хорошем настроении. Ленкин готовился обстоятельно доложить о виденном. Уже подъезжали к месту своей обороны. Но что это? Сержант, ехавший впереди, остановился как вкопанный, впереди виднелись серо-зеленые фигуры. «Немцы… Где же дивизия?»

Разведчики скрылись в лесу. «Ничего не понимаю, — лихорадочно билась мысль в голове Ленкина. — Что здесь произошло?»

Пробирались глухими тропами. Дошли до реки Сулы. Вся местность усеяна фашистскими листовками. Гитлеровское командование обещало вольную и спокойную жизнь всем, кто добровольно бросит оружие. И тут случилось то, чего Саша не ожидал. Один из бойцов предложил разойтись по домам.

— Брось глупые шутки! — обрезал сержант. — Тоже время нашел…

— А я не шучу, — ответил боец. — Дальше не пойду. Мой дом отсюда рукой подать.

— По домам, значит? — скулы у Ленкина заострились. — Навоевались, штыки в землю? Так ты думаешь?

— Так. А ты думаешь иначе? Гляди, куда шагнул Гитлер! — сказал боец, посматривая на товарищей, рассчитывая на их поддержку.

— Да, я иначе думаю. И не только я, — Александр понимал,

что сейчас он держит испытание как командир.

Ленкин приказал отобрать у бойца оружие, снять с него ремень, содрать петлицы и поставить к сосне. Тот понял, что дело пахнет табаком, струхнул, слезу пустил.

— Что вы, братцы? Сболтнул, не подумал…

Бойцы хмуро смотрели на своего бывшего товарища. Они одобряли приговор командира.

— Честное слово, сболтнул. Хотел проверить вас. Клянусь! — гундосил тот.

Отходчиво солдатское сердце.

— Черт с ним, пусть живет, — выдавил один из разведчиков. — Может, правда, сболтнул…

Сержант поверил. Однако наутро трус сбежал. Это был первый урок Ленкину.

Путь держали на восток. Пробирались лесами и болотами. Однажды повстречали большую группу окруженцев. От них узнали, что дивизия вырвалась из окружения. Друзья по несчастью предложили остаться, переждать, разобраться в обстановке, а затем вместе идти дальше.

— Задерживаться нельзя, — сказал Ленкин. — Кругом фашисты. Осталась одна тропка, по которой можно ускользнуть. Сегодня или никогда.

С ним не согласились. Разведчики ушли. И только выбрались из болота и успели укрыться в кустарниках, как и эта последняя лазейка была перекрыта гитлеровцами…

На восток пробиться не удалось. Пошли на север. Рассчитывали добраться до лесов, а оттуда опять повернуть на восток.

Так дошли до Путивльского района. Утром зашли в деревню Хижки. У женщины спросили дорогу на село Камень. Она строгим взглядом смерила их с ног до головы и зло спросила:

— Чего вы там не видели? Немцев? В полицию хотите? Во-яки!

— Да что вы, тетенька! На леший нам немцы. К своим пробираемся, — ответили бойцы.

— А коли к своим, идите туда, — кивнула она в сторону Спадщанского леса. — Там Ковпак армию собирает…

Женщина зашла в дом. Через некоторое время вышла с мальчонкой лет девяти. Дала разведчикам буханку хлеба и десяток яиц.

— Закусите. Вот он, — указала на мальчика, — покажет вам дорогу…

Паренек помог перебраться через Сейм. В лесу красноармейцы встретились с ковпаковцами, которые делали

первые шаги на партизанских тропах. Бойцов зачислили в отряд.

К моменту нашего знакомства Ленкин уже был «старым партизаном», опытным разведчиком. Кавалеристы в нем души не чаяли. И вправду, это — неунывающий человек. Как бы трудно ни приходилось, какая бы опасность ни угрожала, он всегда был спокоен, умел приободрить павших духом, поддержать робкого. Знал он лихие налеты и смелые рейды. Научился сочетать смелость с трезвым расчетом.

— Какой толк кинуться верхом на вражеский пулемет, установленный в окопе, — учил он своих орлов. — Хоть и красиво, да срежут в миг. Ты врага уничтожь, а сам живой оставайся. Пригодишься для следующего боя. Вот это доблесть! Слышали, как комиссар Руднев Семен Васильевич говорил: «Для победы одной отваги мало. Нужно еще и умение!»

В знаменитом Карпатском рейде эскадрон под командованием Ленкина прославился своими внезапными налетами на гитлеровские колонны и гарнизоны. Особенно доставалось от кавалеристов бандам украинских националистов. На них у Ленкина был прямо-таки особый нюх. Как только обоснуются в каком-либо селе или местечке «борцы за самостийную Украину», так обязательно жди визита туда кавалеристов Ленкина. Боялись его бандиты как огня.

…Вечером 15 февраля 1944 года сводный отряд Ленкина выступил из Боровца Томашувского повята Люблинского воеводства и взял направление на юг. Метель продолжала свирепствовать, дороги замело, ветер пронизывал насквозь, снег слепил глаза людям и лошадям.

— Ну и погодка! — ворчали конники.

— Погодка что надо, партизанская, — весело отзывался из своих саней закутанный в овчинный тулуп озорной Гриша Дорофеев. — Фрицы теперь попрятались по своим норам. Вот мы и будем их выковыривать.

Двигались ускоренным маршем. Населенные пункты обходили. Однако, как ни старались, но избежать встречи с противником не удалось.

В конце третьего перехода, когда до «железки» оставалось всего пятнадцать километров, разведчики, при попытке перейти шоссе Ярослав—Львов, столкнулись с гитлеровцами. Это произошло на мосту через речушку Шкло у села Краковец. Партизаны встретились с фашистами нос к носу, ни те, ни другие даже не успели поднять оружия. Наши разведчики, не желая поднимать шума, развернули лошадей и быстро скрылись в белой мгле. Гитлеровцы, очевидно, поначалу даже не поняли, кто был перед ними.

— Сколько их там? — спросил Ленкин, когда вернулись запыхавшиеся разведчики.

— Человек пятнадцать, — неуверенно ответил старший дозора.

— Что делается на шоссе?

— На шоссе? Того… Это, как его… пурга.

— Сам ты пурга, — разозлился Ленкин.

Между тем разведчикам было о чем доложить. По шоссе из Ярослава на Львов двигалась немецкая воинская часть. Не случись встречи на мосту, она так бы и прошла, не заметив партизан. Теперь же гитлеровцы всполошились. Они выслали дозоры и скоро нащупали партизан. Утром разгорелся неравный бой.

После короткого артиллерийского налета батальон немцев при поддержке двух легких танков начал наступать на партизан, занявших оборону в роще северо-восточнее Краковца. Танки неуклюже ползли по дороге, пехота, увязая по пояс в снегу, рассыпалась цепью по полю.

Ленкин приказал пулеметчикам открыть прицельный огонь с дальней дистанции.

— Может, как всегда, подпустим ближе? — предложил Дорофеев.

— Нельзя. Не тот случай. Подпустим, а они зароются в снег, свяжут нас пулеметным и автоматным огнем, потом артиллерией и минометами накроют… Да еще танки. Лучше мы их в снег положим, померзнут, измотаются как следует.

Саша оказался прав. Как только пулеметчики выпустили несколько коротких, но метких очередей, немцы залегли. Партизаны прекратили стрельбу. Гитлеровцы поднялись. Вновь по цепи ударило несколько пулеметов. И опять гитлеровцы залегли в снег. Правда, минометы и пушки не прекращали обстреливать лес, но партизанам это пока особого вреда не причиняло. Снаряды и мины летели через головы. Стоило карателям подняться, как на них снова обрушивался рой пуль.

Бой длился уже несколько часов, а противнику так и не удалось выбить партизан из леса. В середине дня немцы бросили одну роту в обход.

— Задерживаться опасно, — сказал Ленкин. — Отходим, иначе попадем в «котел».

Партизаны погрузили на санки раненых и покинули позиции на опушке леса. Отошли к селу Ногачево. Фашисты еще долго месили снег, штурмуя пустую рощу. Лишь перед вечером батальон гитлеровцев подошел к селу, где оборонялся сводный отряд Ленкина. Немцы озверели от неудач и от того, что рядом

были теплые хаты, а им приходилось коченеть на морозе.

Когда стемнело, партизаны начали отход.

— Что ж, товарищи, — пошутил Ленкин, довольный исходом боя, — надо и совесть иметь. Пусть уж фрицы погреются. Доберутся до тепла — палкой не выгонишь. А нам только этого и надо…

В селе Денкин оставил Николая Соловьева с отделением, наказав в течение часа пускать ракеты и время от времени постреливать, затем догнать колонну. Саша знал — Соловьев не подведет, приказ выполнит любой ценой…

Обошли Яворов с севера и повернули на юг к железной дороге. Усач разделил отряд на три группы. Каждая должна была заминировать участок дороги или взорвать мост, чтобы надолго вывести из строя магистраль, по которой день и ночь шли на фронт эшелоны с войсками, боеприпасами, продовольствием и боевой техникой. Сразу же под откос полетели три воинских эшелона, в том числе один с танками.

Не успевали гитлеровцы восстановить путь в одном месте, как выходил из строя другой участок. Против партизан были брошены крупные силы регулярных войск. Не ввязываясь в затяжные бои, Ленкин быстро отводил подразделения, и вновь рушились мосты, валились под откос вагоны…

При пересечении шоссейной дороги партизаны были одновременно атакованы с востока и запада. Ленкин применил метод Брайко: незаметно вывел подразделения из боя, столкнув лбами между собой фашистов.

Чтобы ввести противника в заблуждение, командир отряда выслал диверсионные группы под Львов. Одной из них, группе лейтенанта Лоханина, удалось уничтожить водокачку, оставив без воды львовский гарнизон. Вторая группа овладела полустанком Слобода на железной дороге Львов—Яворов, уничтожила путевое хозяйство, связь, лесопильный завод, поставлявший материалы для авиазаводов, и подорвала воинский эшелон. Группа Дорофеева пустила под откос еще один эшелон. Немцы кинулись туда, а в это время Ленкин нанес удар по магистрали Рава-Русская—Ярослав.

Много хлопот фашистам доставил сводный отряд, и только на седьмой день, успешно выполнив задание, он возвратился к Боровцу. Там в доме, в котором останавливался Вершигора, должна была ждать Ленкина записка с указанием маршрута. Однако воспользоваться запиской не удалось. Только конники въехали в хутор, как налетели самолеты и начали бомбить. Первая же бомба попала в дом, где хранилась записка. А тут еще нагрянули каратели на автомашинах. Видимо, они рассчитывали

застать здесь все соединение, но опоздали… Пришлось Ленкину двое суток отбиваться от врага, петлять по балкам, лесным тропам и болотам, прежде чем присоединиться к главным силам.

Ленкина ждала обещанная Вершигорой радостная весть: эскадрон развертывался в дивизион. Командирами эскадронов назначены: сабельных — лейтенанты Гапоненко и Ларионов, пулеметно-минометного — Семенюк. Заместителем Ленкина оставался Александр Годзенко, а начальником штаба стал Семен Павлович Тутученко.

Ленкин немедленно приступил к формированию кавалерийского дивизиона. Большую помощь в этом ему оказывал начальник штаба.

Тутученко — архитектор не только по образованию, но и по призванию — оказался к тому же хорошим воином. Первое время был рядовым, ходил в разведку. Он рассказал об одном случае, который приключился с ним при выполнении задания.

Однажды ему поручили разведать гарнизон противника в Новой Гуте. Одевшись под местного жителя, Семен Павлович пробрался в село, переполненное гитлеровцами. Сначала все шло хорошо. Удалось узнать не только силы противника, но и места расположения часовых. Когда Тутученко начал подумывать, как ему выбраться из села, его вдруг задержал полицейский патруль. При обыске обнаружили пистолет. На допросах сильно избивали, но Семен твердил одно и то же: «Я из- Березок. Работал там бухгалтером… Пистолет носил для самообороны. Мало ли всяких бандитов может повстречаться!»

Возможно, полицаи поверили бы в это, если бы не предатель из Березок. Он сказал, что в их селе Тутученко не только не работал, но никогда не бывал.

У фашистов расчет короткий — расстрел или виселица. Исполнение приговора поручили словакам. Но Семен не растерялся. Когда его вместе с другими обреченными посадили в машину и повезли на расстрел, он за селом выскочил из кузова грузовика и устремился к лесу. То ли словаки были плохими стрелками, то ли не были заинтересованы в смерти отчаянного партизана, но пули летели мимо, и Семену удалось бежать…

После Тутученко долгое время работал в штабе соединения чертежником и заведующим делопроизводством. При выходе из Карпат получилось так, что он с группой бойцов откололся от главных сил. Однако и на этот раз нашел выход. Группа совершила нападение на фашистов, захватила автомашины и на них проехала несколько сот километров. В Полесье пришла с малыми потерями и вывезла боевое знамя партизанского соединения.

Не случайно, что именно Семена Павловича Тутученко назначили начальником штаба кавдивизиона — одного из боевых подразделений.

Витька-сибиряк

Война по своей сути жестока и античеловечна. Однако она не только научила убивать. На войне без этого нельзя — это жестокая необходимость. Война, кроме всего прочего, закаляет характер, вырабатывает волю, учит людей фронтовой дружбе, коллективизму, взаимовыручке, учит ненавидеть врага, по-настоящему ценить жизнь и презирать смерть.

Во время войны, как никогда, ценится дружба. Опасность, единство целей в борьбе сближают людей. Притом, узнавание человека происходит быстрее, чем в обычных условиях. Да это и понятно. В трудностях скорее и полнее раскрывается человек, очищается от всего наносного, фальшивого и предстает таким, какой есть, а не таким, каким ему хочется казаться. Справедливо в народе говорится: друг познается в беде.

В партизанском соединении у меня много хороших, верных боевых товарищей. Так уж повелось, что с одними сходишься быстро, с первой встречи и на всю жизнь; с другими сталкиваешься от случая к случаю, однако от этого дружба не становится менее значимой. А бывает и так: живет рядом с тобой человек тихо, смирно, на первый взгляд, незаметно, как бы в тени, в нем нет ничего броского, что бы привлекло твое внимание, До поры до времени ты его не выделяешь среди других, порой даже не замечаешь. А потом подвернется случай, присмотришься к нему повнимательней и с удивлением замечаешь, что за этой скромностью кроется человек сильной натуры, на которого можешь положиться в любом деле, в самой трудной обстановке. И ты изумляешься: как это до сих пор не мог этого понять!

Так у меня получилось с лейтенантом Ларионовым. Правда, о нем я слышал много хорошего, но долгое время мне не приходилось участвовать с ним в бою, увидеть его в деле.

Виктор Игнатьевич Ларионов был командиром взвода в пятой роте. Все, что от него требовалось, делал добросовестно, с умом, перед трудностями не пасовал, но и глаза начальству не мозолил. Неизвестно, сколько бы он оставался во взводе, если бы не командир роты Ефремов. Степан Ефимович сумел разглядеть в этом спокойном, сдержанном лейтенанте умного и дельного командира и взял его себе помощником.

От боя к бою росло командирское мастерство Ларионова, а вместе с этим рос и его авторитет. И когда Степана Ефимовича Ефремова назначили помощником начальника штаба соединения, Виктор Ларионов принял пятую роту. Первые же успешно

проведенные ротой бои по разгрому гитлеровских гарнизонов, по уничтожению бандеровских банд, диверсии на железных и шоссейных дорогах заставили по-иному взглянуть на Ларионова. Тогда-то и я по-настоящему узнал и оценил этого боевого командира и прекрасного товарища.

Виктор Игнатьевич Ларионов мой ровесник. Несмотря на свою молодость, он хорошо узнал жизнь. Родился Виктор в семье рабочего железнодорожника в Барабинске. Он был самым младшим — шестым — ребенком в семье Ларионовых. Отец — Игнат Карпович — работал котельщиком в барабинском депо. В 1917 году вступил в Коммунистическую партию, стал красногвардейцем. А когда в Сибири вспыхнул белогвардейский мятеж и Колчак провозгласил себя «правителем», в Барабинске был создан военно-революционный штаб, членом которого являлся Игнат Карпович Ларионов.

Уйдя в подполье, коммунисты вели активную борьбу против колчаковцев. Появились листовки, призывавшие к борьбе с контрреволюцией. Рабочие железнодорожники бастовали. Три дня не ходили поезда.

Белогвардейцы усилили репрессии. В июле 1918 года арестовали часть подпольщиков, в том числе и Игната Ларионова. После допросов и пыток в омской тюрьме Ларионов был отпущен из-за отсутствия доказательств его причастности к подпольной работе.

Вернувшись в депо, Игнат Карпович с новой силой включился в борьбу. Скоро его вновь арестовывают и помещают в камеру для политических. Ни допросы, ни посулы, ни нечеловеческие пытки не сломили волю большевика Ларионова.

В ноябре 1919 года Игнат Карпович Ларионов, вместе с товарищами по борьбе, после зверских истязаний был расстрелян. Хоронить не разрешили. И только зимой среди горы трупов родные и товарищи нашли обезображенное, изрубленное шашками тело Игната Ларионова. Расстрелянных похоронили в братской могиле. Улицу, на которой жил Ларионов, назвали его именем.

На руках матери осталось шестеро детей, самому старшему, Николаю, было двенадцать лет, а Виктору еще не исполнилось двух. И до этого семья жила очень бедно, а теперь им грозила голодная смерть. После разгрома белогвардейцев и установления Советской власти в Сибири троих старших — Николая, Александра и Петра — устроили в приют. Нюру и Виктора взяла к себе тетя — сестра матери. Клава осталась с матерью.

Тяжелым было детство у Ларионовых, но все они выросли честными советскими людьми. Подрастали, становились

комсомольцами, коммунистами и продолжали дело, за которое отдал жизнь отец.

Виктор не помнил отца. Знал о нем из рассказов матери, тети и старших братьев и гордился им, хотел быть похожим на него. Старшие братья окончили ФЗУ и работали в депо. Виктор стал военным. Войну он начал лейтенантом, командиром взвода. Сражался отважно. Тяжело переживал отступление и потерю территории.

Наши войска отошли, заняли оборону западнее Киева с твердой решимостью отстоять столицу Украины. Оказалось— одной решимости мало…

В боях под Киевом лейтенант Ларионов был ранен в бедро. Он страдал не столько от боли, сколько от сознания своего бессилия. Его вместе с другими ранеными поместили в санитарный поезд и отправили на восток. Поезд шел медленно, по нескольку часов простаивал на станциях и разъездах. На всем пути их преследовали вражеские бомбардировщики. А когда проехали Нежин, попали под сильную бомбежку. И хотя поезд имел ясно видимые опознавательные знаки, фашисты, как стервятники, набросились на беззащитную жертву. Разрывами бомб вагоны, переполненные ранеными, разносило в щепки. Эшелон загорелся. Врачи, медсестры, санитарки метались, стараясь спасти беспомощных бойцов. Многие из медиков тут же падали, сраженные пулями и осколками. Остальные продолжали выносить тяжелораненых. Те же из раненых, кто хоть как-либо мог передвигаться, выскакивали из горящих вагонов, убегали или уползали от эшелона.

Виктор тоже вывалился из вагона. От страшной боли помутилось в глазах. Превозмогая боль, он поднялся и на одной ноге поскакал к кустам. Залег в ровике. Рана жгла, но не об этом думал сейчас лейтенант. Он не мог оторвать взгляда от горящих вагонов. Оттуда доносилась мольба о помощи обреченных на страшную, мучительную смерть раненых товарищей. Ларионов все это слышал и видел, но был бессилен что-либо сделать.

Фашистские пираты продолжали вершить свое черное дело. Они с надрывным воем проносились над своей жертвой и сбрасывали смертоносный груз… Израсходовав бомбы, начали поливать пулеметным огнем.

Продолжалось это нескончаемо долго. Натешившись вдоволь, разбойники сделали круг над эшелоном, полюбовались делом своих рук и безнаказанно улетели на запад.

Наступила гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулом пламени, пожирающего вагоны. Даже крики и стоны раненых поутихли. Воздух переполнен ядовитым запахом взрывчатки и

сладковатым, тошнотворным духом сгоревшего мяса.

Виктор, потрясенный случившимся, впал в забытье, лежал недвижно, тупо смотрел в землю и не замечал, что делается вокруг… К действительности его вернул непонятный шум. Он выглянул из ровика. То, что он увидел, заставило его снова лечь и прижаться к земле. Возле эшелона рыскали гитлеровцы. «Откуда они взялись? Словно с неба свалились!» — подумал лейтенант. Первой мыслью было — бежать. Пошевелился, сделал неосторожное движение ногой и ощутил пронизывающую все тело боль. Застонал, но, опасаясь, что услышат гитлеровцы, до крови закусил губу, заглушая стон. С опозданием пожалел, что во время бомбежки не отполз дальше от эшелона. Но кто мог предполагать, что так получится?!

«Только не плен!» — решил Виктор и затаился в своем ненадежном укрытии… До вечера немцы шныряли вокруг эшелона, по кустам, отыскивали раненых красноармейцев и сгоняли их к путям. Время от времени раздавались одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди. Все это слышал Ларионов из своего укрытия. Он догадывался, что означают эти выстрелы, и обреченно ждал, когда доберутся до него. Однако судьба была к нему благосклонна. Его не заметили.

С наступлением сумерек, когда фашисты ушли, угнав раненых и уцелевших медиков, Ларионов выбрался из ровика, последний раз посмотрел на тлеющие головешки и металлические ребра обгоревших вагонов, горестно вздохнул и, кляня на чем свет стоит фашистов, пополз в поле. Правая раненая нога волочилась, цеплялась за кочки, и причиняла нестерпимые страдания. Виктор, — загребая руками и отталкиваясь здоровой ногой, настойчиво полз от страшного места. Позади за лесом время от времени взметались ракеты и словно подгоняли его. Сознание опасности и жажда жизни придавали молодому лейтенанту силы.

Чем дальше полз, тем медленнее становились его движения. Гимнастерка взмокла и прилипла к телу. Пот заливал глаза. Саднило исцарапанные руки. Горло пересохло. Во рту горечь. Хотя бы глоток воды…

Из последних сил он добрался до рощи, забился под куст орешника и в изнеможении растянулся на влажной, пахнущей прелыми листьями земле. Его окружала глухая ночная тишина. Даже перестали быть слышными далекие отзвуки артиллерии, которые совсем недавно доносились почему-то с востока, со стороны Бахмача.

Виктор начал перебирать в памяти все, что сегодня стряслось. Как могло случиться, что гитлеровцы появились здесь? Что это —

десант или же им удалось прорваться и выйти в тыл нашим войскам, обороняющимся на Днепре? На эту мысль наводят недавние взрывы на востоке. «А почему артиллерия? Скорее всего, это была бомбежка. Да, похоже, что так. Не могли фашисты туда прорваться!»

Убедив себя в том, что на санитарный поезд напали немецкие десантники, Ларионов успокоился, решил дождаться утра и идти на поиски своих. Сейчас же он не был в состоянии двигаться. Устроился поудобнее и попытался уснуть. Но не смог: в ушах еще стояли рев моторов, взрывы бомб, гул пламени и предсмертные крики товарищей. К тому же не давала покоя растревоженная рана. Он осторожно дотронулся до повязки и понял, что она сползла…

Десять потов сошло, пока он на ощупь перебинтовал рану, зато как только затянул бинты, почувствовал облегчение. Но тут новая беда: начал донимать холод. Убежал он налегке, даже без фуражки. Влажная от пота гимнастерка остыла и ледяным панцирем облегала тело. Знобило. Стараясь согреться, Ларионов шевелил лопатками, руками растирал плечи, спину. Однако это мало помогало. Холод проникал все глубже и глубже. И чем дальше, тем невыносимее становился холод. Подмораживало, листья и жухлая трава покрылись серебристым инеем…

Когда стало невтерпеж, Виктор, цепляясь непослушными руками за орешник, попытался подняться. Гибкие ветки наклонялись и не могли быть опорой. Тогда он выполз из куста, подобрался к осине и, карабкаясь по ее стволу, поднялся. Сразу же почувствовал прилив крови в раненую ногу. Она была непомерно тяжелой и чужой. Перевел дух, осмотрелся и только теперь заметил, что воздух стал более прозрачным, среди редких деревьев белели стволы березок. Светало.

Постоял немного, размышляя, куда идти. Возвращаться к сгоревшему эшелону было сверх его сил, да и боязно. А вдруг там засада десантников! Решил выйти к железной дороге, посмотреть, что там делается. Может, удастся встретить своих. Ларионов понимал: в его положении далеко не уйдешь. И под ложечкой сосало, хотелось есть. Со вчерашнего утра крошки во рту не было.

Огляделся. Увидел кучу сухого хвороста. Подскакал на одной ноге. Выбрал палку покрепче, обломал сучья и, опираясь на нее, поплелся в сторону железной дороги. Идти было трудно. Раненая, словно налитая свинцом, нога казалась длиннее здоровой и так и норовила зацепиться за кочку или кустик…

Было уже совсем светло, когда послышался гул моторов. Слышно приближение автомашин. Виктор обрадовался и заторопился к дороге, опасаясь, что машины успеют проскочить и

его не заметят. Запыхавшийся выскочил на опушку рощи и невольно попятился в кусты. По проселку, пролегавшему рядом с железной дорогой, из Нежина на Бахмач ползла колонна немецких автомашин с пехотой. В кузовах грузовиков ровными рядами, как на параде, сидели сытые, отдохнувшие за ночь, уверенные гитлеровцы. Они горланили какую-то песню.

«Вот тебе и десантники!» — с горечью подумал Ларионов. Рухнули последние зыбкие надежды. Подавленный, он опустился на пень, устремил ненавидящий взгляд на оккупантов. В этот момент Виктор даже боли не чувствовал. Ее заглушила ненависть к этим самоуверенным молодчикам. Было горько и обидно видеть, как они раскатывают по нашей земле. Как ему хотелось сейчас быть вместе с товарищами и уничтожать врагов!

«Рано торжествуете, господа фашисты! Мы еще встретимся, и тогда не ждите пощады. Я вам припомню эшелон и сгоревших товарищей!» Но это были мечты. А сейчас для молодого лейтенанта начались дни тяжелых испытаний.

Оставшись один в лесу, раненый Виктор не пал духом и взял направление на восток. Весь день пробирался лесом, но своих не встретил. Голод пригнал его к лесной деревне. И здесь Ларионова постигла неудача. В деревне было полно немцев.

Дальше идти не было сил. Донимал голод. Виктор углубился в лес, набрел на куст шиповника и с жадностью набросился на кисло-сладкие плоды, тронутые первыми морозами. Быстро обобрал куст, однако голода не утолил. Сорвал гриб, пожевал его, но почувствовал подступающую тошноту и выплюнул.

Надвигалась ночь. Надо было подумать о ночлеге. Отыскал копну сена, сделал в ней нору, залез туда и сразу же уснул мертвым сном. Давала себя знать смертельная усталость и проведенная без сна прошлая ночь. Он был настолько изнурен, что не чувствовал даже боли в раненом бедре…

Трое суток, обходя населенные пункты, превозмогая усталость и боль, продвигался на восток Ларионов. Впереди слышались артиллерийские раскаты, манившие к себе лейтенанта. Иногда казалось, что еще немного и он будет у своих. Но стрельба вдруг утихала, а на следующий день вновь возобновлялась уже дальше. Виктор потерял всякую надежду догнать фронт. Однако не сдавался, продолжал идти. И хотя он приспособил две палки с развилой вверху, на которые опирался, как на костыли, каждый шаг давался ему с огромным трудом. За последний день он прошел всего несколько километров. Мысль о еде не покидала его ни на секунду. Лесные кислицы и груши не утоляли голода, не прибавляли сил. Хотя бы корочку хлеба и глоток молока!

Виктор чувствовал — уходят последние силы. Его качало из стороны в сторону. Перед глазами проплывали разноцветные круги. Он все чаще и чаще останавливался, чтобы перевести дух, подолгу лежал и с ужасом думал: «Неужели конец!» А жить ох как хотелось! И Виктор заставлял себя подниматься и идти. Идти во что бы то ни стало! Только в этом он видел спасение.

Наконец случилось то, чего больше всего боялся Ларионов. Его свалил голодный обморок. Сколько провалялся — Виктор не помнит. Когда же пришел в себя, почувствовал опустошенность и безразличие ко всему. Даже ощущение голода пропало. Казалось, никакие силы не способны сдвинуть его с места. Но Ларионов какими-то сверхчеловеческими усилиями воли заставил себя подняться. Его пошатывало. Стараясь не упасть, он налег на палки и сделал шаг здоровой ногой, выбросил палки вперед и еще шаг… Так, шаг за шагом, с железным упорством Виктор шел вперед навстречу жизни. Смутно помнил, как выбрался из леса. И когда перед ним оказалась женщина, не поверил, подумал, что бредит. Опомнился лишь после того, как женщина, увидев его, заросшего, худого, грязного, в рваной одежде, всплеснула руками и ужаснулась: «Ой, мамочка, в чем только душа держится!»

Последние силы покинули лейтенанта. Перед глазами замелькало, закружилось, земля встала на дыбы, и он, теряя сознание, свалился как мешок. Ларионов не слышал, как женщина приволокла его в хату, стащила с него рваную, грязную одежду, располосовала ножницами пропитанные кровью, заскорузлые бинты и… отшатнулась. Рана кишела червями.

— Мамочка родная, так они и человека съедят! — перепугалась она, не подозревая, что именно благодаря червям, очищавшим рану, лейтенант избежал гангрены и остался жив.

Хозяйка достала марганцовку, сделала раствор и промыла рану. Затем разорвала простыню на длинные полосы, с помощью соседки сделала перевязку, переодела раненого в чистое мужнино белье и уложила на кровать.

Виктор спал, как убитый. Хозяйке иной раз казалось, что он умер. Она подходила, с тревогой прислушивалась к его дыханию и успокаивалась. Так и просидела остаток дня и всю ночь до утра, не смыкая глаз. Утром раненый зашевелился и застонал. Она сразу же кинулась к нему и сочувственно спросила:

— Больно?

— Пить, — прошептал Виктор, не открывая глаз.

— Зараз я тебе молочка, — заторопилась хозяйка, схватила кружку с молоком, давно приготовленную для этого случая, подбежала к раненому, засунула одну руку под подушку и приподняла голову Виктора, а второй поднесла кружку к губам:

—Пей, соколик, пей…

Ларионов припал губами к кружке. Пил жадно, большими глотками. Оторвался лишь после того, как опустошил кружку. Откинулся на подушку, открыл глаза, удивленно обвел взглядом комнату и испуганно уставился на незнакомую женщину.

— Где я?

— Лежи, лежи… Ты у своих.

— Хочу в госпиталь…

— Нет здесь госпиталя… Наши отошли, — сказала женщина и поспешила успокоить раненого — Да ты не бойся, в наш хутор немцы еще не приходили…

Больше месяца провалялся Виктор у своей спасительницы на хуторе Отрубы Путивльского района Сумской области. А когда поправился, из соседнего села пришли подпольщики, забрали с собой и увели в партизанский отряд С. А. Ковпака.

Для лейтенанта Ларионова началась новая, полная опасностей и подвигов партизанская жизнь. Стараясь наверстать упущенное, отплатить оккупантам за их злодеяния, он сам напрашивался на боевые задания. Ходил в разведку, на диверсии, участвовал в разгроме вражеских гарнизонов. Однажды ему с группой товарищей поручили расправиться с предателями-полицаями в селе Стрельники. Виктор и некоторые товарищи из его группы были одеты в немецкую форму, как шутили партизаны, перешли на вещевое довольствие фюрера. Полицейские и полевая жандармерия приняли партизан за немцев. Этим воспользовался Ларионов и без единого выстрела разоружил тридцать предателей.

Спустя некоторое время таким же путем был обезврежен карательный отряд мадьяр, которых немцы послали для борьбы с партизанами.

Лейтенанта Ларионова назначили командиром взвода. Взвод под его командованием участвовал во многих боях и всегда с задачей справлялся успешно.

Более двух лет Виктор Ларионов действует в тылу врага. За его плечами рейды по территории Сумской области, из Брянского леса на правобережье Днепра, по Белоруссии и Украине, в Карпаты. В Карпатском рейде он стал помощником командира роты. Именно тогда командование обратило внимание на способного молодого офицера. Однако по-настоящему он развернулся, когда вступил в командование пятой ротой.

Лейтенант Ларионов хорошо разбирался в обстановке, быстро принимал решения, горячки не порол, задачу ставил кратко и четко. Дисциплинированный и исполнительный, он этого требовал и от своих подчиненных. Умело управлял

подразделением, в бою не терялся и, если требовала того обстановка, шел впереди, своим примером увлекая подчиненных. Все это принесло ему славу умного, храброго и справедливого командира.

Виктор Игнатьевич был человеком компанейским. В свободное время он любил помечтать о жизни, о том, как хорошо заживем, когда покончим с фашистами. А это уже не за горами. Часто вместе с земляками Сашей Ленкиным, Васей Зяблицким, Сашей Тютеревым вспоминал родную Сибирь, приглашал товарищей после войны приехать поохотиться, побродить в тайге, отведать сибирских пельменей.

— Уверен, стоит вам раз побывать в наших краях, встанете на якорь и никакими судьбами вас оттуда не утащишь, — улыбаясь, говорил Виктор.

Бойцы и командиры пятой роты любили своего ротного, верили в него и смело шли с ним на любые опасности. Пятая рота стала эскадроном.

Александр Николаевич Ленкин мог вполне положиться на второй эскадрон и его командира Виктора Игнатьевича Ларионова.

Братья по оружию

Живописен Люблинский край. Плодородны его земли. Центральную часть воеводства пересекает Люблинская возвышенность, покрытая лесами и кустарниками, вдоль и поперек изрезанная глубокими оврагами, реками и речушками. К югу, на границе с Жешувским воеводством, холмистая местность переходит в равнину. Леса большей частью лиственные. Преобладают дуб, липа, бук… Поляки с гордостью рассказывают, что на Люблинщине много вековых дубов. Говорят, что в Казимеже-Дольном над Вислой, среди полей, сохранился могучий одинокий дуб, под которым якобы вершил суд еще Казимир Великий. Славится Люблинщина богатыми садами и своими цукроварнями (сахарными заводами).

Села, деревни и хутора разбросаны на склонах холмов, в долинах рек, на опушках лесов. В польских селах много украинцев, поселившихся здесь с давних, времен.

Среди деревянных хат с соломенными крышами, стоящих рядом и отгороженных друг от друга плетнями, резко выделяются добротные дома, обнесенные заборами, настоящие дворцы польских кулаков и помещиков, владеющих обширными площадями лучшей плодородной земли. Как не похожи на эти дворцы низкие, темные, однокомнатные крестьянские хатки с глиняными полами.

И хотя этот край богато одарен природой, испокон веков голод является спутником малоземельных и безземельных крестьян. Они вынуждены были работать на кулаков и помещиков. Даже двенадцатилетних детей отдавали внаймы.

Этот прекрасный край населяет трудолюбивый народ. История Польши — это история борьбы за освобождение и национальную независимость. И только с победой Октябрьской социалистической революции в России Польша получила долгожданную независимость.

Поляки — великие патриоты своей Родины. Любовь к родной стране прививается с детства из поколения в поколение. И не удивительно, что именно в Польше гитлеровцы впервые встретили такое самоотверженное сопротивление народа, какого не встречали во всей Европе. Оставленные своими англофранцузскими союзниками один на один с сильным и беспощадным противником, поляки понимали, что силы неравные, но не сдались на милость победителя, вступили в смертельную схватку. Продолжали сражаться и после того, как собственные правители трусливо бежали, бросив на произвол

судьбы свой народ.

Нам рассказали о героической обороне Вестерплатте.

За трое суток до нападения фашистской Германии, в польский порт Гдыню с «визитом вежливости» прибыл немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн». Теперь-то всякому понятно, что визит был запланирован специально. А тогда «гости» были приняты, как и подобает, со всеми морскими почестями. Линкор встал на якорь перед фортом Вестерплатте, и в точно назначенное время, одновременно с переходом польской границы немецкими войсками, как разбойник, открыл огонь прямой наводкой по польским укреплениям. Четыре тысячи гитлеровских головорезов бросились на штурм форта, гарнизон которого составлял всего 184 человека.

Семь суток не прекращались кровопролитные бои. Несмотря на подавляющее превосходство, гитлеровцам не удавалось сломить упорное сопротивление защитников форта. Гарнизон сражался не на жизнь, а на смерть. Большинство участников героической обороны погибло, защищая клочок священной земли. Оставшиеся в живых тридцать шесть человек продолжали драться до последнего патрона. И лишь когда не стало боеприпасов, кончились продовольствие и вода, вынуждены были сдаться.

Примеры несгибаемого мужества показали защитники Варшавы. Бои за столицу начались 8 сентября 1939 года, в день бегства правительства. Рядом с воинами сражались и отряды добровольцев. Подвергаясь варварским бомбардировкам и ожесточенным атакам гитлеровских полчищ, Варшава стойко стояла в течение трех недель.

Гитлеровцы сумели оккупировать Польшу. Для поляков, обреченных фашистами на истребление, наступила черная пора.

С приходом гитлеровцев и без того тяжелая жизнь стала просто невыносимой. Зайдешь в дом и поражаешься нищете. В доме, кроме стола, широких деревянных лавок, одних полатей на всю семью, жалких лохмотьев, множества икон да семейных фотографий, ничего больше нет. Во многих семьях кусок ржаного хлеба — роскошь. Лишь картошка и капуста спасали от голодной смерти.

Народ Польши был побежден, но не покорен. Борьба не прекращалась ни на минуту. Поляки справедливо считали советских партизан вестниками скорого освобождения от гитлеровской оккупации и помогали нам во всем.

Этому не в малой мере способствовала правильно занятая советскими партизанами позиция в отношениях с поляками. Вершигора издал приказ, в котором говорилось, что перенесение боевых действий на территорию Польши для нас — событие

громадной политической важности. Вместе с тем напоминалось, что рассчитывать на успех мы можем лишь в том случае, если завоюем доверие местного населения, получим его поддержку. А если учесть, что в течение многих десятилетий польский народ воспитывался в духе вражды и ненависти к русскому народу, то можно понять: получить это доверие — задача не из легких.

Конечно, война, — фашистская оккупация кое-чему научили польский народ, заставили задуматься над тем, кто настоящий друг, а кто враг Польши. Не следовало сбрасывать со счета и то, что много было таких, кто изо всех сил старался помешать дружбе польского и советского народов. И в первую очередь не хотели этого сближения представители польского эмигрантского правительства в Лондоне.

В этой обстановке нашей задачей было помочь полякам разобраться и сделать правильный выбор.

Лучшее доказательство — дела. И мы старались поведением и своими боевыми делами показать, что пришли как друзья, братья по оружию, с единственным желанием помочь в борьбе против общего врага — немецких оккупантов. Каждый советский партизан понимал, что находится на территории страны с капиталистическим укладом жизни, учитывал особенности населения, классовый состав общества и с уважением относился к местным обычаям. Даже один необдуманный шаг мог оттолкнуть от нас поляков.

В этих условиях, как никогда, от партизан требовалась высокая дисциплина и выдержка. В целях исключения возможных конфликтов с населением заготовку продовольствия и фуража разрешалось проводить организованно, с ведома штаба и только за плату. Расплачивались польскими злотыми и немецкими марками, которые доставались нам в качестве трофеев при разгроме вражеских гарнизонов. При бедственном, почти нищенском положении польских крестьян это было немаловажным.

Надо сказать, все эти меры скоро дали свои плоды. Взаимоотношения с поляками у нас установились самые дружественные. В нашем лице народ порабощенной Польши увидел своих союзников и освободителей, представителей армии великого русского народа. А то, что в наших рядах сражались их соотечественники — поляки, укрепило эту веру и обеспечило нам поддержку польского населения.

Пожилой поляк, хозяин дома, у которого мы остановились в Боровце, сказал:

Скорее бы пришла Армия Радецка, прогнала бы германов, а вместе с ними и польских помещиков…

— Фашистов Советская Армия прогонит, это точно. А что касается панов-помещиков, извините, это дело польского народа. Ваше дело, — ответил Клейн.

С первых же дней наше соединение начало активные боевые действия на территории Польши. Лишь за одну неделю нашими минерами были уничтожены мосты на реках Танев, Солоть, Вепш, Любачувка, в результате чего на некоторое время были выведены из строя железные дороги Рава-Русская—Ярослав, Рава-Русская—Замостье, Львов—Перемышль, Львов—Яворов.

Наряду с подрывными работами подразделения вели тяжелые бои. 14 февраля четвертый батальон под командованием Токаря разгромил карательный отряд немцев, наступавший на Хуту Ружанецкую.

Кульбака установил связь с польским отрядом Владзимежа Хасцевича («Вара»). Провели совместную операцию и разгромили немецкий гарнизон в местечке Тарногруде, захватили большие склады горючего и продовольствия. Более двухсот тонн зерна и муки раздали польским жителям, а горючее сожгли. Только жителям Боровца и Руды Ружанецкой из захваченных трофеев досталось пятьдесят тонн муки, 85 коров, 22 лошади.

Из состава саперной роты выслали три группы минеров к Львову, Красныставу, Руднику. На следующий день инженер-капитан Кальницкий забрал остатки минеров и повел их на станцию Хоринец. Чтобы сэкономить время, шли по азимуту. К Хоринцу подошли глубокой ночью. На станции мерцал огонек. Это в комнате дежурного.

Дозор, высланный Кальницким, осмотрел станционные постройки.

— Все в порядке. Охраны не обнаружено. На дежурстве два человека. Можно смело идти, — доложили разведчики.

— Осторожность не помешает, — говорит Кальницкий и высылает дополнительные дозоры.

Идут прямо к станции. Вот и дежурка. Появление партизан ошеломило железнодорожников. На их лицах испуг, потом удивление. Взгляды блуждают, осматривают автоматы, одежду и вдруг видят погоны и красные звездочки на шапках-ушанках.

— Радецке товажише! — заговорил удивленный дежурный.

— Да, мы советские партизаны, — подтверждает Кальницкий, прислушиваясь к нарастающему гулу. — Что это?

— Проше пана-товажиша, военный транспорт, — растерянно отвечает дежурный.

— Закрыть семафор! — приказывает капитан.

— То не есть можливо…

— Вы слышали приказ? — грозно спрашивает Кальницкий.

— Так, так… Розумем пана капитана. Вшистко бендзе выконано[4],—с готовностью отвечает дежурный и спешит выполнить распоряжение.

— Поторопитесь, товарищ командир взвода, — бросает на ходу Кальницкий…

Саперы принялись за работу. Аппаратура и оборудование превращены в щепки. Документация оказывается в руках партизан. Минеры хлопочут у стрелок, на путях, у водокачки…

Поезд стоит у семафора и посылает требовательные гудки.

— Потерпи, милок, успеешь, — говорит капитан…

— Товарищ командир, все готово: водокачка, стрелки, пути — заминированы, — докладывает командир взвода Вася Терехов.

— Вот и прекрасно. Открыть семафор!

Паровоз тяжело вздохнул, зачихал. Послышался перестук буферных тарелок и размеренный стук колес. Эшелон подходил к станции. Вдруг вспышка и взрыв. Через мгновение один за другим следуют еще два. И в заключение взрыв еще большей силы потрясает землю. Это взлетела на воздух водокачка…

Эшелон и станционные постройки пылают, а партизаны и два поляка-железнодорожника скрываются в темноте. Утром Кальницкий доложил о выполнении задания.

Возвратились и остальные группы саперной роты. Результат их работы — два эшелона и мост…

Наконец-то получен долгожданный ответ из Киева на запрос Вершигоры. В нем говорилось, что в настоящее время на территории Польши немцы в целях разжигания национальной вражды между украинским и польским народами комплектуют полицию и жандармерию из числа украинцев. Все это ухудшает отношения между украинцами и поляками. Поэтому до получения особых указаний украинским партизанским отрядам переходить Западный Буг не следует. Рекомендовалось немедленно приступить к созданию польских партизанских отрядов исключительно из поляков, обеспечить их оружием и направить на территорию Польши для активной партизанской борьбы. Но в указаниях был и такой пункт, в котором предоставлялось право командиру «действовать сообразно с обстановкой».

Этот ответ заставил наших командиров призадуматься.

— Ну и дела! Влипли мы с тобой, Петрович, в историю, — сказал Москаленко.

Вершигора долго расхаживал по комнате и наконец решил:

— Нет, назад не повернем! Пусть вся вина падает на меня…

— Эх, под топор, так обе головы, — взмахнул рукой замполит.

— Скорее всего, все головы будут целы, — улыбнулся Войцехович. — Петр Петрович, прочитайте еще раз, что там в конце написано.

— «Действовать сообразно с обстановкой», — прочитал Вершигора и сразу же повеселел. — А ведь здорово, други мои! Как я на это не обратил внимания. И до чего же резиновая формулировочка. Как хочешь понимай. Обстановка подсказывала — и мы в Польше. Если здраво рассуждать, то так и есть. Дельная приписочка. Не иначе как генерал Строкач удружил…

Командование было единодушно в своем решении остаться на территории Польши.

— К тому же опасения начальства не имеют под собой основы. Немцам не удалось противопоставить польский народ советскому. Мы здесь встретили такой прием, на который даже не рассчитывали… Я об этом сообщу в Киев, — возбужденно заговорил Петр Петрович. — Надо иметь в виду и то, что здесь проходят главные коммуникации снабжения фронта. Охраняются они слабо, что облегчает проведение диверсий. Не можем же мы упустить такого случая?! Надо ковать железо, пока горячо.

Разумеется, возвращаться на советскую территорию не было смысла. За короткий срок мы сумели завоевать симпатии поляков. Бои и диверсии на территории Польши привлекли к нам внимание местных партизанских отрядов. Какого бы они были мнения о нас, если бы мы ушли! К тому же Москаленко и Андросов организовали выпуск листовок на польском языке. Эти листовки распространялись разведчиками среди населения, передавались польским партизанам. Все это помогало полякам разобраться в обстановке.

К нам, как на огонек в степи, потянулись представители различных партизанских отрядов. Одни приходили за тем, чтобы договориться о совместных действиях, другие с просьбой помочь оружием, боеприпасами, советом.

Приходили и для того, чтобы прозондировать почву, выяснить намерения советских партизан.

Здесь Вершигоре приходилось выступать не столько в роли командира, сколько в роли дипломата, политика.

Дело в том, что в Польше к этому времени не было единого центра по руководству вооруженной борьбой народа против оккупантов. Существовало много политических партий, каждая из которых имела свои военные формирования, нередко враждующие между собой.

Значительную военную силу представляла подпольная военная организация Армии Крайовой (АК), поддерживавшая реакционное эмигрантское правительство в Лондоне. Руководство

АК в течение длительного времени не вело каких-либо серьезных операций против оккупантов. Провозглашало лозунг: «Стоять с оружием у ноги». Зато ожесточенно боролось против демократических сил в Польше. Оно хотело сохранить силы Армии Крайовой и близких ей организаций и подождать, пока оба «врага Польши» обескровят друг друга. Руководители этих организаций надеялись, что западные союзники помогут им восстановить в Польше помещичье-буржуазное правительство. Они выдвигали антисоветские лозунги и предсказывали поражение Советского Союза в войне с фашистской Германией.

А такие откровенно фашистские организации, как «Шанец» («Окоп») и «Народове силы збройне» («Национальные вооруженные силы»), активно боролись против советских партизан.

Наряду с этим в Польше было много отрядов, которые вели вооруженную борьбу против гитлеровцев. Это отряды «Польской рабочей партии» (ППР), «Рабочей партии польских социалистов» (РППС), «батальоны хлопские» крестьянской партии «Стронництво людове» (СЛ).

Однако эти партии и их отряды были разрознены, не имели ясной программы действий. Организатором вооруженной борьбы народа стала Польская рабочая партия. Под ее руководством была создана «Гвардия людова» («Народная гвардия»).

Борьба против оккупантов в Польше приняла широкий размах лишь с января 1944 года, когда была создана Армия людова. В ее состав наряду с Гвардией людовой вошли отряды Рабочей партии польских социалистов, некоторые «батальоны хлопские» и отдельные подразделения Армии Крайовой.

Наш приход в Польшу облегчил и ускорил создание Армии людовой.

Нам и самим надо было хорошо разобраться в политической обстановке в Польше, чтобы не допустить ошибки. От того, как сложатся наши отношения с местными вооруженными группами различных партий, зависело отношение к нам польского населения.

Первыми к нам в Боровце пришли представители шестого польского партизанского полка, которым командовал капитан Вацлав, и командиры «батальонов хлопских» — Блыскавица и Пёрун («Гром»). Они пришли установить связь и договориться о совместных действиях.

Наши командиры быстро нашли общий язык с этими польскими патриотами.

Совсем иные цели преследовал визит представителей Армии Крайовой, майора Зомба[5] и ойтца[6] Яна. Лоэтому, как только

стало известно, что представители АК приедут 15 февраля 1944 года, Вершигора пригласил в штаб разведчицу, парторга разведроты Александру Карповну Демидчик.

— Хочу проверить, Карповна, не разучились ли вы принимать гостей, — сказал Петр Петрович, загадочно рассматривая разведчицу.

— Смотря каких, — насторожилась Александра Карповна.

— На самом высоком уровне. К нам с официальным визитом пожалуют представители «лондонского правительства», — уточнил Вершигора и серьезно добавил — Думаю, неспроста они к нам. С ними надо быть предупредительным, вежливым и… осторожным. Надеюсь на вашу сообразительность.

— Что от меня требуется? — спросила Александра Карповна.

— Не многое. Приготовить ужин. Принять гостей. Сделать так, чтобы высокие гости остались довольны…

Готовился к встрече и комендант штаба. Он выставил дополнительные посты, проинструктировал часовых.

Гости приехали в сопровождении свиты. Одеты с шиком. «Официальное лицо» — майор Зомб — среднего роста, плотный, с черными усиками, с изысканными манерами. Ойтец Ян— высокий, худосочный, с бритой головой, волевым, замкнутым лицом, неторопливый.

Многочисленная свита буквально атаковала партизан, особенно начальника штаба Войцеховича, пытаясь выведать дальнейший наш маршрут. Партизаны начеку. Василий Александрович отшучивается, переводит разговор на другие темы. Однако гости вновь возвращаются к вопросам о намерении нашего командования. Это еще больше настораживает партизан.

— Не с добрыми мыслями приехали гости, — шепчет мне политрук Роберт Клейн.

— Уедут не солоно хлебавши, — отвечаю политруку.

Около девяти часов вечера Вершигора приглашает гостей на ужин. Стол накрыт. Нарядно одетая Карповна приветливо встречает гостей. Гости вежливы, картинно кланяются, целуют хозяйке руку, говорят комплименты.

— О, такой пани не воевать, а балы устраивать, — лебезит майор, прикладываясь к руке.

На душе Карповны кошки скребут. Ей неприятны лицемерие, показная вежливость и поцелуи гостей. Так и хочется вымыть руки после прикосновения холеных губ. Поймала внимательный, требовательный взгляд Вершигоры, переборола свои чувства, улыбается, на шутки майора отвечает вполне серьезно:

— Что вы, пан майор, сейчас не время для балов. Да я и не приучена к ним.

— Где пан полковник разыскал такую пани?

— В белорусской деревне, — отвечает Карповна за Вершигору и приглашает гостей за стол.

Шумно уселись за столом. Карповна наполнила рюмки и бокалы, с трудом добытые у местных жителей. Выпили за польский народ. Застучали вилками и ножами…

Ужин в разгаре. Карповна подает новые блюда, следит, чтобы гости не скучали, улыбается. Вершигора доволен: пусть знают, мы тоже не лыком шиты.

Александра Карповна все замечает. «Официальное лицо» и его адъютант не пьют, но ведут себя, как пьяные.

— Петр Петрович, я вам больше не налью. Поберегите сердце, — говорит Александра Карповна, хотя Вершигора выпил всего одну рюмку.

— Ничего не поделаешь, барахлит, — с сожалением сказал Петр Петрович, показывая на сердце. — Видимо, война сказывается…

Время за полночь. Уже детально обсудили последние европейские моды, особенно женские, поговорили о погоде на разных широтах, мельком коснулись действий союзников, а о деле ни слова.

Вершигора старается перевести разговор на обсуждение обстановки в Польше. Напрасные усилия. Гости как будто не понимают вопросов. В конце концов Вершигора не выдержал и поставил вопрос в упор:

— Поделитесь своим опытом организации вооруженной борьбы польского народа?

Ойтец Ян беспокойно заерзал на стуле. Майор Зомб закурил и елейным голосом заговорил:

— Из Лондона получены указания — действовать с вами, как с союзниками.

— Это хорошо, — оживился Вершигора. — В таком случае, нам остается только согласовать план совместных ударов по противнику…

Майор Зомб и ойтец Ян юлят, волынят, стараются уклониться от прямого ответа и наконец под предлогом недостачи оружия отказываются от предложения о совместных активных действиях.

— Поможем вам оружием, боеприпасами, взрывчатки дадим, — пообещал Вершигора.

— Мы ценим благородные стремления нашего союзника пана полковника. Заранее благодарим. Непременно воспользуемся вашей помощью, — рассыпался в любезностях майор Зомб.

Видимо, такой разговор не устраивал гостей. Они вдруг обратили внимание на поздний час, извинились, поблагодарили

за теплый прием и спешно начали собираться.

Из-за стола с трудом поднялся адъютант майора и, пошатываясь, направился во вторую комнату. Александра Карповна удивленно уставилась на адъютанта. Она хорошо помнила, что он выпил всего одну рюмку и…опьянел. Отчего бы это?

Тем временем адъютант, пошатываясь, прошел в соседнюю комнату, где находилось имущество Вершигоры, закрыл за собой дверь. Не подозревая, что он в комнате не один, адъютант быстро осмотрелся, схватил планшетку Петра Петровича и направился к выходу. Неожиданно на его пути встал Ясон Жоржолиани — адъютант Вершигоры.

— Прошу прощенья, пан поручик, вы по ошибке чужую планшетку прихватили, — лицо Ясона перекосилось в злой усмешке.

— Цо? Не розумем[7],—растерянно проговорил гость, забыв о своем притворстве. — Ах да, действительно… Пшепрашам пана[8].

Ясон вырвал из его рук планшетку и отвесил оплеуху «забывчивому» гостю. Тот, ничего не говоря, выскочил из комнаты, схватил свою шинель и, не попрощавшись, поспешил на улицу…

Когда представители и сопровождавшие их лица раскланялись и уехали, Ясон рассказал Вершигоре и Александре Карповне о «забывчивости» адъютанта. Те от души посмеялись.

— А я тебе что говорил? — продолжая смеяться, сказал Вершигора. — Говоришь, дал по шее? Нехорошо, нехорошо так с гостями поступать… Ха-ха-ха.

Александра Карповна перестала смеяться и в недоумении посмотрела на Вершигору.

— Так вы?..

— Оказывается, в нашем положении надо быть и дипломатом, — перебил ее Вершигора. — Я еще в штабе понял, что они больше дипломаты, чем партизаны. Их настойчивые попытки узнать, куда мы намерены идти, натолкнули меня на мысль, что среди них могут быть шпионы. Поэтому-то я на видном месте повесил планшетку, а дверь в ту комнату оставил открытой. Ясону приказал спрятаться там и не выдавать себя. А вы разве не заметили? Адъютант не спускал глаз с планшетки… Дурень, в планшетке, кроме карты административного деления Польши, ничего нет… Ставлю сто против одного — за оружием не придут, — уверенно сказал Петр Петрович.

И действительно не пришли. Да они в нем и не нуждались. Нам стало известно, что их отряды обеспечены оружием и

боеприпасами не хуже нас.

Двуличную политику проводили представители Армии Крайовой. С одной стороны, называли себя нашими союзниками, с другой — отказывались от совместных действий. Больше того, шпионили за советскими партизанами. Как выяснилось позже, майор Зомб постоянно информировал своих хозяев о переходах и боях нашего соединения.

В том, что за нами следили, мы скоро убедились. После визита представителей Армии Крайовой мы совершили несколько переходов. Однажды на марше ко мне подъехал лейтенант Гапоненко.

— Неожиданная встреча, — сказал весело лейтенант. — Едем, смотрю, за забором кто-то прячется. Кинулись к забору, а там притаился наш старый знакомый. Кто бы вы думали? Ойтец Ян. Подсчитывает, сколько орудий, повозок… Говорю: «День добрый, пан ойтец». Он встрепенулся и поспешил блокнот сунуть в карман…

— Что же ты?

— Да что? Я с ним деликатно, по-интеллигентному. Так, мол, и так. Давай, батюшка, за дружбу польского и советского народов тяпнем по маленькой. Леша Журов понял мой намек, отстегнул флягу со спиртом и передал мне. Я налил кружку и протянул ойтцу Яну. Он отказывается. «Что вы, говорю, против дружбы? Не ожидал!» Ему ничего не оставалось — выпил. За компанию выпил и я, так что вы не ругайте меня. Потом еще полкружки ксендзу: «За нашу победу!» После этого святого отца еле затащили в дом. Хозяйка уложила его в кровать. Пусть во сне продолжает подсчитывать силы партизан…

— Откуда ты взял, что он занимался подсчетом?

— А вот он, блокнотик, получайте, — Гапоненко сунул мне небольшую книжечку в кожаном переплете, а сам поскакал вперед.

Подсвечивая фонариком, я начал перелистывать блокнот. В нем много записей. На ходу трудно разобрать. А вот и то, что меня интересовало. Столбиком написаны названия видов оружия и транспорта: армата, мётач мин, карабин машиновы, фурманка…[9] Против каждого наименования рядками вытянулись колышки, цифры и числа. Ойтец Ян успел подсчитать четыре орудия, свыше двадцати пулеметов, около стал подвод, триста лошадей, 850 солдат и офицеров…

Когда я доложил Петру Петровичу, он подмигнул и сказал:

— А о чем я предупреждал? Нет, разведчики, что ни говори, а тут ухо надо держать востро!

Да, в неприглядном виде показали себя представители Армии

Крайовой. Отряды Зомба отсиживались так же, как и их лондонские правители.

Однако настоящие патриоты Польши не сидели сложа руки. Они действовали. Отряды Польской Рабочей партии, Рабочей партии польских социалистов, «батальоны хлопские» («крестьянские отряды») вели активную борьбу, хотя были намного хуже вооружены, чем отряды Армии Крайовой.

Слабо вооруженным отрядам Армии людовой мы помогали оружием и боеприпасами. Вместе с ними вели борьбу против общего врага.

Именно в это же время к нам пришел «батальон хлопский». О действиях этого батальона и о самом командире Блыскавице уже не раз докладывали наши разведчики, но до сих пор встречаться не приходилось. Теперь знакомство состоялось.

— Командир батальона Блыскавица! — представился высокий, статный, рыжеватый поляк.

«Блыскавица» — в переводе на русский язык означает «молния». Этот псевдоним как нельзя лучше подходил командиру батальона. Молодой, подвижный, казалось, весь он на пружинах.

— Мой отряд, проше пана подполковника, небольшой, — рассказывал Блыскавица. — Юж давно вальчит на теренах повятов Замостья и Хелма. Испытываем трудности в озброеньи… [10]

— У нас уже были представители польских партизан и тоже жаловались на недостачу оружия. Когда же мы им предложили помощь, они отказались, — сказал Вершигора, любуясь статной фигурой Блыскавицы.

— Того не може быть! — взволнованно проговорил командир батальона, быстрыми шагами прошелся по комнате, остановился перед Вершигорой и с жаром продолжал — Каждый поляк, которому дорога отчизна, от оружия не откажется. Главная наша задача — вызволение от фашистской кабалы. Сейчас, когда наши братья по оружию — советские воины-приближаются к польскому кордону, нам, полякам, не к лицу отсиживаться дома. Это понимают мои соотечественники и включаются в активную борьбу. От оружия могут отказаться лишь трусы и… враги польского народа. Кстати, кто это был?

— Майор Зомб, — помолчав, ответил Вершигора, испытующе глядя на Блыскавицу.

— А-а, — разочарованно и облегченно протянул Блыскавица. — Вы меня напугали, пан подполковник. Эти Зомбы и нам немало препон ставят. Ждут каких-то указаний, призывают народ выжидать, «стоять с оружием у ноги». А фашисты не ждут. Пользуясь нашей бездеятельностью, они спешат как можно

больше уничтожить наших людей, разрушить наше господарство…

Вершигоре давно нравился этот энергичный, беспокойный человек, жаждущий видеть родину свободной. И не только жаждущий, но и делающий все от него зависящее, чтобы избавить родину от оккупантов.

— Мы вам дадим оружие, боеприпасы, взрывчатку, — сказал Петр Петрович. — Поможем связаться с советским командованием. Будете получать все необходимое прямо оттуда, — Вершигора указал на восток.

Тогда же договорились о совместных боевых действиях.

Через несколько дней Блыскавица на деле доказал желание бороться с врагом. Вместе с батальоном Кульбаки «батальон хлопский» разгромил гитлеровский гарнизон в Краснобруде. 8 и 9 марта нашими подразделениями совместно с «батальоном хлопским» были уничтожены гарнизоны врага в двух фольварках и взорваны два спиртзавода. Оружие, захваченное в бою, досталось польским партизанам.

Отряд Блыскавицы был неуловим. Он появлялся внезапно, уничтожал врага и так же внезапно исчезал. Большую помощь польские партизаны оказывали нашим разведчикам.

И не только с отрядом Блыскавицы мы поддерживали тесную связь. Вместе с нашим соединением громили врага и другие польские отряды. Две роты батальона Брайко вместе с польскими отрядами поручика Владека, Менчинского и Богуша истребили фашистский гарнизон города Улянува. Взорвали радиостанцию, радиомаяк, пост противовоздушной обороны. Захватили склады боеприпасов, продовольствия и фуража. И на этот раз часть пулеметов, винтовок и радиостанций передали польским товарищам.

Здесь же мы встретились с соединением Роберта Сатановского, знакомого нам еще по Полесью. Там он с помощью советских партизан создал свой польский отряд, вырастил его в соединение, насчитывающее теперь несколько тысяч человек. Это соединение сейчас пришло на родину и развернуло вооруженную борьбу против оккупантов.

При оценке действий АК следует строго разграничивать верхушку, которая проводила реакционную политику, и народные массы.

Основная масса солдат и большая часть младших офицеров Армии Крайовой были честными, патриотически настроенными поляками. Нашествие фашистов на Польшу было для них большим испытанием. Они рвались в бой за освобождение многострадальной польской земли, в бой, подобный тому, какой

вела сначала Гвардия людова, а потом Армия людова под руководством Польской Рабочей партии.

Польские патриоты горели одним желанием: видеть родину свободной. Они шли в отряды, порой не задумываясь о политической цели той или иной партии. Лишь бы сражаться с врагом. И не вина народа в том, что на их патриотических чувствах спекулировали реакционные деятели.

Многие, находясь в АК, вопреки желаниям начальства, вели активную борьбу. Как-то к нам пришел боевой отряд поручика Подковы. (Под этим псевдонимом действовал поручик Т. Кунцевич.) Отряд входил в АК.

— Мое командование запрещает вступать с вами в контакт, — сказал поручик. — Но мне нравится, как вы бьете фашистов. Я хочу быть в дружбе с вами и воевать, как воюют советские партизаны. Ваш враг — мой враг. Мы — братья по оружию.

— Мне тоже нравится ваше желание драться, — сказал Вершигора. — Можете рассчитывать на нашу помощь.

После первого же знакомства отряд поручика Подковы ушел на задание вместе с ротой Сердюка. Им удалось разгромить небольшой гарнизон врага и пустить под откос воинский эшелон.

Возвращаясь в часть, они поймали на лесной дороге бургомистра из Тарногруда и узнали от него, что в местечке идет бой немецкого гарнизона с партизанами. Сердюк и Подкова организовали засаду и уничтожили гитлеровцев, удиравших из Тарногруда от батальона Кульбаки…

К помощи поручика Подковы и его отряда мы прибегали неоднократно.

Однажды взвод Степы Бокарева, усиленный группой минеров Владимира Дубиллера, собрался на задание. Об этом от Вершигоры узнал поручик.

— Могу быть полезным, — предложил Подкова.

Вершигора подумал и согласился.

Вышли с наступлением сумерек. Предстоял далекий путь к железнодорожной магистрали Львов—Варшава. Ночами шли, а на день останавливались на хуторах, вдали от оживленных дорог. Поручик умело выбирал безопасные маршруты и места для отдыха. Расспрашивая местных жителей, помогал добывать нужные сведения о противнике.

На четвертый день пути подошли к железной дороге. Решили взорвать мост у села Вулька Орловска южнее Красныстава. Мост охранялся несколькими полицейскими, поляками. Можно было с ними легко расправиться, но Бокарев не хотел поднимать шума. На выстрелы непременно примчатся гитлеровцы из Красныстава и других ближайших станций. И кто знает, как повернется дело…

— Я попытаюсь переговорить с охраной, — предложил Подкова.

—. Давайте сделаем так: вы заговорите, привлечете к себе их внимание, а мы подберемся с другой стороны, набросимся на них и обезоружим, — уточнил Бокарев.

Так и сделали. Как только поручик Подкова заговорил, от моста послышалась команда:

— Стой!

— До дьябла, стой. Мне тшеба колею проверить[11],— отмахнулся от охранников Подкова, приближаясь по насыпи к мосту.

Решительные действия поручика возымели действие. Полицейские растерялись, и хотя они продолжали протестовать, но уже менее настойчиво. Кто его знает, какое там начальство! Кроме того, их подкупала польская речь.

Подойдя почти вплотную к часовым, поручик выхватил из кармана гранату, замахнулся ею и спокойно, но твердо скомандовал:

— Положить бронь![12]

В тот же миг на растерявшихся полицейских с тыла напали бойцы во главе с Бокаревым и обезоружили.

Бокарев выслал дозоры в стороны, а Дубиллер с саперами приступил к установке зарядов. Подрывники работали быстро и четко. Все же операция чуть было не сорвалась. Со стороны Красныстава подходил поезд. У моста произошло замешательство.

— Спокойно, товарищи! — приказал Бокарев. — Не стрелять! Сойти с моста и залечь. Пан поручик остается часовым.

Партизаны поняли замысел командира и кубарем скатились с насыпи. Поручик Подкова вооружился трофейным карабином и занял место часового…

Поезд прогромыхал по мосту и ушел на юг в сторону Львова. Саперы возобновили работу…

— Можно отходить, — доложил через некоторое время Дубиллер.

Только успели отбежать на безопасное расстояние, как мост длиною восемьдесят метров взлетел на воздух.

— Что будем делать с пленными? — спросил пулеметчик Грамотин.

— Отпустите, — распорядился Бокарев.

— Цо пан муви? Пан не бендзе нас стшелял?[13]— обрадовался один из пленных, услыхав разговор.

— Немцы сами расстреляют. Они не простят вам моста.

— Куда же нам цеперь?

— На все четыре стороны, — ответил Бокарев, давая понять, что они его больше не интересуют…

Долго шли молча. Первым заговорил поручик Подкова:

— Я мыслял, же вы расстшеляете.

— Зачем? Если бы они сопротивлялись — тогда другое дело, — ответил Бокарев. — Теперь у них единственный путь— идти в партизаны… Придет время — ваш народ сам вынесет им приговор.

— То правда, — согласился поручик. — Мне, признаться, не хотелось, чтобы пан расстрелял тамтых полякув…

Отошли несколько километров к югу и в двух местах под рельсы заложили мины. После этого направились в обратный путь. Через полчаса послышался взрыв на «железке». Сработала одна из мин[14].

В часть возвращались иным маршрутом. Встреч с карателями удавалось избегать. В этом большая заслуга поручика. В конце одного из переходов утро застало группу в поле. Впереди раскинулось большое село. Подкова свернул влево и повел партизан к помещичьей усадьбе, стоявшей особняком.

— Куда вы нас ведете? — спросил Бокарев.

— До маентка, — ответил спокойно поручик.

— Судя по всему, там живет помещик.

— По-российски — помещик, а по-нашему, пан. Тот пан есть мой пшиятель.

Бокарев знал, что Подкова-Кунцевич — сам из богатой семьи, поэтому не удивился его знакомству с помещиком… Подошли ближе. Рассмотрели большой дом и другие строения, обнесенные добротным забором.

Поручик постучал. За забором басисто залаяла собака. Подкова постучал еще. Мужской голос спросил из-за забора:

— Кто там?

— Это я, Кунцевич. Прошу, откройте.

Видно, в этом доме поручик был частым гостем. Повозившись с запорами, мужчина открыл калитку. Сторож увидел группу вооруженных и застыл в изумлении.

— Это — русские товажиши. Пропусти и замкни врота, — распорядился поручик как дома.

Хозяина не оказалось дома. Встретила его мать — старая пани.

— Пшепрашам пани, нам тшеба тутай пшеховаться до вечера[15],— торопливо заговорил поручик Подкова. — У вас есть посторонние?

— Н-нема, — замялась пани и пригласила: — Прошу.

Оставив товарищей во дворе и наказав им присматривать за

сторожем, Бокарев вместе с поручиком вошел в дом. Прошли первую комнату, затем вторую — никого нет. Подкова остался с хозяйкой, а Бокарев прошел в третью большую комнату. Сначала ему показалось, что и здесь никого нет. Но вдруг он бросил взгляд на кресло, стоявшее в углу, и увидел торчащие из-за кресла ноги в комнатных туфлях. «Кто это? Ведь пани сказала, что посторонних нет!» Эта мысль пролетела в голове Бокарева. На всякий случай он взял автомат на изготовку и спокойным голосом сказал:

— Кто там прячется? Не бойтесь, выходите. Свои…

Из-за кресла поднялся высокий чернявый молодой человек, держа руки в карманах халата. В тот же миг почти бесшумно открылась боковая дверь справа и оттуда появилась молодая дама в халате. Она тоже держала руку в кармане. И мужчина и женщина настороженно следили за человеком, потревожившим их покой.

Бокарев опустил автомат, улыбнулся и поздоровался. Те ответили. В комнату вошел поручик.

— Пан Кунцевич?! — в один голос воскликнули пан и пани.

— Что у вас здесь случилось? — спросил поручик.

Скоро все выяснилось. Оказалось, что приятель молодого хозяина с женою приехали в гости. Увидав в окно группу вооруженных, вошедших во двор, они схватили пистолеты и приготовились к самообороне. У мужчины, кроме пистолета, оказалась еще и граната. Он намеревался бросить ее в случае, если вооруженные попытаются применить силу. Спокойный и мирный голос Бокарева предотвратил несчастье.

Гости повеселели. И после, уже за столом, со смехом вспоминали, как они хотели двумя пистолетами и одной гранатой защищаться от двадцати автоматов…

Бокарев расставил наблюдателей и расположил бойцов на отдых… Дневка прошла спокойно. Вечером группа выступила в поход и к утру настигла главные силы соединения.

А через сутки часть отряда Подковы вновь ушла на задание с девятой и четвертой ротами и артиллерийской батареей.

В это время нашим разведчикам удалось раскрыть строго засекреченный военный завод «Сталева Воля». На нем изготовлялось артиллерийское вооружение, снаряды, ремонтировалась боевая техника. Некоторые даже утверждали, что завод выпускает детали к ФАУ-1.

Ударной группе под командованием Бакрадзе было поручено вывести из строя этот завод. Поручик Подкова кратчайшим путем вывел партизан к месту.

Завод находился в лесу в двух километрах от реки Сан.

Охранялся усиленными отрядами гитлеровцев. Вокруг завода возвышались мощные укрепления. Подобраться к нему было очень тяжело, это потребовало бы больших жертв со стороны партизан. Зато электростанция и водокачка, снабжавшие завод электроэнергией и водой, находились непосредственно на западном берегу Сана и были хорошо видны с восточного берега.

Бакрадзе подозвал заместителя командира артбатареи Якова Михайликова и спросил:

— Что ты предлагаешь?

Яков Матвеевич Михайликов был мастером своего дела, В отряде он с января 1942 года. Командовал противотанковой пушкой, артиллерийским и минометным взводами, а когда получили 76-миллиметровые орудия, был назначен заместителем командира артбатареи. Однако получилось так, что Михайликов фактически командовал батареей. Во всяком случае, выполнение боевых заданий лежало на его плечах. Это ему принадлежит идея ночной стрельбы прямой наводкой черёз ствол по вспышкам вражеских пулеметов при. штурме реки Ломницы, на подступах к Карпатам.

Он заслуженно пользовался славой хорошего артиллериста, за что партизаны прозвали его Яшкой-артиллеристом. К его авторитетному мнению прислушивались командиры пехотных подразделений.

И теперь на вопрос Бакрадзе Яшка-артиллерист ответил:

— Будем расстреливать с этого берега.

Бакрадзе принял решение: артиллерийским огнем с восточного берега разрушить электростанцию и водокачку. Поставили орудия на прямую наводку. Вася Алексеев и Виктор Морозов — снайперы артиллерийского огня — навели пушки на электростанцию. Через реку полетели снаряды. Эхом отозвались разрывы…

После нескольких залпов свет потух. Но здание электростанции виднелось белым пятном. Орудия продолжали обстрел. Возник пожар и осветил водокачку. Перенесли огонь на нее.

В результате обстрела были повреждены электростанция и водокачка. Завод некоторое время вынужден был бездействовать.

Весть о действиях советских партизан облетела многие села Люблинщины. К нам приходили все новые представители польских партизан с предложением о совместных боевых действиях. С каждым днем усиливались удары по гарнизонам и путям снабжения гитлеровцев на территории Польши.

Бои и диверсии, проведенные советскими и польскими партизанами, дали свои результаты. В одном из донесений в

марте 1944 года гитлеровский руководитель железных дорог писал генерал-губернатору Польши Франку:

«Число подрывов составов при помощи взрывчатки, нападений на станции и железнодорожные сооружения (в Люблинском воеводстве) за период февраль — март сего года постоянно возрастает. В настоящее время в день в среднем насчитывается 10–11 налетов.

На некоторых участках можно ездить только с конвоем и только днем, как, например, на участке Лукув—Люблин. По другой линии, Завада—Рава-Русская, можно ездить только в определенные дни и в определенные часы, в остальное время движение здесь остановлено. Также и в Билгорайских лесах мы бессильны против нападения»[16].

Даже генерал-губернатор Франк вынужден был записать в своем дневнике, что одна треть Люблинской провинции уже не подчиняется оккупационным властям. Там не действуют ни администрация, ни исполнительные органы. Полиция может действовать на данной территории силами не менее полка.

Наше соединение продолжало активные боевые действия на территории Польши. Властная рука партизанского командира умело и решительно направляла удары народных мстителей по самым чувствительным местам противника.

Среди врагов паника. Генерал-губернатор Ганс Франк и главный полицейский начальник оккупированной Польши Крюгер были бессильны в борьбе против партизан. Они вынуждены были обратиться за помощью к гитлеровскому командованию. К местам диверсий и нападений партизан мчались полицейские и полевые войска, грохотали танки дивизии СС «Викинг», рыскали самолеты. У телефонной трубки надрывается комендант города Люблина: «Ахтунг! Кальпак!» На дорогах при выезде из городов и местечек появились таблички с надписью: «Внимание! Партизаны Ковпака!»

Каждое партизанское соединение за многомесячную боевую практику вырабатывало свой «почерк» ведения боя. Ковпаковский не был похож ни на какие другие. Поэтому гитлеровские генералы определили, что имеют дело с партизанами Ковпака.

Весть о появлении советских партизан в «области государственных интересов Германии» дошла до Берлина и произвела впечатление взорвавшейся бомбы.

Еще бы! Ведь всего полгода назад обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фон дем Бах из Ровно в своем приказе оповестил население и донес Гиммлеру, а Гиммлер доложил фюреру, что «банда Ковпака, насчитывавшая около двух тысяч человек, уничтожена в Карпатах. Спастись удалось лишь Ковпаку

с пяти десятью партизанами.

Можно себе представить, какое было ликование по случаю «разгрома» крупного и опасного партизанского соединения, доставившего немало хлопот гитлеровскому командованию и администрации на оккупированной территории Украины и Белоруссии.

И вдруг снова: «Внимание! Партизаны Кальпака!» Только на этот раз ближе к германской границе. Это оплеуха не только обергруппенфюреру СС и генералу полиции Фон дем Баху, но и всемогущему Гиммлеру. Ведь именно он, Гиммлер, клялся фюреру, что в Карпатах раз и навсегда покончено с опасным Ковпаком.

Не оправдались надежды фашистов. Соединение — живет. И не только живет, но и активно действует. Имя Ковпака не сходит с уст всполошившихся гитлеровцев.

— Ох, Петрович, насолил же фрицам наш дед Ковпак, никак не могут опомниться, — радовался успеху партизан Москаленко. — Им и невдомек, что Сидор Артемович живет себе в Киеве, а командуешь ты.

Да, тогда еще имя Вершигоры для врага было мало известно.

— А чему здесь удивляться? — сказал Вершигора. — Если бы кто-нибудь до войны сказал мне, что я буду военным человеком, я бы сам удивился. Но если бы мне сказали, что буду командовать соединением в тылу врага, я удивился бы еще больше.

Кто бы мог подумать, что из сына молдавского сельского учителя, рано оставшегося сиротой, с одиннадцати лет вынужденного батрачить, чтобы заработать на кусок хлеба, мечтавшего стать агрономом, а ставшего кинорежиссером, получится командир прославленного партизанского соединения!?

Но случилось именно так. Партизаны под командованием Петра Петровича Вершигоры много неприятностей причинили противнику. Гитлеровцы активизировали свою разведку. Из Львова, Люблина, Перемышля и Билгорая потянулись ее щупальцы к партизанам. Но ковпаковцы были начеку. Не стояли в стороне и польские патриоты.

Только за один день в селе Циосьме Билгорайского повята с их помощью и благодаря постоянно проявляемой партизанами бдительности было задержано свыше тридцати шпионов. Большинство из них уголовники из люблинской тюрьмы. Они прошли специальную подготовку и к нам были засланы люблинским гестапо.

Разоблачив первого шпиона, наши командиры допросили его, узнали приметы остальных и задержали их. Одного шпиона направили обратно с письмом. В нем говорилось:

«Господин комендант! Мы, советские партизаны, очень тронуты тем, что вы проявляете глубокий интерес к численному составу и вооружению нашего соединения, засылая к нам с этой целью своих шпионов. Считаем за честь сообщить, что все они благополучно прибыли в пункт назначения и сейчас находятся у нас. В подтверждение этого направляем к вам одного из них с настоящим письмом. Что же касается нашего оружия и численного состава, то мы постараемся удовлетворить ваше любопытство и сегодня всем партизанским соединением прибудем к вам в гости, чтобы продемонстрировать перед вами боеспособность и вооружение. Советские партизаны».

После отправки письма Вершигора сказал:

— Интересно знать, что предпримет комендант? Товарищ Бережной, для большей убедительности пошлите взвод разведчиков, пусть ночью обстреляют немецкий гарнизон.

— Поручим это дело Зяблицкому. Сделает все как по нотам, — предложил Клейн…

Тревожно провели ночь гитлеровцы. Гарнизон города занял круговую оборону и непрерывно пускал ракеты. А когда город обстреляли разведчики с одного, с другого места, там поднялась страшная пальба и не утихала до утра. Как стало известно, комендант города Люблина тоже всю ночь не покидал кабинета, не смыкал глаз до утра, ожидая нападения партизан. Мы же и не помышляли об этом. Воспользовались тем, что немцы стянули карателей в Люблин, усилили подрывные действия на железных дорогах.

Случай с массовой засылкой к нам шпионов заставил нас серьезно подумать об усилении бдительности. Был установлен строгий порядок приема новых бойцов. Такое право давалось лишь командирам батальонов (отрядов) с обязательной последующей проверкой особым отделом соединения.

Принятыми мерами возможности проникновения в наши ряды шпионов и диверсантов сводились к минимуму.

У нас праздник

23 февраля 1944 года — в день 26-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота — в селе Циосьме состоялся митинг. На небольшой сельской площади собрались местные жители, советские и польские партизаны. Наш праздник со-< впал с каким-то местным. Крестьяне прямо из костела с молитвенниками шли на митинг.

Посреди площади, запруженной народом, стояли санки. На них поднялись Вершигора и поручик Подкова. Петр Петрович окинул взглядом вдруг притихшую площадь, приветливо помахал рукой мальчишкам, примостившимся на плетнях и заборах, разгладил бороду и заговорил:

— Товарищи партизаны! Наши братья по оружию. Дорогие польские друзья! Сегодня мы вместе со всем советским народом отмечаем двадцать шестую годовщину Советской Армии. — Выждав, пока поручик перевел, продолжал: — День рождения Советских Вооруженных Сил мы празднуем в суровые дни войны. Созданная великим Лениным в годы гражданской войны и иностранной интервенции, первая в истории рабоче-крестьянская армия прошла славный путь…

Петр Петрович говорил о первых шагах молодой Красной Армии, отстоявшей завоевания Октября от посягательств внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Перешел к мирным годам. Упомянул бои у озера Хасан и разгром японских войск в Монголии…

Его слушали с большим вниманием. Казалось, затаили дыхание.

Мне впервые довелось слышать выступление Петра Петровича на митинге. Я привык его видеть в повседневной жизни. И теперь мысленно сравнивал его речь с пылкой, зажигающей речью комиссара Руднева и с простой, пересыпанной украинским юмором — Ковпака. И не находил общего ни с тем ни с другим…

— Война нарушила наш мирный труд, — продолжал Вершигора. — Красная Армия, весь советский народ поднялись на защиту Родины… Были у нас и неудачи, приходилось оставлять города и села. Врагу удалось захватить часть нашей территории. Но ему не удалось стать на ней хозяином, не удалось сломить моральный дух советских людей, убить в них веру в победу правого дела… Первый ощутимый удар врагу был нанесен под Москвой. Сталинградская битва была переломной в войне, а последовавшая за ней Курская — окончательно похоронила

мечты фашистов о мировом господстве. С этого момента инициативой полностью завладели советские войска… Недалек тот час, когда вся советская территория, а затем и Польша будут навсегда очищены от фашистской нечисти…

Последние слова, переведенные поручиком, вызвали радостное оживление среди поляков. В особый восторг они пришли, когда Вершигора сказал, что на фронте против гитлеровцев бок о бок с Красной Армией сражаются польские воинские части, сформированные на советской территории и вооруженные новейшей военной техникой.

— Холера ясная! Вот бы до Войска Польского попасть! — сказал местный парень, стоявший рядом со мной.

Когда на площади восстановилась тишина, Вершигора заговорил о всенародной борьбе в тылу врага. В его речи пропала официальность. Да это была уже и не речь, а, скорее всего, задушевная беседа.

— У нас с вами общий враг — фашизм. И бороться против него мы должны вместе, — говорил Петр Петрович, обращаясь к полякам. — Я знаю много примеров, когда ваши земляки отважно сражаются в советских партизанских отрядах. Здесь же, бок о бок с польскими патриотами, воюют советские граждане, бежавшие из фашистского плена. На советской территории, временно оккупированной врагом, воевало соединение польских партизан под командованием Роберта Сатановского. Мы пришли к вам, чтобы бить врага на вашей территории. Здесь нас встретили как братьев. За это большое наше партизанское спасибо польскому народу…

Слова Вершигоры были встречены аплодисментами и одобрительными возгласами присутствующих.

— Мы благодарны за помощь и польским партизанам, с которыми мы установили хорошие отношения, договорились о совместных боевых действиях и уже провели ряд успешных боев по разгрому фашистских гарнизонов. Разрешите мне от имени советских партизан преподнести пану поручику Кунцевичу наш скромный подарок, — сказал в заключение Петр Петрович, взял из рук своего адъютанта автомат ППШ и передал поручику Кунцевичу-Подкове.

Поручик принял автомат, поцеловал его и громко прочитал надпись, сделанную на автомате: «В честь боевой дружбы советского и польского народов. От ковпаковцев». А затем поднял над головой подарок и выкрикнул:

— За вашу и нашу вольность! Армии Радецкой — сто лят! Нех жие Польска!

Над площадью послышались дружные возгласы: «Сто лят! Нех

жие! Сто лят! Нех жие!»

— Один ноль в пользу Бороды, — сказал Клейн.

— Ты о чем?

— О митинге. Попомни мои слова: завтра о всем, что здесь сейчас делается, будут знать во всех весях. Это большая наша победами благодарить за нее мы должны Вершигору…

День выдался на редкость тихий и теплый. По-весеннему ярко светит солнце, снег обмяк, осел, закапало с крыш. От только что проведенного митинга не прошло еще возбуждение. По улицам села в приподнятом, праздничном настроении разгуливают группки партизан и местных жителей, разодетых в национальные наряды. Повсюду слышатся песни: русские, украинские, польские, белорусские…

Третий раз мне приходится годовщину Советской Армии праздновать в боевых условиях. В 1942 году весь день прошел в бою за село Муратовку в Брянской области. В 43-м — в тылу врага в Князь-селе на Волыни. А теперь вот за пределами своей Родины. Хочется, чтобы это был последний военный год.

Этот день запомнился мне еще одним событием. Не знаю, почему Москаленко поручил мне провести с артиллеристами беседу о Дне Красной Армии. Признаться, я был в растерянности. Что я скажу? То, что первая в мире Рабоче-Крестьянская Красная Армия была создана по указанию В. И. Ленина? Так об этом знает каждый советский ребенок.

И тут пришла мне на память небольшая книжонка, которую я прочитал еще в военном училище. В ней были помещены короткие очерки, всего по нескольку страничек, в которых рассказывалось о героях гражданской войны В. И. Чапаеве, Г. И. Котовском, Н. А. Щорсе, Сергее Лазо, Н. А. Рудневе, Александре Пархоменко, Яне Фрицовиче Фабрициусе… И я вцепился в эту книжонку, как в спасительный талисман.

После нескольких общих фраз о рождении Красной Армии, о ее боевом крещении под Псковом и Нарвой, я начал добросовестно пересказывать прочитанное. Чего я им только не наговорил! И о том, как Коля Руднев, любимец К. Е. Ворошилова, ходил в атаку на беляков с шашками в обеих руках, и о том, на какой риск шел Г. И. Котовский при разгроме банды Матюшина, когда действовал под именем белогвардейского офицера, и как Александр Пархоменко разоружал анархистов и громил махновцев, с О Чапаеве говорил мало. Что я мог сказать нового к тому, что показано в фильме «Чапаев»? Этот фильм каждый из нас смотрел не менее десятка раз. Но среди артиллеристов были поляки и украинцы западных областей, которые не имели понятия о «Чапаеве»…

К огромной моей радости, бойцы слушали с раскрытыми ртами. А когда я заикнулся, что, будучи курсантом Тамбовского кавалерийского училища, много раз видел С. М. Буденного, дважды отдавал ему рапорт, меня заставили рассказать все до мельчайших подробностей.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный шефствовал над нашим училищем, которое носило имя Первой Конной армии. Приезжал на многие праздники и непременно на юбилей училища и на выпуск молодых лейтенантов. Сопровождали его, как правило, командарм Ока Иванович Городовиков и комкор Зотов.

Семен Михайлович Буденный по натуре простой и веселый. Любил по душам поговорить с курсантами, бывал в казармах, в лагерных палатках, в столовой. Обязательно проверял порядок на конюшнях. Обычно в летних лагерях дежурные и дневальные ждали маршала на передней линейке. Чтобы не прозевать — выставляли дополнительные посты, скрытых наблюдателей, а он по парадной линейке посылал Городовикова, сам же шел по тыльной, где расположены конюшни. Иногда мы командарма О. И. Городовикова принимали за маршала. В заблуждение вводили усы. А они у него были попышнее буденновских.

Всякий раз, приезжая в училище, Буденный вечерами выступал в клубе училища с воспоминаниями о гражданской войне. Рассказывать он умел, и мы слушали его то затаив дыхание, то взрываясь хохотом. С любовью говорил о бесстрашном Олеко Дундиче, о его визите в штаб генерала Мамонтова, о начдивах Первой Конной, о том, как кавалерийской атакой О. И. Городовиков захватил бронепоезд беляков…

Для меня, как и для моих товарищей, знавших о гражданской войне лишь по книгам, встреча с прославленным полководцем, легендарным героем — праздник. Эти встречи навсегда сохранились в моей памяти.

Помню последний его приезд летом 1939 года. Училище выпускало наш курс. По традиции, выпускники выстроились на учебном плацу в Трегуляевских лагерях. Зачитали приказ наркома Обороны о присвоении нам воинского звания лейтенант. Как положено, поздравили с окончанием училища… Мы тут же нацепили на петлицы кубари, которые каждый из нас давно припас.

После прохождения торжественным маршем начались конноспортивные состязания: преодоление препятствий, рубка лозы, конные военно-спортивные игры.

С. М. Буденный, О. И. Городовиков и начальник училища полковник Кутузов стояли на трибуне в окружении офицеров и

следили за ходом состязаний. Вдруг, смотрим, Семен Михайлович оживился, что-то сказал начальнику училища. Тот выслушал, подозвал своего адъютанта и отдал какое-то распоряжение. Адъютант козырнул, спустился с трибуны и побежал к коновязи, где стояли лошади командования. Отвязал коня полковника Кутузова и подвел к трибуне.

Буденный бодро сбежал по ступенькам, подошел к лошади, ладонью похлопал ее по длинной гибкой шее, молодцевато вскочил в седло, расправил усищи, потом выехал на исходное положение, по всем правилам вынул шашку «наголо», дождался удара в колокол и с места послал лошадь в галоп. В седле он сидел словно впаянный. Лошадь стремительно неслась вдоль стоек с лозой. Буденный, подъезжая к стойкам, делал выпад, резкий взмах… Направо, налево… Направо, налево… Срезанные, будто бритвой, лозинки стоймя опускались на землю…

На плацу воцарилась тишина. Все с любопытством следили за маршалом. И лишь когда Семен Михайлович срубил последнюю лозинку, сбил шар, снял кольцо и повернул к трибуне, словно прорвало: со всех сторон послышались одобрительные возгласы, аплодисменты.

С. М. Буденный осадил коня возле трибуны, вложил шашку в ножны, привычным жестом расправил усы и, обращаясь к нам, выкрикнул: «Вот так, товарищи! Стрелять, так по-ворошиловски! Рубить — по-буденновски!»

Сказано это было так просто, от души, что никто и не подумал заподозрить маршала в бахвальстве.

Обо всем этом я рассказал артиллеристам. Мне показалось — беседа удалась.

В веселом настроении возвращался к разведчикам. Откровенно говоря, эти воспоминания мне самому доставили большое удовольствие. Припомнились годы учебы, друзья. Где-то они теперь? Война разбросала их по разным фронтам. А как бы хотелось встретиться! К сожалению, за всю войну я так и не встретил ни одного своего однокашника…

— Товарищ майор, где вы ходите? Политрук и Саша Ленкин давно ждут. Обедать пора. Надо праздник отметить, — перебил мои размышления старшина Зяблицкий, неожиданно встретившийся на дороге.

— Я вижу, ты уже успел отметить, — сказал я, возвращаясь к действительности.

— Самую малость. Ходил в гости к землякам. Ленька Прутковский угостил. Только вышел оттуда, пригласила одна молоденькая пани. Не мог же я отказаться — еще обидится, — весело ответил Зяблицкий, подмигнул, выразительно щелкнул

пальцем по своему горлу и добавил: — Для вас тоже найдется… В честь праздника наркомом дозволено.

Вошли в хату. За столом, заставленным закуской, сидели и громко разговаривали Клейн, Семченок и Ленкин. По всему видно, они тоже успели приложиться.

— Вася, майору штрафную, — крикнул Роберт, подставляя стакан.

Зяблицкий не заставил себя ждать — сразу же наполнил посудину. Однако выпить не пришлось. В дом влетел запыхавшийся связной Юра Корольков.

— Товарищ майор, вас и политрука срочно вызывают в штаб на совещание, — выпалил он без передышки.

— Кого еще вызывают? — спросил Ленкин.

— Всех командиров. За вами тоже побежали, — ответил Юра.

— Иван Иванович, ты все-таки выпей и закуси, — сказал Клейн, — пододвигая ко мне стакан со спиртом. — Кто его знает, сколько задержимся.

— Не буду. Не хочу от Бороды нагоняй получать.

— Эх, черт, не вовремя это совещание. Такой праздник. И Саша вот приехал, — с досадой проговорил политрук. — Можно было бы подождать до завтра.

— Вершигора не любит совещаний. Собирает — значит, надо, — сказал Ленкин.

Вышли на улицу. Там веселье продолжалось. Появились гармошки. К партизанам пристроился старик со скрипкой. Зазвучала веселая полька, ее сменил краковяк…

— Ты не догадываешься, о чем будет разговор? — спросил Ленкин. Он только утром вернулся с задания.

— Понятия не имею…

То, что сообщили нам в штабе, через час всколыхнуло всех партизан, вызвало суматоху и кучу хлопот.

Большие перемены

В начале совещания Вершигора зачитал поздравительны радиограммы ЦК КП(б)У, генерала Строкача и С. А. Ковпака.

— Не забыл нас дед Ковпак! — радостно отозвался Иван Сердюк.

— «Не забыл!» Тоже мне сказанул, — хмыкнул Тютерев. — Да разве родную семью можно забыть! А мы ему кто? То-то же!

Тютерева поддержали остальные.

— Тише, товарищи, — выждав, пока угомонятся командиры и политруки, Петр Петрович продолжал: — Не только за этим мы вас пригласили. Прошло почти два месяца, как соединение выступило в рейд. За это время мы пополнились отрядами Серго Арутюнова, Василия Манжевидзе, Андрея Бородового и Казика. К нам присоединились мелкие группы поляков и советских граждан, бежавших из немецкого плена. Соединение выросло на пятьсот человек. И это не предел…

Командиры и политруки подразделений притихли, слушали внимательно, еще не догадываясь, к чему такое длинное вступление. Тем временем Вершигора продолжал:

— С каждым днем растет авторитет советских партизан. Польское население встречает нас тепло… Следуя нашему примеру, смелее и решительнее начали воевать местные партизаны. Наше соединение является слаженной, проверенной в боях воинской частью. Мы с Войцеховичем и Москаленко много думали и пришли к выводу, что существующая организация устарела. Мы выросли из нее. Больше того, она тормозит управление, снижает маневренность, не дает возможности расти командному составу. Петр Леонтьевич Кульбака уже два с половиной года командует батальоном. Многие способные командиры никак не могут подняться выше взвода… Кроме того, существующая организация не отвечает освободительной миссии, которую соединение выполняет на территории Польши.

Вершигора обвел внимательным взглядом всех присутствующих и закончил:

— Одним словом, мы запросили разрешения на реорганизацию нашего соединения в легкую, подвижную, армейского типа дивизию.

Установилось молчание. Каждому хотелось «переварить» услышанное. Молчание нарушил Кульбака.

— Идея хорошая, а как там посмотрят на это предложение? — Петр Леонтьевич указал на восток. — Они нам не простят, что без разрешения перемахнули через Буг.

— Из Киева получена радиограмма. Нам не только простили, но и одобрили наши действия. Советское командование срочно запросило политическую обстановку в Польше, и мы уже передали подробное донесение. А вот слушайте ответ на наш последний запрос, — Вершигора развернул лист бумаги и зачитал — «Вершигоре. На ваш № 65. Вашу просьбу о переформировании соединения в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза Ковпака ЦК КП(б)У и Совет Министров Украины одобряют»[17].

Радиограмму встретили аплодисментами.

— Вот это подарочек к празднику! Спасибо, — сказал Сердюк.

Вместе со всеми радовался и я. Но то, что услышал дальше, охладило мой пыл. Приказ по дивизии зачитал Войцехович.

Согласно приказу дивизия в своем составе будет иметь: штаб, три полка двухбатальонного состава, отдельный кавдивизион, артиллерийско-минометную батарею, инженерно-саперную и отдельную разведывательные роты, санитарную и хозяйственную части и другие специальные подразделения.

Со всем этим я был согласен. Но вот начальник штаба дошел до назначений. И тут я услышал: «Начальником штаба Первого партизанского полка имени С. В. Руднева назначить майора Бережного И. И.». Меня словно кипятком ошпарило. Не поверил своим ушам «Вскочил с табуретки, хотел было протестовать, но Вершигора заставил меня сесть.

Дальше все проходило как во сне. Приказа я почти не слышал. В памяти осталось только то, что командирами полков назначили Бакрадзе Д. И., Кульбаку П. Л., Брайко П. Е., командиром кавдивизиона — Ленкина А. Н., командирами батальонов 1-го полка — Сердюка И. Т. и Тютерева А. Ф…

Совещание окончено. Все довольны. Один я как в воду опущенный.

— Поздравляю, Вано. Сегодня же приступим к формированию полка, — сказал Бакрадзе.

Ничего не ответив, я поспешил на улицу с твердым намерением из роты не уходить. Взводным останусь, лишь бы в разведке… Надеялся, что Вершигора, как бывший разведчик, поймет меня, но он строго предупредил: переход на новые штаты необходимо осуществить в течение двух-трех дней. Срок очень малый, но и этого использовать в полной мере не удалось.

Подрывные работы партизан на железных дорогах, разгром вражеских гарнизонов в местечках и наконец вывод из строя электростанции и водокачки завода «Сталева Воля» явились тяжелым ударом для гитлеровцев. Противник поспешил с ответными мерами.

Дивизионные разведчики ежедневно приносили сведения о сосредоточении вражеских войск. Одна за другой происходили стычки с карателями. Мы маневрировали. Одновременно к железным дорогам высылали новые группы минеров, стараясь сбить с толку гитлеровцев, распылить их силы.

— Небольшие удары большие дубы валят, — говорил Вершигора.

Противник все же навязал нам бой.

26 февраля до батальона пехоты и два бронетранспортера при поддержке артиллерии и минометов повели наступление из Звежинца на Кособуды на расположение первого полка и штаба дивизии. Роты Дорофеева и Бокарева, оборонявшие село с юга, подпустили противника и открыли огонь из всех видов оружия. Бронебойщики подбили один бронетранспортер. Второй повернул назад. Из подбитой машины выскочили трое. Одного сразу же уложили.

— Живыми, живыми схватить! — крикнул Дорофеев и кинулся вперед.

За ним последовало несколько бойцов. Гитлеровцы, видя безвыходность своего положения, подняли руки. Партизаны быстро обезоружили их и препроводили за дома в укрытие.

— Чего с ними нянчиться? Расстрелять — и крышка! — горячился пулеметчик Белов.

— Спокойно, — охладил пыл партизана Дорофеев.

Отобрали документы, личные вещи. Вдруг один из пленных достал из потайного карманчика маленький образок. Показал Дорофееву и о чем-то быстро заговорил. Из всего сказанного Гриша понял одно слово «мама». По выразительным жестам пленного Дорофеев догадался, что образок дала мать, чтобы он хранил сына на войне.

Командир роты задумался, потом подозрительно посмотрел на пленника и спросил:

— Говоришь, мама? Талисман, что ли? Для меня «мама» — священное слово. Пожалуй, мы тебе сохраним жизнь. Отведите их обоих в штаб, там разберутся что к чему, — приказал ротный двум партизанам.

, Не знаю, понимали ли пленные Дорофеева, только сразу же повеселели. В штабе выяснилось, что один из пленных был француз, второй — бельгиец.

Потеряв бронетранспортер и свыше двадцати убитыми, гитлеровцы поостыли. Они отошли к роще и взяли под обстрел оборону партизан и село. Пехота несколько раз пыталась подняться в атаку, но действовала нерешительно, попадала под прицельный огонь партизанских пулеметов и автоматов, несла

потери и тут же ложилась и снова зарывалась в снег.

Бой длился около двух часов. Врагу так и не удалось приблизиться к селу. Не солоно хлебавши немцы отошли.

Партизаны сняли с бронетранспортера крупнокалиберный пулемет и приспособили его для стрельбы по самолетам.

Не добившись успеха в бою за Кособуды, враг обрушился на Шевню и Вепшец, где оборонялись второй и третий полки. Из Краснобруда на Шевню наступало свыше тысячи человек при поддержке танков, бронетранспортеров, артиллерии, минометов и авиации. Село расположено в лощине. Кульбака решил дать бой на подступах к Шевне, для чего выдвинул подразделения полка вперед на высотки.

Пять часов не стихал бой. Противник настойчиво атаковал. Партизаны упорно сопротивлялись. Не упускали возможности для перехода в контратаки. В результате противник понес огромные потери и отошел на Краснобруд.

Не менее жестоким был бой третьего полка против превосходящих сил карателей… Гитлеровцы за день потеряли два танка, бронетранспортер, один самолет, свыше двухсот солдат и офицеров и отказались от наступления.

В этом бою вновь созданные партизанские полки с честью выдержали экзамен.

Задерживаться в Кособудах не было смысла. Это позволило бы немецкому командованию перегруппировать свои силы и блокировать нас. Вершигора отдал приказ на марш.

В этот момент к командиру дивизии прибежал радист.

— Получена радиограмма. К нам летит самолет, — доложил он.

Самолеты с грузом мы запрашиваем давно, но разразившиеся метели не давали возможности их принять. И теперь, в самый неподходящий момент, получен сигнал: «Встречайте самолет».

— Что ж, будем встречать, — почесав затылок, сказал Петр Петрович.

— Распорядиться, чтобы с выступлением повременили? — спросил Войцёхович.

— Зачем? Выступаем точно по графику. Для приема груза оставим один батальон полка Бакрадзе…

Встреча самолета была поручена второму батальону Тютерева и помощнику начальника штаба полка Колесникову. Они под самым носом у врага приняли груз, сброшенный с самолета, уложили на санки и догнали главные силы дивизии на марше перед селом Руда Ружанецкая.

Партизаны пополнили запасы взрывчатки, гранат и патронов к пулеметам и автоматам.

Разведчики

Разведывательная рота заняла несколько домов в центре Руды Ружанецкой рядом со штабом дивизии. Для командования роты Зяблицкий подобрал просторный дом. Видно, когда-то здесь был достаток. Теперь хозяйство запущено. Старые ворота перекосились. Сарай наполовину без крыши, в стенах сквозные щели. Внутри сарая — холод собачий. Туда намело снегу. Диву даешься, как это корова еще не замерзла.

Пожилой пани Гелене и ее дочери Стефе не под силу справиться с хозяйством. Требовалась мужская рука. А в доме ни одного мужчины. Старый хозяин погиб еще в 1939 году во время фашистского вторжения в Польшу. Сын ушел в 42-м и как в воду канул.

— Ну ты, Васька, подобрал двор — лошадей нэма дэ поставить. Под навесом их так просифонит… — бурчал ездовой Иван Селезнев.

Иван Кузьмич родился и вырос в украинской семье в селе Демьяновке Омской области. Лет сорока, с виду неказистый, с широким добродушным лицом, изрытым оспой. По его же выражению — «на лице черти горох молотили».

Селезнев отличался бережливостью. В его повозке всегда про запас хранились продукты и патроны, которые он берег «ка крайний случай».

Все было бы хорошо, да замучила ездового язва желудка, которую он называл «вязьмой». Мучился он страшно, однако от эвакуации на Большую землю отказался наотрез. «Вот хвашиста прикончим, тоди вылечусь…»

Помню, бывало, сидит у костра скучный такой, насадит на прутик корочку хлеба, засушивает над огнем и сокрушается:

— Замучила оця вязьма желудка. До Карпат она еще не так допекала, а теперь, клятая, жисти не дает…

Зимой он чувствовал себя лучше.

— Отпустила трошки, — радовался Селезнев.

Товарищи любили его, иногда посмеивались над добродушным Кузьмичом, а чаще жалели и старались во всем ему помочь.

Спокойный, даже флегматичный, Иван Кузьмич все делал неторопливо, но по-крестьянски основательно. И на этот раз он долго ходил и по-хозяйски осматривал двор. Рядом с сараем под снегом раскопал бревна, постучал по ним кнутовищем и сказал: «Подойдут». После этого долго шептался со старшиной. Затем ушел и через полчаса вернулся с целым взводом, вооруженным

«струментом»: пилами и топорами.

Селезнев, прозванный партизанами «хозяйственным мужиком», преобразился. Забыл и о язве желудка. Он подходил то к одному, то к другому, брал в руки топор и со знанием дела показывал, как надо тесать. Работа закипела вовсю.

Из дома на крыльцо вышла пани Гелена и застыла в изумлении. Что делается? Она так берегла эти бревна, а тут пришли и без всякого спроса забрали. От обиды навернулись слезы. А еще говорят — советские партизаны ничего не берут у жителей!

— День добрый, пани, — первым заметил хозяйку Гриша Ненастьин.

— День добрый, — еле выдавила хозяйка, не отрывая взгляда от бревен.

— Мы тут, этого, как вам объяснить, решили хлев немного подправить, — сказал Селезнев.

Пани ничего не поняла. На выручку Селезневу подоспел Зяблицкий. По долгу службы ему часто приходилось разговаривать с жителями, он кое-как научился объясняться с ними на русско-украинско-польском языке…

— Проше пани, хцемы ремонтовать сарай, шопа — розумете?

Только теперь до нее дошел смысл всего, что делается во дворе.

— О! Бардзо дзенкуе, спа-сибо! — заговорила повеселевшая пани Гелена.

Она поспешила в дом, что-то шепнула дочери. Та побежала в кладовку и принесла что-то завернутое в тряпку. Обе засуетились у плиты. Скоро в комнату, где мы с Клейном и Семченком отдыхали, проник аппетитный запах жареного сала. Хозяйки готовили обед для плотников…

К вечеру вместо старой завалюхи стоял новый добротный сарай. Радости хозяйки не было предела…

Разведчиков, свободных от несения службы, я застал в соседнем доме. После трудов праведных и угощения пани Гелены, они, довольные тем, что сделали хорошее, полезное дело, отдыхали и занимались каждый своим делом: кто чистил автомат, кто брился, а кто просто разлегся на соломе, наваленной на пол, и в который раз перечитывал замусоленные письма, полученные два-три месяца назад. Селезнев, который вообще не мог сидеть без дела, прилаживал заплату к валенку старшины. Маркиданов усадил на стульчик Сашу Гольцова, укутал плащ-палаткой и, орудуя расческой и ножницами, как заправский парикмахер, приводил в порядок его шевелюру. Сережа Рябченков и Павлик Лучинский ждали своей очереди. Остальные нещадно

смолили цигарками и вели спокойный разговор о довоенных буднях, о доме.

Настроение разведчиков было самое мирное, беззаботное. Мое появление прервало их безмятежную беседу. Они, утомленные трудом и разомлевшие от обильного угощения, нехотя отрывались от своих немудреных дел и, шелестя соломой и гремя стульями, лениво поднимались. И лишь старшина проворно вскочил, скомандовал «смирно!», составил вместе голые пятки и собрался было доложить, но я упредил его:

— Вольно. Отдыхайте…

Бойцы не заставили себя упрашивать, пододвинули мне свободный стул, а сами заняли прежние места.

В комнате стоял спертый запах едкого табачного дыма, солдатского пота и давно не стиранных портянок.

— Вы хотя бы курить выходили на улицу. Задохнетесь… — упрекнул я разведчиков.

— Мы — народ закаленный, никакие газы не берут, — отозвался Гольцов.

— Не крути головой — ухо отхвачу, — одернул его Маркиданов.

— Ну, ну! Только без этого, — огрызнулся Гольцов, с опаской поглядывая на парикмахера. — Без уха мне никак нельзя. Кому я нужен буду? Ни одна девка не посмотрит…

— Голодной куме — хлеб на уме, — отозвался Селезнев.

— Ты что, против? — поддел Гольцов.

— А что мне о девушках думать? Меня дома ждет законная супруга… детишки, — с гордостью проговорил Иван Кузьмич.

— Хорошо, когда ждет. Моя вот не стала утруждать себя такими заботами, выскочила за какого-то типа, — пожаловался молчавший до сих пор Гришка Махиня.

— Не может быть! — усомнился Маркиданов. — Такого, как ты, ей вовек не найти: здоровяк, красив — такие женщинам нравятся. Это неправда, просто тебя кто-то разыграл…

— В том-то и дело, что правда — сама написала…

— Сама?!

— Вот так номер!

— Да что же она, стерва, окончательно рехнулась? На фронт такое писать!

— Смотри, Кузьмич, чтобы и твоя там не выкинула такой фортель.

— Моя — женщина сурьезная, не как у некоторых — вертихвостки, — с достоинством ответил Селезнев…

Многие партизаны установили связь с домом, получали хорошие, теплые письма, полные забот и тревог. Ни одна из жен

не жаловалась на трудности, понимала — на фронте труднее, старалась успокоить. Приходили письма и от совсем незнакомых женщин и девушек. Написанные от чистого сердца, они поднимали настроение бойцов, помогали переносить тяготы партизанской жизни. Такие письма читали всем подразделением… А тут, вместо того чтобы поддержать, вселить веру, тебя предает человек, которого ты считал самым близким, самым дорогим. И не только предает, а еще наносит удар в самое чувствительное место: до конца войны еще далеко, годы, дескать, уходят безвозвратно, к тому же неизвестно — останешься ли жив, а тут подвернулся хороший человек; не упускать же случая! Лучше синица в руках, чем журавль в небе… Примерно так писала Грише его бывшая жена.

Понятным было возмущение разведчиков. Письмо жены Шахини наносило душевную травму не только Григорию, но и всем его товарищам, бросало тень на всех женщин. Мужья верили своим женам, но после такого письма нет-нет да и закрадывалось сомнение: а вдруг…

К счастью, подобные письма — исключение. В моей памяти это второе за всю войну. Первый случай произошел в начале 1942 года. Наш полк стоял в обороне на Брянском фронте. Гитлеровцы не давали скучать, все время предпринимали вылазки, атаки накоротке, пытаясь улучшить свои позиции. Во время отражения одной из таких вылазок погиб мой товарищ лейтенант Исаенко — командир пулеметного взвода.

Мы в штабе гадали, как бы поделикатней сообщить жене о его гибели, чтобы смягчить ее горе. Знали, Исаенко любил жену по-настоящему, в левом кармане гимнастерки носил ее карточку, чуть ли не каждый день посылал письма. Парень он был хороший, и мы думали: раз Вася так крепко любит свою Мусю, значит, она стоит того… Пока мы придумывали, как облегчить горе Муси, если это вообще возможно, в адрес Исаенко пришло от жены письмо. Распечатали. С первой же строки от письма повеяло холодом. Она величала мужа по имени и отчеству. А дальше с жестоким равнодушием сообщала: да, она его любила. Но потом поняла — то была не любовь, а простое увлечение. И лишь теперь встретила человека, которого полюбила по-настоящему, на всю жизнь, и только с ним может быть счастливой. В конце и приписочку сделала.: «О дочери не беспокойся. Мой муж относится к ней как к родной…»

Цинизм, граничащий с подлостью, а именно так мы думали, растревожил наши сердца. Был бы Вася живой — еще куда ни шло. А такое письмо мертвому… Нет, этого мы не могли оставить без ответа. Тут же собрались товарищи лейтенанта Исаенко и

составили коллективное письмо. Подробно описали, как он воевал, как его любили бойцы и, наконец, при каких обстоятельствах он погиб. Затем, не стесняясь в выражениях, с солдатской прямотой высказали все, что думали о ней и ее поступке.

Письмо подписали десять человек, хорошо знавшие Васю и ее еще по довоенной службе. И хотя Муся прислала два покаянных письма, ей уже не верили и не удостоили ответом.

Выслушав мой рассказ, Гольцов тут же предложил:

— Товарищ майор давайте такое письмо пошлем жене Гриши.

— А, правда, давайте, — поддержал Юра.

— Что вы, ребята? Я же пока еще живой. Не стоит, — возразил Махиня.

— Я бы таких выставлял на суд общественности, — горячился Гольцов. — Поставил бы перед миром честным и сказал: «Судите, люди добрые, за предательство!»

— Нет такого закона, чтобы привлекать к ответу за измену в любви, — попытался охладить пыл Журов.

— А жаль, — не сдавался Гольцов.

— Эх, что ни говорите, братцы, хорошо что я до войны не женился. Меньше забот, — с серьезным видом заявил Юра Корольков.

— Ну, конечно, куда только смотрела пионерская организация! — поддел Зяблицкий, чем вызвал взрыв смеха.

Разведчики знали, что Юра пришел в десантный разведывательный отряд, когда ему едва исполнилось шестнадцать лет. Поэтому смешным было его категорическое заявление о женитьбе.

Обстановка разрядилась, посыпались шутки, советы Грише Махине не принимать близко к сердцу, для такого парня найдется достойная жена. Стоит только ему расправить увешанную орденами грудь, и невесты слетятся как мухи на мед. Григорий слушал, ничего не отвечал, понимая искреннее желание товарищей успокоить, подбодрить. Однако с его лица не сходила грустная улыбка.

Желая переменить тему разговора, я высказал беспокойство задержкой на задании взвода Землянко. Подобные ожидания для меня всегда мучительны. Казалось бы, время уже привыкнуть, но нет! Всякий раз, посылая на задания разведчиков, я лишался сна и покоя. Успокаивался лишь тогда, когда они благополучно возвращались. И то ненадолго. Тут же уходили другие и начинались новые волнения. Но я и не мыслил другой жизни, без волнений, без моих друзей-разведчиков.

Разведчик! В самом этом слове много возвышенного,

романтического и… загадочного. К людям этой нелегкой, но почетной профессии бойцы относились с особым уважением и доверием, а некоторые и с завистью. Да это и не удивительно.

В боевых действиях партизан разведке отводилась большая роль. Ковпак и Руднев много раз напоминали: «Хорошо поставленная разведка — половина успеха». Этого же правила придерживался и Вершигора. Он много внимания уделял разведке и вместе с тем предъявлял к ней большие требования.

Разведчики понимали свою роль в общем деле и предпринимали все, что было в их силах, чтобы выполнить возложенные на них задачи. Это и приносило им почет и уважение.

В воображении некоторых жизнь разведчика рисовалась, как сплошная цепь увлекательных приключений, сногсшибательных подвигов, трюков. Забывали при этом, что действия разведчика — это повседневный упорный труд, требующий полного напряжения физических сил, воли, энергии, ума — отдачи всего себя делу.

Из этого неправильного представления сложилось ошибочное мнение, что разведчик — это сверхчеловек. На самом же деле разведчик — такой же боец или командир, как и все, разве только что немного дисциплинированнее и исполнительнее, чуть-чуть смелее и решительнее, терпеливее и сдержаннее, более наблюдательный и сообразительный, способный самостоятельно принимать решения и не терять самообладания даже в критические моменты, умеющий хорошо разбираться в обстановке и делать правильные выводы. Мыслить масштабами не только своего подразделения, но части и даже всего соединения… В остальном — это такой же боец, как и все партизаны.

Для разведчика нет привилегий, кроме права быть всегда впереди, первым встречать опасность, идти на риск ради выполнения поставленной задачи.

Особые условия, в которых приходится действовать разведчикам, постоянный риск, подстерегающие на каждом шагу опасности требуют от них повышенной бдительности, повседневной боевой готовности, смелости, отваги, чуткости к товарищам и готовности в любую минуту прийти к ним на выручку. В этих условиях вырабатывался характер, крепла дружба. Кто-кто, а разведчики знают настоящую цену дружбе. Не случайно разведывательные подразделения наиболее дружные, спаянные коллективы, где один за всех, все за одного.

Не будет преувеличением, если скажу, что я был влюблен в разведчиков, жил их жизнью, вместе с ними радовался успехам и мучительно переживал неудачи. Судьба каждого из них была

близка и дорога мне. И не удивительно, что сейчас, ожидая возвращения разведчиков, я особенно переживал. Поступившие ранее сведения были неутешительные. Гитлеровцы продолжали концентрировать против нашего соединения крупные силы. Уточнить эти данные поручили взводу Землянко.

Антона Петровича Землянко я знаю с мая 1942 года. До войны он окончил Каменец-Подольское фельдшерско-акушерское училище. В армии ему присвоили звание военфельдшера. В первых боях выполнял свои фельдшерские обязанности. А когда часть попала в окружение, Землянко взялся за оружие. При прорыве из окружения был ранен. Не знаю, как ему удалось скрыть свою специальность, но после выздоровления он назвался разведчиком. Его направили в разведывательный отряд при разведотделе штаба Брянского фронта. Там мы и познакомились.

В тыл врага Антон Петрович улетел в составе группы лейтенанта Гапоненко… В конце лета 1942 года наши группы встретились в Брянском лесу, влились в партизанское соединение и с тех пор не разлучались.

Землянко оказался хорошим разведчиком. Был смелым и решительным, быстро ориентировался в любой обстановке. Отличался олимпийским спокойствием и выдержкой. Не припомню случая, когда бы он вспылил или растерялся. Выдержка не покидала его, в какое бы сложное и опасное положение он ни попадал.

Как-то лейтенант Гапоненко заметил:

— Смотрю на тебя, Антон Петрович, и диву даюсь: неужели тебе жизнь не дорога!

— Почему вы так считаете? — удивился Землянко.

— Ну как же? Побывали мы с тобой во многих переделках, иногда, казалось, безвыходных. Помнишь, когда возвращались с задания из-под Курска и гитлеровцы окружили нас на пятачке в посевах? Честно говоря, я не верил, что нам удастся оттуда вырваться. Не думаю, что ты был иного мнения. Все считали, что это наш последний бой. Единственной нашей заботой было: как бы подороже отдать жизнь. У некоторых даже лица стали серыми. Илья Краснокутский запел: «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает…» Волосы вздыбились. С этой песней и в атаку пошли. Смотрю на тебя, а ты хоть бы хны! Вот я еще тогда подумал — или нервы у тебя стальные, или…

— …или жизнь ни в грош ставит? — договорил Антон Петрович. Подумал и серьезно сказал: — Как не жалеть! Жизнь не балалайка, потеряешь — второй не купишь.

— Бесстрашный ты человек.

— Это еще как понимать, — рассудительно проговорил

Землянко. — Вряд ли есть такой человек, который вообще ничего не боится. Во всяком случае, я такого не встречал. Кому охота понапрасну голову терять? Страшно бывает каждому, а вот ведут себя люди по-разному. Страх — это такая штука, что если дать ей волю, то и до паники недалеко. А можно действовать наперекор страху, подавить это чувство. Не помню у кого это сказано, кажется у Козьмы Пруткова: «Не робей перед врагом: лютейший враг человека — он сам». Если человек сумеет справиться со своими нервами, то враг ему не страшен. Когда мне бывает боязно, я всегда думаю, что моим товарищам тоже не легче. А мы друг за друга в ответе… Может, громко будет сказано, но бесстрашный, по-моему, тот, кто сумеет подчинить свои личные переживания и интересы — общим. Для таких честь дороже жизни..

— Значит, ты все-таки побаиваешься фрицев?

— Боюсь ли я фрицев? Нет, не боюсь. Они сами боятся, — ответил Землянко и после некоторого раздумья добавил: — Немца не боюсь, а вот пули остерегаюсь. Пуля, она ведь неразумная — может мимо и не пролететь…

Став командиром отделения, а затем взвода, Антон Петрович быстро завоевал уважение и доверие разведчиков. В обращении с подчиненными он был строг, но сдержан, тактичен, всегда готов прийти на помощь товарищу. Данного слова держался крепко. Дисциплинированный и исполнительный командир.

Я учитывал эти качества Землянко и поручал ему выполнение наиболее важных заданий. Поэтому-то меня и тревожила задержка взвода.

— Нет причин для беспокойства, — сказал Маркиданов. — Антон Петрович не из тех, кого можно легко провести. Он сам любого вокруг пальца обведет. Путь не близок, вот и задержались…

Слова Маркиданова оказались пророческими. Не успел он закончить, как в прихожей послышался топот, распахнулась дверь и в комнату гурьбой ввалились разведчики.

— А, вот вы где?! Греетесь, черти. Бока пролеживаете. А ну, потеснитесь! — с порога прогремел голос Петра Бугримовича.

— Пратцы, дайте воты напиться, а то так шрать хочется, что и переночевать некте, — выпалил эстонец Эдуард Гиллы.

— Зяблицкий, что ты разлегся, как барон? Корми… Проголодались, что волки, — набросился на старшину Бугримович.

— Опоздали, да еще с претензиями, — огрызнулся старшина, но тут же послал Селезнева в хозяйственное отделение за обедом. Напомнил: — Подогрейте там…

Вошел командир отделения Яашка Иванов, увидел меня и доложил о возвращении.

— Где Землянко? спросил я.

— Прямым сообщением в штаб подался.

— Что нового?

— Новостей куча… Появилась дивизия «Галичина» и кое-что похлеще, — ответил Иванов.

Я не стал расспрашивать подробности и поспешил в штаб дивизии.

Задушевный разговор

Двое суток пробыли мы в Руде Ружанецкой. Уже прошло четыре дня после объявления приказа о переформировании соединения. В подразделениях проведены митинги. На открытых партийных и комсомольских собраниях обсудили задачи в связи с переходом на новые штаты. Везде кипела работа. Только я по-прежнему на что-то надеялся и не помышлял о переходе в полк.

Хотя новое назначение и было повышением в должности, однако не скажу, чтобы оно меня обрадовало. Даже наоборот. Сразу же после военного училища я попал в разведку. Войну начал командиром разведывательного взвода, был помощником начальника штаба полка по разведке. Окончил разведывательные курсы при штабе фронта. В тыл врага был направлен для ведения разведки… Привык к партизанским разведчикам.

Кроме того, я почти не был знаком со штабной работой и недолюбливал ее. Почему-то среди молодых офицеров укоренилось мнение, что штабная работа — удел стариков. Я в этом отношении не был исключением. Поэтому всячески противился назначению на должность начальника штаба, а когда это назначение состоялось, затягивал его выполнение.

Дело чуть не дошло до размолвки с Давидом Бакрадзе.

— Вано, зачем не хочешь со мной работать? — допытывался Бакрадзе и никаких доводов с моей стороны не брал в расчет. Принимал все как личную обиду.

Я дважды имел неприятную беседу с командиром дивизии и все же надеялся остаться в разведроте. Но эти надежды рухнули в один миг.

Когда я вошел в штаб, Вершигора не дал мне и рта открыть, спросил:

— Ну как, долго волынку будем тянуть? Давиду одному трудно.

— Поймите, Петр Петрович, не в моем характере с бумагами возиться. Моя стихия — разведка.

— Эх, молодо-зелено, — покачал головой Вершигора. — Что же, ты намерен всю войну ротой командовать?

— Во всяком случае до соединения с частями Советской Армии.

— А дальше что?

Я промолчал.

— Видимо, ничему ты не научился ни в штабе полка, когда был помощником по разведке, ни в разведотделе штаба фронта, — с сожалением сказал комдив. — Садись, буду тебя уму-

разуму учить.

Выждав некоторое время, как бы собираясь с мыслями, Вершигора спросил:

— Тебе знаком термин: разведка — глаза и уши армии?

— Еще бы!

— Так эти глаза и уши действуют сообразно тому, куда их направит мозг. А мозгом армии является штаб, — терпеливо втолковывал мне Петр Петрович. — Не будем далеко ходить за примером. Возьмем тебя. Чьи задания выполняешь?

— Командира и штаба, — ответил я.

— Штаб — орган управления. Но чтобы отвечать своему назначению, в нем должны работать грамотные, мыслящие офицеры, — Вершигора сделал ударение на слово «мыслящие». Помолчал, давая мне время осознать важность сказанного, затем привычно зашагал по комнате и продолжал: — В штаб стекаются все данные о противнике, о своих войсках, о местности, о населении… Добыть эти сведения — это весьма важно. Но надо еще умело ими воспользоваться, — он вдруг остановился и неожиданно спросил: — Кстати, ты в шахматы играешь?

— Немного, — ответил я, не догадываясь к чему он клонит.

— Как немного? Но хоть на один ход видишь вперед?

— Во всяком случае, пытаюсь заглянуть…

— Ага, все-таки пытаешься проникнуть в замысел «противника»? Тем более это качество необходимо штабнику. Начальник штаба должен быть гроссмейстером своего дела. Он обязан видеть на много ходов вперед. Сделать это возможно лишь после всестороннего, глубокого изучения и обобщения всех поступающих данных. Но мало изучить материал. Главное — сделать правильные выводы, разгадать замысел неприятеля. А затем уже предпринять ответные шаги, чтобы сорвать тщательно разработанные планы врага. Этим-то и занимается штаб. Уразумел?

— Чего здесь не уразуметь.

— А говоришь, с бумагами возиться? За этими бумагами — человеческие жизни… Начальник штаба — первый заместитель командира, его советчик. Вместе они вырабатывают решения…

— Каждый командир принимает решение, — вставил я.

— Но масштабы? Масштабы разные. Соответственно и тяжесть ответственности неравнозначна. Принятие решения — самый ответственный момент. Представь, что у тебя два-три таких варианта, на первый взгляд, равнозначные. Каждый из них продуман, аргументирован, со своими плюсами и минусами. Твоя задача — выбрать один, самый приемлемый, наиболее полно отвечающий обстановке, осуществление которого приведет к

победе. Допустишь ошибку — напрасные потери. Вот здесь-то на помощь командиру приходит начштаба. И лишь после того, как будут взвешены все «за» и «против», принимается решение. И всякий раз, отдавая приказ, не следует забывать, что выполнять его будут люди, за жизнь которых ты в ответе… Не забыл наш разговор об ответственности командира перед своей совестью за жизнь подчиненных?

— Помню.

— Так, может, ты боишься ответственности? — поддел меня Вершигора.

— А разве командовать разведкой можно безответственно? — обиделся я.

— Я этого не сказал. Хотел только напомнить, что отвечать за полк и за роту не одно и то же, — сделав паузу, Петр Петрович продолжал: — Когда-то и я, как ты сейчас, свысока посматривал на штабников. Потом понял: нельзя стать настоящим командиром, не изучив основ штабного дела. При подготовке к вылету в тыл врага много присматривался к работе офицеров разведотдела фронта. Кое-что перенял. Однако настоящую школу прошел здесь — у Ковпака, Руднева, Базымы… У них я научился оценивать обстановку, делать выводы, отбирать главное среди массы информации. И сейчас, чтобы не дать промашки, я всякий раз ставлю на свое место Ковпака и Руднева: как бы они в данный момент поступили, какое бы решение приняли? В этом деле шаблона нет и не может быть, Бои, как и люди, не похожи один на другой. Ты думаешь и планируешь так, а противник мыслит иначе… Некоторые считают: «Командиру что? Начертил на карте стрелу, указал, куда идти, и все». Нет, шалишь! Прежде чем указать путь, надо помозговать. И должен откровенно признаться — одному командиру без помощи штаба редко когда удается принять правильное решение… Да, в лету канули времена, когда было достаточно подать команду: «Шашки к бою! В атаку марш-марш!»— и вести за собой конную лаву. Без штаба не обойтись.

— Прежде чем командовать «шашки к бою», тоже надо знать обстановку, — сказал я, уязвленный таким пренебрежительным отношением к кавалерии.

— Тем более нам не обойтись без этого… Бери пример со своего друга Васи Войцеховича.

— Василий Александрович рожден для штабной работы, — сказал я.

— Вот и присматривайся, учись у него. Кстати, это его идея — назначить тебя начальником штаба…

В заключение Вершигора сказал:

— Я мог бы тебе приказать, но не хочу этого делать. Важно,

чтобы ты сам понял — место твое в полку. Там ты нужнее. Решай, время не ждет.

После этого задушевного разговора я понял — тянуть и надеяться на что-то нет смысла. Все пути отрезаны. Придется уходить в полк.

Одно лишь утешало — роту принимал замечательный разведчик, боевой и опытный командир — капитан Клейн Роберт Александрович.

Роберт Клейн

Роберт Александрович Клейн — немец из Поволжья, сухощавый, белобрысый, с зачесанным на правую сторону чубом. Прямой острый нос, маленькие плотно сжатые губы и твердый взгляд серых колючих глаз.

Помню, в свое время появление Роберта Клейна в роте вызвало недоумение у разведчиков.

— Немец в разведке! — удивлялся Юра Корольков.

— Он же наш, советский немец, — доказывал комсорг роты Павлик Лучинский.

— Но все-таки немец, — упорствовал Юра.

— Что, ты забыл, в нашем десантном отряде в Ельце был немец Вальтер? — сказал Вася Демин. — Всем отрядом не могли взять пленного, а он один пошел, подкрался к фашистским траншеям, подслушал пароль и приволок сразу двух «языков».

— Но его же с нами не пустили в тыл! — парировал Юра.

— И плохо сделали. В тылу без переводчика как без рук, — ответил Демин.

— Говорят, в отряде полковника Медведева среди разведчиков есть один немец — чудеса творит, — сказал Лучинский.

— Это тот, который на машине разъезжает? — спросил Журов.

— Он самый.

— И совсем он не немец, а русский. Я его видел, когда сопровождал Ковпака и Руднева весной прошлого года при поездке к Медведеву, — вступил в разговор Гапоненко.

— Нам бы такого в отряд, — сказал Юра, — а то немца прислали…

Однако разведчики скоро изменили свое мнение о новом политруке. Как-то в роту приехал начальник штаба Войцехович. Он был в приподнятом настроении и загадочно улыбался.

— Собирай, Иван Иванович, разведчиков. Дело есть.

— Новую сводку получили? — спросил я.

Мы привыкли к хорошим сводкам. Каждый день 6 фронта приходили радостные вести. На этот раз «сводка» была особенная.

— Только что получены радиограммы от товарища Строкача, — сказал Войцехович. — В одной из них сообщается, что Указом Президиума Верховного Совета СССР вашему политруку капитану Клейну Роберту Александровичу присвоено звание Героя Советского Союза. Во второй генерал Строкач шлет свои поздравления. Вот послушайте…

Весть эта была настолько неожиданной, что на некоторое время установилась мертвая тишина. И лишь после того как начальник штаба передал радиограммы Клейну и от себя поздравил с присвоением высокого звания, разведчиков прорвало.

— Качать! — крикнул Лучинский.

— Качать, качать! — поддержали остальные.

Десяток дюжих рук подхватили Роберта и, как пушинку, начали подбрасывать…

— Вот тебе и немец! — многозначительно сказал старшина Зяблицкий, толкнув кулаком Юру в бок.

— Да-а! — только и мог ответить на это Корольков.

Для меня эта весть тоже была неожиданной. Меня, как и всех разведчиков, разбирало любопытство. Несколько раз просил Роберта рассказать, за что ему присвоено высокое звание Героя.

— Не могу. Как-то неудобно о себе, — отказывался Роберт. — Скажут, политрук, а хвастает…

— Это не хвастовство. Ты должен рассказать, — настаивал я.

Но так ничего и не добился. Пришлось за помощью обратиться к Вершигоре. О подвиге Клейна Петру Петровичу в Киеве рассказал начальник Украинского партизанского штаба генерал-лейтенант Строкач. Он же и посоветовал Вершигоре взять Клейна в свое соединение.

Вот что рассказал Вершигора.

Роберт Александрович Клейн родился на Волге недалеко от Саратова. Службу в Красной Армии начал на Дальнем Востоке. По особому комсомольскому набору был направлен в бронетанковое училище. В 1937 году окончил это училище и получил звание лейтенанта. Полтора года работал командиром танкового взвода. Потом был назначен командиром бронетанковой роты в отдельном разведывательном батальоне. В мае 1941 года батальон выехал в летние лагеря. Там они должны были получить новую боевую технику. В лагерях их и застала весть о войне. Боевую технику ждали со дня на день. Но так и не дождались. Отдельный разведывательный батальон бросили в бой с одним только стрелковым оружием. Первая стычка с гитлеровцами произошла западнее Белой Церкви. А потом тяжелые бои за Белую Церковь, Киев…

В конце лета было получено распоряжение об откомандировании старшего лейтенанта Клейна Роберта Александровича в другое подразделение. Однако командир разведбата не спешил с выполнением этого приказа. Да и обстановка не позволяла. К тому же Клейн показал себя хорошим командиром. Подчиненные доверяли ему, смело шли с ним в бой. А главное, Клейн был незаменимым разведчиком. Три раза он с

группой разведчиков пробирался в тыл врага, приносил важные сведения, а однажды притащил фашистского штабного офицера. Преданность Советской Родине Роберт Александрович Клейн доказал в боях…

Недолго пришлось сражаться Клейну на фронте. Во время одной из контратак в жестоком бою на Десне в районе местечка Остер Черниговской области Роберт был тяжело ранен. Гитлеровцы ввели в бой танки и отбили контратаку. Клейн остался на поле боя. Отполз в огород и потерял сознание. Там, в кукурузе, в беспамятном состоянии и нашла его местная девчонка на следующий день после боя.

Местные жители укрыли раненого. Привели к нему старика-фельдшера. Врачей не оказалось. Фельдшер осмотрел рану, покачал седой головой и сказал:

— Дело дрянь. Перебита кость правой ноги. Боюсь — придется отнять.

— Ни за что! — запротестовал пришедший в сознание Клейн.

— Пожалеете ногу — можете жизнь потерять.

— Лучше смерть. Но я назло врагам выживу. Я еще отплачу фашистам за все, — горячо и уверенно заговорил Клейн.

Фельдшер не стал спорить, молча ушел. Возвратился он не скоро. Сразу же занялся раненой ногой. Роберт скрежетал зубами от страшной боли, несколько раз терял сознание. Когда же пришел в себя, почувствовал облегчение. Нога, как в тисках, была зажата между лубками…

Немало времени ушло, прежде чем Клейн встал на ноги. О нем узнали другие раненые, скрывавшиеся у крестьян. Приходили к нему вечерами и при коптилке намечали планы действий. Большинство склонялось к тому, чтобы не идти через линию фронта, а остаться здесь и партизанить. Некоторые из них уже раздобыли оружие. Мало, но для начала и это хорошо.

Кость срослась, но нога стала немного короче. Клейн уже мог ходить с палочкой. К этому времени вокруг него сколотилась группа надежных товарищей.

Товарищи все чаще стали спрашивать: что дальше?

— Прежде чем принять решение — надо хорошенько обдумать, — сказал Роберт. — Есть у меня одна мысль. Не знаю, как вы на это посмотрите.

И Роберт Александрович рассказал, что гитлеровцы решили восстановить машинно-тракторную станцию в Переяславе. Им нужен механик.

— До армии я работал трактористом. Потом окончил бронетанковое училище. В технике разбираюсь. Думаю, на должность механика подойду, — открыл свои мысли Клейн.

Товарищи пришли в замешательство. Некоторые подумали — Клейн предлагает отказаться от борьбы, пойти на службу к врагу. Но Роберт сразу же внес ясность.

— Пробиться через линию фронта шансов мало. Подадимся к партизанам. Но придем не с пустыми руками. Понятно?

— Дошло, товарищ старший лейтенант, — повеселели товарищи.

На том и согласились.

Клейну легко удалось устроиться в МТС. Правда, под другой фамилией и с вымышленной автобиографией. Потом его перевели начальником гаража переяславского гебитскомиссариата. Он устроил на работу своих товарищей — кого шофером, кого слесарем…

Начали с малого: писали листовки с призывом к активной вооруженной борьбе, распространяли их среди населения. Прикончили несколько полицейских и пополнили запасы оружия.

Клейн сумел войти в доверие гебитскомиссара. Свободные вечера проводили вместе: в шахматы играли, шнапс пили, чаи гоняли. Однажды за шахматной доской Роберт размечтался: «Вот было, в мирное время, возьмешь ружьишко на плечишко и за зайцами». «Что, охотник?» — спрашивает гебитс. «Да, страсть моя». — «В чем же дело? Я тебе могу одолжить ружье». — «Ружье у меня есть, — отвечает Клейн. — Кокнул тут одного большевичка и заимел ружье. Нужно разрешение на поездку по территории области…» Такой документ гебитскомиссар выдал Клейну.

Роберт начал охотиться. Обычно вечером он и несколько его товарищей садились в полуторку и уезжали на охоту. На зорьке подстрелят несколько зайцев и возвращаются. Большую часть добычи отдавали гебитсу, и себе оставалось.

Гебитскомиссару это пришлось по душе. Он поощрял охоту. А Клейн с товарищами раздобыли взрывчатку и занялись охотой на два фронта. Выезжают, несколько человек оставляют для охоты, а остальные на машине отъезжают в сторону километров на шестьдесят-семьдесят, минируют железную дорогу и к утру возвращаются к месту охоты. Забирают охотников вместе с добычей и в Переяслав. Как говорится, пристроились хорошо: и закуска для гебитса есть, и эшелоны летят под откос.

Только это не устраивало гитлеровцев. Они встревожились. Еще бы! По их данным вблизи не было партизанских отрядов, а эшелоны валятся под откос. Значит, это дело рук подпольщиков. Они разослали своих агентов по селам и местечкам. Появился некий коммерсант в Переяславе, в компании Клейна и гебитса. Однако Роберт понял — никакой он не коммерсант, а самый

настоящий гестаповец. Уж очень он пристально присматривался к Клейну и задавал неожиданные вопросы.

Гестаповец оказался опытным. Он обратил внимание на то, что эшелоны летят в те ночи, когда Клейн уезжает на охоту. Стоит ему не поехать — эшелоны не летят. И хотя на охоту едут в одну сторону, а диверсии совершаются в другой, он прикинул, что за ночь на машине преодолеть расстояние в 60–70 километров туда и обратно можно свободно.

Гитлеровец сопоставил факты и пришел к твердому убеждению, что участие Клейна в диверсиях бесспорно. Но решил сразу не арестовывать Роберта, а выследить, с кем он поддерживает связь, чтобы одним ударом ликвидировать все подполье. Однако по неосторожным действиям гестаповца Клейн обнаружил за собой слежку. Оставаться в гараже было опасно. По его команде товарищи уничтожили оборудование гаража, прихватили «коммерсанта», сели на машины и уехали в партизанский отряд Александра Васильевича Тканко, с которым недавно установили связь.

Партизаны отнеслись к Клейну с подозрением. Да это и не удивительно: немец — командир подпольной группы. Не часто такое встретишь. К тому же партизанам были известны случаи, когда гитлеровцы для борьбы с партизанами создавали ложные партизанские отряды.

— Чем докажете, что вы командир Красной Армии? — спросил Тканко.

— Документам вы не поверите. Лучше запросите командование 6-й армии. В ее составе последнее время сражался наш разведывательный батальон. Меня представили к награде орденом, — сказал Клейн. Он назвал фамилии командира батальона, командиров рот и бойцов своей роты, с которыми шел в последний бой.

Тканко передал радиограмму с запросом. Ответ пришел скоро. Все, что говорил Клейн, подтвердилось. Фронтовые товарищи считали его погибшим. Теперь поздравляли с «воскрешением»…

Группа Клейна была принята в состав отряда Тканко. Только теперь для Клейна настала настоящая боевая жизнь. Пользуясь знанием немецкого языка, он выполнял самые трудные задания. Переодевался в форму гитлеровских офицеров, проникал в места расположения вражеских гарнизонов и добывал ценные сведения для отряда и фронта. Если требовалось убрать предателя или какого-либо палача-фашиста, — поручали Клейну. Случалось и так. Роберт Александрович брал с собой двух-трех товарищей, переодевались в немецкую форму, приходили к немецким

комендантам или бургомистрам и забирали со складов продукты, заготовленные для гитлеровцев.

Много славных дел на боевом счету Клейна. Но, пожалуй, самым трудным было задание, которое он выполнял на мосту через Днепр.

В конце лета 1943 года наши войска начали поджимать фашистов к Днепру. Через реку потянулись колонны автомашин и зенитной артиллерии гитлеровцев.

Советское командование приказало партизанским отрядам, действовавшим вблизи Днепра, захватить переправы, не дать врагу взорвать мосты. Получил такой приказ и отряд Тканко. Как поступить? Отряд небольшой, вооружен слабо. Конечно, пользуясь паникой, царившей среди гитлеровцев, можно было внезапной атакой захватить мост. Но хватит ли сил, чтобы его удержать до подхода передовых частей Советской Армии?

Посоветовавшись, Тканко и Клейн решили пойти на рискованный шаг. Устроили на шоссе засаду, выждали удобный момент и захватили легковую автомашину. К их счастью, в автомашине ехал полковник. Оберст оказался важной птицей — работник крупного немецкого штаба.

Клейн высказал дерзкую мысль — пробраться к мосту под видом немецкого полковника.

Ночью партизан вывели к Днепру и замаскировали в кустарниках и плавнях недалеко от моста. А утром «оппель-адмирал» вырулил из леса на Черкасское шоссе и помчался к переправе. За рулем — командир отряда в форме немецкого вахмейстера. Рядом — Клейн в форме оберста при всех регалиях.

К мосту подъехали без приключений. На левом берегу Днепра скопились сотни автомашин. Суматоха. Каждый старается пробиться вперед, первым прорваться к переправе. По всему видно — торопятся фашисты. Неладно на фронте.

К машине Клейна подбежал комендант переправы в чине обер-лейтенанта. Грязный, небритый, усатый — еле держится на ногах. «Ох, как вы изменились, господа фашисты. Это вам не сорок первый год», — подумал Клейн, внимательно рассматривая коменданта.

— Что-то мне ваше лицо знакомо. Вы не были под Воронежем? — спросил Роберт.

— Никак нет. Южнее, у стен Сталинграда! — щелкнув каблуками, доложил старший лейтенант.

— Значит, там я вас и видел, когда по поручению фюрера туда прилетал, — сказал Клейн и начал выговаривать коменданту — Почему вы, доблестный офицер армии фюрера, так опустились? Позорите высокое звание. Беспорядки на мосту

устраиваете! Не будь вы участник битвы на Волге, я бы… Есть приказ — паникеров расстреливать на месте. Одним словом, ни одной машины через мост! Зенитную артиллерию — возвратить на восточный берег…

Это Роберт приказал потому, что западный берег высокий, вокруг видно на десятки километров, а левый, восточный — в лесу. Самолет увидишь лишь тогда, когда он будет над головой.

— Освободить мост, расчистить дорогу, — распорядился Клейн. — Мы ждем подхода моторизованной дивизии. Чтобы она прошла без заминки…

Комендант вытянулся в струнку и все повторял: «Яволь, яволь!» Получив разрешение, он убежал выполнять приказание. Клейн тем временем прошел по мосту и увидел неподалеку от моста блиндаж. От него шла проводка. Значит, мост заминирован. Сел в машину, отъехал от переправы, свернул в кусты и по радио связался с командованием войск, с которыми приказано отряду взаимодействовать. Доложил обстановку. В ответ: «Головой отвечаете за сохранность моста».

Возвратился на мост. Видит — порядок наведен, путь расчищен. Комендант докладывает: «Артиллерия сменила огневые позиции». Но Роберт продолжает придираться. И, видно, переборщил. Обер-лейтенант отошел к группе только что прибывших офицеров. Те настоятельно требовали разрешения переправиться на западный берег, доказывая, что они имеют приказ. Однако комендант не решался нарушить приказ полковника — представителя самого фюрера.

Возле переправы продолжали накапливаться немецкие автомашины, артиллерия, обоз. Появилась пехота. С востока доносится стрельба. По времени должны бы и наши подойти, но почему-то задерживаются. Клейн начинает волноваться. Сколько же можно ждать?

Роберт краем глаза наблюдал за гитлеровскими офицерами. Видимо, они заподозрили что-то неладное в его действиях и распоряжениях. Заручившись поддержкой офицеров, комендант приободрился, набрался смелости и в сопровождении офицеров направился к Клейну. Не доходя несколько шагов, щелкнул каблуками, выбросил руку в фашистском приветствии и потребовал:

— Господин полковник, предъявите ваши письменные уполномочия на право распоряжаться на переправе.

Дело в том, что комендант переправы — большой начальник. Он подчиняется лишь тому командиру, который назначил его на этот пост. Пропускает войска согласно данному ему графику. Если он будет подчиняться каждому старшему по званию, на

переправе никогда не будет порядка. При первой встрече, когда Клейн назвался личным представителем фюрера, комендант был ошарашен и слепо ему повиновался. Теперь же заподозрив что-то неладное в распоряжении полковника, противоречащее указаниям фронтового начальства, решил воспользоваться своей властью.

Роберт не имел таких документов. Он пристально посмотрел в глаза коменданту, окинул взглядом офицеров и увидел: у всех кобуры пистолетов расстегнуты. Судорожно заработали мысли. «Как бы на моем месте поступил настоящий представитель фюрера? Вероятно, он бы такого нахальства со стороны старшего лейтенанта не потерпел бы! — подумал Клейн. — Эх, была не была!» Не спуская внимательного взгляда с коменданта, Роберт спокойно вынул пистолет из бокового кармана и со словами: «Как вы посмели ставить под сомнение распоряжения личного представителя фюрера? Именем фюрера!»— хлоп коменданта… Остальные офицеры, не ожидавшие такого поворота событий, приняли положение «смирно», Клейн не спешил прятать пистолет. Черт их знает, этих офицеров, что они задумали. Погибать, так хоть подороже жизнь отдать. Гитлеровцы стоят, не шелохнутся. Их растерянность не ускользнула от острого взгляда «оберста».

— Кобуры застегнуть! — приказывает Клейн. — По местам!

Офицеры застегнули кобуры, козырнули, повернулись «кругом» и, печатая шаг, отошли…

У Клейна отлегло от сердца. Стараясь не выдавать своего волнения, он подошел к командиру отряда, а тот сидит в машине белый как мел, готовый рвануть с места в любое мгновение, и тихо спрашивает:

— Пронесло?

— Пронесло, аж потом прошибло, — ответил Роберт.

Надо было обезопасить мост от внезапного взрыва. Но как?

Помог случай. Налетели наши «илы». Немцы называли их «черной смертью» и страшно боялись. При появлении самолетов фашисты разбежались от моста. Клейн понимал, что мост бомбить не будут. В противном случае, какой же смысл ему рисковать жизнью, если мост разбомбят свои же самолеты?

Воспользовавшись налетом авиации, Роберт спустился под мост, вырезал метра два проводки к зарядам, столкнул их в воду, а концы замаскировал…

Как только самолеты проштурмовали колонну и улетели, Роберт вышел из-под моста. Больше часа он наводил «порядок» на переправе. Потом снова сел в машину, отъехал в лес и связался по радио с командованием советских войск, наступавших на этом

направлении. Ему приказали: «Занимайте мост! Танки пошли к переправе». Сразу же по радио передали команду партизанам. Те вышли из укрытия и обрушились на гитлеровцев, охранявших переправу. Завязался жаркий бой. Вскоре появились наши танки и начали кромсать фашистов.

«Тридцатьчетверки» под прикрытием «илов» пробились к мосту и взяли его под охрану. Партизаны и танкисты до вечера отражали попытки противника овладеть мостом. Подоспели наши части. Ночью на западный берег переправилась стрелковая дивизия и к утру отбросила фашистов, расширив тем самым плацдарм. Все гитлеровцы, оставшиеся на восточном берегу Днепра, вынуждены были сложить оружие.

Обо всем этом я узнал от Вершигоры и рассказал разведчикам.

— Вот это да! — с восхищением сказал Юра Корольков, выслушав рассказ. — За это стоит дать Героя Советского Союза.

— Товарищ капитан, а страшно было? — спросил Журов сконфуженного политрука.

— Вначале было страшновато, а потом вошел в роль, — улыбнувшись, ответил Клейн.

— Ничего себе роль! — проговорил Аркадий Тарасенко.

— Как же вы к нам попали? — спросил Вася Демин.

— Когда мы соединились с войсками, меня пригласили в штаб фронта к генералу Ватутину. Он интересовался подробностями операции на мосту, а в конце беседы спросил: «Где вы хотите продолжать службу?» — «Куда пошлете, там и буду воевать», — говорю. Он сказал, что мной интересуется генерал Строкач. От Ватутина пошел к Строкачу. Там познакомился с Петром Петровичем Вершигорой, с ним и приехал… И вот мы вместе.

Разведчики были покорены подвигом Клейна. Последнее время только и были слышны разговоры о политруке. За два месяца и я успел полюбить его. Мы стали друзьями. И теперь мне особенно с ним не хотелось расставаться. Но вопрос решен. Я ухожу.

Сборы были недолги. Надел шинель, шапку, нацепил снаряжение. Прихватил полевую сумку, бинокль, автомат и — будьте здоровы!

Хозяйка дома — маленькая, щупленькая пани Гелена — настороженно смотрела, не понимая, куда это провожают «пана майора». Когда же я начал прощаться с товарищами, пани Гелена поняла, что я ухожу, просеменила в свою спальню, вынесла коробку и протянула мне.

— Спасибо, пани Гелена, не надо, — отказывался я.

— Нех, пан, везьми. То — папиросы…

Меня тронула теплота этой суровой на вид женщины, своими руками набившей двести папирос. Не знаю, что со мной случилось. Возможно, в тот момент я вспомнил свою мать. Впервые в жизни я поцеловал женскую руку. Пани Гелена часто заморгала. Ее выцветшие глаза заблестели. Она прижала мою голову к своей груди и торопливо зашептала. Я понял только слова: «Матка боска Ченстоховска…» Видимо, пани мою жизнь вручала ей — матке боске.

Во дворе ждал меня Иван Селезнев. Он под уздцы держал оседланного серого коника.

— Неужели, товарищ командир, уходите насовсем?

— Скорее всего, да!

Мне вдруг вспомнилось, что ровно два года назад, в феврале 1942 года, я уезжал из своего полка на курсы разведчиков. Тогда в Ливнах, прощаясь с коноводом Петром Петровичем Корсиковым, я услышал точно такой же вопрос. В полк больше не вернулся. Теперь, вспомнив тот отъезд, окончательно понял — разведротой мне больше не командовать.

— Насовсем, Иван Кузьмич! — подтвердил я, вскочил в седло и поехал туда, где располагался 1-й полк.

Полк имени С. В. Руднева

Первый полк, теперь уже мой полк, стоял на другом конце села. Командир полка со штабом и комендантским отделением размещался в просторном добротном доме.

Встретил меня старшина хозяйственной части Боголюбов — высокий, светловолосый, с белесыми бровями и чуть горбатым носом молодой парень. Я знаю его давно. Познакомился с ним во время боя за село Голубовку Сумской области в октябре сорок второго года. Нелегким был его путь к партизанам.

Боголюбов — сын уральского крестьянина. Перед самой войной окончил полковую школу и работал старшим радистом в штабе пограничного округа.

В первый же день войны вступил в бой с фашистами под Перемышлем, но уже через пять дней вместе со своей частью вынужден был отойти на оборону Львова. Два Дня пограничники удерживали город. А потом начались тяжелые дни отступления.

При прорыве из окружения в районе Борисполя Николай был ранен в ногу. Отлежался в укрытии. Когда стало менее опасно, выбрался из кустарника. Встретил раненого лейтенанта Климова из своей части. Вдвоем добрались до хутора.

Две недели хуторяне скрывали и выхаживали раненых. Подлечившись, Боголюбов и Климов отправились в путь. Где пешком, а где и на лошадях, к зиме добрались до села Бунякина Путивльского района. Приютила их добрая женщина — Ольга Силаева.

— В наших краях партизаны объявились, — сказала она. — Отдохнете, наберетесь силенок, а тем временем узнаем, как к ним попасть.

Совет был дельным. Согласились. Однако отдохнуть не пришлось.

Однажды вечером в дом зашел вооруженный.

— Красная Армия ведет тяжелые бои. Не сегодня-завтра сдадут Москву… В тылу врага на борьбу поднимаются народные мстители, а вы отсиживаетесь! — сказал незнакомец. — Одевайтесь немедленно. Считайте себя мобилизованными.

— Мы еще не демобилизовывались, — ответил Климов.

— Вот как! — удивился тот. — Одним словом, поторапливайтесь.

Климов и Боголюбов повеселели. Еще бы! Партизан не пришлось разыскивать, сами объявились. И только перед уходом из дома заметили настороженный взгляд притихшей вдруг хозяйки. Причины такой перемены в ее поведении не поняли, а

спросить при постороннем не решились.

На улице они увидели несколько вооруженных и десять подвод, на которых сидели мобилизованные мужчины — местные и окруженцы.

Под конвоем ночью приехали в Новую Слободу.

— Не расходиться, — приказал вооруженный, ехавший с ними на санях, и пошел в дом.

Никто не знал, куда и зачем их повезут. Если в партизанский отряд, то почему заехали в село? Боголюбов зашел в хату напротив. Выслушав его, старушка всплеснула руками:

— Ой, лышенько, та то ж не партизаны. Полицаи они. Уходите, пока не поздно…

Николай выскочил из хаты и, чтобы убедиться в услышанном, подкрался к окну дома, куда зашел конвоир. То, что он увидел, отбросило всякие сомнения. В доме полно вооруженных. За столом сидел лысый человек с повязкой на рукаве. Полиция!

Осторожно, чтобы не заметил часовой и не встревожились предатели, Боголюбов вернулся к саням и шепнул лейтенанту Климову:

— Полицаи. Бежим!

Из уст в уста тревожная весть облетела всех «мобилизованных». Боголюбов, Климов и еще несколько человек юркнули во дворы, огородами выбрались в поле и сломя голову побежали к лесу. Позади послышались выстрелы. Но поздно! Уже близко лес.

Несколько дней скрывались на торфоразработках. Однажды ночью пробрались в Бунякино, чтобы узнать новости. Там было полно мадьяр и полицейских. Ольга Силаева рассказала, что ее несколько раз допрашивали, избивали, хотят дознаться, куда скрылись убежавшие.

Задерживаться было опасно. Николай и лейтенант пошли в направлении Брянского леса, рассчитывали разыскать партизан. И не ошиблись. В Старой Гуте они попали к ковпаковцам. С тех пор, вот уже два года, Николай Валерьянович Боголюбов сражается в партизанском отряде. За это время ему пришлось воевать рядовым бойцом, командовать пулеметно-минометным взводом, а с зимы 1943 года быть неизменным старшиной девятой роты. Он оказался способным хозяйственником. Нередко ему приходилось участвовать в боях, чтобы завладеть продовольственными и вещевыми складами противника.

В полку хозяйственникам, в том числе и Боголюбову, работы прибавилось.

Старшина встретил меня словами:

— А мы вас заждались. То говорят, придет, то нет. Командир

нервничает.

— Как видишь — пришел. Где Бакрадзе?

— В хате. Только что из батальонов пришел. Работы — невпроворот. Комиссар на месте. Врач и помпохоз прибыли. Ваш помощник по разведке пришел, — выкладывал новости Боголюбов. Посмотрел на мою лошадь и сказал: — Коник у вас не из резвых. Подберем хорошего.

— Не надо. К этому привык. В походе на нем, как в качелях, а главное — не сбросит…

Передав коня Боголюбову, я зашел в дом. Бакрадзе встретил восторженно. Сграбастал меня в охапку, поднял и начал кружить по комнате, приговаривая:

— Наконец-то пришел…

Потом, изрядно помяв, отпустил меня, хлопнул тяжелой ладонью по плечу и сказал:

— Понимаешь, столько работы, а тебя нет.

Мне стыдно стало перед Давидом за свою медлительность, нежелание переходить в полк. Мы с ним старые знакомые, еще по довоенной службе в Полтаве. Он был командиром орудия, бывалым артиллеристом. Но впервые я его увидел не у орудия, а на помосте во время соревнований борцов… На фронте наши пути разошлись. Встретились мы ровно через год в партизанском соединении С. А. Ковпака. И здесь он начал службу в артиллерии, потом стал командиром девятой роты. Теперь командовал полком. С командира орудия до командира полка — завидная карьера!

— Давид Ильич, не обижайся. Пойми меня, нелегко расстаться с людьми. С ними столько пережито! Многие прилетели со мной с Большой земли, — оправдывался я перед командиром полка.

— Понимаю, понимаю, Вано. Не будем об этом говорить. Принимайся за работу, наверстывай упущенное…

Мы с командиром и замполитом занялись формированием полка. Уточнили составы батальонов, рот, специальных подразделений. Людей в полку было очень мало, что-то около пятисот человек. Пришлось батальоны делать двухротного состава… Распределили по батальонам минометы, противотанковые ружья и орудия, станковые пулеметы. Наметили составы специальных подразделений. Лучших бойцов отобрали в разведвзвод.

Вечером Бакрадзе собрал всех командиров и политруков подразделений. Большинство из них мне давно знакомы. Командир второго батальона Александр Филиппович Тютерев, как и Бакрадзе, мой сослуживец. Больше того, Тютерев начал

воевать разведчиком, только я в полковой разведке, а он в дивизионной. Разведчиком он был хорошим и заслужил похвалу командира дивизии генерала Бирюзова С. С. При выходе из окружения был тяжело ранен, оставлен в крестьянской семье, а после выздоровления вступил в ряды партизан. Прошел путь от рядового до комбата.

С командиром первого батальона черноусым Сердюком, ротными командирами Степаном Бокаревым и Григорием Дорофеевым мы совершили не один рейд, участвовали во многих боях. Это — бывалый народ.

Было много и новичков. Комиссар Иосиф Тоут, мой помощник по разведке Юрий Колесников, помпохоз Федчук, полковой врач Мирослав Зима, командиры рот Андрей Бородовой и Василий Манжевидзе шли с нами в рейд впервые.

Командиры и политруки подразделений — в основном молодые парни. Самым старшим среди нас был Константин Лаврентьевич Федчук. Высокий, могучего сложения, с рыжей седоватой бородой клинышком, прокуренными табачным дымом усами и лохматыми рыжими бровями — он выглядел внушительно.

Заместитель командира полка по политчасти (по старой привычке партизаны называли его комиссаром) Иосиф Иосифович Тоут хотя в соединении всего третий месяц, но уже полюбился партизанам за смелость в бою, а главное, за душевность.

Тоут родился в Венгрии. Своего отца не помнит. Мать второй раз вышла замуж за русского военнопленного. Семья переехала в Москву. Иосиф окончил фабрично-заводское училище. Работал токарем. Вступил в комсомол, а потом в члены Коммунистической партии. Незадолго до войны окончил Коммунистический университет… В 1942 году призван в Красную Армию на политработу. К нам прибыл в конце прошлого года и до последнего времени был политруком девятой роты.

Этим исчерпывалась моя осведомленность о новых товарищах. Приходилось знакомиться на ходу.

В ожидании, пока соберутся командиры на совещание, Саша Тютерев подсел ко мне, вынул кисет, оторвал лоскуток газеты, насыпал самосаду и начал завертывать цигарку. Наблюдая за подходившими командирами, он толкнул меня локтем и шепотом спросил:

— Иван Иванович, почему дивизию назвали «украинской»?

— А почему это тебя смущает?

— Посмотри, кто здесь присутствует. Национальный состав…

Я обвел взглядом товарищей и удивился, как это я раньше не замечал. Здесь был полный интернационал: командир полка —

грузин, комиссар — венгр, начальник штаба — украинец, врач — еврей из Чехословакии, помощник начальника штаба по разведке — из Бессарабии, помпохоз — русский. А дальше на скамейках вперемешку русские, белорусы, украинцы, казахи…

Припомнился национальный состав разведроты, других подразделений. Так и армяне, и азербайджанцы, и узбеки, и киргизы… И все-таки даже при беглом подсчете русские составляют около 60 процентов к общему числу.

— Так почему же «украинская»? — допытывался Тютерев.

— Ответ простой. Отряды организованы на Украине, по заданию ЦК Коммунистической партии Украины. Создатели этих отрядов перед войной работали тоже на Украине, — ответил я. — А впрочем, дело не в названии. Сейчас не найдешь ни одного отряда, ни одной воинской части, которая бы состояла из солдат одной национальности.

Первое совещание было посвящено организационным вопросам. Кроме того, надо было найти общий язык. До сих пор командиры батальонов и рот управляли самостоятельными подразделениями. Подчинялись командиру соединения. Теперь все подразделения первого батальона (бывшего Путивльского отряда) составляли первый полк. Надо, чтобы командиры правильно поняли необходимость проводимых организационных перемен.

Тон на совещании задавали Бакрадзе и Тоут.

— Товарищи командиры и политруки, мы собрались на первое совещание и будем говорить по душам, — начал Бакрадзе. — Знакомиться нам не приходится. Вы меня знаете. Много километров мы прошагали вместе, как говорится, не один пуд соли съели…

— А частенько и без соли, — вставил Тютерев.

— Конечно, были и без соли. Но фашистам насолили крепко, — продолжал Давид. — Так я хочу, чтобы вы, друзья мои, поняли меня правильно. Меня назначили командиром полка и с меня спросят… Поэтому и я буду с вас спрашивать по всем правилам. Но один я ничего сделать не смогу. Многие из вас старше меня по званию и по возрасту. Константин Лаврентьевич Федчук годится мне в отцы. Я надеюсь, товарищи, на вашу помощь. Заметишь, что я неправильно делаю, понимаешь, приди и скажи в глаза. Нехорошо, понимаешь, получится, когда начнут шептать за углом… Лучшая помощь для командования полка — это если каждый из вас будет четко выполнять свои обязанности. Мы должны быть, как этот кулак, едины, — Давид показал здоровенный кулак.

— Один за всех и все за одного, — поддержал Сердюк.

— Совершенно правильно. Наш полк носит имя любимого человека — Семена Васильевича Руднева, отдавшего жизнь за Годину. Если мы не сумеем достойно справиться с порученной вам задачей, то это будет оскорблением светлой памяти славного комиссара, стойкого большевика Семена Васильевича. Грош нам цена тогда…

Давид не кичился своими заслугами, не козырял новой должностью, а просто обращался за помощью ко всем, это располагало к нему подчиненных.

Нельзя сказать, чтобы всех командиров подразделений устраивал новый начальник. Были и недовольные, возможно, были и обойденные…

— С Давида командир полка не получится, — уверял политрук Ковалев.

Однако таких были единицы. Да скоро и они поняли, что ошибались.

Недовольство некоторых партизан видел, но не разделял Юрий Колесников. И на этом совещании решительно поддержал Бакрадзе.

Как только кончил Колесников, Бакрадзе посмотрел на меня. Я понял: он хочет знать мое мнение. Пришлось выступить.

— У всех нас единая цель — громить врага. А где бить — в разведке, в артбатарее или стрелковой роте — все равно, — сказал я. — Давида Ильича мы знаем как отважного партизана и требовательного командира. Вспомните девятую роту, какая она была, когда ее принял Бакрадзе, и какой стала потом?! А Карпатский рейд! Разгром немцев в Рассольной. Выход из Карпат… Я не говорю о последних боях. Они свежи в вашей памяти. Командир полка прав. Наши успехи будут зависеть от нас самих. Надо, чтобы каждый честно выполнял свои обязанности. Это наш святой долг, как командиров, как коммунистов, и, наконец, гражданский долг. Что от меня будет зависеть, все сделаю.

Свое мнение о том, что надо сделать, чтобы быстрее перейти на новую организацию, высказали все командиры и политруки. Последним выступал комиссар Иосиф Тоут. Он дал совет, какую работу следует провести среди партизан, чтобы быстрее покончить с организационной неразберихой.

— Наш полк является костяком дивизии, — продолжал тихим, но внятным голосом капитан Тоут. — Создан на базе Путивльского отряда — детища Ковпака и Руднева. Надо, чтоб об этом всегда помнили бойцы. Имя комиссара Руднева, наряду с именем Ковпака, стало легендарным. Особенно важно рассказать об этом новичкам…

В заключение Тоут сказал:

— Хочу предупредить политруков. От того, как мы, политруки, секретари партийных и комсомольских организаций, сумеем мобилизовать личный состав на выполнение приказов, во многом зависит быстрая перестройка на новую организацию. Времени на это мы почти не имеем. Да и обстановка не позволит нам засиживаться на одном месте. За примером не надо далеко ходить. Вспомните бой в Кособудах. Впереди нас ждут новые более трудные бои. Достойно подготовиться к ним — наша сегодняшняя задача.

Первые дни в полку

Должность начальника штаба оказалась намного беспокойней, чем я предполагал. Первоначально думалось, что придется заниматься лишь бумажками: строчить приказы, распоряжения, донесения, отчеты, наградные листы… На деле получилось иначе. Штаб дивизии не загружал нас документами. Однако мне работы хватало. Надо было организовать разведку, довести задачи до командиров подразделений, подготовиться к маршу, управлять боем, обеспечивать боеприпасами, продовольствием, следить за ранеными. Короче говоря, вместе с командиром и замполитом отвечать за боевые дела полка.

Первое, с чего мы начали, — стали знакомиться с людьми. Нас беспокоили роты Андрея Бородового и Василия Манжевидзе, недавно присоединившиеся к нам. Мы их меньше знали. Правда, каждый из командиров представил отчет о деятельности своего отряда.

Отряд Васьки Грузина (Манжевидзе) был создан в марте 1942 года из числа советских воинов, бежавших из немецкого плена. Все время действовал на территории Польши, имел связи с польскими партизанами. Провел ряд серьезных боев с гитлеровцами, совершал диверсии на железных и шоссейных дорогах. По словам Манжевидзе, в их отряде воевал генерал танковых войск Огурцов, который погиб в бою с карателями недалеко от Томашува.

Отряд Андрея Бородового также состоял из советских граждан, но был создан значительно позднее — в сентябре 1943 года. Однако за короткий срок набрался опыта и считался боевым отрядом.

Мы не могли не доверять отчетам Манжевидзе и Бородового, однако, наученные горьким опытом Олевского отряда, не могли и полагаться полностью на них. Надо было проверить на деле и тогда уже дать окончательную оценку «их боеспособности.

Командир полка, замполит, секретарь комсомольской организации Вася Олейник и офицеры штаба часто бывали в ротах, присматривались к новичкам. Иосиф Иосифович Тоут по старой привычке шефствовал над первым батальоном Сердюка, в котором раньше комиссарил. Я чаще бывал в батальоне Тютерева. Вася Олейник, совсем юный паренек, но опытный подрывник, взял под свою опеку минеров, а Колесников — разведчиков.

В повседневных встречах, боях и походах мы изучали людей, их настроение. Много рассказывали об организаторах соединения Сидоре Артемовиче Ковпаке и Семене Васильевиче Рудневе, о

проведенных рейдах и боях.

В этом нам, командирам, большую помощь оказывали сержанты и партизаны-ветераны.

Направляясь однажды в четвертую роту Бородового, я застал там Колю Боголюбова, окруженного большой группой партизан. Лихо сдвинув ушанку на затылок и поблескивая веселыми глазами, старшина говорил:

— …Сидор Артемович тогда собрал нас, старшин, и сказал: «Мы организованная воинская часть, поэтому всякое самоуправство недопустимо. Первое дело бой, а трофеи потом. Все, что добыто в бою, — сдавать в хозчасть соединения… Мародерам нет места в наших рядах…» Страх как не любили командир и комиссар барахольщиков. Вот тогда-то и вышел приказ. В нем говорилось, что мародеры подлежат расстрелу. С тех пор и повелось, если кто схватится за тряпку, а товарищи тут ему и напомнят про приказ. И, знаете, помогает.

— Где же вы доставали продукты? — спросил новичок.

— Голова садовая, а сейчас где достаем? Я же толкую — в бою. Все трофеи сдавали в хозчасть, а там их поровну распределяли по всем подразделениям… Иногда специально проводили хозяйственные операции. Разведчики разнюхают, в каком местечке есть немецкие склады, громим гарнизон и разгружаем эти склады.

— Легко это у вас получается, товарищ старшина, раз — и разгромили, два — и разгрузили, — сказал с недоверием низенький партизан с круглым веснушчатым лицом.

— Легко, говоришь? Легко только в сказках бывает, — посерьезнев, ответил Боголюбов. — А нам это стоило многих жизней… Немало пришлось и поголодать. В Брянском лесу два месяца соли не видали. Вы понимаете, что значит без соли? То-то же. Зато, когда отвоевывали склады, продуктов хватало не только нам, а и местным жителям, — старшина задумался на минуту, а затем продолжал: — Бывало и так — вызывает командир и говорит: «Кровь из носа, но достань для раненых соли. Хоть из-под земли». После Карпат мы стояли в Собычине. На полсотни километров вокруг ни одного немецкого гарнизона. Запасов у нас никаких. И опять же соляной голод. За две или три недели до выступления в рейд наш командир, Давид Ильич, говорит мне: «В Столине в магазине есть соль». Отвечаю: «Там ведь и фашисты есть». — «Не мое дело. Людям нужна соль!» А до Столина по прямой километров девяносто наберется. Что делать? Отобрал я четверых самых надежных товарищей и в путь.

До Горыни добрались без приключений. Оставили одного товарища охранять подводу, взяли проводника из местных

крестьян, переправились через речку и вечерком садами пробрались в город. Проводник и говорит: «Надо спешить, магазин скоро закроют». В нашем деле спешка вредна, но и медлить нельзя…

— Мы были почти у цели, когда видим: из магазина вышел человек, — все более распаляясь, продолжал старшина. — Идет в нашу сторону. Прижались к забору. Хотели пропустить. Когда же он поравнялся с нами, смотрим — полицейский с винтовкой. Наставив на него автомат, я приказал поднять руки. Ошарашенного полицая быстренько разоружили. Винтовку вручили проводнику. Охрану пленного поручили Ваське Исаеву и дядьке и, не раздумывая, всем кагалом направились к магазину. К нашему счастью, там, кроме продавца, никого не было. Остальное сделали быстро. Соли оказалось около центнера. Рассыпали в шесть мешков, взяли на плечи по клунку.

Нагрузили и полицая. Поспешили из города. Я шел несколько позади, чтобы в случае преследования прикрыть группу…

— А что же немцы? — спросил один.

— Не суйся перед батька в пекло, — одернул другой.

— Мы уже выходили из Столина, — продолжал Боголюбов. — Вдруг — впереди автоматная очередь. Мелькнула мысль: «Напоролись на засаду!» Слышу топот. Присмотрелся — бежит пленный полицай. Подпустил я его ближе и почти в упор выпустил очередь… Догнал товарищей. Нестеренко на ходу рассказал, что полицай бросил соль и хотел скрыться… Только теперь немцы всполошились, подняли пальбу. Пока они разбирались что к чему, мы успели переправиться через Горынь. Там нас ждал товарищ с подводой. Погрузили соль и с облегчением вздохнули. Но не проехали полкилометра, услышали стрельбу впереди, в лесу. «Кто бы это мог быть?»— спрашиваю проводника. Он пожал плечами: «Не могу знать. Немцы приезжают сюда за сеном только днем. А кто это? Ума не приложу».

На всякий случай решили свернуть с дороги и остановиться в лесу. Так и сделали… Стрельба то вспыхивала, то затихала, приближаясь к нам. В драку ввязываться не хотелось. К тому же неизвестно, кто там. «Может, партизаны», — предположил Нестеренко. Ему возразил Старожилов: «Не в характере партизан палить попусту». Неожиданно мелькнула мысль: оставить подводу с проводником, а самим выдвинуться к дороге, залечь на широком фронте и, если это немцы, накрыть огнем. Сигналом для всех должен послужить взрыв гранаты, которую я брошу.

Ждать пришлось недолго. Сначала послышалось тарахтенье повозок по мерзлой дороге, затем донеслась русская речь. А вот и

обоз. На каждой бричке по четыре-пять человек с винтовками в руках. Я уже готов был принять их за своих и вдруг ясно различил разговор. «Пальнем еще разок», — предложил кто-то на первой повозке. «Не стоит. Здесь и духом партизанским не пахнет. Город рядом, они небось в чаще отсиживаются. Сами на себя страху нагоняем», — отозвался второй.

Сомнений не было. Перец нами изменники Родины. Осторожно вынул гранату, примерился и швырнул ее. Раздался взрыв. Удачно, прямо по первой бричке. Вслед за этим застрочили автоматы товарищей и пулемет Исаева. Уцелевшие полицаи бросились врассыпную. Все же нам удалось укокошить девятерых, а одного сцапать живым. Допросили. Оказалось, предатели удирали от приближавшегося фронта, но в Столин запоздали. Ночь их застала в лесу… Нам досталось восемнадцать пароконных подвод, груженных разным барахлом, наворованным у населения. Мы заехали на хутор, где брали проводника, выбросили ненужное нам тряпьё и погнали обоз в Собычин.

— Сколько же там было полицейских? — спросил веснушчатый.

— Черт их знает. Пленный говорил, около восьмидесяти. А правда это или брехня — не знаю. Посчитать не успели. Да это и не так важно. Главное, мы одержали верх…

Прислушиваясь к разговору, я понял, что мне здесь делать нечего. Отпала необходимость беседовать.

Возвращаясь в штаб, я все время думал, что незамысловатый рассказ старшины лучше всякой беседы действует на новичков. На деле осуществляется требование покойного комиссара Руднева, чтобы каждый партизан стал пропагандистом боевых традиций соединения. Как мы еще мало пользуемся этим методом! А в действительности получается, что рассказы ветеранов быстрее доходят до сердец молодых партизан, вызывают у них чувство гордости за соединение и желание самим быть такими, как Руднев, Черемушкин, Чусовитин, Подоляко, Семенистый и другие…

За первую и третью роты мы были спокойны. Народ там проверен в боях и походах. И хотя их ряды пополнились малообстрелянными бойцами из Олевского отряда, но и те уже прижились в ротах, получили боевые навыки. Это дисциплинированные, сплоченные подразделения. Командовали ротами опытные боевые командиры.

Первую роту возглавлял двадцативосьмилетний Степан Дмитриевич Бокарев — горьковчанин, из села Верижки Арзамасского района.

Перед войной Степан Дмитриевич находился на

сверхсрочной службе в Красной Армии. С женой и матерью жил в Житомире. Готовился стать отцом. Война перевернула все вверх дном.

Отправив жену и мать в село Буки, расположенное в двадцати пяти километрах от Житомира, Бокарев ушел на фронт. Участвовал в боях. Под Ровно был ранен. Остался на оккупированной территории, а когда поправился, ушел в партизаны и сразу же попал в девятую роту к Бакрадзе. Участвовал во всех боях, проведенных ротой. Храбро действовал при разгроме фашистов под Кодрой Киевской области, на Припяти, в Рассольной Станиславской области, в Карпатах…

В отряд Бокарев пришел рядовым, а из Карпат вернулся командиром взвода. На Полесье его ждала печальная весть о семье. Гитлеровцы пытались вместе с другими жителями выслать в Германию и его жену с маленьким сынишкой Сашей, Узнав об этом, Маша схватила ребенка и в чем была убежала в соседнюю деревню. Фашистские палачи жестоко расправились с мирными крестьянами. Сорок человек расстреляли, а селения Буки, Сычевку и Бучки сожгли. Убили мать и тещу Бокарева.

Горе не сломило Степана Дмитриевича. Он с еще большей яростью уничтожал ненавистных захватчиков. Бойцы любили своего командира, а командование вручило ему роту.

Третьей ротой командовал мой друг Григорий Иванович Дорофеев. Я его хорошо знал. Разведывательная и третья роты в боях почти всегда действовали рядом. Между бойцами этих рот была крепкая боевая дружба.

Однажды мне довелось слышать, как Дорофеев, знакомясь с партизанами третьей роты, рассказывал о себе. Из этого рассказа я и узнал о его жизни.

Родился на Урале. В 1919 году отца замучили белочехи. Голод связал паренька с компанией беспризорников. Шатался голодный, в грязных лохмотьях, ночи коротал в водосточных трубах, в подвалах, на чердаках, в развалинах. Трижды его ловили и направляли в детский дом, но он всякий раз убегал. Потом стал задумываться: куда может завести беспризорщина. Решил покончить с ней. Разыскал младшую сестренку и заявился с ней в детдом. Учился. Стал пионером. Окончил ФЗУ. Все же беспризорщина оставила свой след. Однажды Григорий встретился с бродячей цирковой труппой и пристал к ней. Колесил по стране, был воздушным гимнастом. Но скоро понял, что бродячая жизнь не для него. Ушел из труппы. Обосновался в Ленинграде. Работал, вступил в комсомол. Почувствовал себя человеком. По комсомольской путевке пошел в военное училище. После окончания — служил в Красной Армии. В тридцатых годах

уволился.

Где бы ни работал, его всегда увлекал спорт. Наконец ему удалось поступить в Институт физической культуры и спорта имени Лесгафта.

Начавшаяся война вернула Дорофеева в армию. Боевое крещение получил недалеко от Канева. Был помощником начальника разведки дивизии.

Однажды, это было на Днепре 8 августа 1941 года, Григория Ивановича вызвал командир дивизии, указывая на карту, спросил:

— Видишь село Ковалин?

— Вижу.

— Там должен обороняться наш сосед. Езжай, установи с ним связь и договорись о взаимодействии.

Командир дивизии дал подробные указания, рассказал, какую задачу выполняют части их дивизии, и отпустил Дорофеева.

Село Ковалин находилось не очень далеко. Гриша поехал один, без охраны. Не доезжая села, он остановился и стал наблюдать, чтобы не нарваться на гитлеровцев. Присмотревшись, увидел людей в красноармейской форме. Сомнения отпали. Там свои. Когда же Дорофеев смело въехал в Ковалин, его окружили, мигом стащили с лошади и обезоружили. Люди в красноармейской форме оказались переодетыми немцами.

Дорофеева начали допрашивать. Он ничего не отвечал. Тогда его избили, заперли в сарай и выставили часового. Близился вечер, и гитлеровцы решили отложить допрос до утра. Фашистский офицер, коверкая русские слова, так и сказал: «Как говорит русский поговорка — утром будем мудрее вечера». Но операция не удалась.

Каким-то чудом у Гришки не отобрали кривой садовый нож. Ночью Дорофеев продрал соломенную крышу, вылез на сарай и, словно кошка, прыгнул на часового. Перерезал ему горло, схватил автомат и бежал. Свою часть найти не удалось. Начались скитания.

Встретил нескольких товарищей. Много дорог они исколесили, пока напали на след партизанского отряда Ковпака. Так он стал партизаном.

Дорофеева направили в одну из самых боевых рот автоматчиком. Такой уж порядок был заведен в отряде: независимо от званий и рангов новичков посылали в подразделения рядовыми. Испытывали в боях, на что способны, и лишь после этого находили каждому его настоящее дело. Так поступили и с Дорофеевым. В боях Гриша не пасовал, действовал умело и отважно. Скоро ему вручили отделение, а затем он стал

заместителем командира третьей, роты. После гибели Карпенко Дорофеев стал командиром роты.

Веселый, жизнерадостный, никогда не унывающий, он даже в бою шуткой подбадривал товарищей. За это люди его любили и готовы были с ним идти, как говорится, в огонь и воду.

Дорофеев был отличным спортсменом и прирожденным комиком. Из бойцов разведывательной и третьей рот и артбатареи он создал группу веселых затейников, плясунов, певцов, музыкантов, акробатов и в перерывах между боями организовывал концерты художественной самодеятельности. Ни одно представление не проходило без участия Дорофеева, Васи Алексеева, Леши Журова, Васи и Миши Деминых, Васи Рюмова, Юлдаша Юлдашева, Димки Качаева… Концерты пользовались большим успехом среди партизан и местных жителей. Мне самому не раз приходилось хохотать до упаду на их представлениях. Ребята в шутку называли группу самодеятельных артистов «обществом веселых чудаков», а Дорофеева — Гришкой-артистом. Каждому из них дали прозвище.

Но находились и такие, кому концерты были не по душе. Один из тех как-то сказал:

— Нашли время веселиться!

Дорофеев серьезно ответил:

— А по-твоему, мы должны плакать? Нет, браток, не выйдет! Пусть фашисты рыдают — их дела горче полыни. Наши же ребята дерутся, как львы! Почему б и не повеселиться после жаркого боя? Веселье силы прибавляет. Не так ли, товарищи?

— Правильно командир говорит! — поддержали бойцы третьей роты.

Третья рота никому ни в чем не уступала. В этом была заслуга и Дорофеева. Подчиненные понимали его с полуслова, приказы выполняли беспрекословно.

Переход на новые штаты требовал от командиров больших усилий и умения. Как говорится, большое дело — хорошая организация. Я же по своей неопытности старался все указания командира выполнить сам. Хватался за одно, другое дело, и все без толку. В этот трудный момент на помощь мне пришел Тоут.

Удивительный и во многом непонятный для меня человек Иосиф Иосифович Тоут. За время военной службы мне пришлось встретиться со многими политработниками и каждый из них оставил свой след в моей памяти.

Первым политруком, с которым свела меня судьба в разведывательной роте сразу же после окончания военного училища, был Петр Николаевич Попов. Прослужив несколько лет старшиной-сверхсрочником, он окончил курсы и получил

воинское звание «младший политрук». Это был молодой, напористый политработник с командирскими задатками. Многому я научился у него, делая первые свои шаги на длинном командирском пути.

Заместителем командира полка по политической части в то время был потомственный шахтер Николай Иванович Причинюк, направленный партией в Красную Армию для укрепления кадров армейских политработников. Этот сугубо штатский человек всегда был среди бойцов, проявлял особую заботу О нас — молодых офицерах, и пользовался огромным авторитетом в полку…

Во время войны я узнал полкового комиссара Петрова Николая Петровича — кадрового военного, старого коммуниста, участника гражданской войны; батальонного комиссара Беленького — горячего, беспокойного.

Образцом коммуниста-политработника для меня, как и для многих ковпаковцев, являлся комиссар Руднев Семен Васильевич — человек кристально чистой совести, большой душевной теплоты, умный организатор, пламенный трибун, зажигавший сердца бойцов и вдохновлявший их на подвиги. Преданный делу Коммунистической партии, бесстрашный воин — он был примером для подчиненных. Таким мне видится настоящий комиссар.

Иосиф Иосифович Тоут ни на кого из них не походил. Он появился в нашей партизанской семье как-то незаметно. Человек он тихий, скромный, не любитель длинных речей и громких слов, до поры до времени оставался в тени. Поэтому для многих неожиданностью явилось его назначение политруком девятой роты. И хотя скоро бойцы заговорили о нем как о человеке не из робких, а главное, душевном, я по-прежнему мало с ним сталкивался, мало знал его и, откровенно говоря, разделял недоумение некоторых товарищей по случаю назначения Иосифа Иосифовича замполитом первого полка. Ведь в соединении было много хороших, испытанных в боях политруков, а выбор пал почему-то на новичка — капитана Тоута.

Однако с первых же дней пребывания в полку мое недоумение начало рассеиваться: я стал понимать, что назначение это не случайно. Иосиф Иосифович относился к типу людей, которые все делают обдуманно, без суеты и излишней шумихи. Он не засиживался в штабе, его, невысокого, коренастого со смуглым цыганским лицом, всегда можно было видеть в подразделениях, среди бойцов. Одному он подскажет, как лучше подготовиться к маршу, другому посоветует, как следует себя вести с местными жителями-поляками, третьему — что надо

сделать, чтобы лучше выполнить то или иное боевое задание. Поддержит павшего духом, пожурит провинившегося. Да и своим помощникам — политрукам рот, парторгам и комсоргам — не позволял прохлаждаться…

Как-то само собой получалось, что появлялся он именно там, где нуждались в его помощи, совете. Какое-то особое чутье было у него на это.

Видимо, в этом и состоит искусство политработы — быть человеку полезным.

Так получилось и со мной. За повседневными делами и заботой о людях полка Иосиф Иосифович заметил мою растерянность.

— Полк — это тебе не рота, не старайся объять необъятное, — посоветовал он. — Задача начальника штаба не самому все делать, а суметь организовать работу штаба, Добиться, чтобы каждый занимался своим делом. К примеру, твой заместитель по разведке старший лейтенант Колесников, мне кажется, толковый парень. Ему можно доверить выполнение любого серьезного задания…

Я слушал замполита, а сам думал: «Совет хороший, но в том-то и вопрос, что именно Колесников во мне вызывал какое-то неопределенное чувство». Он был новым человеком не только в полку, но и в дивизии. Прибыл к нам с группой работников особого отдела. Откровенно говоря, с первого взгляда было видно, что это человек решительный, волевой, смелый. Но кто он? Что собой представляет? Да и почему перешел из особого отдела в разведку? Последнее особенно настораживало. Тогда я еще не знал, что причиной перехода явились личные взаимоотношения Колесникова с непосредственным начальником. Поэтому первое время я к нему относился с недоверием.

Случай заставил меня по-иному взглянуть на помощника по разведке.

Однажды ко мне подошел сияющий Колесников. На нем добротная венгерская шуба нараспашку, венгерское галифе, немецкий френч, огромные, увенчанные шпорами меховые сапоги на молнии, снятые с немецкого летчика, черная кубанка, пересеченная красной лентой. Сбоку на длинном ремне до колен свисал маузер в деревянной колодке.

— Есть одно деликатное дельце. Прошу поручить его выполнение мне. Проверну на все сто, — сказал он, поглаживая свои рыжие усики. Большие темные глаза с надеждой смотрели на меня.

— Какое такое дельце? — спросил я.

— На железной дороге Рава-Русская — Замостье бронепоезд объявился. Заманчиво?

Действительно заманчиво. Решил посоветоваться с командиром полка. Бакрадзе согласился с предложением Колесникова. Выделили для этого разведвзвод сержанта Барсукова, усилили его бронебойками и отделением минеров. Старшим назначили Колесникова. Проводником вызвался идти местный житель села Кособуды пан Янек.

Вечером партизаны выступили на задание.

На исходе были вторые сутки, а от Колесникова не поступило ни одного донесения. Нас охватило беспокойство. Я все это переживал молча. Командир же полка Бакрадзе нервничал, то и дело повторял:

— Скажи, Вано, зачем Юрия молчит?

Однажды ночью меня разбудили громкие голоса. В хату ввалились засыпанные снегом мой ездовой Борисенко и проводник пан Янек. Они, как деревяшками, колотили по полу промерзшими валенками.

— Как дела? — задал я стандартный вопрос.

— Порядок полный, — ответил Борисенко, стараясь дыханием отогреть озябшие руки.

— Все живы?

— Живы. Я же говорю, полный порядок, — он помолчал и добавил: — Кумедия, товарищ майор. Кинулись в одно место, а там уже дивизионные минеры. Перекантовались на другой перегон — натолкнулись на подрывников второго полка. Пришлось сделать крюк километров тридцать…

— Бронепоезд перехватили?

— Нет. Раньше нас это сделали минеры Кульбаки. Но и мы эшелон опрокинули и дрезину прикончили. Двух фашистов приволокли.

— Где старший лейтенант?

— С этим лейтенантом одна кумедия, — мотнул головой Борисенко. — Расправились это мы с эшелоном, сержант Барсуков и говорит: «Надо уходить. Каратели нагрянут непременно». А старший лейтенант не соглашается. «Понаблюдаем, говорит, что они будут делать…» Замаскировались в лесочке, выставили наблюдателей. Ждем. Минут через сорок со стороны Замостья показалась дрезина. «Держите фашистов на мушке, а я пойду встречу их», — сказал Юрий Антонович. Сержант возразил, но старший лейтенант приказал делать то, что он велит. Разведчики и минёры притаились, бронебойщики взяли дрезину на мушку. Помначштаба выскочил на железнодорожную насыпь, выхватил из колодки маузер, заложил руки за спину и медленно направился

навстречу дрезине. Фрицы заметили его и сбавили ход. Но потом, видно, приняли Колесникова за своего и смело поехали к опрокинутому эшелону.

Борисенко рассказывал подробно. По всему видно, он симпатизировал Колесникову. Даже по примеру Юрия начал отпускать такие же рыжие усики.

— Как же немцы могли признать старшего лейтенанта за своего, если на нем кубанка с красной лентой? — искренно удивился я.

— Так ведь он кубанку оставил пану Янеку, а у него забрал польскую конфедератку, — ответил Борисенко. — В общем получился винегрет: сапоги и френч немецкие, шпоры русские, шуба и брюки мадьярские, а кепка польская, — Борисенко захихикал, а потом продолжал: — Когда фрицы подъехали ближе, Юрий Антонович выхватил из-за спины маузер да как зашпрехает по-немецки…

— Как ты сказал? По-немецки? — переспросил я ездового.

— Так я ж говорю — по-немецки, — уточнил Борисенко. — Немцы не растерялись, как полоснут из пулемета. Смотрим, старший лейтенант — брык на землю. Ну, думаем, капут. Тут начал действовать Барсуков. Открыли огонь. Нескольких гитлеровцев убили сразу, остальные — наутек. Мы за ними… Ни одного не упустили. Расправились с фашистами и побежали к старшему лейтенанту, а он уже вытащил из-под дрезины двух фашистов и допрашивает…

Слушаю рассказ Борисенко и ничего не понимаю. Чертовщина какая-то. Видимо, он что-то путает или преднамеренно преувеличивает. Откуда Колесников знает немецкий язык? Несколько дней назад, во время боя второго полка за Шевню, к нам перебежал экипаж немецкой бронемашины. В составе экипажа были: француз Мишо Легре — механик из Марселя и два бельгийца. Колесников принимал перебежчиков и, я сам видел, свободно с ними объяснялся по-французски. А теперь выясняется, что он знает и немецкий. Что же он, в конце концов, за человек, этот мой помощник?!

— Где сейчас старший лейтенант? — спросил я ездового.

— В штабе дивизии. С сержантом Барсуковым повел пленных, — ответил Борисенко.

Не дожидаясь возвращения Юрия, я пошел в штаб дивизии. Несмотря на позднее время, в штабе работа шла полным ходом. Василий Александрович Войцехович с помощью переводчика Вальтера Вруна допрашивал пленных. Колесников стоял у двери и оживленно беседовал с маленьким, шустрым человеком в берете, с трехцветными полосками, нашитыми на рукаве. Это был

француз Мишо Легре. Он весь сиял. На Колесникова смотрел, как на старого знакомого…

В полк мы возвращались с Юрием. Он подтвердил, что все произошло именно так, как рассказал Борисенко. Как только дрезина с гитлеровцами приблизилась метров на двадцать, он крикнул, что они окружены партизанами, и предложил сдаться. Немецкий пулеметчик выпустил очередь, но промахнулся. Юрий залег между рельсами и первым же выстрелом из маузера уложил пулеметчика.

Колесников рассказывал с веселым задором, жестами показывал, как действовал сам и как вели себя немцы.

Наблюдая за старшим лейтенантом, я все больше убеждался, что он не новичок в партизанских делах»

Откровение друга

Рассветало. В штабе, кроме часовых, все спали. В комнате чуть мерцала керосиновая лампа. Мы с Юрием тоже легли на пол, устланный соломой, укрылись одной шубой. Но сон не приходил.

С полчаса лежали молча, думая каждый о своем. Мой попомощник, видимо, находился под впечатлением выполненного задания. Мои же мысли были о нем. Меня разбирало любопытство. Лежит человек рядом, чувствую тепло, исходящее от его тела, а что он представляет, какую прожил жизнь, что думает, — для меня темная ночь.

Наконец я решил нарушить молчание.

— Юра, — спросил я его, — расскажи о себе.

Колесников долго не отвечал, казалось, даже дыхание затаил. Молчание затягивалось. Мне стало неловко от своей назойливости.

— Если не хочешь, не надо… Прости, — поспешил я извиниться.

— Почему же? Можно и рассказать, только это длинная песня, — отозвался Юрий после короткой паузы. — Жизнь моя во многом расходится с твоей…

И Колесников рассказал о своей нелегкой, но удивительной жизни.

Детство его прошло в небольшом городке Белграде на юге Бессарабии. До 1940 года там хозяйничали румынские бояре. Семья жила бедно, но отец и мать решили дать сыну образование, Это оказалось нелегким делом. За учебу в лицее надо было вносить солидную сумму. Что-то около трех тысяч лей в год. Юра видел, с каким трудом матери доставались деньги, поэтому во время каникул, когда его сверстники уезжали отдыхать, поступал на работу.

Однажды на окраине города приземлился самолет. Посмотреть на диковинную машину собрались почти все жители Болграда. Юре впервые удалось увидеть самолет. Да не только увидеть, но и пощупать. С тех пор в нем загорелась страсть стать летчиком. Где бы ни был, что бы ни делал — всегда думал о самолете. В старших классах лицея увлекся авиамоделизмом. А когда в Болграде организовали филиал румынского общества содействия авиации, первым вступил в это общество. Мать смотрела на сына печальными глазами и твердила: «Не быть тебе летчиком, ведь ты бессарабец, бедняк». Юра только посмеивался над казавшейся ему наивностью матери. Верил, что в стране, где «все делается королем, — как им твердили, — для народа»,

возможно достижение любой цели. Для них, молодых, король был чем-то вроде бога на земле. Законом для таких, как он, было: «Любить короля, бояться бога, охранять герб». И не удивительно, когда была создана профашистская молодежная организация «черчеташие» — Юра по примеру товарищей вступил в нее. Это было модно. В праздничные дни юноши расхаживали по улицам города и распевали гимн: «Да живет наш король в мире и почете…»

Казалось, никакие невзгоды не поколеблют его веры во всемогущество и доброту короля.

Желание стать летчиком было так велико, что он решил заработать денег и ехать в Бухарест в летную школу. Но это оказалось делом не из легких. Поступил на работу к одному владельцу магазина. И тут впервые столкнулся с несправедливостью. Жадность хозяина не имела границ. Он шел на любую подлость ради наживы: обвешивал покупателей, старался всучить им негодный товар, обманывал на каждом шагу. Юра не захотел быть помощником в грязном деле хозяина. Поскандалил и ушел.

Уйти было легко, но найти новую работу оказалось невозможным. Его бывший хозяин имел большое влияние на местные власти. Пускал в ход клевету и подкуп.

Все же нашелся один добрый человек — владелец небольшой типографии. По просьбе матери он согласился взять Юрия наборщиком. У парня зародилась надежда приобрести специальность печатника. Тогда можно накопить денег для поездки в Бухарест. Мечты, надежды! Но им не суждено сбыться. Откуда-то пронюхал полицейский сыщик, что Юру хотят взять в типографию. Он зашел к владельцу типографии и, как бы невзначай, разговорился, что вот, мол, пошла молодеж, хозяев избивают. Это он намекал на скандал Юры с лавочником.

— Это у них в крови, — продолжал сыщик. — Знаете, у этого юнца, Юрия, дед старый бунтовщик? Как, вы не знаете? Это он стрелял в румынскую власть в Хотыне, сорвал с городской управы и топтал ногами герб его королевского величества… Да, много грехов на душе деда. Хе-хе! Мы все же упекли его… Двадцать годиков, как часы, откаторжничал.

Владелец типографии понял, к чему идет разговор, а сыщик продолжал:

— Да и двоюродная сестричка этого голодранца якшается с коммунистами. Готовили заговор против короля. Хотели открыть границу для большевиков. Одним словом, «красная».

Сыщик дал понять, что власти не допустят, чтобы в печатном заведении работал «красный».

Разговор с сыщиком Юрию передал владелец типографии.

— Сожалею, очень сожалею, но принять на работу не могу. Сам понимаешь, возьму, а меня потянут в сигуранцу. С политической полицией шутки плохи, — сказал он в конце.

Юра понимал его, однако было обидно. Что делать? По-видимому, тогда он первый раз задал себе вопрос: «Действительно ли такой уж добрый и вселюбящий король, каким его представляют? Если да, почему он терпит такие непорядки?» До его сознания тогда еще не доходило, что это все известно его королевскому величеству…

Потеряв всякую надежду получить работу в Болграде, решил ехать в Бухарест. Мать собрала чемодан, отдала ему последние гроши и проводила в путь искать счастья.

Большой город произвел на парня ошеломляющее впечатление. Улицы переполнены народом. Одни спешат на работу, другие. праздно разгуливают. Витрины магазинов крикливо предлагают разные товары. Наблюдая за всем этим, он почувствовал себя маленьким, несчастным, никому не нужным в огромном мире.

Финансы Юры не позволяли долго размышлять о благах городской жизни. В кармане лежало несколько лей. Если расходовать экономно, их хватит дней на пять. За это время надеялся подыскать работу. Но увы! Скоро ему пришлось разочароваться в этом. В столице хватало своих безработных.

Начались мытарства. Прошла неделя, в кармане — ни гроша, а обессиленный голодом провинциальный парень продолжал упорно разыскивать работу.

Однажды, шатаясь по улицам и размышляя над своим положением, Юра, незаметно для себя, оказался у вокзала. Площадь гудела возбужденными голосами. Только что пришел поезд. Пассажиры, обремененные чемоданами, высыпали из вокзала.

— Носильщик, носильщик! — выкрикивали одни.

— Такси, такси! — взывали другие.

Юру осенила мысль. Он подбежал к толстяку, стоявшему враскорячку возле трех огромных кожаных чемоданов:

— К вашим услугам, господин.

Тот удивленно посмотрел на паренька, потом на чемоданы, как бы прикидывая, под силу ли такому тощему юноше груз. Но Юра, не ожидая разрешения, снял брючный ремень, связал им два чемодана и перекинул через плечо. Чемоданы были настолько тяжелые, что он чуть не упал. К счастью, толстяк в это время огромным платком вытирал свою жирную, потную шею и не заметил этого.

Тем временем Юра перевел дыхание, взял в руку третий чемодан и услужливо спросил:

— Куда изволите, господин?

Тот назвал адрес и зашагал впереди. Стараясь не отстать от толстяка, Колесников из последних сил тащил чемоданы.

Надо отдать справедливость, толстяк заплатил хорошо. Хватило не только на обед и ужин, но осталось еще и на полпачки сигарет.

После этого случая Юра воспрянул духом: оказывается, заработать можно, не устраиваясь на постоянную работу. Он изучил расписание поездов и регулярно, по нескольку раз в сутки приходил «на работу». Нельзя сказать, чтобы заработок удовлетворял его. Иной раз вообще не удавалось заработать ни гроша. Однако можно было перебиться, как говорят, с хлеба на воду.

Не обходилось без приключений. Часто доставалось от штатных носильщиков. А однажды подходят к нему трое парней, один из них — долговязый, высокий.

— Хэлло, ты что тут делаешь? — спросил он баском, ничего хорошего не предвещавшим. — Уходи отсюда, а то хуже будет.

Он был выше Юрия на целую голову. Чувствовалось, и силенкой его бог не обидел. Юрию не хотелось отступать, и он спросил:

— Почему это я должен уходить?

— Это наш участок. Мы тут несколько месяцев работаем. Не путайся под ногами. Поищи себе работу в ином месте.

— И не подумаю! — полез на рожон Юра.

— Плакать будешь, детка, — издевательским тоном процедил длинный и надвинул Юре на глаза фуражку. Его дружки угодливо хихикнули.

— Чтоб тебе самому не пришлось плакать, — со злостью ответил Колесников, поправляя фуражку.

— Смотрите, он еще огрызаться вздумал, — продолжал тот. — Да я тебе, идиот, глаза продырявлю.

Он резко выбросил вперед руку с двумя растопыренными пальцами, целясь Юре в глаза. И тут Колесникову пригодились занятия по боксу, которые он посещал в «черчеташие».

Он ловко увернулся от нападения, левой рукой перехватил палец долговязого, а правой, не раздумывая, нанес удар в челюсть слева. Длинный ойкнул и плюхнулся на мостовую. Дружки его не ждали такого отпора и трусливо бежали. Но и Юрию пришлось быстренько удалиться, потому что послышались свистки полицейских.

После этого случая появляться на вокзальной площади было

рискованно. Так он лишился возможности зарабатывать на еду. Все же это послужило уроком. Он понял, что можно заработать на пропитание, хотя это и нелегко. Работал разносчиком, посыльным, грузчиком, был донором, — словом, не одну профессию он попробовал в поисках своей судьбы.

Все же ему улыбнулось счастье. Случайно познакомился с одним парнем. Тот помог ему устроиться на аэродром подсобным рабочим. О, сколько было радости! Юрий готов был считать себя летчиком. Даже форменную фуражку раздобыл где-то.

Времени он даром не терял. Свободные от работы минуты использовал для подготовки в летную школу. Изучал устройство самолета. Завел знакомство с летчиком-инструктором. Тот ему помогал. Однажды он взял Юру в полет на учебном самолете, даже разрешил поуправлять в воздухе…

Иногда Юрий с товарищем, который помог поступить на работу, ходил в кино, театр… Это был замечательный парень. Когда оставались наедине, тот осторожно заводил разговор о порядках, существовавших в то время в Румынии, о тяжелом положении рабочих и крестьян и роскошной жизни кучки богатеев. Юрий понял: товарищ чего-то недоговаривает.

— Ты что-то скрываешь. Если считаешь меня другом — будь откровенным, — сказал он.

Товарищ потребовал, чтобы Юра поклялся хранить в тайне все, что узнает от него. Оказалось, друг был комсомольцем.

Еще в лицее Юре и его сверстникам много страшного рассказывали о коммунистах и комсомольцах: что это человекообразные звери, с волосатыми, окровавленными руками, кинжалом в зубах и рогами дьявола на голове. Хотя Юрий этому не верил, все же воспитателям удалось посеять смятение в его душе.

И вот перед ним сидел комсомолец, самый обыкновенный парень, не русский, а настоящий румын, который в трудную минуту подал ему руку помощи. Нет, здесь что-то не так!

Потребовалась не одна встреча и беседа, прежде чем Юрий усвоил цели и задачи борьбы, которую вели комсомольцы под руководством коммунистов, и согласился помогать.

Перед тем как свести Юрия с подпольщиками, товарищ рассказал ему об элементарных мерах предосторожности.

На первой же встрече Юре рассказали, что он должен делать, с кем держать связь. Без вызова на встречу не приходить. Быть осторожным… Для начала поручили распространять листовки, изучать настроение рабочих на аэродроме, выявлять сочувствующих коммунистам…

Осуществилась и заветная мечта. Он стал учеником на

аэродроме. Облачился в летную форму: френч с крылатой эмблемой, двуглавым орлом и аксельбантом.

Шло время. Учеба продвигалась успешно. И вдруг его арестовывают. С первых допросов в сигуранце Юрий понял, что им ничего не известно о связи с подпольщиками. Видимо, арест — результат доноса или подозрений… В тайной полиции продержали около месяца. Придраться ни к чему не могли и выпустили. Но и к самолету доступ был закрыт. На этом кончилась летная карьера. Потом выяснилось, что исключили Юрия из-за двоюродной сестры. Она была коммунисткой и отсиживала свой срок в небезызвестной тюрьме для женщин «Мисля».

Летом 1940 года Колесников приехал в Бессарабию навестить родных. Здесь он вместе с земляками встретил приход Красной Армии.

Сколько было радости!

Юра стал гражданином Советского Союза. Хочешь — учись, хочешь — работай. Решил год-два поработать, а затем учиться. Жизнь складывалась хорошо. И тут война. Все планы рухнули в один миг.

Через несколько часов после нападения фашистов Колесников стал красноармейцем. Определили в разведку. Там нужны были люди, хорошо знакомые с местностью за Прутом. Наши части держали тогда оборону на этой реке западнее Вулканешты. Нашему командованию не было известно, что делается за Прутом: какой противник, сколько, где враг готовит главный удар. Послали несколько групп в тыл врага. Как в воду канули. После стало известно, что все они погибли в сигуранце и застенках гестапо.

Пришла очередь и Юрия. В напарники ему дали одного военторговского парикмахера. Известие об этом Колесников встретил не столько разочарованно, сколько удивленно. Дело в том, что парикмахера он знал давно, хотя близко с ним не сходился. Откровенно говоря, этого невзрачного на вид, хлипкого франта с черными прилизанными волосами местные парни недолюбливали… Вызывало отвращение и то, что кадровую службу он проходил в жандармских войсках. Правда, парикмахером, но все же в жандармерии.

Свое мнение о напарнике Юра высказал помощнику начальника разведки. Тот улыбнулся и ответил:

— О его службе в жандармских войсках мы знаем. Нам все известно о его жизни. Это не помешает ему выполнить задачу. Наоборот, поможет. Ведь вы тоже служили в королевской авиации, а мы вам верим.

Юрий подумал: «Действительно, почему бы и не верить? Не по своей же охоте он пошел служить! К тому же он местность знает как свои пять пальцев. Этот парикмахер исколесил Румынию вдоль и поперек. Свое личное мнение надо оставить при себе. Начальству виднее, кого посылать».

Перед отправкой на задание их тщательно проинструктировали. Юрию посоветовали надеть форму летчика-курсанта. По общему мнению, в летной форме безопасней будет появляться в городе среди вражеских солдат.

В тыл их посылали без оружия. Но Юрию, как военному, выдали со склада новенький браунинг. Кроме того, начальник разведки раздобрился и подарил ему свой маленький пистолет. Посоветовал пришить потайной карман. Колесников этот вопрос решил просто: прорезал в карманах брюк дырки и на шнурах в них опустил пистолеты. Шнурки прикрепил к поясу брюк.

Ночью разведчиков доставили в прифронтовую деревню. Через Прут переправили пограничники, посоветовали в населенные пункты не заходить. Там, по их мнению, располагаются вражеские войска.

Пограничники остались у лодки, а разведчики шагнули в темноту, удаляясь от реки. Впереди шел парикмахер. Он был спокоен, шел уверенно и быстро. Юрий еле поспевал за ним, удивляясь его спокойствию. Спокойствие напарника передалось и ему.

К железной дороге подошли на рассвете. В это время со стороны Галаца на северо-запад проследовал товарный поезд. Перешли через железнодорожную насыпь и оказались на шоссе, тянувшемся вдоль железной дороги. Рассвело. Почистили обувь, отряхнули одежду, осмотрели друг друга и направились в сторону Галаца.

До города добрались на попутной машине. Шофер оказался словоохотливым парнем. Всю дорогу рассказывал новости, выдавал себя за всезнающего. Еще бы! Ведь он работал при браильской епископии. От него узнали, что к фронту все время движутся войска.

— В Браил понаехало много священников. Отчего бы это? Не знаете? Будут идти за фронтом и освящать земли, зараженные большевизмом! Так говорил епископ, — продолжал показывать свою осведомленность шофер.

В правдивости слов шофера разведчики убедились сразу, как только въехали в Галац. Город был наводнен военными. В сторону фронта непрерывным потоком шли войска.

Поблагодарив шофера, разведчики пошли по улицам и переулкам города, стараясь реже попадаться на глаза полиции и

военным патрулям. На вокзале расстались. Условились встретиться в ресторане.

За несколько часов Юрию удалось добыть немало ценных сведений. Надо было спешить на встречу с товарищем. Но когда он пришел в ресторан, напарника там не оказалось. Одному оставаться неудобно. Он направился на перрон. Там увидел парикмахера, разговаривавшего с двумя жандармами. Первая мысль — влипли! Но парикмахер улыбался и о чем-то спрашивал. Жандармы отвечали дружелюбно и куда-то показывали руками.

Напарник заметил Юрия и через несколько минут подошел к нему.

— Кажется, неплохие ребята. Теперь я с ними познакомился. Могут пригодиться, — сказал парикмахер.

У Юрия возникло смутное подозрение. Показалась наигранной улыбка товарища. Как будто в чем провинился…

Они некоторое время ходили по городу, высматривали, что их интересовало. Напарник, казалось, повеселел. Но ненадолго. Вскоре пожаловался на головную боль и сказал, что пойдет освежит водой голову. Юрий решил не оставлять его одного. Направились к вокзалу. Навстречу попался один из жандармов, с которыми недавно беседовал парикмахер, и спросил:

— Ну как? Нашли наше управление?

— Нет… Я сейчас поеду. Мне еще в епископию надо, — растерянно ответил напарник.

Жандарм понимающе улыбнулся и прошел мимо. Юрий еще больше встревожился. «Зачем ему жандармское управление? Что-то здесь не чисто!»

— Понимаешь, забыл тебе сказать: чтобы отвязаться от них и войти в доверие, я спросил, где находится жандармское управление, — поспешил оправдаться товарищ.

Теперь Юрий не верил ни одному его слову, но промолчал.

Вошли в туалет. Парикмахер подошел к умывальнику, смочил голову и привычными, ловкими движениями причесал волосы. Потом убедился, что никого вблизи нет, зашептал:

— Туда я больше не вернусь, понимаешь?

— Как не вернешься? — опешил Юрка. — Что ты мелешь?

— Останусь здесь. Оставайся и ты. Кто ты там? Нужен ты им?! А здесь будешь летчиком…

Юрий не мог даже сообразить что к чему. Что это, шутка? Или же что-то иное? Припомнилось, как помощник начальника разведки выпроводил его из кабинета и долго беседовал с парикмахером. «О чем? Не иначе как поручил проверить мою благонадежность, — подумал Юра и тут же взбунтовался: — Меня проверять?! Ну что ж, пусть!»

— Проверяешь? Не веришь? Кто же ты после этого? — горячился Юра. — Так и знай — задание я выполню!

— Чудак, не кричи. Зачем мне тебя проверять? — заговорил откровенно напарник. — Я всю жизнь мечтал иметь свою мастерскую, мастеров. А там кем я был? Работник какой-то артели. Если хочешь знать, то я и там не зевал, смотрел в будущее. Будет тебе известно — я выполнял задание румынской разведки…

— Так я тебе и поверил, — растерянно проговорил Юрий.

Видя колебания товарища, тот наседал:

— Некогда рассусоливать. Оставайся. Я за тебя замолвлю слово, где надо. Все равно Советам конец. Сам читал последнюю сводку. Месяц-два — и войне конец. Я и сюда шел, чтобы больше не возвращаться за Прут.

Слушая его откровения, Колесников постепенно брал себя в руки. Не было сомнения — напарник враг. Он может предать в любую минуту. Надо выиграть время, придумать выход.

— А если я останусь, меня не запрячут в тюрьму? Кто тебя здесь знает? — Юрий сделал вид, что колеблется.

— У меня есть такая вещь, которая откроет перед нами любую дверь. Вот посмотри, — при этих словах парикмахер расстегнул брюки и из-под кальсон извлек покрытый эмалью металлический жетон тайного агента.

Последние сомнения развеялись. Решение созрело само собой: убрать негодяя. Но как? Пусть это будет стоить жизни, а убрать. От того, что решение принято, на душе у Юрия стало спокойнее. Одно только его беспокоило: «Погибну — наши ничего не узнают, могут посчитать предателем».

— Почему же ты сразу не сдался румынским солдатам?

— Нет дураков. В армии не любят нашего брата. В горячке еще пустят в расход. Доказывай тогда…

— Верю тебе и надеюсь — не подведешь, — пошел на хитрость Юрий, — В доказательство этого признаюсь: у меня есть оружие.

— Давай его мне, — потребовал парикмахер.

Колесников подошел к двери, посмотрел —’ никого нет. Вернулся, пригласил напарника в кабину, запер дверь на крючок, достал пистолет из тайника, отцепил от шнурка, взялся за ствол и, когда тот протянул руку, чтобы забрать оружие, нанес удар рукояткой пистолета в левый висок, Предатель рухнул на пол. Юрий несколькими ударами рукоятки прикончил изменника…

Очутившись на свежем воздухе, разведчик почувствовал головокружение. Зашел в вокзал, чтобы затеряться среди народа, но неожиданно столкнулся с офицером.

— Почему не приветствуете? Вечно Эти авиаторы разболтаны. Что, дисциплина вас не касается? — набросился он на Юрия.

— Прошу прощения, господин капитан….Мне плохо.

— Да, вы действительно бледны. У вас на воротнике кровь. Может, помочь? — проговорил обеспокоенный офицер.

— Благодарю вас, сейчас пройдет, — ответил Колесников, — У меня часто из носа идет кровь…

— В таком случае, выйдите на воздух, полегчает, — посоветовал капитан и ушел.

Колесников последовал совету капитана; вышел на перрон, осмотрелся, стараясь быть спокойным, чтобы не привлечь к себе внимания посторонних, пересек пути и скрылся за товарными составами. В это время со стороны вокзала послышались тревожные голоса. Он понял — обнаружен предатель. Оставаться здесь опасно. К счастью, один из товарных эшелонов начал отходить. Юрий вскочил на ступеньку и забрался в будку тормозной площадки…

Поезд набрал скорость. Галац, заставивший Юру изрядно поволноваться, остался позади. Однако приключения на этом не закончились. Ночью эшелон без остановки прошел полустанок, где их подобрал шофер. Неизвестно, куда он мог завезти. Пришлось прыгать на ходу. При падении сильно ушибся. Прихрамывая, начал уходить от железной дороги. Попал в болото. Видно, уклонился вправо. Пошел в обход. Шел долго. Уже считал, что все опасности позади, и вдруг из-за высотки выскочила автомашина и ослепила его резким светом. Хотел свернуть с дороги, но поздно. Послышался грозный окрик:

— Стой, стрелять буду!

Не успел опомниться, как из машины выскочил шофер и отвесил оплеуху. Потом заметил авиационную фуражку, слетевшую с его головы, аксельбант, свисавший с правого плеча, сконфузился и быстро залез в машину.

В открытой машине, рядом с шофером восседал грузный генерал. Юра поприветствовал и представился пилотом сержантом-инструктором из состава 3-й истребительно-охотничьей флотилии, расположенной в Галаце. Притворился оскорбленным действиями рядового шофера. Даже набрался смелости и пролепетал нечто подобное угрозе. Буду, мол, жаловаться его превосходительству генералу Антонеско. К сожалению, его угрозы на генерала не произвели никакого впечатления. Он пренебрежительно махнул рукой и, путая румынские и немецкие слова, гаркнул:

— Замолчи, осел! Сейчас война, а не время увеселительных

прогулок. Безобразие. Флотилия распустила личный состав!

Разведчик пошел еще на один шаг, чтобы убедить генерала. Сказал, что отличился в боях с большевиками, ему предоставили отпуск и что идет к девушке… В его лжи они могли легко убедиться, если бы потребовали документы. Но Юра тогда об этом не подумал. Да они и не спросили. Наверное, он врал уверенно и убедительно. Все же его не отпустили.

— Садитесь в машину! — приказал генерал. — Поедем к вашему командующему флотилией, проверим, на каком основании эти ослы разрешают увольнение в военное время…

Юре ничего не оставалось, как щелкнуть каблуками и сесть на заднее сиденье, рядом с подполковником, поблескивавшим очками.

Машина тронулась, а генерал все бурчал, возмущаясь плохими порядками в румынских войсках. Машина, то набирая, то сбавляя скорость, петляла по проселочной дороге. Колесников сидел ни жив, ни мертв. «Конец! Как обидно. У самого финиша. Туда пробрался, много ценных данных раздобыл. Даже с изменником сумел расправиться. А тут сплоховал. Расстреляют». И тут ему пришла в голову глупая мысль: «Интересно, как себя чувствуют перед расстрелом приговоренные к смерти?» От мысли, что его поставят перед ямой и расстреляют, похолодело внутри.

Чего он тогда только не передумал. Вспомнил мать, товарищей. Что о нем подумают? Нет, не может быть, чтоб это был конец. Против смерти взбунтовалось все существо. Еще не все потеряно. Ведь оружие не отобрали. Без боя не сдаваться.

Засунул руки в кармана, нащупал веревочки и начал осторожно подтягивать. Скоро в руках оказались нагретые телом рукоятки пистолетов. В правой — браунинг, в левой — маленький пистолетик, подарок начальника разведки. «А что, если сейчас?»

Дальше произошло то, чему он сам не может дать объяснения. Юра снял с предохранителя, выхватил оба пистолета, вскочил на ноги, направил один пистолет на генерала, а второй на шофера и нажал на спусковые крючки. Раздался выстрел, и в тот же миг Юрий выкрикнул:

— Руки вверх! Я большевик!

Шофер откинулся назад. Машина вильнула, сползла с дороги и остановилась. Не теряя времени, разведчик вторично выстрелил. На этот раз в генерала и подполковника, сидевшего слева. Голова подполковника упала на плечо шофера, а генерал вдруг заговорил:

— Господин пальшевик! Прошу, не убивай…

Юрий не мог понять, что произошло. Ведь в генерала он стрелял дважды. Заколдован, что ли?

Рассуждать некогда. Он выскочил из машины и приказал генералу выйти. Не опуская рук, тот сполз на землю.

— Бегом, марш! — скомандовал Колесников. Генерал, тряся грузным телом, послушно побежал. Он все время твердил одно и то же: «Не убивай, не убивай!»

Отбежали добрый километр от машины, и генерал обессилел. Остановился, тяжело дыша, и взмолился:

— Господин пальшевик, разрешите опустить руки, польше не могу.

И только теперь Юрий заметил на поясе пленника кобуру с пистолетом. Обезоружил и разрешил опустить руки. Теперь пошли резвее. К Пруту добрались, когда забрезжил рассвет. Встретили те же ребята-пограничники, которые и провожали. Они удивились, что вместо парикмахера с Юрой шел немецкий генерал.

Сдав под охрану пленного, разведчик почувствовал, что не может держаться на ногах. Свалился в саду под яблоней и проспал почти до обеда. Не слыхал даже бомбежки немецких самолетов. Сквозь сон почувствовал, как кто-кто-топеревораивает его.

— Ты живой? — услыхал он голос.

Сел, открыл глаза и увидел сидевшего рядом начальника разведки. Сон как рукой сняло. Попытался было подняться, но тот задержал его, сказав:

— Сиди, сиди… Ну и дичь ты притащил! Очень ценный «язык». Поздравляю… А почему ты один? Что с товарищем? Погиб?

Юрий рассказал, при каких обстоятельствах погиб «товарищ».

Начальник долго сидел молча, потом сказал:

— Тем более ты молодец. Задание выполнил отлично. Рад, что не ошибся в тебе. Представим к награде. Подробности разведки доложишь в штабе.

Юра рассказал о том, что дважды стрелял в генерала и не попал. Товарищи посмеялись, а начальник разведки внимательно посмотрел на него и переспросил:

— Говоришь, дважды? Из какого пистолета? Покажи.

Разведчик передал ему браунинг. Тот посмотрел в ствол, потом вынул магазин и пересчитал патроны. Патроны были все на месте.

— Ты чистил пистолет после возвращения?

— Нет, не успел.

— Полюбуйся!

Юра посмотрел: в стволе блестел тонкий слой смазки. Оказалось, что из него не произведено ни одного выстрела.

Впопыхах разведчик этого даже не заметил. Начальник взял у него пистолет, зарядил, прицелился в стену сарая и нажал на спусковой крючок. Последовал щелчок, а выстрела не было. Юре стало жарко. Значит, его вызволил маленький пистолетик — подарок начальника разведки. Только теперь он вспомнил, что пистолет ему готовил завскладом, а он сам даже не проверил его. Это урок на всю жизнь.

Это было первое боевое задание, которое выполнил Юрий Антонович Колесников. После этого пришлось участвовать в боях на фронте, а с марта 1942 года в тылу врага на Брянщине и в Белоруссии..

…На улице стало совсем светло, когда Юра закончил рассказывать. Я ни разу не перебил его и как бы вместе с ним за это время прожил его нелёгкую жизнь. Колесников замолчал, а я еще долго находился под впечатлением услышанного.

После затянувшейся паузы спросил:

— Откуда ты знаешь французский язык?

— Я знаю румынский. В лицее изучал. Он схож с итальянским и испанским. Сначала изучил итальянский. После этого начал разбираться и по-французски. Немецкий тоже преподавали в лицее. А главное то, что я много читал французских и немецких книг, особенно приключенческих…

— Но ты и по-русски говоришь без акцента?

— Этот язык я знаю с детства. Мать и отец говорили по-русски.

Я понимал — Юра скромничает. Чтобы изучить столько языков — нужен талант и огромный упорный труд. А что Колесников обладал и тем и другим, мне после не раз приходилось убеждаться.

После этого откровенного разговора Юра стал мне понятнее и ближе, а потом мы подружились. Так она и осталась — эта дружба — на всю жизнь.

Домбровица Дужа

Противник продолжал сосредоточивать части против нашей дивизии. За Саном в Ланьцуте — 115-й полицейский охранный полк. Из Люблина подошли 1-й и 26-й эсэсовские полицейские полки. Из Львова к Янувским лесам подброшены два полка дивизии «Галичина», мотобатальон 22-го полка, отдельные татарский и азербайджанский легионы. Две танковые роты из состава вновь сформированного 500-го танкового полка прибыли из Кракова. Для их поддержки выделено звено бомбардировщиков.

В дополнение ко всему наши разведчики, побывавшие в районе Перемышля и Мостиска, только что доложили: диверсии, проведенные кавалеристами, третьей ротой и саперами, дали хорошие результаты. Железная дорога Львов—Перемышль забита войсками и тыловыми учреждениями. Это тылы и резервы 4-й танковой и 17-й полевой немецких армий, отступающих под ударами Украинских фронтов. Наше соединение стало для фашистов просто занозой в горле.

Мы не сомневались, что гитлеровцы постараются предпринять самые решительные меры, чтобы разделаться с нами и обезвредить свой тыл. Создалась обстановка, подобная карпатской, с той лишь разницей, что здесь нет гор и мы можем свободно маневрировать.

Стремительность и маневр — главные козыри партизан. До тех пор, пока эти козыри в наших руках, — мы хозяева положения, мы, а не враг, несмотря на его подавляющее превосходство в силах и средствах, диктуем свою волю, определяем характер и методы действий, вынуждаем противника распылять свои силы и громим их по частям.

Задача партизанских командиров — разгадать замысел противника, выждать момент, когда он изготовится для решительного броска, а затем, не ввязываясь в затяжной позиционный бой, незаметно вывести соединение из-под удара.

Тщательно разработанные планы всем хороши, но они имеют один существенный недостаток. Стоит измениться обстановке, как эти планы летят вверх тормашками… К подобным методам действий мы прибегали часто и одним махом сводили на нет все усилия врага.

При осуществлении этого маневра главное — правильно оценить создавшуюся обстановку и не прозевать подходящего момента.

Неудачи приводят в ярость немецкое командование,

заставляют его нервничать, спешить, а при спешке неизбежны ошибки…

Сейчас над партизанской дивизией нависала угроза окружения на сравнительно малой территории. Дальнейшая задержка в Майдане-Сенявском была нецелесообразной. Предстояло решить — куда податься. Над этим и размышляли Вершигора и Войцехович. Перебирали один вариант за другим, обсуждали, спорили, прикидывали все «за» и «против», отвергали их, принимались за новые.

Можно пойти на юг к железнодорожной магистрали, в самую гущу фашистских фронтовых тылов, но там действует генерал Наумов. Придем — все его карты перепутаем. На север? Там густая сеть железных дорог, есть где поработать. И местность, судя по карте, подходящая. Воспротивился Вершигора: «Не время!»

Командир дивизии был склонен продолжить рейд за реку Сан. На карте этот район выглядел зеленым треугольником, ограниченным реками. Он тоже имел свой плюсы и минусы. Хотя объекты для нанесения ударов заманчивы, зато весь район, пересеченный сеткой шоссейных дорог, зажат крупными реками Саном и Вислой, окружен железными дорогами, а это ограничивало возможности для маневра. Не следовало сбрасывать со счета Сандомир, Дембицу, Жешув и Ярослав с их гарнизонами. Здесь может получиться похуже, чем в «мокром мешке» между Днепром и Припятью.

Памятно было и предостережение комиссара Руднева: «Прежде чем войти в эту обитель, подумай, как из нее выйти». В данном случае следовало над этим задуматься серьезно.

Всё должны были учесть, взвесить командир и начальник штаба.

Вершигора был настойчив:

Волков бояться — в лес не ходить… Мы должны идти не туда, где легче, а туда, где можно больше пользы принести наступающим советским войскам. Трудно будет? Не спорю. Возможно, тяжелее, чем в Карпатах. Зато подумайте, какой эффект! Выведем из строя железные дороги Ярослав—Краков, Дембица—Сандомир, Пшеворск—Розвадув. Подберемся к Сталевой Воле и покончим с военным заводом… Установим тесные связи с местными партизанами. Когда станет невтерпеж — рванем за Вислу…

План был заманчивым и многообещающим. Беспокоил лишь вопрос — удастся ли туда прорваться. Противник опасался нашего проникновения за Сан и Вислу и, конечно, принял надлежащие меры предосторожности. Кроме того, река Сан

представляла серьезное препятствие. Мостов мало, да и те сильно охранялись. Мы могли рассчитывать только на брод.

Вершигора и Войцехович понимали — придется тяжело. Но мы и не искали легкого пути, а к трудностям партизанам не привыкать…

Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Окончательное решение созрело с возвращением разведчиков, побывавших за Саном.

Послышался стук в дверь, и в хату вошел командир взвода разведроты Антон Петрович Землянко. Массивный, краснощекий, он неуклюже наклонился и переступил через порог. Выпрямился, обвел взглядом присутствующих и, обращаясь к Вершигоре, доложил:

— Вернулись!

— Кстати… Садись, Петрович, рассказывай, — обрадовался Вершигора. Он с особым уважением и доверием относился к этому неторопливому, рассудительному разведчику.

Прежде чем начать доклад, Землянко снял и отряхнул ушанку, бросил небрежно: «Мокропогодица», затем сел на табуретку, зажал между колен автомат, вынул из планшетки потрепанную карту и расстелил ее на столе.

— Можешь пользоваться картой начальника штаба, — разрешил Вершигора.

— Если позволите, доложу по своей, — сконфузившись, попросил Землянко. — Привык.

— Как хочешь, только не тяни…

Землянко кашлянул в кулак и начал без предисловий:

— Сан переплыли на лодках. Вот здесь, — указал на карте восточнее Лежайска. — Укреплений на левом берегу не обнаружили. В Лежайске, Соколуве, Руднике — сильные гарнизоны. В селах полиция. Местность пересеченная, бугристая, лесистая.

— Значит, река не замерзла? — В голосе Вершигоры почувствовалась тревога.

— Нет. Местные жители говорят: при оттепелях иногда разливается… Брод отыскали южнее Лежайска, но погода, пожалуй, может попортить. Мост у Кшешува сильно охраняется. К Сталевой Воле пробраться не удалось. Подступы прикрыты заставами. От поляков узнали: в урочище Лентовня большие немецкие склады русских боеприпасов…

— Где, где? Уточните, — заинтересовался Петр Петрович.

Разведчик указал на рощу вблизи села Лентовни и добавил:

— Охрана слабая. Вот только железная дорога рядом. Могут подкрепление подбросить.

Склады заинтересовали командира и начальника штаба. Наши запасы подходили к концу. Уже несколько дней ждем самолетов с Большой земли, но они почему-то не прилетают. Скоро придется палками воевать. За последнее время некоторые подразделения отечественное оружие заменили трофейным, запас которого мы возили в обозе на всякий случай, И вдруг склады! Решено. Мы идем за Сан.

— Задание выполнили хорошо. Передайте мою благодарность всему взводу. Можете отдыхать, — сказал Петр Петрович.

— Слушаюсь, — поднялся Землянко. Сложил карту, спрятал ее в планшетку и, не торопясь, вышел из хаты.

Через полчаса полки получили приказ на марш.

28 февраля 1944 года в 19.00 покинули Майдан-Сенявский и направились к реке Сан. Предполагалось совершить пятидесятикилометровый переход. Реку Сан преодолеть вброд на участке Пшиховец—Ильня; выйти к Лентовне, внезапным ударом разгромить немецкую охрану и захватить склады.

Однако погода внесла свои коррективы. С вечера повалил мокрый снег, а ночью пошел дождь. Дороги превратились в кашу, по оврагам побежали ручьи. Люди и лошади выбивались из сил. График марша нарушился. Вместо 29 февраля по графику в Домбровицу Дужу колонна вошла незадолго до рассвета 1 марта. Здесь нас ждал еще один неприятный сюрприз. Сан разлился.

Выбранный нами брод у Пшиховца оказался непроходимым. Других вблизи не было. Строить наплавной мост через бурную реку — дело трудное. Да и немцы не позволят. Вынуждены задержаться на дневку в Домбровице Дуже, Вульке Ламаной и Ожаннах Сенявского повята.

Первый полк и штаб дивизии остановились в Домбровице Дуже. Мы завели такой порядок, что ни командир, ни комиссар, ни начальник штаба и никто из офицеров штаба полка не отдыхали, пока не выставлено надежное охранение и не расположены раненые и подразделения.

Так было и на этот раз.

Наступило утро, когда я возвратился из батальона Тютерева. В доме ксендза, отведенном под штаб, меня ждали товарищи. Хозяин наш оказался человеком гостеприимным и разговорчивым. В отличие от ксендза Яна, который приходил к нам с майором Зомбом, он понимал, что свобода для польского народа может прийти лишь с победой Красной Армии. Поэтому одобрял дружбу польских и советских партизан…

Мы сытно поели и разместились на отдых.

— Давид Ильич, надо решать вопрос с обозом, — сказал Федчук, как только мы вошли в комнату, отведенную для

отдыха. — Погода не санная. Дороги развезло.

— Брички ищите, — приказал Бакрадзе.

— Я здесь приметил десятка два, но этих мало…

— Пошлите старшину Боголюбова в соседнее село, — посоветовал командир полка.

Федчук ушел заниматься хозяйством, а мы легли спать… Не знаю, сколько я спал. Разбудил меня Боголюбов.

— Немцы! — проговорил он торопливо.

Сон как рукой сняло. Быстро надевая снаряжение, спросил:

— Где? Сколько?

— В соседнем селе. Мы поехали туда за телегами и столкнулись с противником. Их там полно. Заметили нас, открыли пальбу, но мы на лошадях умчались… Заставы я уже предупредил, — доложил старшина.

Через минуту штаб был на ногах. Бакрадзе на ходу крикнул:

— Юрий, пошлите связного в штаб дивизии с донесением…

— Давид Ильич, я пойду во второй батальон, — сказал я командиру полка, схватил автомат и выбежал из дома.

Батальон Тютерева успел изготовиться к бою. Комбат отдавал последние указания командирам рот.

— Вышлите разведку на фланги. Противника подпускайте поближе. Патронов напрасно не расходуйте. По местам!

—: Разведку вперед выслал? — спросил я Тютерева.

— Выслал. Противник начал выдвижение. Барсуков с разведчиками наблюдает с тех вон холмиков, — указал комбат на высотки впереди села.

Послышалась стрельба. Разведчики спустились в лощину и побежали к правому флангу нашей обороны. На холмах появилась густая цепь противника. Я посмотрел в бинокль.

— Что видишь, Вано? — спросил только что подошедший Давид.

— Не пойму. Какой-то сброд. Да и одеты как-то чудно. Посмотри, — сказал я и передал бинокль.

Бакрадзе долго всматривался в приближающиеся цепи, потом оторвал бинокль от глаз и сказал:

— Клянусь мамой, кацо, это не фрицы! Но кто, узнаем после боя. Оставайся здесь, а я пойду к Сердюку…

Враг шел осторожно, останавливаясь, как бы выжидая чего-то, и снова шел. Наступало сотни две. За первой цепью двигались подводы с минометами. А дальше — новая цепь пехоты. Передние приблизились метров на триста. Невооруженным глазом можно было рассмотреть одежду противника.

Партизаны следили за действиями наступающих, не выдавая своего присутствия. Тихо. Так бывает лишь перед боем. Только в

селе слышно беспечное тявканье собачонки. Ей и невдомек, что через несколько минут разразится смертельный бой. Вот он уже вспыхнул справа и слева, где обороняются соседние полки и кавалерийский дивизион.

Пехота, наступавшая на нашу оборону, ускорила шаг. Видимо, противник согласовал одновременные удары с трех сторон.

Из расположения первого батальона взлетела красная ракета — сигнал открытия огня. Пулеметный и автоматный шквал заставил противника залечь. Вторая цепь продолжала движение, настигая первую. Подводы с минометами свернули с дороги и укрылись в лощине. Через несколько минут позади от нас, в селе, взорвалась мина, за ней вторая, третья… Взрывы приближались к боевым порядкам батальонов.

— Однако противник перед нами какой-то дураковатый. Видно, впервые сталкиваются с партизанами, — сказал Тютерев.

— Почему?

— Посмотри, как залегли, группами.

Бой на флангах накалялся. Из штаба дивизии прибежал посыльный и передал приказание комдива — держаться.

— На Ожанны наступают крупные силы. Тяжело приходится кавалеристам, — сказал связной Валя Косиченко.

В это же время прибежал связной от командира полка и вручил мне записку. В ней Бакрадзе писал: «Вано, перед нами противник нерешительный. Надо канчать этот лавочка. Бери часть батальона Тютерева, заходи справа. О готовности дай знать ракетой. Это и будет сигнал для общей атаки».

— Передай, выполняю, — сказал я связному.

Сложность выполнения задачи состояла в том, что надо было незаметно снять подразделения с обороны и так же незаметно выйти с ними во фланг и тыл противника. Посоветовавшись с Тютеревым, решили оставить на месте два стрелковых взвода, все танковые и часть ручных пулеметов. Под прикрытием их огня отвести роты в село, затем, прикрываясь строениями, пробраться к лощине, которая и выведет нас во фланг врагу.

Этот вариант удался. Обойдя вражеские цепи, мы подали сигнал для первого батальона и бросились в атаку. Бакрадзе с первым батальоном ударил в лоб. Противник был смят в несколько минут. Бросая оружие, вражеская пехота в беспорядке кинулась наутек. Партизанские пулеметы и автоматы косили убегающих карателей. К тому же с тыла по ним ударили немецкие пулеметы заграждения. Но страх перед партизанами был сильнее своих пулеметов. Вскоре пулеметы были смяты…

Разделаться с противником нам удалось сравнительно легко.

Партизанам достались четыре батальонных миномета, пулеметы, винтовки и другое имущество. Захватили несколько пленных. К нашему удивлению, они принадлежали азербайджанскому легиону. Пленные рассказали, что легион гитлеровцы создали из числа военнопленных. От них же узнали, что большинство пленных пошло в легион, чтобы завладеть оружием и при удобном случае перейти на сторону партизан.

— Почему же сейчас не перешли? — спросил Тютерев.

— А как перейдешь, если вы открыли такую стрельбу, что воробей не пролетит, — ответил пленный. — Спереди партизаны, а с тыла немецкие пулеметы… Гитлеровцы ни азербайджанцам, ни татарам не доверяют. Посылая в бой, позади выставляют своих солдат с пулеметами. Командирами в легионе — немцы.

— Надо, чтобы наши разведчики установили с легионами связь и договорились о переходе на нашу сторону, — сказал Бакрадзе.

Но гитлеровцы сняли легионы, как неблагонадежные, и перебросили на другие участки. Больше нам с ними встретиться не пришлось.

Первый полк заканчивал сбор трофеев, а справа и слева продолжал греметь бой. Особенно тяжело пришлось кавалерийскому дивизиону. На его оборону наступали курсанты немецкой полковой школы танкового полка. Этих вымуштрованных и хорошо вооруженных гитлеровцев, подготовленных к отправке на фронт, немецкое командование вынуждено было бросить против партизан.

Первым немцев заметил горьковчанин Виктор Камаев, отделение которого находилось в боевом охранении в кустах впереди Ожанн. Он привел бойцов в готовность и вызвал командира взвода.

Командир взвода Михайленко не заставил себя ждать. Маленький, верткий, он прибежал, лег рядом с Виктором и выдохнул:

— Что тут у тебя?

Камаев указал на лес, по опушке которого двигалось человек триста гитлеровцев.

Николай Нестерович Михайленко, несмотря на свои двадцать четыре года, был опытным воином. За его плечами тяжелые бои под Киевом, на реке Десне у Остёра, вылазки в тыл врага в составе роты разведчиков-десантников… К Ковпаку он пришел с группой красноармейцев. Участник всех рейдов по тылам врага, проведенных соединением. Долгое время воевал в составе второй роты. Там сдружился с Виктором Камаевым. Смешно было видеть его, коротышку, рядом с великаном Виктором Павловичем

Камаевым. Друзья не расстались и в кавдивизионе.

Окинув опытным командирским взглядом противника, Михайленко сразу же оценил серьезность положения. Даже присвистнул.

— Видно, фрицы всерьез решили заняться нами. Полки уже дерутся. Наступает наш черед…

Командир взвода подал сигнал тревоги для дивизиона. Через несколько минут лейтенанты Гапоненко и Ларионов вывели эскадроны на окраину села и расположили в оборону. Разгорелся жаркий бой, который длился почти весь день.

Кавалерийский дивизион оказался отрезанным от остальных подразделений дивизии. На помощь Ленкин не мог рассчитывать. Второй и третий полки тоже вели тяжелые бои с частями 14-й эсэсовской дивизии «Галичина» и другими регулярными частями.

Кавалеристы сражались стойко, однако несколько раз фашисты врывались в Ожанны. Тогда Ленкин и Тутученко поднимали эскадроны в контратаку и выбивали гитлеровцев из села. Враг подбрасывал подкрепление и бой разгорался с новой силой. На каждого партизана приходилось два-три гитлеровца. И в этих условиях кавалеристы сражались отважно, как и подобает ковпаковцам. Примеры мужества показывали командиры Ленкин, Гапоненко, Ларионов, Михайленко, Уткин… Бойцы Галя Кваша, Фещенко, Потеряев, Илья Попок… Во время рукопашной схватки на Илью Попка налетели три фашиста. Двоих он уничтожил, но и сам пал геройской смертью.

К концу дня Ленкин понял, что противник выдохся.

— Приготовить лошадей! — приказал он своему заместителю Сашке Годзенко.

Кавалеристы повеселели: раз командир приказал приготовить лошадей, значит, дела пошли на поправку… Гитлеровцы теперь наступали с меньшим упорством. И когда была отражена их очередная атака, Ленкин ракетой вызвал коноводов, посадил партизан на лошадей и вместе с Семеном Тутученко и Сашей Годзенко повел в стремительную контратаку. Немцы, не выдержав напора, побежали. Партизаны только этого, и ждали. Настигали карателей, рубили их клинками и уничтожали огнем из автоматов.

В разгар контратаки упал Виктор Ларионов. К нему кинулись Галя Кваша и Николай Михайленко. Поздно… Пуля угодила в сердце.

Контратака была успешной. Полковая школа почти полностью была уничтожена, так и не доехав до фронта.

К вечеру на всех направлениях атаки противника были отбиты. Фашисты понесли большие потери. Но и нам дорого

досталась эта победа. Особенно большие потери понесли кавалеристы. Дивизион недосчитался двенадцати отважных партизан. Геройской смертью погибли замечательные командиры эскадронов — комсомольцы лейтенанты Николай Владимирович Гапоненко и Виктор Игнатьевич Ларионов, а также командир взвода Леонид Уткин.

До поздней ночи враг группировал силы и обстреливал Домбровицу Дужу, Ожанны и Вульку Ламану. Однако наступать до утра не решался.

Обстановка не позволила похоронить погибших. Мы забрали их с собой, чтобы захоронить на следующей дневке.

Не отыскав брода, решили воспользоваться мостом через Сан у Кшешува. По сведениям, добытым разведкой, мост сильно охранялся. По обеим сторонам — дзоты. К тому же в Кшешуве располагался гарнизон, правда, небольшой. Там находились полицейские. Только внезапность могла дать нам успех.

Вечером дивизия незаметно покинула место дневки. Перед выступлением меня вызвали в штаб дивизии.

— Будь готов на марше принять груз, — приказал Петр Петрович Вершигора. — Самолет летит из Киева. Следует ожидать в полночь. Смотри, не прозевай.

Сколько таких сообщений приходило с Большой земли, а самолетов все не было. То погода подведет, то другие непредвиденные обстоятельства. Не исключено, что и на этот раз прождем напрасно. Все же я с ротой Бокарева был начеку.

Двигались в середине колонны. На пяти санях везли солому для костров. Сигнальщики проинструктированы.

Полночь. Позади слышится канонада. Фашисты продолжают обстреливать оставленные нами села. Значит, не заметили нашего ухода. Впереди тоже началась стрельба. Это третий полк Петра Брайко вступил в бой с немецким гарнизоном города Кшешува.

Наконец послышался долгожданный гул самолета. Даю ракету. Санки с соломой разъезжаются в стороны и вперед. Гул нарастает. Вот он уже над нашими головами. Пускаю сигнальные ракеты, в то же время вспыхивают пить костров, обозначая конверт с печатью в середине. Самолет дает ответную ракету и начинает кружиться над кострами. Один за другим полетели парашюты с грузовыми мешками. Партизаны зорко следят за грузом. Местные жители, наблюдавшие из-за заборов и плетней, осмелели, повыскакивали из своих укрытий и начали разыскивать и подбирать мешки. Не успеет груз приземлиться, а его уже подхватывают, свертывают парашют и тащат на санки. Нагруженные санки мчатся вперед. Там их встречает Войцехович,

вскрывает мешки и тут же раздает боеприпасы представителям подразделений.

— Третьему полку в первую очередь, — приказывает Вершигора.

Бросают два мешка с патронами в санки, и бойцы, нахлестывая лошадей, спешат вперед, в Кшешув, чтобы прямо в бою боеприпасы передать Пете Брайко.

Самолет сделал прощальный круг, поморгал бортовыми огнями и улетел на восток.

Подобрав последние мешки, веселые и радостные, мы настигли колонну главных сил, остановившуюся перед Кшешувом. Здесь нас ждали невеселые вести.

Третий полк у Кшешува появился внезапно. Быстро расправился с гарнизоном города и с хода бросился на мост. Удалось уничтожить охрану на восточном берегу. Небольшая группа партизан сумела проскочить по мосту и зацепиться за противоположный берег. Но дальше этого не пошло.

Как ни старался Брайко, развить успех не удалось. Гитлеровцы, разбуженные боем в городе, заняли дзоты и организовали упорное сопротивление. Подразделения полка предпринимали отчаянные попытки, несли потери, а переправиться на западный берег не могли. Мост был под перекрестным пулеметным и автоматным огнем.

На рассвете немцы подбросили из Рудника танки и заняли село Буда. Танки вышли к переправе. Группка храбрецов-партизан, переправившихся на противоположный берег, не устояла. Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня они начали отходить. Но не всем суждено было возвратиться. Некоторые навсегда остались на мосту.

Дальнейший бой за мост потребовал бы от партизан больших жертв. Вершигора не мог пойти на такой шаг и приказал отвести подразделения.

Бой в Кособудах

После неудавшейся попытки переправиться через реку Сан дивизия уходила на восток. Мартовское утро выдалось хмурое, ветреное. Над колонной нависали свинцовые тучи. Под стать погоде было и настроение партизан. Измотанные вчерашним боем, ночным переходом и удрученные неудачным боем за мост, они молча шли по раскисшей вязкой дороге. В довершение ко всему при выходе из Кшешува наша пушка подорвалась на мине. Погибли наводчик Виктор Морозов и заряжающий Николай Амелин. Взрывом разворотило передок орудия. Пришлось наспех приспособить к нему передок от брички.

В десятом часу утра остановились в селениях Липны-Дольне и Липны-Гурне. Здесь мы хоронили товарищей, погибших в Домбровице Дуже, Ожаннах и Кшешуве.

Похоронил и я своего друга, командира комсомольского эскадрона Колю Гапоненко. Обидно было, что и погиб он из-за своего доброго сердца.

Мне рассказали, что во время последней контратаки Гапоненко мчался впереди эскадрона. Уничтожил пулеметный расчет врага. Перед ним оказался гитлеровец с поднятыми руками. Коля пожалел его, не зарубил. Но только проскакал мимо, фашист из пистолета выстрелил ему в спину. Предательская пуля оборвала жизнь замечательного человека…

Произнесены прощальные речи Ленкина и Андросова. Отгремел салют. На кладбище у околицы польской деревни выросло несколько свежих холмиков, под которыми покоятся храбрые советские воины.

Я никак не мог примириться, что больше не увижу веселого, молодого Колю Гапоненко. Нас связывала давняя и крепкая дружба. Вместе служили в разведывательном отряде при штабе Брянского фронта. Одновременно вылетели в тыл врага. Коля со своей группой действовал под Курском. После выполнения задания встретились в Брянском лесу и присоединились к партизанам. До февраля 1944 года воевали в разведке. Теперь Коли больше нет.

Вдруг вспомнилось, что Гапоненко — одиннадцатый из числа десантников, с которыми я простился. Правда, нескольких раненых отправили на Большую землю. Первый рейд из Брянского леса на правобережье Днепра вырвал из наших рядов Илью Краснокутского, Николая Щербакова, Костю Рыбинского, Костю Шамураева, Володю Савкина. Всех их отправили в госпиталь. Из Карпат не вернулись Саша Решетников и Костя

Огрелюк. Улетели на Большую землю Аня Маленькая и разведчики Володя Лапин и Володя Зеболов. Из двадцати одного в соединении осталось лишь десять, включая меня и Вершигору. А что нас ждет впереди? Кому из нас удастся дожить до желанного дня победы, увидеть счастливые улыбки на лицах советских людей?

Переживал смерть друга и Петр Моисеевич Шепшинский. Его вид меня поразил. Он стоял бледный, сгорбившийся, подавленный горем.

— Что с тобой? На тебе нет лица! — воскликнул я.

— Он меня спрашивает, — заговорил взволнованно Шепшинский. — Ты мне скажи: знаешь, кем для меня был Витя? Мой командир Витя Ларионов? Не знаешь? Он был мне братом! Понимаешь? А ты меня спрашиваешь, что со мной!

Мне стало совестно: за своим горем забыл о других.

Шепшинский был старшиной второго эскадрона. Виктор был доволен своим неутомимым и неугомонным старшиной. Несмотря на то что Петр Моисеевич лет на двенадцать старше Виктора, они сдружились. Петр по-настоящему полюбил Ларионова.

Да это и не удивительно.

Жизнь не баловала Щепшинского. Детство и юность его прошли в панской Польше, в Белостокском воеводстве. С одиннадцати лет пошел в люди зарабатывать на хлеб. Батрачил. Затем два года прослужил в Войске Польском. После демобилизации женился и обосновался в селе Глинном на Ровенщине.

В 1939 году, после воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с советскими республиками, Шепшинский был назначен заместителем председателя сельпо в селе Глинном Ракитнянского района. На этой работе и застала его Великая Отечественная война.

Шепшинского зачислили в техническую роту 9-го железнодорожного батальона. Работы хватало. Не успеют восстановить железнодорожный путь в одном месте, а фашисты уже. разбомбят в нескольких новых местах. Советские войска отходили на восток. С ними откатывался и железнодорожный батальон. Однако дальше Полтавы уйти не удалось. Попали в окружение. Шепшинский попытался с товарищами пробиться через линию фронта. Их постигла неудача. Тогда оставшиеся в живых повернули на запад, в леса. Добрались на Ровенщину. Здесь Петра ждала страшная весть. Немцы уничтожили всю его семью. Тогда он и двенадцать его товарищей ушли в леса. К ним присоединились еще несколько человек.

В декабре 1942 года я с группой разведчиков взорвал железнодорожный мост у Дубровицы и возвращался в часть. На пути мы встретили Шепшинского и его товарищей. Они попросились к нам. Так Петр Моисеевич оказался среди ковпаковцев.

Новичков зачислили в пятую роту. Шепшинский воевал рядовым, командиром отделения, а затем его назначили старшиной роты. Нелегкая это должность в партизанских условиях. Надо людей накормить, одеть, обеспечить боеприпасами, раздобыть для раненых медикаменты, создать необходимые запасы. Все это на совести старшины. Надо сказать, Петр Моисеевич оказался хорошим хозяйственником и смелым воином. Партизаны полюбили старшину и, несмотря на разницу в возрасте, называли его по-свойски Петей.

Леонид Прутковский рассказывал, как однажды командир роты, бывший бухгалтер Степан Ефремов, отчитывал за это старшину.

— Ты кто есть? — подражая Чапаеву, спрашивал Ефремов и тут же отвечал: — Ты есть старшина пятой героической роты. А что это значит? Это значит, что ты есть мой боевой помощник по тылу! Как же ты позволяешь подчиненным называть себя Петей? Ты для них не кто иной, как старшина Петр Моисеевич! Понятно?

— Товарищ командир, бойцы меня слушаются. Называют, как им нравится. За шо ж я на них буду обижаться? — отвечал старшина.

— Я знаю, что говорю! Не хочу, чтобы моего боевого помощника называли, как мальчишку, Петей. Су-бор-ди-на-ция! Понимать надо! — внушал ротный.

Правда, от этого разговора ничего не изменилось. Шепшинского продолжали называть Петей. Да, видно, ему и самому нравилось такое обращение.

Когда же у Ефремова роту принял Ларионов, Шепшинский привязался к молодому, энергичному командиру и заботился о нем. Не удивительно, что теперь так тяжело переживал гибель Виктора Игнатьевича.

Низенький, круглолицый, с чуть отвисающей нижней губой, обычно веселый балагур, Петр Моисеевич стоял сейчас как пришибленный. Как его подбодрить? Нет таких слов, которые бы смягчили утрату.

— В каждом бою мы теряем людей. Ларионов не первый и, к сожалению, не последний. Войне еще не видно конца, — попытался я успокоить старшину, но это только подлило масла в огонь.

— Шо ж ты хочешь, чтобы я забыл Витьку? Кто я, по-

твоему? — ощетинился Шепшинский. — Я им Витьку-комэска не прощу!

— Никто не заставляет тебя забывать товарища, — начал я злиться. — Мы должны помнить тех, кто отдал жизнь за Родину. Ты думаешь, мне или другим легче? Но и руки опускать не следует…

— А я шо, руки опустил? — перебил меня Шепшинский. — Да? Я рук не опустил. Рано еще опускать. Я проклинаю войну. Будь прокляты фашисты! Уничтожать их надо. Безжалостно. Коля Гапоненко пожалел… Патроны кончатся — зубами буду грызть. Они мне за все ответят.

Большой ценой достается нам победа в каждом бою. В обозе накопилось около двухсот раненых.

…Противник подтягивал все новые части. За нами увязались некоторые подразделения немцев, выделенные для преследования отрядов генерала Наумова. Не проходило дня без боя.

На следующую дневку мы расположились в лесных деревушках Хмелек и Лукова Билгорайского повята. Только успели выставить заставы, как на оборону второго полка немцы повели наступление из Билгорая. Бой не прекращался весь день. Гитлеровцы на этот раз действовали очень напористо. Пользуясь численным превосходством, они трижды приближались вплотную к деревне. Казалось, еще одно усилие, и им удастся сломить сопротивление партизан.

Но в самые критические моменты, когда враг уже готов был торжествовать победу, командир второго полка Кульбака вводил в бой свой резерв, поднимал подразделения в контратаку и всякий раз отбрасывал противника. Особенно успешно действовали роты батальона Шолина.

Встретив упорное сопротивление партизан, гитлеровцы несколько поостыли. В их действиях почувствовалась нервозность, атаки стали менее напористыми и легко отражались партизанами. К вечеру гитлеровцы и вовсе прекратили наступление.

По сведениям жителей Хмелека, мобилизованных для вывозки трупов, на поле боя подобрали около пятисот гитлеровцев.

В руки партизан попал дневник немецкого фельдфебеля Вальтера Краузе, участвовавшего в бою за Хмелек. Вот некоторые из записей.

«27 февраля 1944 года. Вчера наступали на Кособуды. Получили по носу. Офицер говорит: в селе укрепилась банда… Рассчитывали на легкую победу. Встретили упорное

сопротивление хорошо вооруженной части. Бандиты носят погоны. Франк говорит, что это — русский десант. И результат: потеряли бронетранспортер, убито 23, ранено 13. Говорят, француз и бельгийцы из экипажа бронетранспортера сдались в плен. Ночью с самолетов русские выбросили десант. Мы готовились утром повторить наступление. Но в Кособудах никого не оказалось. Исчезли, как духи… День прошел спокойно. Я жив. С нами бог.

2 марта. Несколько дней не дотрагивался до дневника. Все время в движении. Потеряли следы красного десанта. (Командиры утверждают, что это банда, но мы не дураки, понимаем, что имеем дело с десантом.) У них одна дорога, а у нас десять… На рассвете 1 марта нас подняли по тревоге, посадили в машины и повезли. Куда — не говорят. Через несколько часов остановились. Оказывается, разведка нащупала русских. Они заняли Домбровицу Дужу и Ожанны. Приказано уничтожить. Одно дело приказ, другое — его выполнение. Если бы все приказы выполнялись — давно бы ни одного русского не осталось в живых. А мы никак не справимся с одним десантом… Задумано было грандиозное наступление. Кроме дивизии «Галичина» и нашего батальона, в бою участвовали: школа танкового полка, татарский и азербайджанский легионы (тоже нашли вояк! Так и смотрят, как бы к партизанам перебежать), 26-й эсэсовский полк и подразделения других частей. Поддерживали танки. Мы, наученные опытом, не лезли на рожон. Потери незначительные. (Жаль Франка, погиб, бедняга.) Зато курсанты школы наступали рьяно и почти полностью погибли. Казаки изрубили их шашками.

Поляки поддерживают русских. Нас боятся и ненавидят. Распускают слухи, якобы вчера ночью русские выбросили крупный десант: пехоту, артиллерию, танки и кавалерию. Не верю! Людей, груз, орудия — верю. Возможно, и танки. А кавалерию — это уж слишком…»

На этом записи обрываются. В дневнике довольно точно отражены события последних дней. Дневник примечателен и тем, что в нем нет того высокомерия, той уверенности, которыми были заполнены дневники немецких офицеров год — два тому назад. Тогда записывались успехи и надежды на скорую победу. Теперь же о победе — ни слова… От дневника веет унынием и тоской.

Слухам о высадке крупного советского десанта, распространяемым поляками, поддавалось даже гитлеровское командование. В оперативной сводке специального отдела при штабе германских вооруженных сил, ведающего изучением партизанского движения на Востоке, от 1 марта 1944 года, в

частности, говорилось:

«Сильные, хорошо вооруженные крупные соединения советских партизан, подкрепленные, по-видимому, армейскими подразделениями, имеющими на вооружении артиллерию, танки и самолеты, проникли на территорию польского генерал-губернаторства. Проводя многочисленные акты саботажа, особенно на основных путях подвоза, отряды сумели пробиться до Сана, близ Перемышля и Летайска, где и закрепились в лесистой местности вокруг Билгорая. Отсюда они угрожают железным дорогам Перемышль—Люблин, Люблин—Львов, а также ряду важных военных и промышленных предприятий»[18].

А немецкий военный обозреватель генерал Дитмар добавлял: «В тылу германской армии образовался численно сильный враг. Деятельность вражеских отрядов создала серьезные препятствия германскому командованию в снабжении фронта и передовых линий, став в конце концов бичом этих районов».

Гитлеровцы понимали, какую угрозу их тылам представляет наше соединение. Поэтому не оставляли нас в покое. Бои становились все труднее. К тому же погода была неустойчивая: то снег, то дождь. Дороги совсем испортились. Обоз с ранеными продолжал расти. Все это сковывало нашу подвижность.

Дивизия, избрав районом своих действий Люблинское и Жешувское воеводства, с густой сетью железных дорог, продолжала маневрировать на территории Билгорайского, Томашувско-го, Сенявского и Цешанувского повятов. Десятки групп подрывников ежедневно уходили на задания. Взвод разведчиков Барсукова пустил под откос эшелон с грузом, устроил засаду и уничтожил автомашину и находившихся в ней офицеров.

Второй полк под командованием Кульбаки совершил нападение на гарнизон противника в Краснобруде. Гарнизон был разгромлен. Убито 40 и пленено 47 гитлеровцев. Остальные разбежались и были выловлены партизанами Блыскавицы…

— И малые удары заставляют немецкую военную машину работать с перебоями, — говорил Петр Петрович. — Кроме больших потерь, малые, но частые удары держат врага в постоянном страхе, заставляют его нервничать, опасаться каждого куста. Одним словом, подрывают его боевой дух.

Действительно, так и было. Стоило партизанским минерам активизировать действия на железных и шоссейных дорогах, как враг ослаблял удары по главным силам дивизии. Но затем, опомнившись, он с еще большим остервенением бросал свой войска против партизан.

До сих пор мы избегали боев одновременно со всей

карательной группировкой немцев, сосредоточенной против нас, громили ее по частям. Последнее время чувствовалось — назревает серьезный бой.

— Фашисты слишком обнаглели. Видно, решающего боя не миновать, — сказал Вершигора.

И бой грянул.

Еще до рассвета 6 марта обоз рассредоточили и замаскировали по дворам уже знакомых нам селений Кособуд, Верховцев, Зажечья… Ночью выпал снег, пришлось маскировать следы на дороге. Однако, как только взошло солнце, самолет-разведчик нащупал наше расположение.

После завтрака мы с Бакрадзе собрались в штаб дивизии.

— Погода летная, — щуря глаза от ослепительного солнца, сказал Давид, когда мы вышли на крыльцо.

— Нашел чему радоваться, — ответил я. — Видишь, «костыль» носится над деревней. Хоть бы на один день самолеты оставили нас в покое.

Выехали со двора, повернули направо. Ездовой Валерий пустил лошадей рысью. Отъехали порядочно, и тут я спохватился, что автомат оставил в штабе полка.

— Эх, кацо, мой всегда при мне! — засмеялся Давид, поглаживая ладонью приклад автомата. — Бой сегодня обязательно будет. Видишь, у меня глаз танцует?

Я посмотрел: глаз действительно дергался. А это уже верный признак: бой будет непременно. Проверено многократным опытом. Такой уж глаз у Давида. Эта примета многих удивляла. Некоторые были склонны считать Бакрадзе предсказателем. Ответ же был прост. Во-первых, бои приходилось вести ежедневно. Во-вторых, Бакрадзе знал обстановку глубже, чем остальные командиры в полку. Он отвечал за судьбу сотен людей. Это требовало большого напряжения и сказывалось на его нервном состоянии. Каждый по-своему реагировал в ожидании боя. Мне, например, перед боем очень хотелось курить, У Бакрадзе глаз «танцевал».

Я хотел было вернуться за автоматом, но подумал: «Обойдусь пистолетом». К тому же штаб в этом селе — долго не задержимся. А возможно, вообще обойдется без боя.

Однако получилось не так, как мне хотелось.

Подъезжая к штабу дивизии, мы услыхали стрельбу на заставе второго батальона.

— Ну, Давид, началось — сказал я. — Твой глаз и на этот раз не ошибся.

— Гони прямо, — приказал Бакрадзе ездовому.

Валерий хлестнул вожжами по бокам лошадей, и они

сорвались в галоп. Проезжая по селу, я заметил, как напуганные стрельбой жители убегали с улиц во дворы и со страхом выглядывали из-за заборов и плетней.

Промелькнул дом штаба дивизии. Впереди окраина села. Дальше ехать нельзя. Остановились и соскочили с саней.

— Привези автомат, — сказал я ездовому. Он развернул лошадей и погнал их обратно, а мы пошли вперед.

У крайних домов встретили связного от Тютерева.

— Танки! — выпалил он, как только увидел нас.

— Много?

— Пока три и человек пятьсот пехоты.

— Где комбат?

— Там, — связной указал на домик и несколько сараев, стоявших на отшибе.

Открытый участок преодолели короткими перебежками. Пробрались к домику и увидели танки и пехоту противника. Они под прикрытием артиллерийского и минометного огня надвигались на жидкую оборону второго батальона. Пулеметчики и автоматчики немцев держали под обстрелом заставу Тютерева.

Партизанские роты экономили патроны. Огонь вели лишь бронебойки и станковые пулеметы.

Противник не встречал особого сопротивления и смело продолжал наступать. Основные усилия гитлеровцы направили вдоль дороги, где оборонялась третья рота Гриши Дорофеева.

Подпустив немцев метров на сто пятьдесят, партизаны открыли огонь из всех видов оружия. В это время раздались взрывы. Два немецких танка подорвались на минах. Настроение партизан поднялось. Усилили огонь и заставили немецкую пехоту залечь, а затем отбросили к лесу.

Тютерев торжествовал. Удивительный человек Александр Филиппович. Много раз я видел комбата в бою и всякий раз удивлялся его поведению. Он секунды не оставался на месте: ложился, но тут же вскакивал, пригнувшись, пробегал вдоль цепи, часто приседал, хлопал себя по бедрам, бурно выражал восторг, каждой удаче радовался, стоя стрелял по убегавшим немцам и весело выкрикивал:

— Захватили Кособуды! На-кось, выкуси! Двух «коробочек» не досчитались. Спины показали… Федор Васильевич, подсыпь им жару, — приказал Тютерев пулеметчику Звягину, хотя тот и без этого бил длинными очередями.

Саша знал по имени и отчеству всех бойцов и командиров батальона и при удобном случае старался подчеркнуть это.

Такой уж был сибиряк Тютерев.

— Рано торжествуешь, Саша, — постарался я охладить

командира батальона. — Не бравируй — пулеметной очередью срежут.

— Ничего, главное — отбить первую атаку, а там пойдет как по маслу. Лиха беда — начало, — ответил Тютерев, но все же лег рядом со мной и, протягивая кисет, предложил — Закури сибирской…

Не успели докурить самокрутки, противник обрушил ураганный артиллерийский и минометный огонь по всей нашей обороне. И на этот раз больше доставалось роте Дорофеева. Пехота противника вновь поднялась в атаку. Теперь силы немцев увеличились примерно на батальон. Расширился фронт атаки.

Бой накалялся. Видимо, фашисты решили любой ценой прорваться в село. А цена действительно велика. Об этом свидетельствовали трупы гитлеровцев: с каждой минутой их все больше оставалось на заснеженном поле.

— Дорофеев рукопашную ведет! — крикнул наблюдатель.

Около пятидесяти гитлеровцев ворвались в оборону роты.

За ними шло еще около двух рот. Шутки плохи!

— Отсечь остальных, — приказал Бакрадзе.

Рота Бородового ударила во фланг. Фашисты залегли. Это решило участь прорвавшихся гитлеровцев. Третья рота перебила их в рукопашном бою. Атаку и на этот раз отразили.

— Я пойду к Дорофееву. Надо его усилить бронебойками, — сказал Бакрадзе. — Кроме того, установлю связь с Сердюком.

Давид где ползком, а где короткими перебежками пересек открытый участок поля и скрылся за домами. Там его ждали неприятные вести. Рота понесла большие потери. Командир роты Григорий Иванович Дорофеев тяжело ранен. Его чуть ли не из-под танка вытащил Вася Полевой.

В рукопашной схватке партизанами роты было уничтожено тридцать с лишним фашистов. Одного захватили в плен.

Прежде чем начать новую атаку, противник подверг нашу оборону длительному артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. В селе занялись пожары. Загорелись постройки, возле которых мы находились. До трех рот карателей обошли нас справа, намереваясь отрезать роту Бородового от села.

Должен признаться, я всем нутром ненавидел оборону. Наступление — вот это да! Но уметь наступать — это еще не значит уметь воевать. Научись обороняться. И в каждом бою я учился…

— Саша, отводи роту на основную позицию, — приказал я Тютереву.

— Пробирайся сначала ты. Потом я оставлю взвод для

прикрытия, а остальных буду отводить. Там их встретишь и расположишь в оборону, — сказал Тютерев.

Отойти оказалось не так просто. Немцы были почти рядом и вели отсекающий огонь. Сто метров, отделявших нас от села, пришлось ползти по тропке, проторенной в снегу. И так досадно, а тут еще Тютерев шлет мне вдогонку насмешки:

— Что, начштаба, прищучило? Брюхом пашешь.

— Посмотрим, как ты оттуда будешь выбираться, — огрызался я.

Возле крайней хаты меня встретил Бакрадзе. И этот не упустил случая поддеть:

— Вано, как воюется без автомата? Думаю, такой глупости больше не допустишь… Получай свое оружие. Благодари Валерия.

Для меня это был второй урок. В первые дни войны я без малой саперной лопатки попал под танковую атаку. Танки надвигаются, а я лежу на поле, как на столе. Бойцы кругом копошатся, окапываются, а мне хоть сквозь землю провались! Тогда сошло. Танк не дошел до меня метров тридцать и был подбит… Это было давно, стал забывать. Но после этого второго случая я и шагу не делал без автомата…

— Положение, сам видишь, тяжелое, — продолжал Бакрадзе. — Просил подкрепление, комдив ответил: «Не жди». Куль-баке и Брайко приходится еще туже. Самолеты над ними висят непрерывно, бомбят. Вепшец и Зажечье горят…

— Палят и палят. Откуда только снаряды берут? — возмущался Петька Бычков.

— Откуда? Не понимаешь? На них вся Европа работает, — отозвался Даниленко.

— А наши артиллеристы все время экономят…

— Как бы эта экономия нам боком не вышла…

Обстановка складывалась не в нашу пользу. На один первый полк наступало свыше восьмисот гитлеровцев, поддерживаемых артиллерией, танками и авиацией, а на второй и третий и того больше. Противник решил запереть нас в трех селах, подтянуть свежие силы и уничтожить все соединение. Дивизию могла спасти только ночь. Надо было драться до темноты.

— Иди в штаб дивизии, доложишь обстановку и пришлешь одну роту Сердюка. У него, кажется, легче, — сказал Бакрадзе. — Заодно прихвати пленного, пусть там разберутся, что это за птица. Держит себя вызывающе, понимаешь, на вопросы Юрия не хочет отвечать.

— Я должен встретить роту Тютерева.

— Ничего, я встречу… Иди.

Прихватив пленного, я направился в штаб дивизии. На улице

не видно ни одного поляка. Видимо, все попрятались в погребах. В центре села группа ездовых толпилась вокруг раненого бойца. Тот с жаром объяснял им что-то. Подошел ближе и слышу: «Немец ворвался в село. Скоро нам крышка!» Услыхав эту новость, я просто оторопел. «Как так ворвались?!» — чуть не вскрикнул я, готовый поверить раненому, но вовремя сдержался. Ведь я-то знаю — немцев отбили… Поистине, для паники достаточно одного паникера.

— Кто вам сказал, что немцы в селе? — спросил я раненого, с трудом сдерживая ярость, кипевшую во мне.

— Сам видел… Нашего командира Гришку-артиста убили, — оторопело ответил раненый.

— Не этот ли немец ворвался в село? — указал я на пленного немецкого офицера. — Я сейчас оттуда. Противник отброшен. И командира своего вы рано хороните, он ранен, живой… Панику распускаете? Марш в санчасть! А вы что уши развесили? Раненому поверили. По местам, живо! — приказал я.

Ездовые со всех ног кинулись во дворы, а раненый растерянно и виновато посмотрел на меня, потом на пленного, хотел что-то сказать, но раздумал, махнул рукой и заковылял в санчасть.

Штаб дивизии и тылы были на колесах. Подводы стояли запряженные, готовые в любую минуту выехать. А в санитарной части кипела работа. Туда доставляли раненых. Санитарки и медсестры еле успевали перевязывать. Тяжелораненых сразу же заносили в дом, где хирург Скрипниченко и доктор Зима делали операции.

В штабе дивизии я доложил обстановку и попросил подкрепления.

— Помочь нечем, — сказал Вершигора.

— Тогда я сниму одну роту первого батальона и переброшу к Тютереву, — сказал я.

— Поздно. Я ее уже перебросил на западную окраину…

— Как же быть?

Вершигора долго не отвечал, потом повернулся к Ленкину, дивизион которого находился в резерве, и сказал:

— Пошли Годзенко с одним эскадроном в помощь Бакрадзе. Действовать по варианту номер один..

Ленкин молча вышел. Вслед за ним к выходу направился и я.

— Задержись на минутку, — остановил меня комдив.

— Мне надо еще в первый батальон, — ответил я.

— Там все в порядке. Сердюк занимает выгодную позицию. Да туда немцы не особенно лезут… Я тебе уже говорил: роту Бокарева перебросил на западную окраину села, чтобы прикрыть

правый фланг Тютерева, а заодно и тылы. Там у нас никого не было. А фрицы обходят второй батальон и угрожают штабу дивизии, — сказал Вершигора. — Задержись, послушаем пленного. Тебе может пригодиться.

Меня радовало, что все же подкрепление послали. Да и Тютерев может не опасаться за свой фланг…

Гитлеровский офицер вел себя на допросе самоуверенно и, я бы сказал, нахально.

— Какой части? — спросил переводчик Вальтер Брун.

— Голландской дивизии СС «Викинг», — с гордостью ответил пленный.

— Дивизия полностью здесь?

— Нет, лишь один полк. Остальные в другом месте.

— Какие части, кроме вашей, принимают участие в бою?

Пленный самодовольно начал перечислять номера уже знакомых нам 1, 22, 26 и 115-го полицейских полков, танковой роты.

— Эти части в полном составе участвуют сегодня в бою? — спросил Вершигора.

— Почти. Незначительная часть сил оставлена на охране железных дорог и других объектов, — ответил пленный, улыбнулся и добавил: — Но и тех, которые действуют, достаточно, чтобы покончить с вами раз и навсегда. Мы имеем точные данные, что у вас не более трех тысяч человек, из них около трехсот раненых… Предлагаю свое посредничество. Могу от имени командования гарантировать жизнь всем партизанам. Вы сражались отважно — это делает вам честь. Дальнейшее ваше сопротивление бесполезно. Напрасная трата человеческих жизней. Сейчас вы окружены тройным кольцом. У вас иного выхода нет, кроме как сложить оружие или погибнуть в бою.

— Вы так думаете? — спросил Вершигора, пристально рассматривая выхоленного гитлеровского офицера с самоуверенным и нахальным взглядом голубых глаз.

— Уверен!

— Но у нас есть еще один выход: разгромить врага, прорвать кольцо блокады…

— Не уверен, что вам это удастся. Вернее, уверен, что не удастся.

— С нами уже не раз пытались покончить, но не сумели. Вам надо было поговорить с офицерами двадцать шестого полоса. Это наши старые знакомые по Карпатам… Мы в свою очередь гарантируем вам жизнь, если вы укажете уязвимые места в группировке немецких войск, — сказал Вершигора и улыбнулся.

— Ничего смешного в вашем положении не вижу, — серьезно

сказал пленный. — Слабых мест нет. Прорваться невозможно. Да если бы были такие места, я бы все равно никогда не указал их.

— В таком случае найдем выход без вашей помощи, только тогда вы не можете рассчитывать на сохранение жизни.

— Поживем увидим, — неопределенно проговорил пленный гитлеровец.

— Чего вы с ним разговариваете?! Видать, заядлый фашист. Расстрелять его, — вмешался я в разговор.

— Не горячись, Иван Иванович, — сказал Вершигора, а потом обратился к пленному: — Вот майор предлагает расстрелять, но я этого не сделаю. Дам вам возможность лично убедиться в том, что мы найдем выход… Уведите его, — приказал комдив часовому.

— Видали, каков гусь? — сказал Петр Петрович, когда увели пленного офицера. Вершигора зашагал по комнате, по привычке засунул руки в карманы брюк. — Действительно, в нашем положении мало веселого… Офицер неглупый, мало таких нам попадается за последнее время, самоуверенных. Что ж, посмотрим. Передайте Бакрадзе, держаться до вечера!

Я возвратился в полк. Первым меня встретил взволнованный Тютерев.

— Два лучших пулеметных расчета, гады, уложили, — зло сказал он. — Один раздавили гусеницами танка. А Белов расстрелял все патроны, израсходовал гранаты и из пистолета пустил пулю себе в лоб. Смерть предпочел плену. Погибли Патрикей и командир отделения Митя Ежиков.

Эта весть потрясла меня. Пулеметчика Белова я знал давно как отважного воина. Воевал храбро и погиб как герой.

Партизаны дрались мужественно, однако положение второго батальона продолжало оставаться критическим. Атаки немцев следовали одна за другой. Вот-вот могла рухнуть вся оборона, и тогда для противника открывался путь к штабу дивизии и тылам, почти не имевшим прикрытия.

— Колесников, скачи к командиру дивизии и попроси помочь артиллерией, Что-то она молчит, — сказал Бакрадзе.

Юрий скрылся за домами.

К командиру дивизии Колесников влетел разгоряченный и сразу запальчиво выкрикнул:

— Артиллерию! Немедленно артиллерию на участок Бакрадзе!

— Бакрадзе артиллерию просит? — спокойно, даже удивленно, спросил Вершигора. — Не может быть! К вам эскадрон ушел.

— Вот именно, Бакрадзе! Если он просит, значит, иного выхода нет, — настаивал Колесников. — А эскадрона мы не

видели.

— Не видели, так услышите. Артиллерии вам дать не могу, — серьезно ответил Вершигора.

— Как хотите, но я без орудий отсюда не уйду. Положение тяжелое… Там ждут, — Колесников снял кубанку, сел на стул, давая понять, что не уйдет.

— Тяжелое, говоришь? М-да. Ну что ж, если так настаиваешь, — проговорил командир дивизии, почесал пятерней бороду, задумался, посмотрел на Войцеховича, затем на командира артиллерийской батареи Тюпова, улыбнулся и приказал: — Пошлите одно орудие.

Командир артбатареи удивленно уставился в глаза Вершигоре, намереваясь что-то ответить, но Петр Петрович не дал ему и рта открыть, отрывисто бросил:

— Выполняйте!

Тюпов растерянно козырнул и побежал к орудиям. Через несколько минут четверка кряжистых лошадей вскачь промчалась по улице, увлекая за собой семидесятишестимиллиметровое орудие. Впереди на быстроногом жеребце летел сияющий Юра Колесников.

— Берегитесь, фашисты! — выкрикнул он. — Сейчас получите.

По цепи понеслись радостные возгласы партизан: «Артиллерия! Артиллерия!»

Упряжка выскочила на пригорок, развернулась на месте. Артиллеристы проворно сняли орудие с передка. Лошадей укрыли за ближайшими сараями. Повеселевшие партизаны следили за четкими действиями орудийного расчета.

— Приготовиться к контратаке! — приказал Бакрадзе.

Приказ повторил Тютерев, а затем командиры рот, взводов, отделений. В воздух взвилась красная ракета — сигнал контратаки. Прогремел орудийный выстрел. Пехота поднялась и дружно бросилась на врага. Пулеметный и автоматный шквал дополняли гранатные взрывы и хлопки выстрелов из бронебоек. В тылу врага послышалось «Ура!» — это Александр Годзенко с эскадроном пробрался лесом и зашел гитлеровцам в тыл.

Противник не выдержал натиска партизан и отступил. Положение было восстановлено. Последующие попытки врага ворваться в село успешно отражались ковпаковцами…

После удачной контратаки Колесников подбежал к артиллеристам и спросил:

— Орлы, почему вы только один раз стрельнули? Поддали бы жару, мы бы с фашистами расправились похлеще.

— А чем? — в свою очередь спросил Вася Алексеев. — У нас

был всего один снаряд. Берегли на всякий случай.

— Как один? — оторопел Юра.

— Вот так, — проговорил заряжающий горьковчанин Ершов.

— Командир дивизии знает об этом?

— Конечно, знает.

— Знал и послал! — сказал растерянно Колесников. Ему вдруг вспомнилась хитрая улыбка Вершигоры, удивление и растерянность Тюпова. Выходит, командир дивизии послал орудие просто для поднятия духа партизан.

— Вот так да-а! — протянул Юра, вытирая кубанкой обильно выступивший на лбу пот. — Все равно молодцы, ребята. А о том, что снарядов нет, — ни гугу. Понятно?

— Чего уж там, ясное дело! — невесело загудели артиллеристы.

Как бы то ни было, а находчивость Вершигоры помогла партизанам одержать верх над сильным противником.

Об этом случае почти никто из партизан не знал. О нем стало известно лишь после того, как с самолетов сбросили нам новую партию боеприпасов.

Перед вечером прибежал связной Гриша Филоненко с радостной вестью. Второй и третий полки отбили все атаки противника и отбросили его от сел Вепшец и Зажечье.

— Все поле усеяно трупами фашистов. Танки горят, — весело выкладывал новости Филоненко.

— Откуда тебе известно? — спросил я связного.

— Сам слышал, когда докладывали командиру дивизии, — ответил он. — Подполковник приказал держаться до темноты, а затем будем прорываться…

О победе второго и третьего полков через несколько минут знали все партизаны. На душе стало легко и радостно.

— А мы что-хуже их? Выстоим! — говорили повеселевшие ребята.

Перед вечером прибежал старшина Боголюбов и сообщил, что исчез пленный немецкий летчик, которого мы захватили со сбитого самолета в селе Мосире.

— Как же ты его проморгал? — спросил я.

— Кругом кипел бой. Бомбежка… Не до пленного. Начали готовиться к маршу, тут я и кинулся. Смотрю — подвода без ездового. Я сюда-туда, а немца и след простыл…

— Вот вам и сын социал-демократа! — сказал Колесников. — Я вам тогда говорил, что нельзя ему верить. Социал-демократы всегда предавали.

— Побег пленного — не велика потеря. Беда в том, что он расскажет карателям о нашем тяжелом положении с

боеприпасами. Надо доложить в штаб дивизии, — посоветовал я Боголюбову.

Наступил вечер. К этому времени командир и начальник штаба дивизии наметили план прорыва, создали ударную группу, выделили заслоны… Все готово для начала действий. В этот момент в штаб дивизии пришел 57-летний старик, местный житель Станислав Сажинский.

— Могу товажишам показать дорогу, — предложил он свои услуги.

— В каком месте?

— Лясом, лясом проше пана-товажиша, — ответил старик.

— По карте в лесу дорог нет, одни овраги, — высказал сомнение Вершигора.

— Для германов нема, для товажишей есть…

— Проскользнуть среди боевых порядков вражеских войск без боя — это здорово! — сказал Петр Петрович. — Попробуем.

Глубокой ночью подразделения покинули пылающие Кособуды и втянулись в лес. Последним уходил батальон Ивана Сердюка.

В ночь на 7 марта лесными холмами и буераками, по еле заметной тропе, а местами и просто без дороги, дивизия вышла из вражеского кольца. Подошли к железной дороге Рава-Русская—Хелм. Пользуясь тем, что противник ослабил охрану железных дорог, мы выслали к ним минеров.

На железнодорожном переезде рядом со станцией колонна появилась настолько неожиданно, что противник не успел изготовиться к бою. Кавалеристы Ленкина перебили охрану и захватили воинский эшелон. Уничтожили паровоз, пять платформ с танками и восемь — с автомашинами. колонна еще шла через переезд, когда со стороны Замостья подошел состав с войсками. Саперы первого батальона успели заминировать дорогу и подорвать паровоз. С платформ открыли огонь немецкие танки. Один снаряд угодил в повозку. Погиб Юзек — отважный польский паренек, пришедший к нам в начале февраля.

Наконец железная дорога осталась позади, а с ней и главная опасность. Вершигора подъехал к санкам, на которых находился пленный гитлеровский офицер. Он сидел словно пришибленный. Куда только делись его высокомерие, самоуверенность, спесь и наглость!

— Теперь-то вы убедились, что были не правы? — спросил Вершигора.

— Кто бы мог подумать! — пробормотал упавшим голосом пленный. — Вы бы тоже так сказали, когда бы знали, сколько против вас сосредоточено войск.

— А мы знали. Наши разведчики не даром хлеб едят, — парировал Борода.

— Вы воюете не по правилам, — выложил свой последний козырь гитлеровец.

— Не к лицу вам, офицеру армии, вероломно напавшей на нашу страну, бросать нам такой упрек! — в обычно мягком голосе Вершигоры послышались стальные нотки. — Мстить зарвавшемуся врагу — вот наше правило!

— Хорошо. Я проиграл, — сдался пленный. — Но откройте секрет ваших успехов. Вас не так много, чтобы противостоять многим тысячам хорошо вооруженных моих соотечественников. Но вы побеждаете. Откуда у вас силы берутся?

— Вам приходилось слышать о Денисе Давыдове? — хитро прищурившись, спросил Вершигора. Он особую симпатию пи «тал к этому герою Отечественной войны 1812 года.

— Кто это? — переспросил удивленный гитлеровец.

— Не знаете? Жаль! Прежде чем напасть на Советский Союз, следовало бы поинтересоваться историей. Вспомнить Наполеона. Денис Васильевич Давыдов — это русский патриот, прославленный партизанский командир. Можно сказать, наш прадедушка. Он много неприятностей причинил армии Наполеона. На вопрос, подобный вашему, Давыдов ответил примерно так: «Успех сей определяется, кроме умения, внезапностью налета и горевшей в партизанских сердцах священной ненавистью к врагам отечества». Вас устраивает такой ответ?

— М-да, — промычал гитлеровский офицер и скис, окончательно потеряв всякий интерес к беседе.

Когда отъехали от повозки, на которой находились пленный и переводчик Вальтер Брун, адъютант командира дивизий Ясон сказал:

— Это вы здорово ему насчет Давыдова: умение, внезапность, ненависть. Но разве фашисты меньше ненавидят нас, чем мы их, или не умеют воевать? Почему в каждом бою их потери в десятки раз превышают наши?

Подобные вопросы я мне задавали многие партизаны. Действительно, почему?

— Кроме всего прочего, мне кажется, причина в характере действий, — сказал Вершигора. — На фронте, где все четко определено уставами и наставлениями, немцы — сильный, опытный и опасный враг. А к партизанской тактике они никак не могут подобрать ключей. Партизанских отрядов много, и что ни отряд, то своя тактика. Попробуй приноровись к каждому! Правда, нам зачастую тоже не сладко. Иной раз труднее, чем на

фронте. Резервов нет, средства ограничены, соседей, как правило, тоже нет. Кругом враг. Но у нас есть и преимущества. Мы сами выбираем объекты для нападений. Когда он нам не по зубам — не суемся туда. Главный наш козырь — внезапность и подвижность. Там, где нас нет сегодня, можем появиться завтра и не с той стороны, откуда нас ждет противник. Кроме того, мы не привязаны к определенной местности, которую бы должны удерживать любой ценой. На нашей стороне свобода маневра. Чем больший маневр, тем мы менее уязвимы. Партизаны не дают возможности противнику по-настоящему подготовить наступление. Не ждать, пока противник сосредоточит и введет в бой все силы, а бить его по частям — вот принцип наших действий. Уразумели? — спросил Вершигора.

— Представьте себе, если бы мы задержались в Кособудах еще на два-три дня, что бы получилось? — продолжал Петр Петрович. — Фашисты крепко-накрепко заперли бы все выходы и расправились бы с нами. Своим маневром мы спутали все их тщательно разработанные планы… То, что мы навязываем противнику бой в выгодных для себя и невыгодных для него условиях, обусловливает большие потери врага. Я уже не говорю о других факторах: стойкость нашего воина, преданность, всенародная помощь партизанам… В этом наша сила.

Вершигора подумал и продолжал:

— Гитлеровцы бросают против нас все новые и новые части Создается впечатление, что инициатива в их руках. На самом деле совсем наоборот. Мы своими активными действиями заставляем их это делать, приковываем к себе большое количество вражеских войск, срываем переброски резервов и грузов по железным и шоссейным дорогам, нарушаем работу немецкой администрации и тем самым облегчаем выполнение задачи нашими войсками на фронте. Чем больше сил врага сумеем отвлечь с фронта, тем лучше выполним свою задачу. Получается парадокс: чем нам труднее, тем лучше для дела. Думаю, немецкое командование, обозленное неудачами в последнем бою, усилит свою карательную группировку свежими частями. Этого мы и добиваемся. А кроме нашей дивизии, десятки партизанских соединений не дают покоя врагу. Представьте себе, сколько войск потребуется фашистам для борьбы с партизанами!

Я слушал Вершигору и радовался тому, что такую почетную задачу выполняем именно мы. И еще я радовался, что командует нами такой умный командир, как Петр Петрович Вершигора.

Вырвавшись из блокады, дивизия заняла круговую оборону в Гоще Ордынацкой и разослала мелкие группы для организации

засад и минирования железных дорог. За два дня этими группами, совместно с польскими партизанами, взорвано три железнодорожных моста, разгромлены два гарнизона в фольварках, сожжено два спиртозавода.

Эти операции на некоторое время сбили с толку немецкое командование. Фашисты потеряли нас из виду. Мы приняли грузы с самолетов, значительно пополнили запасы патронов, мин, снарядов, гранат и были готовы к новым боям.

Все же мы надеялись на передышку, хотя бы кратковременную.

Передышки не будет

Гитлеровцы нервничали. Еще бы! Перед боем в Кособудах, Вепшеце и Зажечье они хвастливо заявили, что партизаны находятся в «котле», из которого им не выбраться. Однако торжество гитлеровцев было преждевременным. Партизаны сумели вышибить дно «котла» и расстроить планы немецкого командования.

Если учесть, что фронт неудержимо приближался к польской границе, то можно понять нервозность противника. В этих условиях наше соединение, действовавшее на путях снабжения немецких фронтовых войск, было бельмом на глазах фашистского командования. Враг предпринимал спешные меры, чтобы избавиться от угрозы с тыла.

Критическими днями для нас были дни с 6 по 9 марта. Но мы знали, что и дальше противник не оставит нас в покое.

Вполне понятно, о передышке, так необходимой для нас, нечего было и думать. Уже на следующий день шестому батальону под командованием Цымбала пришлось выдержать тяжелый семичасовой бой в районе Здзиловичи Янув-Любельского повята. Стойко сражались партизаны и вынудили немцев отойти.

Враг спешил. И чем больше спешил покончить с партизанами, тем большие потери нес. Потери не смущали гитлеровцев. В бой бросались все новые силы.

Утром 10 марта первый полк перебрался из Отрочи в село Вискупе. Бакрадзе приказал мне идти в первый батальон, проверить расположение и уточнить задачу на оборону.

Первый батальон под командованием Сердюка был на хорошем счету в дивизии. Провел много боев. Совершал самостоятельные рейды.

— Ванюшку Сердюка я знаю хорошо, — сказал мне Бакрадзе. — В девятой роте он был у меня заместителем. Замечательный командир. Поручай любую задачу — выполнит.

Бакрадзе прав. Не было случая, чтобы первый батальон и его командир спасовали.

Зная характер Сердюка, я пошел не в штаб батальона, а на окраину села, где он согласно приказу должен выставить охранение. И не ошибся. Издали заметил комбата и ротного командира Степана Бокарева в окружений бойцов.

Увидав меня, Сердюк пошел навстречу и доложил:

— Ставлю задачу командиру первой роты по организации обороны.

Красивое смуглое лицо, черные усы и ослепительно белые зубы делали Сердюка похожим на цыгана. Да и вообще в нем, невысоком, гибком и подвижном, было что-то цыганское.

— Ну, как у вас тут? — спросил я.

— Все в порядке, позиция удачная.

Позиция и на самом деле удачная. По окраине села протекала речушка. Речушка невзрачная, но, видно, жители дорожили ею, расчищали и углубляли, отчего со стороны села образовался невысокий земляной вал. По берегам — два ровных ряда верб образуют аллею. Берега связывает рыхленький мостик. Местность впереди открытая, постепенно возвышающаяся. От села на Туропин уходит прямая проселочная дорога, в километре взбирается на бугор и теряется в кустарнике, за которым виднеется лес. Все это создает выгодные условия для обороны.

— Товарищ Бокарев, доложите свое решение, — потребовал комбат.

Командир роты Степан Бокарев — лет тридцати, крепко сбитый удивительно спокойный. У него широкое скуластое лицо. В разговоре и в движениях неторопливый.

Прежде чем начать доклад, Бокарев окинул спокойным взглядом местность, желая лишний раз убедиться в правильности принятого решения, и лишь после этого заговорил, делая особое ударение на «о».

— Первой роте приказано занять оборону вдоль этой речки и не допустить прорыва противника в село… Решил: боевой порядок построить в один эшелон. В резерве иметь одно отделение. Пулеметы поставить на флангах и в центре у мостика. Взвод противотанковых ружей держать при себе и бросать на направления, где появятся танки… Мостик разобрать…

Бокарев докладывал обстоятельно, в то же время избегая лишних слов. Видно, решение продумал основательно. В его докладе чувствовалась уверенность в себе и вера в подчиненных.

Выслушав доклад командира роты, мы с Сердюком предположили несколько «вариантов возможных действий противника. Ротный решения принимал быстро и грамотно. Посоветовали заминировать дорогу перед мостиком и отпустили Бокарева. Он поспешил к командирам взводов, ожидавшим его возле мостика. Предстояло поставить задачу взводам, указать каждому бойцу его место в обороне, отрыть индивидуальные окопы для стрельбы.

— Толковый командир, а на роте меньше месяца, — сказал Сердюк, когда мы остались вдвоем. — В бою спокойный. Упорный, как черт. За первую роту я спокоен. Народ надежный, не подведут.

— А как вторая?

— Во второй большинство молодежь, вернее новички. В боях показали себя хорошо. Да и то сказать — рядом с первой неудобно пасовать. Видите, слева? Они уже зарываются в землю.

— Кто же у тебя плохой?

— У меня плохих нет. Зачем они? Не все одинаково воюют, так это не потому, что не хотят, а потому, что не умеют. Не беда. Со временем научатся.

Сам Иван Трофимович Сердюк — бывалый воин. Воевать начал старшиной штабной батареи. Затем прошел ускоренные курсы командного состава. Ему присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром разведывательного взвода. Четырнадцать раз он пересекал линию фронта в районе Ярцево, Ельня, Дрогобуш, выполнял разведывательные задачи в ближайшем тылу врага.

В ноябре 1941 года его послали в глубокий тыл врага на разведывательную работу. Обосновался он на хуторе Говорунов Сумской области, где стал числиться Николаем Николаевичем Шелестом. Держал под своим контролем железную дорогу Бахмач—Конотоп—Ворожба. Добытые сведения передавал командованию Советской Армии.

Среди местного населения Сердюк-Шелест нашел себе помощников. Наиболее активно ему помогала Проня Новикова. Они сдружились. Дружба переросла в любовь. Прошло немного времени — поженились. К тому же им казалось, что создав семью, они будут вне подозрения фашистских властей.

Но вскоре заметили, что гитлеровцы стали принюхиваться к молодоженам. Настал момент, когда оставаться на хуторе было невозможно. Первое время Шелест скрывался, а затем ушел в партизанский отряд Ковпака. Там ему вернули настоящую фамилию — Сердюк.

Через два дня после ухода Сердюка к партизанам к дому Прони Новиковой пришли полицаи. Пока они стучали, Проня выпрыгнула в окно, огородами пробралась в лес и через несколько дней была в партизанском отряде. Здесь они вновь встретились.

Гитлеровцы таскали на допросы хуторян. Но ни угрозы, ни пытки, ни обещания вознаградить не дали никаких результатов.

Шелест и Новикова как в воду канули.

Вот уже более двух лет Проня и Иван Сердюк бок о бок отважно сражаются в партизанском отряде. Проне предложили работать в санитарной части. Отказалась.

— Останусь в роте, там тоже нужны санитарки… Мне кажется, пока я рядом с Иваном, ему ничто не грозит, — сказала

она.

До сих пор сбывались желания Прони. Иван — жив и здоров, зато она дважды была ранена…

Иван Трофимович командовал взводом, был заместителем командира роты, командиром роты. Теперь ему вручили батальон.

…Бокарев поставил задачу взводам. Но взводные не успели еще своих людей расположить в оборону, а наблюдатели подали сигнал «тревога!»

— У, черт, мотоциклисты! — выругался Сердюк. — Не дадут подготовиться как следует. Ложись! Замри!

Партизаны, где кого застала команда, попадали на землю. Лег и я. Осмотрелся по сторонам. Там, где мгновение назад копошились бойцы, сейчас никаких признаков их присутствия. Вокруг все замерло. В наступившей вдруг тишине до слуха донеслось тарахтенье мотоцикла. Я перевел взгляд на дорогу и увидел метрах в восьмистах спускающихся с горки два мотоцикла с колясками. Вот они замедлили движение, остановились. Дали пулеметную очередь в сторону села. Обычный прием трусливых разведчиков: на большом расстоянии вызвать на себя огонь. Партизаны не ответили. Гитлеровцы, видно, поверили, что в селе никого нет. Поехали смелее.

— Подпустить. По моей команде стреляют только пулеметчики Соснин и Грамотин, — донеслось до меня распоряжение Бокарева.

«Молодец. Не хочет преждевременно раскрывать свои силы», — отметил я про себя.

Тем временем гитлеровцы, ничего не подозревая, подъезжали к мостику. На каждом мотоцикле по три человека и одному пулемету. Когда до моста, где притаились партизаны, оставалось меньше пятидесяти метров, один из гитлеровцев истерически закричал. Видимо, заметил западню. Мотоциклы газанули, развернулись на сто восемьдесят градусов и помчались.

— Огонь! — выкрикнул Бокарев.

Ждавшие с нетерпением этой команды Грамотин и Соснин ударили из пулеметов. Один мотоцикл резко вильнул, наскочил на кочку и опрокинулся. Колясочное колесо продолжало крутиться в воздухе. Второй на полном газу удирал. Но скоро и его настигла пулеметная очередь Соснина.

— Декунов, вышлите отделение. Живых притащить. Мотоциклы убрать! — командовал ротный. — Остальным — занять свои места. Быть готовыми встретить противника.

Человек десять во главе с Декуновым перемахнули через речушку и устремились к мотоциклам. Все гитлеровцы были

мертвы. Партизаны подобрали оружие, сняли пулеметы, а мотоциклы притащили и столкнули в речку.

Все это проделали быстро. И когда из кустов выскочили два грузовика с немцами в сопровождении броневика, партизанская оборона вновь замерла.

Противник спешил на помощь мотоциклистам, рассчитывая, что бой идет в селе. Вот первая машина поравнялась с местом, где валялись трупы мотоциклистов, и резко затормозила. Послышались выкрики. Гитлеровцы, как горох, посыпались из грузовика. Их примеру последовали немцы на второй машине.

— Эх, оплошность допустили, — с досадой проговорил Сердюк. — Трупы не убрали. Всыплю я этому Декунову. Все дело испортили. Теперь медлить нельзя.

И, как бы почувствовав настроение комбата, Бокарев, скомандовал:

— По фашистам, огонь!

Каратели попадали под пулеметный и автоматный огонь первой роты. По машинам и броневику ударили бронебойки. Грузовики развернулись и под прикрытием бронемашины и пехотного огня начали уходить за бугор. Однако скрыться удалось лишь одному. Второй был подбит и загорелся.

Гитлеровцев было человек пятьдесят. Они не рискнули наступать на село. Наоборот, начали пятиться к оголенным кустарникам. А когда задымилась бронемашина, подбитая партизанскими бронебойщиками, поднялись и побежали…

— Начало удачное, — повеселел комбат.

Да, это было только начало. Через полчаса мы заметили накопление пехоты противника в кустах. Послали командиру полка донесение о подготовке немцев к наступлению.

Обстреляли фашистов из минометов. Они ответили мощным артиллерийским и минометным налетом по селу. Снаряды и мины рвались далеко позади обороны первого батальона. В Бискупе возникли пожары.

Судя по силе артиллерийского огня, гитлеровцы готовились к серьезному наступлению.

Около десяти часов утра, не прекращая артиллерийского и минометного обстрела села, из-за высотки высыпали цепи гитлеровцев.

— Не меньше батальона, — определил Сердюк. — Ты здесь будешь? Тогда я пойду во вторую роту. Видно, каша заваривается надолго.

Противник обрушил ураганный огонь из пулеметов и даже автоматов с дальней дистанции и повел наступление, частью сил обходя первый батальон справа. Мы не отвечали.

Я подполз к Бокареву. Он спокойно наблюдал за приближающимися цепями вражеской пехоты.

— Жаль патронов, — повернувшись ко мне, проговорил Бокарев. — Мы бы им показали кузькину мать. Да и так они легко не отделаются. Вот только бы не обошли справа. За фланг взвода Деянова беспокоюсь.

— Там должен быть Тютерев, — ответил я.

— Хорошо, если они успели занять оборону… Что-то там никого не видно…

И как бы успокаивая Бокарева, справа, захлебываясь, застрочил «максим». Несколько гитлеровцев упало, остальные продолжали идти, увязая в грязи. Шли они в полный рост.

Чем ближе противник, тем нетерпеливее вели себя партизаны. Это не ускользнуло от внимательного взгляда командира роты.

— Рота, приготовиться! — передал он команду вправо и влево по цепи.

Бойцы зашевелились, начали подползать к брустверу и прилаживать оружие для стрельбы. Когда стало возможным различать лица врагов, из расположения второй роты одна за другой взвились две красные ракеты. Это Сердюк подал сигнал: «Открыть огонь!» Не успели догореть ракеты, а партизанская оборона, более чем на двухкилометровом фронте, ощетинилась десятками пулеметов и сотней автоматов. Послышалась яростная стрельба справа — на участке второго батальона. Гитлеровцы плюхнулись прямо в грязь и были видны, как на ладошке.

Оглушив внезапным пулеметным и автоматным шквалом и заставив противника залечь, партизаны перешли на прицельный огонь короткими очередями и одиночными выстрелами. Били на выбор. Враг нес большие потери.

Скоро немцы пришли в себя, возобновили обстрел первой роты и короткими перебежками настойчиво приближались к речушке. Нескольким группкам удалось пробраться к партизанской обороне на бросок гранаты. Здесь они начали закрепляться. К ним подползло еще человек двадцать. Их артиллерия сосредоточила огонь по центру обороны первой роты, прокладывая путь для пехоты в направлении мостика. Стало ясно: противник в этом месте наметил прорыв нашей обороны.

Перед первой ротой накопилось около двухсот гитлеровцев. Они в течение некоторого времени держали партизан под непрерывным обстрелом, затем поднялись и с криками побежали вперед. Мы расстреливали их с близкого расстояния. Во фланг атакующим ударили пулеметчики второй роты.

Каратели потеряли около половины своего состава и, не

добежав до речки всего метров пятнадцать-двадцать, залегли. Но мы не дали им закрепиться, заставили отползти.

Заметив отход противника, наиболее ретивые бойцы бросились преследовать, но я приказал вернуть их.

Первая атака окончилась для фашистов катастрофой. Они вынуждены были отойти в исходное положение за бугор. Пользуясь передышкой, мы с Бокаревым обошли роту. У нас потери были незначительные. Партизаны чувствовали себя уверенно, некоторые даже шутили, смеялись над тем, как ловко отбили атаку.

— Дали фрицам жару! Сегодня больше не полезут. Можно устроить перекур с дремотой, — радовался пулеметчик Грамотин.

— Перекур устроить можно, а насчет дремоты — повремените, — охладил его пыл Бокарев. — Проверьте оружие, дозарядите магазины. Бой еще не кончился.

— Да куда им, товарищ командир? — стоял на своем пулеметчик. — Посмотрите, сколько их валяется? Почитай, больше сотни. Это ж нахальство надо иметь — так людьми разбрасываться.

Немцы с повторением наступления не торопились. Это настораживало. Одно дело, когда за первой атакой сразу же следует вторая, здесь все ясно. Силы врага могут увеличиться не намного. Введут в бой резерв и все. Совсем иное дело, если противник не спешит. В этом случае жди значительного усиления наступающей группировки. А в том, что каратели будут наступать, мы не сомневались. Хорошо были видны группки вражеской пехоты, перемещавшейся вдоль опушки кустарника. Оттуда же доносилось глухое рычание моторов.

— Не иначе как танки подтянули, — высказал предположение Бокарев.

Проверили расположение роты. Расставили бронебойщиков, заставили глубоко зарыться в землю. Раненых отправили в санчасть. В селе усилиями жителей и партизан потушили пожары.

Из второй роты возвратился Сердюк.

— Там все в порядке, даже раненых нет. Им по легче, — сказал довольный комбат.

Лишь через два часа фашисты осмелились повторить наступление. Затевался нешуточный бой. Противник против первого полка бросил свыше двух батальонов при поддержке трех танков. И артиллерийская подготовка на этот раз была намного мощнее.

Как только гитлеровцы вышли из кустарника, над Бискупе появились три немецких бомбардировщика. Взрывы бомб сотрясли землю. Вновь загорелось село. Израсходовав запас бомб,

самолеты снизились и начали прочесывать улицы из пулеметов. От бомбежки и обстрела погибло несколько местных жителей.

Противник наступал на широком фронте, обходя первый батальон справа и слева. Обстрел обороны, как и при первой атаке, начал с дальнего расстояния. На этот раз и партизаны решили не подпускать близко наступающих. Первыми вступили в единоборство с фашистами станковые пулеметы и противотанковые ружья. По мере приближения вражеской цепи в бой вступали ручные пулеметы и снайперские винтовки. Несколько попаданий по танкам хотя и не принесли им вреда, но заставили танкистов держаться на большем расстоянии.

Когда гитлеровцы подошли метров на триста, партизаны открыли огонь из всех видов оружия. Из глубины села ударила наша артиллерия. Снаряды начали рваться в самой гуще фашистской пехоты. Каратели сделали бросок, чтобы выйти из зоны артиллерийского огня, тут-то их и косили автоматчики и пулеметчики первого батальона.

Вспыхнула жаркая перестрелка на флангах. Справа начал бой батальон Тютерева, а слева — батальон Шолина из второго полка.

Чувствуя свое превосходство в силе, немцы продолжали наращивать удар. Артиллерия и минометы сосредоточили огонь по центру обороны батальона Сердюка. Видно, и на этот раз они решили прорваться именно здесь.

Бой накалялся. Когда он достиг наибольшего напряжения, пулемет на правом фланге первой роты замолчал. Сначала мы подумали: пулеметчик меняет ленту. Но минуты летели, а пулемет молчал. Ободренные этим, фашисты ринулись к речушке.

— Косиченко, узнай, почему молчит пулемет! — приказал Бокарев оказавшемуся рядом пареньку — связному командира полка.

Прикрываясь земляным валом, связной устремился на правый фланг. Мы с тревогой следили, кто первым добежит к пулемету: связной или гитлеровцы…

— Грамотин, Соснин — преградите путь противнику! — подал команду Степан своим подручным пулеметчикам.

Пулеметчики дружно ударили по фашистам и заставили их залечь метрах в тридцати от речки. В этот момент заработал молчавший до сих пор пулемет. Вырвавшиеся вперед фашисты не выдержали и попытались отскочить назад, в ложбинку. Но ни одному не удалось спастись. Все они остались лежать на луговине.

Бокарев ругался, обещал «всыпать» пулеметчику, допустившему оплошность, которая чуть было не обернулась

катастрофой для батальона, а возможно и для всего полка.

— Я ему покажу, как эксперименты проводить! Захотелось ему подпустить вплотную, — ругался командир роты.

Выполнить свои угрозы ротный не сумел. Бой шел, а связной не возвращался. И лишь после боя мы узнали причину молчания пулемета.

Когда посланный Бокаревым связной добежал до места, то увидел мертвого пулеметчика. Косиченко, не раздумывая (для этого не было времени), лег за пулемет и начал сокрушать наседавших фашистов. Вот тогда ему пригодились знания, полученные у опытного пулеметчика Грамотина…

Узнав о смерти пулеметчика, командир роты снял шапку и тихо проговорил:

— Прости, друг…

Бой не прекращался весь день, но в действиях немцев уже не было той решимости, с которой они начинали. Все их попытки продвинуться вперед пресекались в самом начале.

Особую похвалу командира заслужил Валя Косиченко. Умелыми и решительными действиями он во многом способствовал срыву атаки противника…

Близился вечер. Подразделения дивизии уже готовились к выступлению, а нам так и не пришлось отдохнуть. Даже пообедать не было времени. Теперь старшины прикидывали, как одновременно накормить за обед и ужин.

— Оставьте прикрытие и снимайте батальон, — сказал я Сердюку и поспешил в штаб.

Колонна начала вытягиваться из Бискупе. В это время возобновилась стрельба в районе села Закжев. Прискакал связной и доложил, что на оборону второго полка из Высоке наступает до тысячи гитлеровцев с танками. Видимо, не добившись успеха в бою за Бискупе, немцы подтянули свежие силы и решили попытать счастья на другом направлении. Или же запоздали и одновременного удара у них не получилось.

Момент враг выбрал удачный. Партизанская дивизия сняла почти всю оборону и еще не успела выступить на марш. Занимать снова оборону — не успеем. Но и уходить, имея на хвосте крупную группировку противника, не разумно. Надо было быстро принять решение. И Вершигора с Войцеховичем нашли выход. Приказали дивизии начать движение, а второму полку, оставаясь на своих позициях, отразить наступление, затем ночью незаметно выйти из боя и догнать колонну главных сил.

Этот замысел удался. Кульбака прекрасно справился с задачей. Используя излюбленный партизанский прием, он приказал батальонам подпустить врага и нанести ему

сокрушительный огневой удар. Так и сделали. Когда противник, понеся большие потери, откатился, Петр Леонтьевич снял полк, совершил марш-бросок и в полночь присоединился к колонне.

Очередной переход был очень напряженным. Предстояло преодолеть шоссе Красныстав—Люблин и железную дорогу Хелм —Люблин.

Роберт Клейн доложил, что в Волю Идзиковскую прибыло около двух тысяч гитлеровцев. Это была большая угроза. К нашему удивлению, этот гарнизон испугался ночного боя и промолчал, сделал вид, что не заметил нас. Да мы и не сожалели об этом.

Перед шоссейкой Вершигора остановил колонну, решил дать передышку людям и лошадям, чтобы как можно стремительнее преодолеть шоссе, а затем железную дорогу. Пока мы отдыхали, третий полк выставил заслоны на шоссе, а второй на «железке».

На шоссейной дороге рота Арутюнова неожиданно столкнулась с фашистами, ехавшими на автомашинах. Партизаны первыми открыли огонь. Каратели успели высадить две роты — около двухсот человек. Вспыхнул короткий бой. Противник потерял около пятидесяти человек, две грузовых и одну легковую автомашины, не выдержал и бежал. После мы узнали, что немцы следовали из Красныстава на девяноста автомашинах, с партизанами столкнулись неожиданно и, не зная наших сил, отошли.

Колонна главных сил без особых приключений пересекла шоссе и поспешила к железной дороге. В это время со стороны Люблина послышался грохот приближающегося эшелона. Подразделения второго полка только что вышли к месту и не успели заминировать дорогу и изготовиться к бою. По эшелону открыли беспорядочную стрельбу. Поезд под самым носом проскочил невредимым.

Стрельба всполошила гарнизон в Травниках. Скоро оттуда подошли немцы. На этот раз им был организован достойный прием. Как всегда, кульбаковцы действовали смело и решительно. Уничтожили 22 гитлеровца, остальных отбросили в Травники. Затем уничтожили связь, разрушили сто метров железнодорожного полотна.

Оставив позади шоссейную и железную дороги, партизанская дивизия вышла в лесистый район. На отдых остановились в селах Добромысль, Кулик, Майдан, Стренчин. Однако и здесь враг не оставил нас в покое.

В середине дня 11 марта около 1500 гитлеровцев при поддержке танков повели наступление на Добромысль, где располагался первый полк. Основная тяжесть пала на первый

батальон. Бой был жестоким. Противник повторял атаку за атакой.

Труднее всего пришлось взводу Деянова, оборонявшемуся на правом фланге. Партизаны не успели окопаться, а фашисты начали наступление. Был момент, когда у Деянова созрело решение отвести взвод к фольварку и закрепиться у кирпичных сараев. Но в это время, словно из-под земли, вынырнул комиссар Тоут. У комиссара особое чутье. Он появляется неожиданно и, как правило, на самых трудных и опасных участках, где решается судьба боя. И всегда с приходом невозмутимого, спокойного Иосифа Иосифовича Тоута лица бойцов светлели. К ним возвращалась уверенность в успехе. И на этот раз при виде комиссара бойцы оживились, только командир взвода Деянов, обеспокоенный за жизнь комиссара, встревожился!

— Товарищ капитан, уходите, здесь опасно!

— Что тут у вас? Почему так близко подпустили врага? — пропустив мимо ушей эти слова, спокойно спросил комиссар.

— Видите, сколько их напирает? Сил больше нет сдерживать. И патроны кончаются, — пожаловался Деянов.

— Патронов мало? У вас же немецкие пулеметы. Там патроны! — капитан кивнул головой в сторону противника. — Встать! За мной, вперед! Ура-а!

Тоут вскочил и, стреляя на ходу, бросился на врага. Справа и слева комиссара бежали бойцы с раскрытыми ртами и перекошенными от злости и криков «ура» лицами и тоже поливали гитлеровцев огнем из автоматов и пулеметов. Противник не выдержал ошеломляющей контратаки трех десятков партизан, поддержанных пулеметами первой и второй рот, откатился, оставив на поле боя убитых.

— Собрать оружие и боеприпасы и быстро в исходное! — приказал Тоут.

Партизаны, не останавливаясь, подобрали немецкие автоматы, патроны, гранаты и даже ротный миномет, под прикрытием пулеметов отошли на свою позицию.

Бойцы повеселели. Пользуясь короткой передышкой, долбили землю, углубляя окопчики, раздавали патроны к трофейным пулеметам и автоматам.

— Держитесь, ребята, скоро помощь подоспеет, — сказал комиссар…

Через несколько минут после ухода комиссара Тоута Деянов увидел чуть левее перебегающих партизан. Это выдвигалась вперед рота батальона Тютерева. Два бойца притащили патроны к отечественным автоматам.

— Вот это дело! Большое вам спасибо, товарищи, —

обрадовался Деянов. — Повоюем еще. Пусть теперь попробуют сунуться каратели!

И фашисты не заставили себя ждать — повторили атаку более крупными силами. Бой разгорелся с еще большим ожесточением. В критические моменты командир батальона Сердюк поднимал своих бойцов в контратаки и в рукопашном бою отбрасывал врага. Самоотверженность Сердюка, командиров рот Бокарева и Манжевидзе и бойцов батальона позволили одержать верх над сильным противником.

В разгар боя первого полка враг с рубежа шоссейной дороги Травники—Влодава нанес одновременный удар по обороне второго и третьего полков в Стренчине и Майдане. Бой был не менее упорным, чем за Добромысль. Героически сражались партизаны батальонов Шолина, Цымбала и Берсенева. Атаки врага на всех участках были отбиты с большими для него потерями.

Первая Украинская партизанская дивизия прорвала кольцо блокады и, сметая на своем пути вражеские заслоны и гарнизоны, стремительными бросками продвигалась на север. Многочисленные диверсионные группы направлялись на десятки километров в стороны от основного маршрута, уничтожали мосты, связь, пускали под откос эшелоны. Особенно действенными были диверсии, проводимые в районе Люблина.

Противник заметил наше стремление на север и, используя хорошо развитую сеть шоссейных и железных дорог, стал концентрировать силы в районе Бяла-Подляска, Лукув, Седльце. Усилились передвижения вражеских войск по шоссе Вишнице—Лукув.

С утра 13 марта группа противника в двести человек подошла из Яблонь и атаковала разведывательную роту в Подедвуже. Роберт Клейн приказал подпустить противника как можно ближе и расстрелять из пулеметов и автоматов.

Гитлеровцы направили на село самолеты. Подтянули резервы и после бомбежки снова бросились в атаку. Завязалась упорная борьба. Немцам удалось ворваться в горящее село. Клейн и Семченок повели разведчиков в рукопашный бой. После жаркой схватки фашисты были отброшены, но скоро им вновь удалось зацепиться за окраину села.

Разведчики держались стойко. Даже раненые не покидали поля боя. Истекая кровью, тяжелораненый Алексей Акимович Журов продолжал одной рукой вести огонь из автомата. На выручку разведчикам подоспели кавалеристы и решительным ударом во фланг разгромили карателей, отбив тем самым охоту у гитлеровцев к повторным атакам…

Пришлось выдержать бой и другим подразделениям дивизии. Исход затянувшегося боя решился в пользу партизан лишь после того, как была выслана в обход рота третьего полка под командованием Скопенко. Она ударила по противнику с тыла. Едва только услышав у себя в тылу пулеметную и минометную стрельбу, немцы, не зная сил партизан, действующих у них в тылу, и опасаясь окружения, в панике начали отступать на Лынов и Хородыще, бросая убитых, раненых, оружие и боеприпасы.

В этом бою было уничтожено более двухсот гитлеровцев. Партизаны захватили три батальонных миномета, четыре пулемета, винтовки, автоматы и другое военное имущество.

Вой, бои, бои… Количество раненых партизан непрерывно росло. Взрывчатка израсходована полностью. Боеприпасы таяли не по дням, а по часам. Большинство бойцов снова сдали в обоз отечественные автоматы и пулеметы, заменили их трофейными.

Противник, видимо, догадался, в каком затруднении оказались партизаны, и с каждым днем усиливал нажим. Стало ясно — передышки, которую мы так ждали, не будет. Была и другая причина, заставившая гитлеровцев сосредоточить в этом районе большое количество войск. Они опасались нашего нападения на лагеря смерти — в Майданеке возле Люблина и в Сабибоже неподалеку от Хелма. Мы проходили от этих лагерей в нескольких километрах. К сожалению, «патронный голод» и громоздкий обоз раненых не позволили нам осуществить эту операцию.

Рывок через Буг

В ночь на 16 марта мы форсировали железную и шоссейную дороги Брест—Седльце. При переходе железной дороги захватили два состава — один на перегоне, другой — на полустанке. Немного пополнились трофейными боеприпасами.

Еще до подхода к железной дороге конные разведчики узнали от поляков, что в Мендзыжце находится лагерь военнопленных.

— Товарищ командир, разрешите освободить, — обратился Ленкин с просьбой к Вершигоре.

— Где это? Далеко от маршрута? — спросил Вершигора.

— По пути, — ответил Усач. — Мы там не задержимся. В успехе уверен… Нельзя же оставлять наших людей…

Командир дивизии разрешил, но предупредил, чтобы после выполнения задания кавдивизион занял свое место в голове колонны.

Ленкин с кавалеристами появился возле лагеря неожиданно. Быстро расправились с охраной. Но когда начали собирать пленных, то пришли в ужас. Жуткое зрелище представляли 360 советских граждан, томившихся в фашистской кабале. Люди изможденные — живые скелеты. Они со слезами бросились обнимать своих освободителей.

— Объятия и поцелуи потом, — сказал Ленкин. — Поторапливайтесь… Время не ждет.

Большинство из освобожденных не могло передвигаться. Для их перевозки кавалеристы раздобыли повозки.

…В селе Ольшанка, пятнадцати километрах восточнее Седльце, Вершигора созвал совещание командиров и политруков.

— Обстановка с каждым днем ухудшается, — начал он без всякого предисловия. — Противник бросает против нас огромное количество войск. В нашем обозе свыше трехсот раненых и 360 освобожденных из плена. Мы обязаны подумать, как их сберечь. Первая наша задача — найти место для посадки самолетов. Мы посоветовались с Войцеховичем и Москаленко и пришли к выводу: это возможно только за Бугом. Однако попасть туда нелегко. От реки только что вернулись разведчики. Они докладывают: по Западному Бугу противник готовит оборонительный рубеж. Мосты сильно охраняются. Медлить — значит обрекать дивизию на излишние потери. Мы понимаем — раненые нуждаются в отдыхе. Сейчас мы не можем позволить такой роскоши. Потеряем сутки — упустим момент для форсирования реки. Этот отдых может обернуться смертью. Объясните, поймут…

— Совершенно верно, — поднялся Кульбака. — Я говорил со своими ранеными. Они свою судьбу вручают нам, командирам, и готовы перенести еще не один переход.

— Необходимо всем командирам чаще навещать раненых. Для их перевозки выделить лучших лошадей, надежных ездовых, — продолжал Петр Петрович. — Считаю наиболее подходящим местом для форсирования Буга — мост у Скшешева. Туда мы и спланировали очередные переходы…

— Боеприпасы кончаются, — сказал Брайко.

— Больше используйте трофейное оружие, для него патронов пока достаточно, — посоветовал Вершигора.

Совещание было коротким. Его прервала стрельба, вспыхнувшая в направлении села Прохенки, на участке третьего полка. Командиры наскоро записали маршрут очередного перехода и поспешили в свои подразделения.

Скоро из Прохенок прибыл связной с донесением. На село наступало свыше батальона пехоты с четырьмя танками и тремя бронемашинами. Их поддерживала артиллерия.

Вслед за этим около двухсот гитлеровцев предприняли наступление на Олыпанку. Бой длился семь часов. Все атаки врага были отбиты. Подразделениями второго и третьего полков было уничтожено более двухсот гитлеровцев. Четверых захватили в плен. На месте боя подобрали миномет, четыре пулемета и большое количество винтовок, автоматов…[19]

Отбив атаки противника, дивизия вечером выступила к Западному Бугу. До реки свыше пятидесяти километров. Решили очередную дневку сделать в Чубасах, а затем со свежими силами совершить стремительный рывок через Буг. Однако обстановка внесла свои коррективы.

Для того чтобы ввести в заблуждение противника, к реке выслали несколько отвлекающих групп.

Колонна за ночь три раза меняла направление движения. Сначала шли строго на север. Форсировали железную дорогу Черемха—Седльце и повернули на северо-запад. Когда же подошли к Чубасам, где намечалась дневка, колонну встретил Роберт Клейн с разведчиками.

— Мы только что от моста. Охрана человек семьдесят. О нашем приближении не подозревают, — доложил Клейн.

— Не махнуть ли нам с хода через Буг? — после минутного раздумья спросил Вершигора.

— Люди устали. Лошади еле тащат повозки, — отозвался Войцехович. — В то же время на нашей стороне внезапность. По следам дивизии идут войска карателей. Днем боя не избежать. Охрана моста насторожится, возможно, даже наверняка, будет

усилена. Тогда нам придется труднее.

— Эх, была не была! — решился Вершигора. — Карту, Василий Александрович! Усача ко мне!

Связной командира кавалерийского дивизиона ускакал в голову колонны. Войцехович передал своего коня коноводу, а сам забрался на тачанку Вершигоры, развернул карту и, подсвечивая карманным фонариком, с командиром дивизии начал выбирать новый маршрут. Колонна, не останавливаясь, шла через Чубасы.

Послышался топот бешено скачущих лошадей. Через минуту-другую возле тачанки всадники резко осадили коней.

— Товарищ подполковник, ваше приказание выполнил, — доложил связной.

— По вашему приказанию… — начал Ленкин.

— Саша, дело есть, — перебил его Вершигора. — Смотри сюда. Видишь мост? Так вот, проскочи с дивизионом кратчайшим путем и захвати.

— Понятно. Разрешите выполнять?

— Минуточку, — остановил комдив. — В случае встречи с противником на пути — в бой не вступать. Я думаю, ты понимаешь, какое значение для нас имеет мост?

— Понимаю.

— Желаю успеха! — напутствовал Петр Петрович.

Ленкин огрел плеткой своего коня и стрелой помчался вперед, обгоняя колонну. Вслед за Усачом поскакал Андросову.

— Как ты думаешь, справятся кавалеристы? — спросил комдив начальника штаба.

— Надо, чтоб справились, — дипломатично ответил тот.

— Предупреди командиров подразделений и полков о продлении маршрута. Отдай распоряжение — быть готовыми к бою за овладение переправой. Связных пошли по колонне предупредить, чтобы не растягивались, — приказал Вершигора, соскочил с тачанки и пересел на лошадь. (Так всегда, в предвидении боя, поступал Ковпак.)

От Чубас взяли направление на северо-восток. Колонна сжалась. Партизаны приободрились. Даже изнуренные лошади зашагали веселее. У ездовых пропала сонливость. Они настороженно следят за скачущими взад-вперед конными связными. Так бывает всегда перед боем.

Наступил рассвет, когда взвод Антона Петровича Землянко вступил в бой с гитлеровцами, охранявшими мост через Буг на железной дороге Черемха—Седльце. В это же время в двадцати пяти километрах северо-западнее, проскочив Скшешев, Ленкин с кавдивизионом незаметно подкрался к мосту, спешил один эскадрон, снял часового и захватил дзот.

— Перемахнем на ту сторону, — предложил начальник штаба Семен Тутученко.

— Мы перемахнем, а как дивизия? Сделаем так: ты с эскадроном Зезюлина на галопе проскочишь по мосту, уничтожишь охрану на противоположном берегу и организуешь оборону, чтобы не допустить противника с востока. Я с эскадроном Тетеркина займусь немцами на этом берегу, — распорядился Ленкин.

Замысел частично удался. Тутученко с эскадроном у моста появился внезапно, не ввязываясь в бой с охраной, под градом пуль проскочил на восточный берег, уничтожил там малочисленную охрану и засел в подготовленных немцами окопах и дзотах.

По-иному развернулись события на западном берегу: противник засел в дзотах и кирпичном здании казармы, приспособленном к обороне, и отчаянно сопротивлялся. Ленкин со вторым эскадроном несколько раз бросался в атаку, но безуспешно. Все же конникам удалось сковать охрану. В этом бою особенно отличилась Галя Кваша. Эта неутомимая комсомолка не только успевала оказывать помощь раненым, но и сумела гранатами уничтожить пулеметный расчет врага…

Партизаны развернули на пригорке сорокапятимиллиметровую пушку и начали обстрел казармы. Однако ее снаряды отлетали от стенки как горох, не причиняя разрушений.

Тем временем колонна ускоренным маршем подошла к месту боя. Вершигора приказал пустить в ход единственное уцелевшее 76-миллиметровое орудие.

— Артиллерию в голову колонны!

— Артиллерию вперед! — понеслось по колонне.

Увязая в грязи и обгоняя обоз, вперед прошлепала упряжка с орудием. Выбившиеся из сил битюги с трудом вытащили орудие на бугор.

Не успели артиллеристы изготовиться к бою, как из дзота, расположенного в ста метрах впереди, обрушил прицельный огонь немецкий пулеметчик. Свалились тяжело раненные командир орудия Фурлетов и наводчик. Остальные растерялись и залегли, оставив на бугре одиноко торчащую пушку. К счастью, вблизи оказался Вершигора.

— Почему не стреляете? Где командир? — кричал Петр Петрович, размахивая плеткой.

— Командир орудия ранен, — ответил заряжающий Ершов, смущенно поднимаясь из борозды.

— Разве с ранением командира война кончилась? Слушай

мою команду! К орудию!

Андрей Ершов и еще один из орудийного расчета кинулись к орудию. Куда только и страх делся! Не обращая внимания на свистящие вокруг пули, они торопливо готовили пушку к стрельбе. Вершигора поспешил на помощь…

Наконец орудие закреплено, наведено на цель, заряжено.

— Готово! — доложил Ершов.

— По фашистскому дзоту, огонь! — скомандовал Вершигора…

Прогремел выстрел. Снаряд разорвался далеко за дзотом.

— Андрюха, хорошенько наведи! Не волнуйся, — сказал спокойно Петр Петрович. Его спокойствие передавалось артиллеристам. Ершова покинула нервозность. Он стал действовать более уверенно…

Следующий снаряд угодил в дзот. Пулемет замолчал. Артиллеристы приободрились.

— Молодцы! — похвалил Вершигора. — Крой по казарме!

На бугор прибежал запыхавшийся Вася Алексеев.

— Товарищ командир, здесь опасно. Уходите, — торопливо проговорил он.

— Принимайте командование… Окажите помощь раненым и добивайте фашистов в казарме, — сказал Вершигора и ушел с бугра. За спиной слышались команды Васи Алексеева. Один за другим гремели выстрелы… Скоро к артиллеристам подоспел их политрук Непомнящий.

Наступило утро. Вспыхнула перестрелка на юго-востоке от моста. Скорее всего, это ведет бой взвод Землянко. На западе всполошился немецкий гарнизон Соколув-Подляского. А нам никак не удавалось покончить с охраной моста.

Бой затягивался. Противник на этот раз оказался на редкость упорным. Вершигора нервничал. Да и было отчего! Партизанская колонна застыла на открытом поле. Бойцы и командиры с беспокойством посматривали в безоблачное небо. Появись сейчас немецкие бомбардировщики, дивизии не избежать тяжелых потерь. Еще час-полтора протопчемся — и подоспеют фашисты, которые преследуют дивизию последние дни.

— Давид Ильич, батальон Тютерева поставь в заслон со стороны Соколув-Подляского, — приказал Вершигора, а потом спросил: — Где Сердюк?

— Его роты стояли в заслоне на железной дороге. Должны скоро подойти, — ответил Бакрадзе.

— Пошлите навстречу связного с приказанием: батальону ускорить движение, а командира — ко мне, за получением задачи.

Сердюк явился минут через десять.

— Где твои люди? — спросил Вершигора.

— На подходе, — ответил Сердюк.

— Слушай задачу. Твоему батальону, прикрываясь вот теми холмами, — Вершигора указал рукой, — спуститься к реке, выйти к кустарнику и атаковать противника справа. Левее тебя, вдоль дороги, атакуют эскадрон и разведрота.

— Слушаюсь, — с готовностью ответил Сердюк, оглядываясь: не видно ли батальона.

— После уничтожения охраны занимаешь оборону, пропускаешь через мост колонну, заслоны и взвод разведки Землянко, а затем с саперами уничтожаешь мост. Запомнил?

— Запомнил.

— Выполняй!

Сердюк козырнул и побежал навстречу батальону. Не прошло и пяти минут, а роты первого батальона бегом устремились к реке и скоро скрылись за обрывистым берегом. Вместе с первой ротой ушел и мой помощник» старший лейтенант Колесников.

Задачу ротным комбат поставил на ходу. Первую роту Бокарев повел справа у самой реки. Левее — вторая рота Васьки Грузина.

Прикрываясь жидкими кустарниками, партизаны подобрались к противнику на бросок гранаты. Залегли. Гитлеровцы заметили и открыли сильный пулеметный и автоматный огонь. Захлебываясь, застрочил немецкий пулемет из дзота.

— Заткнуть глотку! — приказал Бокарев пулеметчикам.

Петя Соснин и Федя Грамотин выждали удобный момент и почти одновременно всадили по длинной очереди в амбразуру. Фашистский пулемет поперхнулся и замолчал.

— Гранатами, огонь! — выкрикнул Сердюк и первым швырнул «лимонку».

Полетели десятки гранат. Их разрывы напоминали частый артиллерийский обстрел. Никогда мы не применяли такого массированного гранатного удара.

Гром взрывов еще продолжался, а комбат подал новую команду:

— В атаку, ура-а!

Партизаны, сокрушая фашистов пулеметным и автоматным огнем, с криками «ура!» бросились вперед. В это же время усилилась стрельба и послышались крики «ура!» слева. Это Вершигора, Войцехович, Москаленко, Стрельцов, Андросов, Бакрадзе, Роберт Клейн и Ленкин повели в атаку эскадрон, разведроту и взвод разведки второго батальона.

Гитлеровцы понимали безвыходность своего положения, бросали ракеты, взывая о помощи, и отчаянно сопротивлялись.

Первый батальон наращивал атаку. Сердюк был в цепи. Он видел, как рота Бокарева захватила дзот и уничтожила фашистов в окопах. Вторая рота соединилась с эскадроном и вплотную подошла к казарме.

— Вперед, вперед! Не дать врагу опомниться! — торопил Сердюк.

Вдруг взрыв. Удар страшной силы в лицо и по ногам свалил Сердюка на землю. Он провел рукой по глазам. Счастье! Глаза целы, видят. Но ладонь в крови. Пощупал лицо и ужаснулся. Нос болтался на тонкой кожице. Лицо заливала кровь.

— Что с вами? — испуганно крикнул радист Вася Мошкин. — Давайте перевяжу.

— Не время, — отказался Сердюк, вскочил на ноги, чтобы бежать вперед, но тут же свалился.

Как во сне он слышал, что бой угасаем. Почувствовал, кто-то бережно бинтует ему лицо.

— Вася, ноги у меня целы? — простонал комбат, не в силах открыть глаза.

— Вася убит… в десяти шагах отсюда, — услышал в ответ Иван и по голосу узнал свою жену Проню.

— Не плачь, Проня, все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — как эхо отозвалась Проня.

— А немцы?

— Нет больше немцев. Перебили всех… Помолчи…

Подбежали товарищи. Положили раненого на плащ-палатку и унесли на повозку. Сердюк окончательно пришел в себя. Сдерживая стоны, он старался припомнить, как же все это случилось.

А произошло это так. Продвигаясь вперед, партизаны не заметили гитлеровца, притаившегося в кустах. Он бросил гранату, которая взорвалась у самых ног Сердюка. Радист, оказавшийся рядом, тут же прикончил фашиста. Но не прошло и минуты, как сам свалился, пронизанный пулеметной очередью.

Осколками гранаты комбату изувечило лицо и тяжело ранило в обе ноги…

Командир первой роты Бокарев, узнав о ранении Сердюка, взял на себя командование и повел батальон на штурм казармы.

В то время, когда первый батальон кавэскадрон и разведчики продолжали громить охрану в казарме, второй батальон Тютерева вступил в бой с противником, спешившим из Соколува-Подляского на помощь охране.

Не ожидая полного уничтожения немцев у моста, Верши-гора

приказал:

— Эскадрон и колонну — вперед!

Автоматчики и пулеметчики завершали бой, а кавалеристы и вслед за ними подводы с грузами и ранеными под пулями на рысях пролетали по мосту. На противоположном берегу уже распоряжался Войцехович.

И когда казалось, что в живых не осталось ни одного немца, из-за ящика с песком раздался выстрел. Шедший рядом с Бокаревым и Колесниковым пулеметчик Щербат упал, не проронив ни звука. Бокарев очередью из автомата уничтожил последнего фашиста из охраны моста.

В этом бою было убито свыше семидесяти гитлеровцев, уничтожены две моторные лодки на реке, разрушено здание казармы. Партизанам досталось девять станковых и ручных пулеметов, винтовки, автоматы, гранаты, 15 тысяч патронов, склады продовольствия и нового обмундирования. А главное, мост был в наших руках.

Мы потеряли десять убитыми и восемь ранеными.

Из допроса пленных стало известно, что отборная фашистская охрана состояла из немцев — участников боев на Волге.

Отгремели последние выстрелы.

— Бокарев, занимайте оборону. Пропустите колонну, заслоны и взвод Землянко, а затем уничтожайте мост, — распорядился Бакрадзе.

…Колонна уже давно переправилась на восточный берег. Оторвался от противника и проследовал через мост батальон Тютерева, а Землянко с разведчиками не появлялся.

— Бокарев, отводи роту на восточный берег. Мост не успеем уничтожить, — беспокоился командир саперной роты капитан Кальницкий.

— А вы подготовьте к взрыву, — посоветовал Бокарев.

— В том-то и загвоздка, что рвать нечем, — ответил с досадой политрук саперной роты Владимир Дубиллер.

— Как же будем уничтожать?

— Сожжем. Видишь, сколько навалили соломы? Мост уже полили и бензином, и мазутом. Стоит поднести спичку — вспыхнет факелом.

На бугре появилась бронемашина, за ней выполз танк.

— Отводи, прорвутся — Борода нам головы поотрывает. Да и колонне не поздоровится, — торопил Кальницкий.

Бокарев отдал команду: отходить на восточный берег. Бойцы бегом бросились к мосту. Только успели перебежать, к казарме подоспели немецкие танки и пехота на автомашинах. Перед их

носом вспыхнул мост. Огромные коптящие языки пламени лизали перила, потоки горящего мазута сползали по опорам, клочьями срывались в воду, расплываясь на ее поверхности жирными пятнами.

Пехота противника под прикрытием танкового огня пыталась подойти к пылающему мосту, но всякий раз попадала под меткий огонь партизан и вынуждена была отходить…

Бокарев дождался, пока мост сгорел, и лишь после этого повел роту по маршруту дивизии. Но не прошли и двух километров, как поняли, что отрезаны от главных сил.

Узнав о захвате партизанами моста через Буг, противник поднял по тревоге гарнизоны Дрохичина и Семятыч и перебросил их вдоль восточного берега реки, чтобы перерезать дорогу на Дзяковицы. Однако опоздал. Партизанская дивизия успела пройти. Отрезанными оказались лишь рота Бокарева и группа саперов Кальницкого.

Уставшие партизаны вынуждены были вступить в неравный бой. Гитлеровцы видели, что перед н**ими** всего человек пятьдесят и надеялись покончить с ними одним ударом.

Бокарев не мог увернуться от встречи с немцами. Решил в затяжной бой не ввязываться, не задерживаться на одном месте. Чтобы избежать окружения, вел роту то в одном, то в другом направлении. Однако гитлеровцы наседали. Приходилось отражать их натиск. И неизвестно, чем бы закончился этот неравный поединок, если бы не подоспела помощь.

Услыхав стрельбу позади, Бакрадзе понял, что первая рота попала в переплет. Вызвал командира третьей роты Касинцева, который заменил раненого Дорофеева, и приказал идти на выручку.

Касинцев был опытным и решительным командиром. Обойдя группировку противника, он обрушился с тыла. Гитлеровцы растерялись. Этим воспользовался Бокарев. Поднял роту в атаку, прорвал вражеское кольцо и соединился с третьей ротой.

— Спасибо, вовремя подоспел! Думал, каюк, — радостно проговорил Бокарев, обнимая Касинцева.

— Колонна далеко ушла, надо торопиться, — ответил командир 3-й роты.

Западный Буг остался позади, а вместе с ним и советская граница 1941 года.

Впереди нас манила Беловежская пуща.

Перед пропастью

Переправившись через Западный Буг, дивизия оторвалась от немецкой группировки, преследовавшей нас в Жешувском, Люблинском и Варшавском воеводствах. На дневку остановились в пятнадцати километрах от реки в селах Пашки, Острожаны, Неройка. Партизаны, как всегда, заняли круговую оборону. Использовали преимущества сильно пересеченной местности, насыщенной дотами приграничной полосы.

— Наконец-то получили долгожданную передышку, — радовался Тютерев.

— Вряд ли немцы оставят нас в покое, — высказал сомнение Бакрадзе.

— Каратели остались за Бугом, — настаивал на своем Саша.

— Могут найтись и кроме тех…

Командир полка, к сожалению, оказался прав. 17 марта во второй половине дня противник начал наступление одновременно с юга, со стороны Дрохичина, и с северо-запада, из Цехановца. Встретил хорошо организованную оборону и упорное сопротивление второго и третьего полков, потерял один танк, автомашину, около пятидесяти человек убитыми и в беспорядке отошел, оставив на поле боя два пулемета, семнадцать винтовок и другое имущество. Партизаны потеряли троих убитыми и столько же ранеными.

Большие потери не смущали противника. Он на каждом шагу при первой же возможности навязывай нам бой. На подступах к Беловежской пуще немцы решили малыми силами прощупать оборону кавалерийского дивизиона в Грабувке, расположенной в пятнадцати километрах к западу от станции Черемхи. Конники легко отбили налет противника. После этого гитлеровцы бросили на Грабувку около двухсот солдат, поддержав их огнем артиллерии.

Кавалеристы, верные своему излюбленному методу ближнего боя, и на этот раз подпустили фашистов и накрыли шквальным пулеметным и автоматным огнем. Но гитлеровцев это не охладило. Они получили в подкрепление пехоту, прибывшую на пятнадцати автомашинах в сопровождении танка, и вновь пошли в наступление.

Бой длился до вечера. И лишь после того как фашисты потеряли две автомашины и пятьдесят шесть солдат, они отказались от дальнейшего наступления.

Было сорвано и наступление батальона противника на второй полк в селе Толвине.

Вечером дивизия начала готовиться к маршу. Из дворов выезжали повозки с ранеными и грузом. На улицах строились ротные колонны. Всюду царило оживление. Не было заметно суетни, чувствовалась уверенность, деловитость. Оживленно было в первой роте Бокарева. Я поинтересовался, чем вызвано такое веселье.

— Командир роты награждение производит, — ответил пулеметчик Грамотин. — Вот только послушайте.

Ко мне подошел Бокарев и доложил:

— Трофеи вручаем ротному кузнецу… При разгроме охраны моста захватили кузнечный инструмент. Не было времени, решил сейчас перед строем, в торжественной обстановке вручить…

— Поторапливайтесь, через десять минут выступаем, — предупредил я, но, заинтересовавшись затеей Бокарева, остановился.

— Мы — мигом, — ответил Степан, подошел к строю и продолжил прерванную моим приходом речь: — Так вот, я и говорю: почему мы тебе вручаем этот трофей? А потому, что ты, наш ротный кузнец, есть главная фигура в роте…

При этих словах на левом фланге послышался смех. Бокарев строго посмотрел на смеющегося и одернул:

— Ничего смешного здесь не вижу. Есть старая сказка, мне ее мать рассказывала. Там есть такие слова: «Не было гвоздя — подкова пропала. Не было подковы — лошадь захромала. Лошадь захромала — командир убит, конница разбита, армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, — оттого, что в кузнице не было гвоздя!» Вручая этот инструмент, мы надеемся, что наши лошади не захромают и командир не будет убит.

Кузнец — лет сорока, широкоплечий, с узловатыми, мозолистыми руками — степенно подошел к командиру роты, принял из его рук увесистый ящик с тщательно упакованными инструментами и коротко ответил: «Благодарствую».

— Скажешь что-нибудь? — спросил Бокарев.

Кузнец по-медвежьи переступил с ноги на ногу, обвел серьезным взглядом строй роты и через силу проговорил:

— О чем говорить? Одним словом, лошадь не захромает, и командир не будет убит. Это я вам сказал!

— Ух ты! — проговорил Гриша Филоненко, любуясь кузнецом.

— Правильно.

— Молодец, Никитич! — загудели на разные голоса партизаны и дружными аплодисментами проводили кузнеца.

— Мастак Степан Дмитриевич даже из пустякового факта сделать событие большого значения, — сказал заместитель

командира роты Яша Декунов. — Началось с шутки, а посмотрите, как серьезно восприняли партизаны!

Мне вспомнились слова, которые любил повторять заместитель командира дивизии по политчасти Николай Алексеевич Москаленко: «Между боями могут быть перерывы, но в политработе таких перерывов не должно быть. Политрук, агитатор, коммунист, комсомолец должны не только на словах, но своим примером способствовать воспитанию бойцов. Это относится и к бою, и к передышкам между боями…»

Скоро все пришло в движение. Дивизия держала направление на северо-восток, где раскинулся огромный лесной массив. Там мы надеялись хорошо отдохнуть, отправить раненых и пополниться боеприпасами. Но чем ближе подходили к лесам, тем больше встречали противодействие противника.

Весенняя распутица развезла и без того плохие дороги. Реки, речушки, ручьи разлились и превратились в серьезные препятствия. Колонна двигалась рывками: то подолгу простаивала в ожидании, пока найдут объезды или построят переправу, то часами шла без отдыха.

Совершая очередной переход, дивизия должна была за ночь форсировать две железные и шоссейную дороги, пересечь польскую границу и выйти на советскую территорию. Первый полк на этот раз шел в главных силах. Бакрадзе находился в голове полка, а я на штабной тачанке ехал с обозом раненых.

Пересекли железную дорогу и глубокой ночью подошли к шоссе. Авангардный полк и кавдивизион вступили в бой с противником. Бой длился около часа.

Наконец стрельба прекратилась. Стало тихо. Скоро ночную тишину нарушило тарахтенье повозок.

— На шоссе выехали, — догадался мой ездовой Борисенко.

Стали ждать, когда двинутся передние. Они почему-то продолжали стоять… В голове колонны шум стих. Такое впечатление, что колонна остановилась. Решил пойти и узнать, почему стоим. Обогнав подвод двадцать, я не обнаружил колонны. Ездовой передней повозки сидя спал.

— Почему спишь? Где колонна? — набросился я на него. Он спросонья огрел кнутом лошадей, и они с места пустились рысью.

— Стой! — крикнул я.

Подвода остановилась. Незадачливый ездовой ничего вразумительного не мог сказать. Он растерянно посматривал по сторонам и… молчал.

Куда ушла колонна? Где ее искать? Каким образом мы оказались в хвосте? Видимо, следовавший за нами полк был выдвинут в заслон? Положение осложнялось еще и тем, что у

меня не было с собой карты этой местности. Я ее передал Юре Колесникову, контролировавшему движение по маршруту.

Прошел по колонне. Осталось всего тридцать две подводы с ранеными и отделение автоматчиков. Какими-то судьбами с нами оказалась одна хозяйственная повозка кавдивизиона. На ней ехал старшина эскадрона Шепшинский.

Я созвал ездовых, рассказал, в каком положении мы оказались. Сонливость покинула не только ездовых, но и раненых.

— Всем ездовым быть готовыми к отражению противника. Не поддаваться панике, — предупредил я. — Передайте раненым: кто в состоянии стрелять, пусть приготовит свое оружие. Я еду впереди. Не отрываться. Товарищ сержант, четверых бойцов — ко мне на тачанку, сами с остальными — на последней.

Проходя вдоль колонны, я не видел лиц раненых, но будто чувствовал их настороженные, полные опасений и надежд взгляды. Все они понимали, в каком положении оказались. Незавидная доля остаться с обозом раненых в чистом поле без охраны.

— Трогай, — сказал я Борисенко, усаживаясь на тачанку.

Шагом обогнали подводы и пристроилась впереди обоза.

Вслед за мной тронулись остальные. Дорога сильно разбита обозом, прошедшим впереди.

Через несколько минут подошли к шоссе. На переезде нет никого. Заслоны и регулировщики уже сняты. Выехали на шоссе и, повинуясь партизанскому чутью, свернули налево. Как мне помнится, колонна должна была повернуть в эту сторону. Но в каком месте? Разве темной ночью заметишь, где поворот!

Неизвестно, куда бы мы заехали, если бы не немцы. Из-за бугра, метрах в трехстах от нас, вынырнули машины с зажженными фарами. Не раздумывая, я приказал ездовому свернуть вправо. Тачанка нырнула в кювет, наполненный талой водой, перемахнула через него и выскочила на пахоту. Нашему примеру последовали остальные.

Позади произошла заминка. Кто-то пронзительно вскрикну и тут же умолк. В наступившей тишине отчетливо слышался нарастающий гул моторов приближающихся автомашин. Надо торопиться.

— Стой! — приказал я Борисенко, соскочил с тачанки и побежал назад.

Лучи фар на миг осветили местность, и я увидел барахтавшегося в луже тяжело раненного разведчика Алексея Журова. Лешке последнее время не везло. Будучи тяжело раненным в бою, он вторично ранен при форсировании железной

дороги, где заслоны вели бой с противником. И теперь еще купание…

— Опрокинулись, — виновато проговорил ездовой.

— Угораздило вас. Давай быстрее…

Вдвоем мы выволокли раненого из лужи, наспех уложили, вернее забросили на повозку, которую успели поднять подбежавшие товарищи. В этот момент мимо нас пронеслась первая машина, наполненная гитлеровцами. Диву даюсь, как они нас не заметили.

— Погоняй! — приказал я, садясь рядом с Журовым и придерживая его, чтобы он не вывалился.

Не успели отъехать от шоссе и пятидесяти метров, как мимо прошмыгнули еще девять автомашин с гитлеровцами.

— Хорошо, что ночка темная. Рядом проехали и не заметили, — вытирая выступивший на лбу пот, проговорил Борисенко, когда я пересел к нему. — Если бы заметили, вот кумедия была б.

— Тогда бы тругедия была, — ответил я ему в тон. — Погоняй.

— Нет, мы все-таки родились под счастливой звездой! — нахлестывая лошадей, продолжал Борисенко.

Мне было не до разговоров. Еще неизвестно, какой стороной обернется нам эта звезда впереди.

Отъехали с полкилометра от шоссе. Остановились. Проверили свое хозяйство. Отставших нет. Дальше наугад поехали по пахоте. Скоро напали на проселочную дорогу. Она уводила вправо. Посветил фонариком и увидел свежий след. Видно, наши проехали. В подтверждение моей догадки впереди замигала ракета. Послышалась отдаленная частая стрельба. Несколько раз ухнули орудия. Горизонт озарился заревом пожара.

Теперь сомнений не было: дивизия ведет бой за переезд на железной дороге Черемха—Седльце.

Ракеты полыхали одна за другой. Они помогли нам разглядеть лес. Ездовые погоняли лошадей, чтобы успеть присоединиться к колонне до перехода через дорогу. Однако сделать нам этого не удалось. Соединение прорвалось и сняло заслоны, оставив позади себя догорающий эшелон. На переезде вновь хозяйничали гитлеровцы.

Светало. Лезть на рожон — опасно. Свернули с дороги вправо и углубились в лес. Проехали вдоль железной дороги полтора километра и остановились. Надо было затаиться, выждать время, осмотреться.

— Лошадей не распрягать. Не шуметь. От подвод без моего разрешения не отходить, — отдал я распоряжение.

Организовали круговое охранение из ездовых. Командир отделения выставил наблюдателей за дорогой.

Немало пришлось поволноваться, особенно тогда, когда гитлеровцы прочесывали лес вдоль дороги. Их цепи прошли от нас в ста метрах. Мы следили за каждым их шагом, стараясь не выдавать своего присутствия. Мужественно держались раненые. Даже лошади, казалось, чувствовали опасность, вели себя настороженно. И на этот раз сошло благополучно. Фашисты не заметили нашего лагеря. Прав Борисенко — кто-то из нас родился в рубашке.

Как только скрылся последний гитлеровец, ко мне подошел старшина кавэскадрона Шепшинский.

— Товарищ командир, опасность опасностью, а подкрепиться не мешает. Возьмите, — протянул он кусок отваренного мяса и краюху хлеба.

Только теперь, при виде еды, почувствовал, как я голоден, даже под ложечкой засосало.

— Раненых бы накормить…

— Раненые и ездовые уже накормлены, — сказал Шепшинский.

Удивительный человек этот Петр Моисеевич! Всегда у него найдется что-нибудь про запас.

— Это же НЗ конников, — сказал я, уплетая мясо с хлебом.

— Шо вы! Разве они голодные? Там Вася Демин накормит. Зачем здесь беречь? Неизвестно, что нас ждет впереди.

— Думаешь, не прорвемся?

— Не думаю, но, знаете, всякое может случиться… Раненые беспокоятся.

— Пойдем проведаем их, — предложил я старшине.

И в этих опасных условиях наш маленький лагерь жил обычной партизанской жизнью. Веселый и беспокойный доктор Зима и медсестра Галя Гончаренко заканчивали перевязку раненых.

— Прекрасная, замечательная рана, — бодро говорил Зима, осматривая ногу Супинского.

— Доктор, что же здесь прекрасного? Полноги отхватило снарядом, а вы говорите — замечательно, — пробурчал раненый.

— Правда, вы меня не так поняли, — поспешил успокоить раненого доктор. — Я хотел сказать: рана заживет быстро. Все идет хорошо, правда, скоро поскачешь… верхом на лошади…

Супинский невесело улыбнулся, понимая желание доктора успокоить его. Понимал и то, что уже отвоевался. Полноги оторвало. Хорошо, что жив остался. Могло быть и хуже.

Когда мы подошли ближе, раненые увидели нас и забросали

вопросами:

— Ну, как там?

— Где наши?

— Есть надежда выбраться?

— Мы нигде не пропадали, мы и здесь не пропадем, — пробасил Леша Журов.

— Это правда? — повеселели раненые.

— Что же, вы не верите опытному разведчику? Правда, правда, — успокоил я товарищей. — Послал сержанта отыскать глухой переезд через железную дорогу или хотя бы насыпь пониже. Потерпите. К вечеру найдем своих.

— К вечеру дивизия может перейти в новое место, — проговорил кто-то из раненых.

— Нас не оставят, — пришел мне на помощь Журов. — Уверен, Борода уже разослал разведчиков на розыски. Эх, мог бы я ходить — в два счета нашел бы дивизию.

Мы с Шепшинским обошли обоз. Убедились, что настроение у всех бодрое, нытиков нет, верят в благополучный исход. И у нас на душе стало веселее. Я себя почувствовал увереннее. Правда, более опытные товарищи, побывавшие в переделках, понимали: не так легко с беззащитным обозом вырваться из западни, в которой мы оказались. Понимали, но вида не подавали.

— К вам тоже просьба: проверьте свое оружие. Не исключено, что и вам придется пострелять, — сказал я раненым. — Ведь впереди граница.

До обеда просидели в чаще, как суслики в норе. Было слышно, как по железной дороге прошли три эшелона. По большаку, тянувшемуся рядом, все время курсировали автомашины с немцами и полицаями. Им и невдомек, что рядом беззащитный обоз раненых партизан.

Из разведки возвратился сержант с двумя бойцами.

— Обшарили все вокруг. Переезда, как такового, нет, — доложил сержант. — Но мы нашли удобное место. Насыпь низкая, кюветы пологие. Повозки пройдут свободно.

— Далеко отсюда?

— Меньше километра.

— Пойдем посмотрим….

Оставив за себя старшину Шепшинского, я с с сержантом направился к месту, облюбованному им для переезда через «железку».

Место и на самом деле оказалось удачным. За дорогой, прямо перед нами, гора, покрытая редколесьем и кустарником. Кустарник почти вплотную подбирается к большаку. Левее горы в долине раскинулось большое село. Решили перебираться через

железную дорогу здесь.

Обоз подтянули ближе к опушке леса. Вправо и влево на сто метров от переезда выставили наблюдателей. Как только они передадут сигнал: «Путь свободен» — перебрасываем через дорогу две-три подводы. По сигналу опасности — маскируемся. Проедут немцы — вновь переправляем две-три подводы. И так, пока не перебросили весь обоз. С первой повозкой уехал Шепшинский, я — с последней.

Нам повезло. На горе в лесу мы встретили местных жителей — двух мужчин и женщину. От них узнали, в каком направлении ночью прошла колонна.

— Гитлеровцы в селе есть? — спросил я.

— Немцы на станции и на пограничной заставе в лесу. В селе десять полицейских, — ответила женщина.

— Значит, мы границу пересекли? — спросил Шепшинский.

— Нет. За селом граница. Дальше советская земля…

Село вытянулось на целый километр. Объезжать — потребуется много времени. Противник обнаружит нас, на машинах обгонит и преградит путь. К тому же с востока, почти вплотную к селу, примыкает какая-то деревушка. Решили ехать кратчайшим путем, пересекая село.

— Оружие держать наготове, — сказал я, хотя и без этого напоминания никто не выпустил из рук автоматов. — Нападение противника отражать на ходу. Не отставать.

Обоз незамеченным спустился с горы, вынырнул из леса и рысью помчался через населенный пункт. Странную картину представляла наша колонна. Каждая подвода ощетинилась двумя-тремя автоматами. Откуда только силы взялись у раненых! Они напрягали последние силы, готовы были защищаться, чтобы подороже отдать жизнь, если это потребуется.

Промелькнули вывески школы и полицейского управления. Дорога повернула вправо. Некоторое время ехали вдоль села, а затем свернули налево, пересекли село, выскочили на бугор, и только теперь позади послышалась беспорядочная стрельба. Видимо, опомнились полицейские. Теперь они нам уже не страшны. Наша небольшая колонна стремительно уходила на северо-восток. Мы были уверены, что дивизия где-то недалеко. Нам придут на помощь.

Миновала главная опасность, напряжение прошло, и обессиленные раненые опустили оружие… Километров через пять, уже на советской территории, нас встретил Колесников со взводом разведчиков. Это Бакрадзе выслал их на поиски отставших.

Юрий соскочил с лошади и кинулся ко мне. Он спешил,

колодка маузера колотила его по ногам.

— Живы, братцы, живы! А мы с ног сбились, разыскивая вас, — выкрикивал Юра, с разбега набросился на меня и расцеловал, как после долгой разлуки.

Старший лейтенант сел ко мне на тачанку и, когда колонна двинулись, похвалился:

— А мы ночью эшелончик прикончили. Уничтожили пятьдесят автомашин, пушку, два вагона с боеприпасами и семьдесят гитлеровцев. Да еще шестьдесят человек вырвали из плена.

— Мы видели зарево, — отозвался ездовой Борисенко.

— Это мы устроили фейерверк. Эшелон сожгли подчистую…

— Как же вы ухитрились?

— А очень просто, — ответил Колесников. — При форсировании железной дороги наш первый батальон выделили в заслон. Я пошел с ротой Бокарева. Только подходим к насыпи, а со стороны Черемхи прет пассажирский поезд. Обстреляли его, но он промчался невредимым. Не успели подойти к «железке»… Такая досада — упустили.

— Нечего жалеть. Возможно, там ехали мирные пассажиры, — успокоил я своего помощника.

— Что ты? Да разве сейчас мирные разъезжают? Ну, леший с ним. Ушел, так чего жалеть, — согласился Юра и продолжал: — Не успел скрыться пассажирский, а навстречу ему выскочил товарный. Он, видимо, заметил стрельбу, машинист начал тормозить. Не доезжая до переезда метров триста, остановился и дал задний ход. Тут мы его и накрыли…

— Не ушел?

— Куда там! Ты бы видел, какой молодец Бокарев! Он с бронебойщиками подбил паровоз. Как только эшелон замер на месте, мы с Бокаревым подняли роту и повели в атаку. Короткий бросок. Видим, на платформах машины. Подожгли. В четырех вагонах обнаружили охрану. Перебили в одно мгновение. Подбегаем к пятому вагону, слышим, оттуда доносятся русские голоса: «Товарищи, не стреляйте! Мы русские!» Прикладами сбили запор и открыли вагон. Он был забит нашими бойцами, попавшими в плен. Шестьдесят человек напихали фрицы в один вагон. Почти все раненые, так что у нас обоз еще прибавился. Бокарев выстроил всех освобожденных и в сопровождении нескольких партизан направил к переезду.

— Не обошлось и без приключений, — выкладывал новости старший лейтенант. — Мы уже считали, что всех фрицев перебили, и вдруг из-за колеса раздалась автоматная очередь. Один наш боец упал замертво, а командир отделения Сидоренко

вдруг как заорет. Фашиста тут же прикончили. Бокарев прибежал к своему любимцу, а Сидоренко мычит и показывает на рот из которого сочится кровь… Оказалось, каким-то образом ему пулей отбило кончик языка. Ранение не ахти какое, но сильно напугало сержанта. Ох смеху было! «Как это тебя, Миша, угораздило?»— спрашивали товарищи. А Декунов шутил: «Миша ходит в атаку с высунутым языком. Хорошо, что рот был открыт— Сидоренко пулю проглотил. А могло убить!»

За разговорами незаметно подъехали к селу Омеленец, в котором расположился наш полк. Но не успели миновать заставы кавалерийского дивизиона и скрыться в деревне, по нашим следам на двух машинах подъехали гитлеровцы. Они напоролись на минное поле, попали под обстрел заставы и были атакованы кавалеристами. Ни одному карателю не удалось спастись.

— Откуда взялись мины? — удивился я.

— Трофейные, — ответил (Колесников. — Кавалеристы где-то раздобыли.

Возвращению в полк радовались не только мы. Нас встретили с ликованием.

— Дорогой Вано, я очень рад, что ты нашелся! Чего только мы не передумали, — говорил возбужденный Давид, тиская меня в объятиях.

Бакрадзе и Тоут обошли всех раненых, побеседовали с ними. Расспрашивали о ночном происшествии. Старшина Боголюбов и помпохоз Федчук накормили горячим обедом.

Раненые интересовались, скоро ли будет передышка.

— Терпеть — сил нет больше, — говорили они.

— Терпеть-то можно, только вот раны плохо заживают. Дороги — жуть.

Бакрадзе и Тоут внимательно выслушивали раненых и успокаивали:

— Через два-три перехода прорвемся в Беловежскую пущу — отдохнем на славу. Тяжелораненых отправим на Большую землю в «капитальный ремонт».

Хотелось, чтобы предсказания командира полка сбылись.

Ход конем

Всю ночь колонна пробиралась на восток. Дорога проходила вдоль южного берега реки Белой, по высокой дамбе, среди болот. Часто останавливались, ожидая, пока передовые подразделения собьют вражеские заслоны.

Утром 20 марта кавдивизион и разведрота под командованием Ленкина и Клейна на подходах к селу Рожковке Каменецкого района Брестской области натолкнулись на засаду противника. Партизаны с ходу разгромили ее и ворвались в село. Завязались уличные бои. Клейн с разведчиками начал гранатами уничтожать фашистов, засевших в домах. Тем временем Ленкин обошел село, атаковал противника с тыла и помог разведчикам овладеть Рожковкой.

Спустя некоторое время шестой батальон Цымбала расправился с гарнизоном врага в Януше.

Рота Бокарева вела бой по уничтожению заставы противника на одном из хуторов. В разгар боя пролетел немецкий транспортный самолет. Когда же застава была уничтожена, партизаны захватили в плен нескольких гитлеровцев. Они оказались солдатами авиадесантной дивизии «Герман Геринг».

— Откуда она взялась на нашу голову? — возмущался Петр Петрович Вершигора.

— Сбросили с самолета, — сказал Бокарев.

— С одного самолета — дивизию?

— Почему с одного? Это мы один заметили…

В действительности было совсем не так, как утверждал Бокарев. От жителей Рожковки мы узнали, что в пуще полно немецких войск. Все селения там сожжены, жители расселены по степным местам. Мосты и подступы к лесу сильно охраняются. На лесных просеках — заставы, дзоты. Фашисты Беловежскую пущу включили в состав Восточной Пруссии.

В достоверности этих сведений мы убедились сразу же, как только дивизия вышла к южной опушке леса.

На колонну обрушилось звено фашистских бомбардировщиков. Несколько бомб угодило в повозки с ранеными. Разрывом бомбы в щепки разнесло одну повозку, убило лошадей, а ездового отбросило в топкое болото метров на пятнадцать, не причинив вреда. Он выбрался из трясины, забросил кнут, взял автомат и ушел в роту Бокарева.

— Сколько воюю, такого еще не приходилось видеть! — сказал Юра Колесников.

Немецкие самолеты продолжали бомбить и обстреливать

колонну. Мы же не могли ничего предпринять против них.

— Быстрее втягивайтесь в лес! — поторапливал Войцехович, хотя голый лес был ненадежным укрытием.

Второй батальон ускорил движение. Но сразу же за селом Рожковкой натолкнулся на немецкую заставу. Тютерев развернул роты, сбил заставу. За этой — следующая. И чем дальше в лес, тем больше нарастало сопротивление фашистов. А тут еще на взмыленной лошади прискакал связной Филоненко.

— Командир дивизии приказал — с хода овладеть мостом через речку Белая, на шоссе выставить заслоны и пропустить колонну, — передал он распоряжение Вершигоры.

Роты второго батальона опрокинули гитлеровцев, прикрывавших подступы к мосту, и начали штурм переправы. Враг хорошо укрепился и дрался отчаянно. Несколько раз бросался в контратаки, чтобы оттеснить партизан. Но это ему не удавалось. В отражении вражеских контратак активное участие принимала наша артиллерия.

Тютерев поставил противотанковые орудия на прямую наводку и приказал уничтожить немецкие пулеметы в дзотах. Пришлось поработать и минометчикам. Особенно усердно действовал минометный расчет Леши Даниленко. Минометчикам удалось уничтожить пулемет в окопе и вынудить гитлеровцев оставить позицию у самой реки. Этим воспользовался автоматчик — москвич Димка Качаев. Он подобрался к дзоту и угодил гранатой в амбразуру. Еще один пулемет замолчал.

Не теряя времени, Тютерев и помощник командира третьей роты Бычков подняли людей в атаку. Партизаны в стремительном броске проскочили мост, перебили фашистов и закрепились на северном берегу реки Белой.

Мы радовались успеху. Но эта радость была преждевременной. Противник тоже не дремал. Он разгадал наш замысел и подтягивал все новые и новые подразделения. Прилагал все усилия, чтобы не впустить партизан в леса. У моста появился фашистский танк и открыл огонь из пулемета и пушки. Кто-то выкрикнул: «Француз упал! Легре ранен!»

Бронебойщики ударили по танку и подожгли его. На выручку французу кинулись товарищи. Вынесли в безопасное место. Прибежала медсестра, быстро разрезала джемпер и рубанку, приготовила шприц для укола. Но поздно. Мишо Легре был мертв. На его оголенной груди полукругом синела татуировка.

— Что там написано? — спросил Тютерев у подошедшего Колесникова.

— Ма ви а ла Франс! — прочитал Юра и перевел: — Моя жизнь — Франции!

— Поди ж ты — Франции, а голову сложил у Беловежской пущи, — проговорил москвич Димка Качаев.

Второй и третий полки тоже вступили в затяжной бой с противником, наступавшим с запада и юга. Однако основные события развертывались перед первым полком.

С севера, со стороны Беловежа, подошли свежие подразделения немцев и усилили нажим на третью роту Касинцева. Одновременно по дороге Каменец—Дмитровичи с юга подошла пехота с танками и артиллерией и обрушилась на первую роту. Партизаны хорошо замаскировались. Бокарев послал взвод Деянова в обход справа, а остальным приказал подпустить противника и бить наверняка. Так и сделали.

Не встречая сопротивления, цепь гитлеровцев шла вслед за танком. Когда до партизан оставалось меньше сотни метров, танк подорвался на мине. От неожиданности немцы залегли. Но тут же вновь поднялись. Этим воспользовался Бокарев и подал команду:

— Огонь!

Застрочили пулеметы и автоматы. Мины начали рваться в самой гуще немцев. В это же время во фланг карателям ударил взвод Деянова.

— В атаку! — подал команду взводный Виктор Богданов. Выскочил из укрытия и, стреляя, бегом устремился на фашистов, увлекая за собой взвод.

Примеру взвода последовала вся рота. Немцы, видимо, не ждали такой дерзости со стороны партизан, растерялись и, несмотря на свое численное превосходство, в панике бежали. Ободренные успехом, бокаревцы преследовали и уничтожали фашистов.

Вале Косиченко удалось захватить двух пленных гитлеровцев.

Пулеметчик Соснин увлекся погоней за немецким офицером и не заметил, что израсходовал патроны. Тогда он перехватил мадьярский пулемет за ствол, догнал офицера и огрел его прикладом по голове. Фашист свалился. Соснин схватил его за руку и волоком потащил обратно. Вдруг видит, из леса выскочили пятеро фашистов. Они бросились ему наперерез. Что делать? Пулеметчик упал на землю, положил впереди себя оглушенного офицера и вытащил пистолет. Но что сделаешь с одним пистолетом против пяти автоматов. Он не спешил, подпустил гитлеровцев, тщательно прицелился и выстрелил. Один фашист свалился. Выстрелил еще несколько раз, но промазал. В магазине ни одного патрона. Последний в патроннике. Неужели конец?!

— Петя, держись! — услыхал он голос своего дружка Феди Грамотина.

Пророкотали одна за другой три длинные очереди. Фашисты

попадали.

— Федя, дружок! Милый ты мой, хороший — спасибо! — радостно затараторил Соснин.

— После, после, Петя, — прервал его Грамотин, кивнул головой в сторону офицера, спросил: — Живой? Тащи его, а я посмотрю, не уцелел ли кто из гитлеровцев…

Бокарев с бронебойщиками и резервным отделением бежал несколько позади цепи роты и зорко следил за действиями взводов. Он увидел, что справа появились три танка и человек триста пехоты. Приказал бронебойщикам обстрелять танки. Развернул отделение вправо, чтобы прикрыть отвод роты на исходные позиции.

Не так-то просто остановить партизан, разгоряченных боем, тем более что контратака успешна. Все же Бокарев сумел отвести взводы и расположить в оборону… Во время контратаки выбыл из строя заместитель командира роты Яша Декунов. Он получил три пулевых ранения. Был раней Валентин Косиченко, но продолжал сражаться.

Неравная борьба разгоралась. Гитлеровцы, обозленные первыми неудачами, предпринимали атаку за атакой. Ценой больших потерь им удалось прорваться к мосту. Часть Третьей роты во главе с Бычковым оказалась за рекой, отрезанной от батальона. Обстановка еще больше обострилась. Да к тому же Бакрадзе заболел.

Мы с Тоутом находились на наблюдательном пункте недалеко от села. Тут же, закутавшись в шубу, сидел Бакрадзе. Увидели пять подвод, выехавших из леса. Их сопровождало отделение конных разведчиков. Неожиданно из леса, метрах в двухстах правее обоза, появилась группа гитлеровцев. Они открыли стрельбу из пулеметов и минометов. Обоз помчался вскачь. Разведчики спешились и вступили в бой с противником. Обоз, подгоняемый взрывами мин, мчался по открытой местности. Вдруг под задком одной телеги — взрыв. Отлетело колесо и покатилось вперед, обгоняя лошадей. Осколками распороло подушку. Кони, напуганные взрывами и стрельбой, летели галопом, волоча за собой искалеченную телегу и оставляя на своем пути облако из пуха и перьев. Уцелевшие раненые и ездовой каким-то чудом удерживались в повозке.

На выручку обозу из Рожковки выскочили человек двадцать всадников. Обходя справа, они вышли в тыл группе гитлеровцев, просочившихся в расположение первого батальона, и внезапной атакой разгромили карателей. Захватили в бою миномет и сразу же повернули его против немцев.

Обоз укрылся в селе. На подводах были раненые партизаны

первого батальона. На пострадавшей телеге — тяжелораненый командир первой роты Степа Бокарев.

— Патронов, патронов давайте! — первое, что сказал Бокарев подбежавшему к нему комиссару Тоуту. — У некоторых бойцов осталось по пять-десять патронов.

Особенно не везло в последнее время первому батальону. За четыре дня боев из строя вышли командир батальона Сердюк, командир роты Бокарев, его заместитель Декунов, погибли командир отделения Сидоренко, пулеметчик Щербат…

Обстановка у моста складывалась для нас трагически. Много было раненых. Наступил «патронный голод». У некоторых не осталось ни одного патрона. Да и боевой дух партизан поостыл. На бойцов сильно подействовало ранение командира роты Бокарева.

Противник продолжал наращивать силы. Танки курсировали вдоль леской опушки. Самолеты безнаказанно наносили удары по нашим подразделениям. Артиллерия и минометы непрерывно долбили боевые порядки партизан.

Выслушав донесения из батальонов, мы поняли — вторично овладеть мостом силами первого полка вряд ли удастся.

Посоветовавшись с Бакрадзе и Тоутом, я пошел к командиру дивизии просить помощи.

— Рассчитывайте только на свои силы, — ответил Вершигора. — Помочь ничем не могу. Все полки втянуты в бой.

— А кавдивизион? — спросил я.

— Кавдивизион — мой последний резерв. Для него очередь еще не наступила.

Начальник штаба Войцехович раскрыл карту и рассказал мне обстановку на участках других полков. Там было не легче.

— Наши разведчики раньше не успели побывать в Беловежской пуще. Что там делается? Для нас — темная ночь. Прорваться с хода не удалось. Противник подтянул крупные силы и преградил путь в леса. Причина такого упорства — тоже загадка, — сказал Василий Александрович. — Кроме того, не менее полка гитлеровцев наступает с юга и востока. Только что разведчики доложили: подошли части противника с запада. Видимо, те, с которыми мы воевали вчера. Второй и третий полки с трудом сдерживают атаки пехоты и танков. Авиация не дает покоя. От вас зависит — быть нам в Беловежской пуще или нет…

В нерадостном настроении возвратился я в полк. Выслушав меня, Бакрадзе сказал:

— Что же, Вано, будем пробиваться.

— Я иду в первый батальон, — сказал Тоут.

Бакрадзе приказал «подчистить» хозяйственные

подразделения. Собрать патроны у ездовых… Наскребли человек пятнадцать и послали для усиления рот.

— Это только и всего? — невесело спросил Тоут, разглядывая подкрепление. — Ну что же? И на этом спасибо. Сделаем еще одну попытку. Может, удастся мост захватить и вызволить группу Бычкова…

— Будь осторожен, — посоветовал я.

— Чему быть — тому не миновать, — ответил Иосиф Иосифович, проверил автомат и, в сопровождении горстки бойцов, неторопливо пошел туда, где батальон вел кровопролитный бой. Скоро они скрылись в лесу.

Провожая комиссара, мы с Бакрадзе даже не подозревали, что разговариваем с Иосифом Иосифовичем в последний раз.

Не знаю, верили командир и замполит полка в возможность выполнения этой задачи или нет, но за осуществление ее взялись горячо.

Тоут навел порядок в подразделениях, произвел перестроения и повел в бой. Атаку батальоны начали одновременно. Противник стойко оборонялся. Все же партизанам удалось приблизиться к мосту. В это время вспыхнула стрельба за рекой. Это Бычков услыхал нажим с нашей стороны и повел своих хлопцев на прорыв. Стрельба слышалась настолько близко, что казалось, еще одно усилие — и соединимся. Ставилось на карту всё. В этот решительный момент вперед выступил комиссар Тоут и подал команду:

— Коммунисты и комсомольцы — вперед!

Услыхав клич комиссара, на врага дружно бросились все бойцы первого батальона. А слева вели бой с фашистами роты Тютерева. Это была наша последняя отчаянная атака. Завязалась рукопашная схватка. Враг дрогнул. Казалось, нет такой силы, которая могла бы остановить партизан. Был момент, когда отделение Димки Качаева прорвалось к мосту. Вдруг из-за кустов выполз танк и устремился на группу храбрецов. Навстречу танку бросились гранатометчики и подбили его. Однако и отделение вынуждено было залечь…

Еще тяжелее пришлось первому батальону. Два танка выскочили из-за правого фланга первой роты. Скошенный пулеметной очередью, упал комиссар Тоут. Смерть комиссара ошеломила бойцов. Этим воспользовались немцы, усилили напор и начали теснить партизан… Тело комиссара подхватил командир взвода, но пробежал шагов двадцать и упал, смертельно раненный. Взводного сменил комсомолец Валя Косиченко, однако в последний момент смерть настигла и юного героя…

При выносе раненых и убитых погибло еще несколько человек, в том числе командир взвода Виктор Богданов. Всего же убитыми и ранеными за день боя дивизия потеряла сорок шесть человек. К сожалению, не всех погибших удалось вынести…

Наиболее ощутимой потерей явилась гибель комиссара Иосифа Иосифовича Тоута. Только теперь мы с Бакрадзе по-настоящему почувствовали, как нам недостает этого скромного, чуткого, на первый взгляд незаметного человека, ставшего душой полка. В последнем поступке раскрылись все лучшие черты в характере Тоута — коммуниста, патриота, воина, человека. Он мало был у нас, но оставил о себе светлую память.

…Раненого Бокарева заменил Иван Ильич Деянов. Это бывалый воин. В бой вступил в первые минуты нападения гитлеровцев в Южном городке Бреста, так и не успев принять военной присяги. Выбравшись из Бреста, попал в разведку 75-й стрелковой дивизии. В сентябре 1941 года при выполнении задания на Десне угодил в плен, но через две недели бежал. Пробираясь к линии фронта, переплыл Десну, заболел воспалением легких и долго провалялся в крестьянской семье в деревне Козловке недалеко от Путивля. Выздоровел и пришел к партизанам. Участвовал во всех рейдах соединения. Дважды ранен. Иван Ильич повоевал автоматчиком, пулеметчиком, командиром отделения, взвода и, наконец, стал командиром роты. Рота досталась ему в неприглядном виде. Вышли из строя все командиры взводов и помощник командира роты. Тут же в бою Деянов назначил новых из числа отделенных и лучших бойцов. В помощники себе взял командира отделения Ивана Георгиевича Зинченко и вместе с ним продолжал управлять боем роты.

После того как захлебнулась последняя атака партизан, рухнули всякие надежды на овладение мостом. Группа Бычкова осталась за рекой, предоставленная сама себе. Какая судьба ее постигнет? Нас это волновало. Особенно переживал потерю части роты комбат Тютерев.

Отразив атаки партизан с фронта, противник сам перешел в наступление и попытался окружить Подразделения первого полка, выдвинув для этого большие силы на фланги. Этот маневр мы разгадали и сорвали. Немцам помешали наша артиллерия и взвод первой роты, который Бокарев заблаговременно выставил на фланге. Под их прикрытием партизаны отошли и закрепились в лесу.

Бой гремел. Горел уже четвертый танк, кругом валялись трупы в серо-зеленых шинелях, а фашисты не унимались. Более настойчивыми стали их атаки с юга и запада на оборону полков

Кульбаки и Брайко. Однако, несмотря на многократное превосходство противника, все его атаки разбивались о стойкость партизан. Это охладило пыл гитлеровцев…

Бой по инерции продолжался. Но это был уже не тот пожар, который недавно полыхал, а лишь дотлевающие головешки, вспыхивающие на короткое время. Обе стороны как бы притаились, зализывали раны, накапливали силы для будущих боев.

К концу дня немцы вообще прекратили атаки с юга.

Мы воспользовались передышкой, похоронили убитых товарищей, которых удалось вынести с поля боя. В братской могиле в Рожковке лежат боевые побратимы — венгр, коммунист Иосиф Иосифович Тоут, русский Виктор Богданов, украинец — семнадцатилетний комсомолец с Донбасса Валя Косиченко, француз, механик из Марселя, Мишо Легре, москвич Дима Качаев, Петр Лепешкин…

При похоронах не произносились длинные и пылкие речи. Все чувства партизан выражались одним коротким словом: «Месть!» Не было и традиционного прощального салюта: пули берегли для врага.

Приближался долгожданный вечер. Начали готовиться к маршу. Отдан приказ. Колонна вытянулась на север. Видимо, командование решило ночью любой ценой пробиться в Беловежскую пущу. Но почему-то кавалерийский дивизион и разведрота не спешили вперед, на свое обычное место.

Перед самым выступлением разведчики сообщили, что немцы с юга перебрасывают войска на север к пуще.

Вершигора внимательно выслушал разведчиков и заметно повеселел. Я не понимал причины этого веселья. Ведь идем на север, как раз туда, где немцы усиливают свои войска!

Дивизия ждала команду, чтобы начать движение. Однако Петр Петрович не торопился. Заложив руки за спину, он долго ходил взад-вперед. Наконец остановился и, обращаясь ко мне и Войцеховичу, спросил:

— Вы люди военные. Как вы думаете: противник все войска перебросил с юга?

Признаться, меня удивил такой вопрос. Я ответил:

— Надо быть круглым дураком, чтобы так поступить.

Предположим, противник на этот раз таким и оказался, — сказал Вершигора и решительно добавил: — Сделаем ход конем. Вася, отдай распоряжение повернуть колонну на сто восемьдесят градусов!

— Это уже ход ферзем, — уточнил Войцехович.

— Тем лучше. Карту!

Василий Александрович раскрыл карту и вместе с комдивом несколько минут всматривался в нее, уточняя новый маршрут.

Вскоре связные умчались выполнять приказание. Колонна развернулась. Кавдивизион и разведчики Клейна, как будто этого и ждали, рванулись по новому маршруту. Первый полк из арьергарда превратился в авангард. Двинулись на юг. А позади слышалась артиллерийская канонада. Это Михайликов и Халупенко давали жару немцам на прощание.

Вершигора оказался прав! Пожалуй, в этом решении, как в никаком другом, ярко выявилась хитрая и расчетливая тактика комдива. Он расценил действия противника с его же позиций. Наши настойчивые попытки прорваться в пущу заставили немцев перебросить войска с юга. К тому же вражеская авиация засекла движение колонны на север. Немецкое командование решило, что партизаны не осмелятся идти на юг к Бресту с его многотысячным гарнизоном. Все это учел Вершигора. Кроме того, у противника были веские причины не допускать нашего прорыва на север, о которых мы узнали позже. Уже на марше штаб догнало отделение дивизионных разведчиков, побывавших в глубине леса.

— В пуще располагается большое количество складов, — докладывал Маркиданов. — Здесь же отдыхают и пополняются фронтовые резервы, в том числе авиадесантная дивизия «Герман Геринг». Имеется несколько домов отдыха для офицеров-фронтовиков. Ходят слухи, где-то в лесу находится крупный штаб…

— Теперь понятно, почему нам не удалось расколоть этот орешек, — торжествовал Вершигора, довольный принятым решением. — Ну как, Иван Иванович, кто остался в дураках? Эх ты, стратег!

— Сдаюсь. Вы оказались хитрой лисой, — сказал я. — Но с такими дурными немцами мы больше не встретимся. Зачем им потребовалось войска снимать с юга, когда достаточно сил в лесу?

— Надо понимать психологию врага. Они рассудили правильно. Наших сил враг наверняка не знает. Переполоху мы наделали немало. Допустить партизан в лес — значит подвергнуть опасности не только склады, но и штаб. Узнай мы точно, что это за штаб и где он находится, попробовали бы пощупать его, навели бы на цель нашу авиацию. Немцы учли это и решили — лучше нас туда не пускать. К тому же они боялись нагоняя от старшего начальства. — Вершигора вдруг подмигнул мне и, отвалившись в седле, засмеялся: — Немного и мы помогли немецкому командованию. Колонну в сторону леса начали вытягивать засветло специально, в качестве приманки для

воздушной разведки… Решение повернуть на юг созрело еще днем. Поэтому-то кавдивизион оставался в Рожковке. Больше того, Усач заранее, по моему указанию, разыскал надежного проводника, который ведет нас сейчас, а Войцехович разработал новый маршрут.

Я слушал, а сам думал: «Ай да Борода, ну и Петр Петрович, задал задачку фрицам!..»

Стремясь как можно дальше оторваться от немецкой группировки, несмотря на грязь и усталость людей и лошадей, наша дивизия всю ночь без остановки проселочными дорогами шла на юг, не встречая сопротивления противника. А в нескольких километрах восточнее, по шоссе на север спешили вражеские колонны автомашин с пехотой и артиллерией.

Каждый шаг отдалял нас от могил боевых товарищей, сложивших свои головы на поле брани.

Меня не покидала мысль о юном бесстрашном партизане Вале Косиченко. Много тяжких испытаний выпало на его долю за короткую жизнь. Но как бы трудно ни было, он никогда не роптал, без показного лихачества, добросовестно исполнял свой тяжкий долг, долг воина — народного мстителя. И всегда выходил победителем. Какое мужественное сердце надо иметь, чтобы все это выдержать!

Косиченко воевал честно и погиб с чувством выполненного долга. Совесть его перед товарищами чиста.

И подумалось мне тогда: непобедим тот народ, у которого каждый — от пионера до человека преклонного возраста — герой…

Забегая вперед, скажу, что Валя Косиченко посмертно был представлен к ордену Отечественной войны I степени. Это его четвертая награда.

Из огня да в полымя

Наступило утро 21 марта. Партизанская дивизия, не встречая на своем пути противника, все дальше уходила на юг. Несмотря на страшную усталость и плохую дорогу, партизаны были веселы. Еще бы! Так ловко обвести вокруг пальца не кого-нибудь, а опытных волков из дивизии «Герман Геринг».

— Представляю фашистов, когда утром, не дождавшись нашего наступления, обнаружат, что наш и след простыл! — смеялся Саша Ленкин.

— Да, силенок гитлеровцы поднакопили, — отозвался Тютерев. — Задержись мы там до утра — досталось бы нам на орехи.

В середине дня головная походная застава первого полка подошла к шоссе Высокое — Пружаны, западнее Видом ли, и неожиданно была обстреляна. Колесников не растерялся, повел в наступление роту. Противник был частью уничтожен, остальные разбежались. Один гитлеровец был захвачен в плен. От него узнали, что на нашем пути встретилась немецкая пограничная застава. Эта весть удивила партизан. Ведь границу мы уже пересекли на Буге. Оказывается, здесь, в полутора десятках километров севернее Бреста, гитлеровские власти установили новые границы Восточной Пруссии.

— Ничего себе кусочек прихватили! Белостокское воеводство и часть Брестской области, — возмущался Колесников.

Форсировали шоссе и подошли к селу Лешнев. Здесь вновь встретились с заставой. На этот раз с противником расправились кавалеристы при поддержке артиллерии.

В разгар боя над колонной появился немецкий «костыль». Его обстреляли. Самолет-разведчик уклонился и улетел на север. Через полчаса прилетели бомбардировщики. Самолеты начали делать разворот для удара по колонне, в это время, откуда ни возьмись, появилась туча, закрыла солнце. Повалил густой липкий снег. Белой пеленой заволокло небо. Немцы вынуждены были улететь ни с чем.

— Небесная канцелярия на нас работает, — смеялись партизаны. — Наверное, дед Ковпак ходатайствует в нашу пользу.

— А ты скажи: почему, как только нам тяжело, — всегда вспоминаем Сидора Артемовича? — спросил меня Тютерев и продолжал: —Вчера, когда нас прижали возле моста — ни взад ни вперед, — слышу, один боец говорит: «Эх, плохи наши дела, Сидор Артемович». — «Что ты там бубнишь?» — спрашиваю. «Да так, вспомнил Карпаты. И здесь не легче…» Боец рассуждает со

своей колокольни. Там, мол, было трудно, но тогда с нами шел дед Ковпак. А как сейчас? Я понял настроение товарища и постарался успокоить. Не зря же Ковпак и Руднев два года обучали нас партизанской тактике. Да и Петр Петрович — голова. Как видишь, и на этот раз оказался хитрее фашистских генералов.

— Большое дело, когда солдат верит в своего командира, — вставил незаметно подъехавший Василий Александрович Войцехович.

— Опытный боец понимает, что командир видит дальше, перед ним все карты открыты, — сказал Юра Колесников.

— Был в третьей роте Колька Мудрый. Хороший боец, — припомнил Войцехович. — Так он говорил: «Откуда у меня, Кольки Мудрого, храбрость берется? От командиров. Я сижу и лясы точу или же храпака задаю. А в это время Ковпак и Руднев не спят. Они маракуют, шевелят мозговыми извилинами, как мне, Кольке Мудрому, и другим моим товарищам жизнь сохранить. Поэтому и иду я в бой, не оглядываясь назад, смело, верю в успех. Знаю, что командиры меня не подведут. И я за них готов жизнь отдать, потому что они нужны не только Кольке Мудрому, хотя, как сказал писатель, жизнь дается один раз».

…Колонна начала втягиваться в Олешковичи. Налетевший ветер разорвал тучи. Появились просветы. В эти-то просветы из-за облаков вынырнули «юнкерсы». Пролетая на малой высоте, они начали бомбить. Первые бомбы упали на огородах и не принесли вреда ни партизанам, ни жителям. В селе скопилось до двухсот подвод и около тысячи партизан. Не сделай летчики промаха, мы понесли бы большие потери.

Бомбардировщики начали разворот для второго захода. И снова нам на выручку пришел густой, большими хлопьями снег. Под прикрытием метели колонна быстро рассредоточилась. Обоз замаскировался в роще западнее села.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. На этот раз бомбардировщики получили раздолье и обрушились на село. Как из мешка посыпались противопехотные бомбы. Напоминая колбасы, полетели «зажигалки». Возникли пожары. Партизаны и жители кинулись тушить.

Разгрузившись, бомбардировщики снизились и начали обстрел из пулеметов. Падали убитые и метались по селу раненые лошади. Радистки Нина Янчин и. Мария Погребенко подхватили тяжело раненного бойца из поврежденной бомбой повозки и укрылись за ветряком. Девушек заметил немецкий летчик и начал за ними охотиться. Пролетая над самыми крышами домов, делая круги вокруг ветряка, фашист пытался расстрелять их с малой высоты. Спасаясь от пуль, радистки

носили раненого вокруг ветряной мельницы… Этот поединок продолжался до тех пор, пока фашист не израсходовал патроны. С досады, что не удалось прикончить девушек, он высунулся из кабины, пальнул вниз из ракетницы и улетел за новым грузом.

С одного из самолетов сбросили какой-то предмет, который со страшным воем приближался к земле. Люди попадали и с ужасом в глазах следили за загадочной «бомбой». Послышался глухой удар о землю. Ждем взрыва. Но взрыва не последовало. Первым к загадочному предмету, с мерами предосторожности, подобрались саперы. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что «бомбой», нагнавшей столько страха, была… пустая продырявленная металлическая бочка из-под бензина.

— Фашисты не лишены юмора, — заметил минер Владимир Дубиллер…

Пулеметчики и бронебойщики обстреляли воздушных пиратов и отогнали их от села. Колонна возобновила движение. Вершигора, Войцехович и Москаленко проезжали вдоль колонны и поторапливали:

— Впереди шоссейка, надо перескочить через нее, пока противник не перекрыл путь.

Все же противник упредил нас. Сразу же за Олешковичами кавдивизион и разведрота столкнулись с гитлеровцами, наступавшими от шоссе на село. Произошел встречный бой. Тутученко с эскадроном бросился на врага, сломил его сопротивление и погнал к шоссе. Однако развить успех эскадрона не сумели. Местность топкая, наступать приходилось лишь вдоль дороги. Произошла задержка. Этим воспользовались немцы: со стороны Бреста на автомашинах подоспела пехота, отразила натиск партизан и перешла в наступление. Наступали с двух сторон: из села Турна и местечка Чернавчицы. Ленкин и Роберт Клейн вынуждены были отвести свои подразделения к пылающим Олешковичам.

Ободренный первым успехом, противник ввел в бой значительные силы и охватил нас подковой с трех сторон, стараясь прижать к болоту. Атаки следовали одна за другой. Казалось, враг разгадал, что мы испытываем крайнюю нужду в боеприпасах. Наше командование взяло на учет каждый патрон, каждую гранату, раздало последний неприкосновенный запас, хранившийся в дивизионном обозе в личном распоряжении комдива. Даже радисты отдали все до последнего патрона бойцам стрелковых рот. Расходовали сверхэкономно. Это и давало основание противнику судить о недостатке у нас боеприпасов.

Наступила темнота. Самолеты улетели, но бой не утихал. Создалась тяжелая обстановка для дивизии. Прорыв вперед

требовал больших жертв. Назад идти — упустить инициативу, добровольно передать ее в руки фашистов. В стороны тоже не пройти — болото. А выбраться надо было ночью. Противник к утру сумеет прочно блокировать, а авиация не даст ни минуты покоя.

Не только командиры, но и бойцы понимали, в каком критическом положении оказалась дивизия. В этом я убедился, когда пробирался вдоль плетня, за которым залегли и вели бой партизаны, и случайно подслушал разговор.

— Неужели это конец?! Обидно, столько перенести и погибнуть, когда до партизанского края можно рукой дотянуться, — говорила приглушенным голосом девушка. — Почему ты молчишь?

— А что говорить? — грубовато ответил парень.

— Как ты думаешь, вырвемся? — допытывалась девушка.

— Ясное дело! Не в таких переплетах приходилось бывать, — успокаивал парень. — Бороду с Войцеховичем не так легко одурачить. Да и Усач с Клейном не сидят сложа руки. Видала, как конники и разведчики зашевелились?

— Ты уверен, прорвемся? — обрадовалась девушка и горячо зашептала:

— Знаешь что?

— Что?

— Давай дадим клятву: если останемся живы — никогда не расстанемся!

— Давай, — коротко ответил парень…

После войны мне много раз приходилось в мемуарах, повестях, различных очерках встречать описание состояния и дум человека, попавшего на войне в тяжелое, порой безвыходное положение. По воле автора, перед мысленным взором героя в короткие мгновения, как на экране, проходит вся жизнь, вспоминаются мать, отец, любимая девушка, детство, родительский домик с одинокой (обязательно одинокой) березкой и еще что-то в этом роде. Не спорю, возможно, случалось и такое. Но на собственном опыте и на опыте своих боевых товарищей точно знаю, что в подобных случаях об этом просто некогда думать.

Первая мысль, которая приходит, — что надо сделать, чтобы обмануть противника и выполнить задание. На этом сосредоточиваются все помыслы, всё умение, вся энергия. А за этим уже следует — как из этого трудного положения выбраться живым. Потом, если тебе удастся уцелеть, в спокойной обстановке, когда полностью осознаешь, какой опасности подвергалась твоя жизнь, обдумывая все случившееся,

вспоминается и прожитая жизнь, и родители, и все, что дорого, в том числе и одинокая березка.

И на этот раз пара влюбленных меньше всего думала о прошлом. Их занимало настоящее и будущее, волновал вопрос, как вырваться из этого тяжелого положения.

…Разведчикам не удалось найти выход из ловушки. Положение становилось отчаянным. Неравные бои, несколько суток без сна и последний изнурительный двадцатичасовой переход от Беловежской пущи вконец измотали людей и лошадей. Наши силы были на пределе. В этот-то, казалось, безвыходный момент, как и в Кособудах, пришла неожиданная помощь. Вызволил местный житель, древний старик.

— Есть одна лазейка, — сказал он. — Можно попытаться.

— Какая? — ухватился за это предложение Вершигора.

— Через болото, вдоль водосточной канавы по брустверу, — ответил старик. — Летом мы по ней сено вывозим с лугов.

Проверить маршрут поручили Ленкину.

Прождали часа два. Все это время отражали атаки фашистов. Саша вернулся довольный и радостно доложил:

— Есть спасение! Тропа топкая, но нам и не по таким приходилось топать.

Решили воспользоваться тропой. Дивизия прикрылась ротой, вышла из боя и, с большим трудом преодолевая болото, пошла в обход.

Обгоняя обоз раненых, я услыхал слабый голос, звавший меня. Подъехал к подводе и в темноте рассмотрел раненого Бокарева.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Терпеть можно, — простонал Степа, помолчал и добавил: — Я все время думаю о комиссаре, Витьке Богданове, Вале Косиченко… Каких людей потеряли!

— Не говори, дорого нам обошелся этот бой, — ответил я.

— А что слышно о группе Бычкова? — спросил Степа.

— Пока ничего. Но там ребята бывалые, выкрутятся, — постарался я успокоить Бокарева.

— Хорошо бы. С ними мой друг — Даниленко. С Лешей мы вместе пришли в отряд, только меня направили к Бакрадзе, а его к Тютереву. Там нужен был минометчик.

Видно, Бокареву захотелось поговорить. Мне спешить некуда, и я спросил:

— Даниленко — твой земляк?

— Нет. Мы с ним познакомились на войне. В сорок первом году он в бою под селом Зубовщиной Коростенского района был тяжело ранен, остался среди трупов. После боя крестьяне пошли

подбирать трофеи. Одна гражданка начала с Леши сдирать одежду. Сняла шинель, гимнастерку, сапоги. Стала стаскивать брюки. Даниленко очнулся и говорит: «Хозяйка, помогите». А она в ответ: «Да все равно тебе, сынок, помирать», — и ушла, забрав барахло. К счастью, нашелся добрый человек — Илья Каленский из ближайшего села. Он забрал к себе тяжело раненного Лешу, помог ему встать на ноги. Когда Леша поднялся, он увидел ту женщину, которая его раздела. Она оказалась соседкой Каленских… Барахольщица успела распродать его одежду, осталась только шинель…

— Выходит, Даниленко воскрес из мертвых?

— Получается так.

— Долго будет жить.

Разговор прервал подъехавший Колесников.

— Можно тебя на минутку? — вполголоса позвал меня Юра.

Я придержал лошадь, он поравнялся со мной и сказал:

— Пушка потерялась.

— Брось разыгрывать!

— Серьезно. Проехал вдоль всей колонны. Нет…

— Может, не заметил? Я видел, как они в Олешковичах снялись с огневой позиции и возле сарая ждали выступления. Возьми кого-нибудь из разведчиков и еще раз проверь.

Он повернул лошадь и поехал обратно. О разговоре со старшим лейтенантом я решил пока никому не говорить. Не следует лишний раз нервировать ни командира, ни бойцов. Возможно, пушка преспокойно движется в колонне. Не было еще такого, чтобы пушку потеряли.

Прошло полчаса, час, а Колесников не возвращался. Я не на шутку встревожился. Долго колебался, а когда решил доложить, из темноты вынырнул Юрий.

— Нашел? — нетерпеливо спросил я.

— Нашел… возле сарая, — ответил Юра.

— Где? — не поверил я своим ушам.

— Возле сарая, на окраине Олешковичей… Что бы ты думал? Стоит как миленькая на том месте, где ты ее видел в последний раз. Артиллеристы спят мертвецким сном. Еле разбудил, пришлось плетку пустить в ход. Еще бы немного, и плакала пушка вместе с артиллеристами. На противоположной окраине села немцы пуляют ракетами…

— Где она сейчас?

— В колонне, на своем месте.

— Спасибо тебе. Теперь езжай доложи Вершигоре. Пусть накрутит хвосты артиллеристам.

— Да и их жаль. На ногах не стоят.

— Другие не меньше устали. Такое прощать нельзя. Доложи.

Колесников разыскал Вершигору в голове колонны в тот момент, когда от шоссе Видомяя—Чернавчицы вернулось отделение Маркиданова. Разведчики доложили, что противник занимает оборону вдоль дороги. По шоссе все время курсируют танки.

Близился рассвет. Мы повернули на восток и вышли к шоссе Брест—Каменец, южнее Видомли. К месту, облюбованному нами для переезда, подъехало десять автомашин с гитлеровцами. Они ехали с зажженными фарами. Судя по их поведению, нас еще не заметили. Машины остановились, и из кузова высыпали немцы. Пройдет немного времени, и они займут оборону в кюветах.

Откровенно говоря, появление фашистов у нас не вызвало особого восторга. Мы настолько устали, что, казалось, готовы были лечь прямо в грязь и спать как убитые. Тогда никакая сила не подняла бы нас для решительного броска. Это понимал Вершигора. Понимал он и другое. Нельзя упускать выгодного момента. Танки еще не подошли, а пехота не изготовилась к бою.

Петр Петрович вскочил на коня, снял с плеча автомат, скомандовал: «Вперед!» — и пустил рыжего галопом к переезду. За ним в атаку бросились Войцехович, Бакрадзе, Кульбака, Ленкин, Андросов, разведчики, взвод управления артбатареи во главе с Прутковским и десяток мальчишек-связных.

По колонне понеслись тревожные возгласы:

— Комдив пошел в атаку!

— Борода в опасности!

Первым на выручку бросился начальник штаба кавдивизиона Семен Тутученко, только что подоспевший с эскадроном. Пехотинцы, даже ездовые, забыв об усталости, устремились к переезду. Партизаны в этот удар вкладывали кипевшую к врагу ненависть и зло за смерть товарищей, бессонные ночи, голодные дни и изнуряющие бои…

Застигнутые врасплох фашисты метались по шоссе, старались укрыться в кюветах. Кавалеристы кинулись преследовать удиравших. Тутученко устремился за убегавшим немцем — не то полковником, не то генералом. Тот улепетывал от настигавшего всадника. Когда понял, что спастись не удастся, остановился и дважды выстрелил из пистолета в Тутученко, и оба раза промазал. Третьего выстрела не последовало. Семен взмахнул шашкой, вкладывая в удар всю свою силу…

Подоспел третий полк и завершил разгром врага. Было убито свыше ста гитлеровцев, сожжено три бронемашины и пять грузовиков.

В то время, когда партизаны расправлялись с гитлеровцами, у

переезда чуть было не вспыхнула паника. Один из наших командиров (не буду называть его фамилии) увидел, как Вершигора со штабом и горсткой партизан бросился на врага, вместо того чтобы поспешить на помощь, начал истерически кричать:

— Товарищи, нас предали! Вершигора со штабом бежал!!! Мы пропали!

К нему подбежало несколько ездовых. Ничего не понимая, они слушали его с раскрытыми ртами и растерянно озирались. Раненые, оставленные ездовыми без присмотра, беспокойно заерзали на повозках… Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не боец, раненный в ноги. Он выдернул из-под подушки автомат и закричал:

— Брешешь, гад, наши командиры не продажные!

Этот крик как рукой снял с ездовых оторопь. Они кинулись от паникера, как от прокаженного…

О том, что творится на переезде, кто-то сообщил Вершигоре. Прискакал разгоряченный боем Петр Петрович.

— Панику поднимать?! — наезжая на паникера и теряя самообладание, кричал комдив. — Получай!

Он направил на паникера автомат и нажал на спусковой крючок. Послышался щелчок. Быстро перезарядив, Вершигора вторично навел автомат… Выстрела не последовало. Магазин пустой. Бросив автомат на землю, Петр Петрович протянул руку к кобуре, но сзади за руку схватил его Миша Андросов.

— Товарищ подполковник, опомнитесь!

— Пусти! Застрелю! — горячился Борода, вырывая руку…

Пока комдив боролся с Андросовым, паникер, изрядно перетрусив, улизнул и затерялся в обозе.

Вершигора бушевал. Никогда я не видел его таким разгневанным и возмущенным. Примчались Войцехович, Ленкин и Бакрадзе. Успокоили комдива, навели порядок в колонне. Дивизия возобновила движение.

Петр Петрович был мрачнее тучи. Рядом с ним ехал замполит Москаленко. Они о чем-то тихо говорили.

О случае на переезде никто из партизан не вспомнил. А командир, поддавшийся панике, несколько суток не появлялся на глаза Вершигоре.

…Утром расположились в селах Демьянче и Хмелево, недалеко от Бреста. Заняли круговую оборону. К Каменцу, Бресту и Жабинке выслали разведку. Несмотря на сильную усталость, почти никто не ложился спать. Соседство с Брестом не давало покоя.

Первыми от Бреста возвратились дивизионные разведчики.

Еще издали можно было заметить, что они возбуждены.

— Что нового? — спросил я разведчиков.

— Новостей куча, — весело ответил Павлик Лучинский. — В Бресте гарнизон в четыре тысячи человек. Есть и танки.

— Ничего себе соседство! Почему же вы веселитесь?

— Немцы получили приказ — во что бы то ни стало удержать город. Еще с вечера не вылазят из дотов и дзотов.

— Если так, то пусть себе на здоровье держат, — сказал я с облегчением.

Расчет Вершигоры на психику противника оказался верным. Дневка первого полка и штаба дивизии прошла спокойно. По всей вероятности, командование брестского гарнизона не имело никакого представления о наших силах, а главное о том, что нам почти нечем было воевать. Их ввела в заблуждение народная молва, преувеличившая наши силы раз в десять. В противном случае враг не отсиживался бы в дотах и дзотах.

Второму и третьему полкам и на этот раз пришлось выдержать двенадцатичасовой бой с противником, наступавшим со стороны Каменца.

Вечером дивизия, отразив наступление немцев, выступила в поход. Однако в последний момент около двух батальонов противника напали на Хмелево, где оборонялся кавдивизион. Оставив второй эскадрон Тетеркина для прикрытия, дивизия продолжила марш. Три часа кавалеристы отбивали атаки гитлеровцев, потом сели на лошадей и догнали колонну.

Партизанская дивизия оторвалась от карателей, пересекла шоссе Каменец—Жабинка и ускоренными переходами пробиралась в белорусские леса Пинщины. Очередная дневка в селениях Кривляны и Пестенки, в пяти километрах западнее железной дороги Барановичи—Брест, прошла спокойно. Видимо, противник потерял нас из виду. Наше появление у переезда южнее станции Тевли было неожиданным, поэтому с охраной справились сравнительно легко. И только дивизия начала переход через железную дорогу, как со стороны Барановичей появился поезд.

— Батальон, к бою! — подал команду Колесников, ехавший во главе первого батальона.

Мы не сомневались, что это бронепоезд. О нем наслышались от местных жителей… Наши артиллеристы изготовились к бою. Они не дождались, пока паровоз наедет на подложенную мину, и ударили из орудия. Снаряд угодил в котел. Окутанный паром, шипящий паровоз по инерции прокатился метров двести — двести пятьдесят и остановился.

— Батальон, за мной! — выкрикнул Колесников.

Партизаны побежали вдоль железнодорожного полотна к поезду. Навстречу ударило свыше десяти пулеметов. Немцы толком не поняли, откуда нападают партизаны, и стреляли во все стороны. Трассирующие пули пролетали над колонной. Растерявшийся ездовой не справился с лошадьми, и одна из штабных тачанок опрокинулась прямо на переезде. Движение застопорилось. Верхом на коне подскакал Вершигора и вместе с ездовыми поднял тачанку.

Бой разгорался нешуточный. К счастью, это был не бронепоезд, а эшелон с танками и бронемашинами, установленными на платформах. Экипажи, видно, были на своих местах. Поэтому-то эшелон так сразу и ощетинился мощным пулеметным огнем.

Колесников развернул бойцов в цепь. Пулеметчики и автоматчики взяли под обстрел весь эшелон. Бронебойщики с близкого расстояния начали расстреливать танки. Удалось зажечь несколько машин. Юра так увлекся боем, что забыл о своей главной задаче: расчищать путь для всей дивизии. С противоположной стороны дороги послышался возглас Цымбала:

— Прекратите стрельбу, своих перебьете! Мы сами справимся.

Первый полк ушел. Разгром эшелона довершил батальон Цымбала. Огнем из противотанковых ружей, орудий и гранатами были подбиты и сожжены 14 танков, 8 бронемашин, 8 автомашин, 27 платформ и три вагона. Эшелон шел с двойной тягой. Оба паровоза были выведены из строя.

Кстати сказать, из-за этих танков вышел спор. Командир третьего полка Брайко утверждал, что все танки и бронемашины уничтожили его хлопцы. Колесников доказывал, что по крайней мере половина из них уничтожена первым батальоном. А если здраво рассудить, то какая разница, кто уничтожил. Ведь дело сделано!

— Этого нам фашистские генералы не простят, — сказал Бакрадзе. — Придется снова бодрствовать.

— Так мы и спать разучимся, — невесело пошутил Тютерев.

Основания для опасений были. Части дивизии на отдых расположились в селах Подлесье, Еремичи и Стрый, в семи — девяти километрах севернее Кобрина. Здесь мы встретились с белорусскими партизанами бригады имени Чапаева. От них узнали, что в Кобрине и Жабинке полно гитлеровских войск и большое количество танков. Одни говорили — 4000, другие — 7000 машин. Такое соседство было для нас не из приятных.

Об отдыхе не могло быть и речи. Подразделения заняли круговую оборону, окопались. Под Кобрином побывали наши

разведчики. Они подтверждали, что в Кобрине и прилегающих селах большое количество войск и много танков. Правда, меньше четырех тысяч раз в пять, но для нас достаточно было и этих. Мы не в состоянии справиться и с пятидесятью. Кроме того, разведчики принесли новость, над которой нам пришлось призадуматься.

— Местные жители рассказывают: за последнее время немцы производят усиленные переброски войск из Белоруссии на юг, — доложил командир разведки Барсуков.

— Значит, на Украине наши что-то затевают, — высказал предположение Колесников.

— Возможно, там уже заварилась каша, — сказал Тютерев.

— Может быть и другой вариант, — высказал свое мнение Бакрадзе. — Не готовят ли там удар сами фашисты. Об этом немедленно надо доложить Вершигоре, сообщить на Большую землю.

Такого мнения было большинство из нас. Если не так, то чем же объяснить эти переброски?

Забегая вперед, скажу, что мы сами были свидетелями спешной перегруппировки войск противника. Но никто тогда из нас даже не мог предполагать, что это — результат тщательно проведенной советским командованием дезинформации, заставившей гитлеровское командование снять часть сил из группы армий «Центр», ослабив тем самым группировку в Белоруссии, где и намечался прорыв советских войск.

Об этом мы узнали гораздо позже. А сейчас настраивали свои рации на радиоволну станций, передающих сводки Совинформбюро, и тщетно ожидали сообщений о крупных событиях на Украинских фронтах…

Самый момент активизировать свои действия, срывать планомерную перевозку войск. Но мы были бессильны. Не было взрывчатки. Боеприпасы — только трофейные. Свыше трехсот раненых и такое же количество больных из числа освобожденных из немецкого плена. Народ выбился из сил, нуждался в отдыхе. Решили пробираться в леса, подыскать место для посадки самолетов, отправить раненых, пополниться всем необходимым, поставить на ноги больных и с новыми силами приняться за дело.

Беспокоились мы напрасно. В Кобрине не знали о близости партизан. И только в середине дня третьему полку пришлось повоевать.

Мы узнали, что карательный отряд немцев и мадьяр провел облаву в селах Именин, Босяч, Береза и согнал до десяти тысяч белорусских крестьян, намереваясь отправить их на каторжные работы в Германию. Колонна мирного населения, конвоируемая

гитлеровцами, приближалась к селу Подлесье.

— Надо вызволять советских людей, — сказал Вершигора. — Кто у нас в Подлесье?

— Третий полк, — ответил Войцехович.

— Вот и поручим Пете Брайко. Если потребуется помощь — пошлем Ленкина.

Помощь не потребовалась. Брайко своими силами справился с врагом. Бой длился около шести часов. Противник потерял больше ста человек и отошел в Кобрин. Десять тысяч белорусов были освобождены из плена и избавлены от высылки в Германию. Многие парни и девушки попросились к нам в соединение. Трех шестнадцатилетних девушек забрал доктор Зима в полковую санчасть.

В ночь на 26 марта 1944 года дивизия с боем форсировала шоссе Брест—Барановичи. Вторым полком уничтожено две бронемашины, пять автомашин, свыше шестидесяти гитлеровцев.

Теперь мы вышли в район действия белорусских партизан. «Ход конем» удался на славу.

После почти трехмесячных непрерывных боев и походов дивизия остановилась в местечке Мотоль на реке Ясельде, заняла оборону на рубеже Униров, Псишев, Трилиски, Дрожиловичи, Зарудье, Достоево и Молодово.

— Постоим дня три. Здесь хорошая баня, надо попарить партизанские кости, погонять вшей, — сказал Вершигора.

На передний план выступили помпохозы и старшины. Организовали стирку белья, обмундирования, починку обуви, баню.

В Мотоле мы установили связь с белорусскими партизанами Брестской области, партизанскими бригадами Гуляева, Цветкова и несколькими местными отрядами, которые базировались в Пинских лесах близ реки Ясельды.

Неожиданная встреча

Каких только сюрпризов не преподносит война. Преподнесла один из них и в Мотоле.

Через местечко проходила партизанская конница. Наши бойцы группками толкались на улице, смотрели на незнакомое войско, переговаривались.

— Эй, орлы, с какого фронта? — шутя, спросил Тютерев.

— Белорусского, — в тон ему ответил парень в кубанке с красной лентой.

— Чья армия?

— Полковника Жунина.

— Впервые слышу о таком полководце…

— Еще услышишь.

— Куда путь держите? — допытывался комбат.

— Вперед, на запад! — улыбнулся парень.

— Э-э, братцы, вы, оказывается, ориентироваться не умеете, — поддел Тютерев. — Запад за вашей спиной.

— Неужели! — деланно удивился парень в кубанке, натянул повод, остановил лошадь и скомандовал: — Сто-й! Привал…

Конники спешились и сразу же оказались в окружении ковпаковцев. Началось, обычное в таких случаях, знакомство, разыскивались земляки.

— Воронежцы есть?

— Кто с Волги?

— Сибиряков, сибиряков подавай! — выкрикивал Тютерев, расшнуровывая свой огромный кисет с самосадом и предлагая угощение.

Земляки сбивались в группки, выясняли подробности, оживленно галдели, тискали друг друга, угощали куревом. Кто-то из белорусских партизан вытащил из кармана трофейную зажигалку и предложил:

— Махнем не глядя?

— Отстань, меняла, ты лучше скажи: нет среди вас северян, архангельцев? — спросил Лучинский.

— Как не быть?! Есть один архангельский мужичок, — ответил щеголеватый кавалерист. — Петька, где ты? Тут твой земляк объявился…

Из толпы выбрался партизан, перепоясанный ремнями, с автоматом через плечо и пистолетом на боку. Ведя коня в поводу, он подошел и солидно спросил:

— Кого интересует моя персона?

— Меня, — просиял Пашка Лучинский. — Я из Онеги.

— Из Онеги? — обрадовался Петька. — Вот здорово! Хоть одного земляка за войну встретил. Звягин моя фамилия.

— Лучинский, — назвал себя Павлик и крепко пожал руку земляка.

— Что у вас в Архангельске только Звягины водятся? — спросил Тютерев, прислушиваясь к разговору.

— Почему же? Есть вот и Лучинские, — улыбаясь, ответил Петр.

— У меня в батальоне есть один из Архангельска и тоже Звягин. — Тютерев обернулся и крикнул: — Барсуков, позови Федора Васильевича!

— Как вы сказали? Федор Васильевич? — изменился в лице Петр Звягин.

— Ну да, Федор Васильевич — отличнейший пулеметчик и разведчик…

— Федя? Нет, нет этого не может быть, — взволнованно забормотал Петр. Нетерпеливо спросил: — Где же он?

— Звягин, к командиру!

— Федя, комбат вызывает! — послышались голоса.

— Сейчас будет здесь, как штык, — заверил Тютерев, оглянулся и, указывая на высокого белобрысого партизана, не спета пробиравшегося среди бойцов и лошадей, сказал: — Да вот и он собственной персоной.

Петр присмотрелся, уронил повод и кинулся навстречу Федору, выкрикивая:

— Федя! Брательник!

А тот, услышав знакомый голос, вздрогнул, застыл на месте и немигающими глазами уставился на приближавшегося к нему кавалериста. Узнав в нем своего младшего брата, со всех ног бросился к нему.

— Петька!

— Федя!

— Ты? Живой?

— Ага… А ты?

— И я!..

Партизаны вдруг притихли и с интересом наблюдали за необычным событием. Не часто на войне бывают подобные встречи. А братья сошлись, остановились и некоторое время рассматривали друг друга, видимо, еще не веря своему счастью. Потом, не говоря ни слова, обнялись, целовались и плакали, не стыдясь мужских слез. Да и некоторые партизаны не удержались, смахнули непрошеную слезу…

Ну, как ты, здоров? — первым взял себя в руки Федор.

— Как видишь…

— А мы давно тебя похоронили. Извещение о твоей смерти получили.

— Долго буду жить.

— Последнее письмо от тебя было накануне войны, из Прибалтики. Помнишь, ты сообщал, что вам выдали каски, медальоны? Ёщё ты там писал: «Будем решать судьбу Европы…» Помнишь?..

— Помню, Федя, помню. На деле видишь, как получилось, — ответил Петр.

— Как ты оказался в партизанском отряде?

— Воевать начал на второй день после нападения фашистов. Но не долго. Был ранен. Угодил в плен, бежал…

— Значит, и ты горя хлебнул, — сочувственно покачал головой Федя.

— А кто его не хлебнул? Война… Обидно, что дома нас считают погибшими.

— Меня считали, теперь — нет, — ответил Федор.

— Ты думаешь? — усомнился Петр.

— Знаю. Письма получаю…

— Письма из дома? Получаешь и молчишь? — оживился Петр. — Что же там? Как они?

— Все хорошо, нормально, — Федор извлек из внутреннего кармана пачку писем и протянул: — На, почитай, там о тебе тоже есть…

Петр нетерпеливо выхватил письма из рук брата, трясущимися руками вынул из конверта пёрвое попавшееся и начал жадно читать. Он волновался, глаза его блестели. Казалось, Петр забыл где он, никого не замечал. На его лице отражались то грусть, то веселая радостная улыбка…

Уже кавалеристы попрощались с ковпаковцами, взобрались в седла и двинулись в путь, а Петр пропустил мимо ушей, брошенное парнем в кубанке «Звягин, догоняй», продолжал перечитывать письмо за письмом, впитывая в себя новости из родного дома.

Когда он закончил читать последнее письмо, кавалерийская колонна скрылась в лесу. Неохотно возвращая письма брату, Петр попросил:

— Напиши им обо мне, жив, дескать… пусть не волнуются. Не знаю, когда подвернется возможность написать самому.

— Обязательно напишу, — пообещал Федор, а потом предложил — Оставайся с нами. Я попрошу командира… Примут. Вместе будем воевать.

Петр внимательно посмотрел на брата и в свою очередь спросил:

— А ты пошел бы с нами?

— Нет, что ты! Как можно…

— Вот видишь? Разве я брошу товарищей, с которыми более двух лет вместе провоевал! Давай прощаться. Неизвестно, придется ли свидеться.

— Теперь рядом будем. Обязательно встретимся, — уверенно проговорил Федор.

Братья обнялись на прощание. К Петру подвели его коня. Он перебросил повод через голову лошади, взялся левой рукой за переднюю луку седла, вставил ногу в стремя, вдруг обернулся к брату и сказал:

— А судьбу Европы все-таки придется решать нам — советским людям.

Оттолкнулся правой ногой от земли, молодецки взлетел в седло, дал шпоры, Конь с места взял галопом и унес всадника вслед ушедшей колонне.

Федор, взволнованный встречей с братом, стоял среди улицы в окружении товарищей, смотрел вслед удаляющемуся Петру, махал рукой на прощанье и выкрикивал: «Будь здоров, Петя! До скорой встречи!» Он даже не подозревал, что следующая встреча состоится лишь после войны в родном доме.

Товарищи поздравляли Федора, оживленно делились впечатлениями.

— Просто не верится, — не мог успокоиться Федор. — Не гадал и не чаял и вот на тебе — встреча!

— Везучий ты, Федя, — позавидовал Лучинский. — Может, и мой брат Серега тоже где-то рядом…

Через несколько дней я встретил Звягина. Он был задумчивый, невеселый, шел не замечая меня.

— О чем задумался, детина? Почему начальство не приветствуешь? — нарочито строгим голосом спросил я Федора.

— Виноват, товарищ начштаба… Размечтался.

— Какие заботы одолевают счастливца?

Звягин помялся немного, потом быстро заговорил:

— Все о брате думаю. Встреча разбередила душу, заставила рейдом пройти по всей жизни. Вспомнил наше детство, а оно не очень легкое. Сколько хорошего стороной прошло. Мне скоро тридцать пять…

— Неужели! — удивился я. — На вид тебе не больше двадцати пяти.

— Ничего не поделаешь, такая уж у нас природа моложавая, — улыбнулся Звягин.

Федор Васильевич не впервые «проходит рейдом по своей жизни». Чаще молча, наедине с собой, а когда возникает

потребность выговориться, вслух возле костра. Помню, как в Собычине в канун нового 1944 года Звягин рассказывал о своем житье-бытье.

— Мне бы скакать верхом на лошади, рядом с Сашей Усачем. Я ведь сын пастуха, — начал тогда рассказ Звягин. — Земли-то у нас было всего две десятины, а семья одиннадцать душ. Урожаи на архангельской земле — сами знаете какие. Не сладко жилось. Приходилось прирабатывать на стороне. Отец нанялся пастухом к заводчику, доглядал за табунами. Я пошел к нему помощником и с шести лет научился ездить верхом. Два моих брата умерли. Осталось нас четыре брата и три сестры. На двух десятинах не прокормиться. Подрастали и уходили на заработки. Я с десяти лет пахал. От горшка два вершка, из-за сохи не видно, а пахал. Жал серпом недозрелый ячмень…

Из рассказа Звягина я узнал, что в 1917 году он пошел в школу. Здесь впервые от учителя услышал о большевиках, о Ленине. До них дошла весть — свергли царя. Свергнуть-то свергли, а положение мало изменилось. Затем заговорили о новой революции, о большевиках. Наступила пора митингов. Имя Ленина не сходило с уст. Оно повторялось на разные лады. Одни — это трудовой люд — с именем Ленина связывали надежды на лучшее будущее. Другие — богатеи — наоборот…

Была провозглашена Советская власть. Земля — крестьянам. Заводы, фабрики — рабочим. Мир — народам. Долой войну! Но, как бы в насмешку, именно теперь война докатилась и до Архангельска. Здесь собрались отряды белогвардейцев. Нагрянули заморские интервенты. Кого только не было! И американцы, и французы, и англичане… И все вкупе с белогвардейцами, против большевиков, против трудового народа.

Школы закрылись. Наступило раздолье для десятилетнего Феди и его дружков. Ни один митинг, ни одна демонстрация не проходили без их участия… Они были свидетелями расправы над сторонниками Советской власти, которых вывели на мхи и расстреляли.

После разгрома белогвардейцев и изгнания интервентов начала налаживаться жизнь. Звягин плавал на речных колесниках, рыбачил на Мурмане, плотничал. Затем обучился шоферскому делу и до начала войны работал шофером на Исакогорском лесокомбинате.

В первый же день войны Федора, вместе с двумя братьями, мобилизовали. Четвертый — младший Петр — был в военном училище в Прибалтике.

Федора Васильевича направили в авиационную часть. Обслуживал аэродромы, обеспечивал связь, подбирал летчиков,

выпрыгнувших из горящих самолетов. Летчики, что разведчики: на задание улетают группами, а возвращаются не все. Звягину казалось, что все при деле, лишь он один не воюет, круглые сутки гоняет машину. Это угнетало. В пору хоть в пехоту убегай.

В опасностях и тревогах проходили дни, недели, месяцы. Однажды Звягин повез связистов исправлять линию к аэродрому. Попали под бомбежку. Когда самолеты улетели, Федор кинулся разыскивать связистов. Не нашел. Решил один пробираться к аэродрому. Навстречу попадались машины. Шоферы советовали вернуться, пугали прорвавшимися немцами.

— У страха глаза велики, — отвечал им Звягин. — Где это ты увидели фрицев. Нет, пока не найду своих — назад не вернусь, — стоял на своем Федор и газовал на запад.

Проезжал деревню за деревней, но летчиков не находил. Въехал в одно село и напоролся на танк с крестами. Направил машину на танк, а сам вывалился из кабины и в коноплю. Фашисты окружили и схватили. Началось самое тяжелое: кошары, этапы, пересыльные лагеря, сон под открытым небом, колючая проволока.

Из головы не выходили слова присяги: «…Клянусь защищать ее (Родину) мужественно, умело… не щадя своей крови и самой жизни»… А что получилось? По-настоящему еще не воевал, не пролил крови и уже обречен на бесславную смерть. Нет, еще не все потеряно. «Бежать!» Легко сказать. А как? С пленных фашисты не спускали глаз. Побеги совершались каждый день, но мало кому удавались. Пытавшихся бежать тут же перед строем пускали в расход. Чуть было не постигла такая участь и Федора.

Во время одного из маршей несколько человек, с ними и Федор, бросились бежать. Фашисты всех переловили и повели к колонне. Звягин понимал — это конец. Он не растерялся: перескочил кювет, нырнул в колонну и забился в самую середину. Товарищи не выдали. Остальных, пытавшихся бежать, гитлеровцы расстреляли.

Первая неудача не сломила волю Звягина. Мысль о побеге не покидала его. Он придумывал новые варианты. Все решилось в Гомеле.

Пленных разместили в пересыльном лагере в белых конюшнях. Для многих этот лагерь стал «пересылкой на тот свет». Лишенные всякой помощи, пленные умирали, как мухи, от ран, голода и холода. Их раздевали, навалом, как бревна, грузили на двуколки и увозили. Потом двуколок стало не хватать. Приспособили для этой цели грузовики. Уцелевших партиями увозили на запад.

Федор Васильевич обратил внимание, что на территории

лагеря, на отдельной площадке, отгороженной колючей проволокой, стояло несколько крытых грузовиков. В эти машины перед вечером загрузили очередную партию пленных для отправки в тыл. Приметил, какую машину грузят последней. Значит, она и пойдет последней. Звягин договорился с Ефимом Клименком бежать.

Нашли слабое место в ограждении, выбрали удобный момент, проползли под проволокой, подбежали к машине и в кузов. А там набито, как сельдей в бочке. Втиснулись среди товарищей. Сердце колотилось словно набат, от нетерпения и страха дрожь в теле. Зуб на зуб не попадает. Лишь бы не вздумали проверять. Скорее бы в путь…

Настороженно прислушиваются. Слышат — подошли два немца, застегнули тенты на пряжки. Последовала команда. Захлопали дверцами кабин. Заурчали моторы. Машины одна за другой направились к воротам. Наконец вздрогнула автомашина, в которой находились беглецы, тронулась с места. Радость охватила Федора, но скоро пришлось еще поволноваться. Грузовик проехал немного и остановился. Видимо, при выезде с территории лагеря охрана проверяет документы. Федор и Ефим сидели ни живы ни мертвы. Успокоились лишь тогда, когда машина вновь тронулась, свернула на дорогу и покатила по шоссе.

Грузовики мчались вовсю. Колеса взвихривали снежную пыль. Встречный ветер хлестал по брезентовому тенту. Пленники выглядывали в щелки и замечали, как быстро сгущаются сумерки.

Когда отъехали порядочно и совсем стемнело, Звягин с трудом расстегнул большие пряжки, отвернул тент, вывалился с кузова и шлепнулся на дорогу. Вслед за ним, как горох, посыпались товарищи. При падении Федор сильно ушибся. От боли потемнело в глазах. А когда опомнился, увидел фары приближающейся машины. В луче прожектора замелькали фигуры беглецов, рассыпавшихся по полю. Из настигавшей машины ударили автоматы. Нитка трассирующих пуль прошила ночную темень. Превозмогая боль, Звягин рванулся к кустам. «Лишь бы успеть!» — единственное, о чем он думал в тот момент.

Добежал до кустов, зацепился за пень и упал, уткнувшись лицом во что-то колючее. Тут же вскочил и еще быстрее побежал в глубь леса. Он бежал, не замечая ни боли, ни крови, сочившейся с поцарапанного лица.

С облегчением вздохнул только тогда, когда понял, что ушел от погони. Почувствовал смертельную усталость. Остановился, прислушался. Ничего подозрительного. Сел, прислонившись спиной к дереву, и с ликованием повторял: «На свободе! На

свободе!» Слезы радости застилали глаза.

Готовясь к побегу, Звягин и Клименко договорились пробираться в село на Гомельщине, где у Ефима были родственники. Надеялись там на время укрыться. Вспомнив об этом, Федор спохватился: «Где товарищ?» Стал прислушиваться, но кроме ветра, шумевшего в верхушках деревьев, ничего не услышал. Отдохнул и пошел на поиски товарищей. Напрасные старания. Тех и след простыл. Сколько им удалось бежать, куда они подались — одному ветру известно.

Звягин решил идти в село, как условились с Ефимом, в надежде встретить там товарища. Однако Клименко там не оказалось. Прождал несколько дней. Ефим так и не пришел.

Не дождавшись товарища, Звягин отправился на поиски партизан. На хуторе Червона Дубрава его свалил недуг. Болезнь затянулась надолго. А когда окреп, вновь отправился на поиски. Однажды вошел в село, а навстречу ему немец. Звягин — наутек. А тот, которого он принял за немца, бежит за ним и кричит: «Стой, я русский!» — «Знаем вас, полицаев. Не обманешь. Я уже ученый», — подумал Звягин и еще быстрее припустил. Преследователь понял, что ему не догнать, дал очередь из автомата. Звягин плюхнулся на землю и, извиваясь ужом, пополз в сторону, мысленно прощаясь с жизнью. Вдруг над его головой раздался властный голос:

— Чего, дура, от партизан бегаешь? Не рад встрече? Вставай, пойдем в штаб, там разберутся, что ты за птица…

Это был Володя Петушков из четвертой роты Путивльского отряда.

Когда Федора привели к командиру роты Пятышкину Павлу Степановичу, он понял, что действительно попал к партизанам. Кончилась его бродяжническая жизнь.

— Так я стал партизаном. Много пережито, но это все позади. Надо наверстывать упущенное. Лучше смерть в бою, чем унижения и позор в плену, — закончил тогда рассказ Звягин.

Более полугода Федор Васильевич Звягин числился в списке без вести пропавших. И он поспешил исправить эту ошибку. С первым же самолетом отправил письмо домой, чтобы обрадовать жену и родителей своим воскрешением.

Ответа ждал с большим нетерпением, а когда получил, то приуныл. Товарищи допытывались, что случилось. Федор долго отмалчивался. Однако партизаны не тот народ, от которого можно отделаться молчанкой. В конце концов он уступил, дал прочитать письмо. Жена распекала его на чем свет стоит. «Как это так, находишься в Москве, где ничего тебе не грозит, а столько времени не даешь о себе знать? Не иначе как нашел себе кралю,

забыл о нас…» И пошла, и поехала. Излила все, что накопилось на душе за многие дни ожидания и тревог.

Ребята читали и от души смеялись.

— Так тебе и надо, — подшучивали над Звягиным.

— Ничего смешного не вижу, — обиделся Звягин.

Оказалось, что Федор не первый, кто получал такие письма. А виной всему была наша полевая почта. Письма шли к нам через Москву. Это и заводило в заблуждение некоторых жен и родителей партизан.

Недоразумение скоро прояснилось. Звягин написал второе письмо и получил ответ. Жена просила прощения за первое письмо, сообщала, что работает в госпитале…

Пришло письмо и от отца. Отец писал: «Дорогой сынок! Долгожданная радость пришла в наш дом. Мы узнали, что ты жив. А случилось это во время обеда. Сидели мы с матерью твоей за столом. Слушали радио. Передавали Указ о награждении партизан. И вдруг слышим, что наш сын Звягин Федор Васильевич награжден орденом Красной Звезды. Ведь это ж ты? Мать, конечно, сразу в слезы. Да и я, признаться, не сдержался. Сразу две радости: ты живой и орденоносец. А через несколько дней получили от тебя письмо. Теперь мы знаем, где ты. Раньше, когда наша невестка, а твоя жена, сообщила нам, что ты в Москве, таили на тебя обиду. Выходит, напрасно. Поздравляем тебя, сынок, с орденом. Спасибо за то, что ты не посрамил нас, стариков…»

Второй год Звягин воюет в партизанском отряде. Долгое время был в четвертой роте, потом в третьей. Участвовал во многих боях и пользовался славой хорошего пулеметчика. А совсем недавно его перевели в разведку второго батальона. Сбылась мечта Звягина стать кавалеристом. На груди отважного партизана два ордена и медаль.

В Пинских лесах

4 апреля наш отдых был нарушен. К селу Достоево, где оборонялся четвертый батальон второго полка, подошло около пятисот человек. Судя по одежде — партизаны. Заставы второго полка запросили пароль. Те не знали. Тогда ковпаковцы попросили прислать кого-либо из командиров для выяснения, кто они. В ответ на запрос подошедшие набросились на заставу, пытаясь уничтожить ее одним ударом. Застава вступила в бой и, сдерживая врага, отошла в село.

Неизвестные оказались власовцами, переодетыми под партизан. В Достоево их встретила организованная оборона. Пьяные власовцы озверело лезли на пулеметы. Однако все их попытки оказались напрасными. Понеся большие потери, изменники родины отступили.

Но и Кульбака вынужден был отвести полк из села, так как полностью были израсходованы патроны и повторную атаку нечем было отражать.

Противник почувствовал, что нам почти нечем воевать, подтянул крупные силы и через два дня перешел в наступление. Затяжной бой для нас был не выгодным. Вершигора приказал подразделениям занять оборону, а тылы и обоз раненых под охраной отправить в глубь леса.

Обоз вышел из села и скрылся в лесу. Однако не прошло и часа, как в Мотоль на взмыленной лошади влетел связной. Не дав вымолвить слова Ленкину, который собирался отчитать его за такую скачку, мальчишка выпалил:

— На раненых каратели напали!

— Что?! Что ты сказал? — надвинулся на паренька Ленкин. Лицо его перекосилось, глаза налились кровью.

— Власовцы напали… человек двести, а может и больше. Километрах в трех отсюда, — ответил струхнувший паренек. Ему никогда не доводилось видеть Сашу Ленкина таким страшным.

— По коням! — рявкнул Ленкин. В одно мгновение оказался в седле, поднял вверх правую руку с зажатой плеткой, скомандовал «За мной!», резко опустил руку, плетка гадюкой обвила лоснящийся бок и подбрюшье Вороного. От неожиданности конь вздыбился, но в тот же миг Саша вонзил в бока шпоры и дал повод. Вороной с места взял в карьер. Вздрогнула земля под ударами сотен пар копыт. Дивизион полетел вслед за своим командиром.

Кавалеристы не помнят такой бешеной и напряженной скачки. Конь Ленкина распластался над землей и мягкими

скачками, словно птица, летел вперед. Однако всаднику казалось, что и этого мало, и он все время нажимал шпорами, стараясь выжать из своего боевого друга все, на что тот способен и даже немного больше. Мысль, что товарищи в беде, не давала покоя Ленкину. В голове назойливо гудело: «Успеть, непременно успеть!» Саша понимал, что одной малочисленной охране с врагом не справиться. Он, приподнявшись на стременах, мчался на выручку, даже не подумал оглянуться назад. Знал — среди кавалеристов нет трусов. И как бы в подтверждение до его слуха доносился глухой топот и тяжелый храп лошадей за спиной.

Не доезжая до леса, вместе с шумом ветра в ушах, Ленкин различил звуки разрывов мин, а затем и захлебывающийся лай пулеметов.

На ходу оценив обстановку, он легким движением повода послал коня влево и повел эскадроны в обход, намереваясь обрушиться на врага с тыла. Впереди над кустами он заметил облачко дыма. Догадался: «Минометы». Быстро засунул за голенище нагайку и только теперь оглянулся: дивизион длинной сдвоенной лентой тянулся за ним. Рывком вынул из ножен клинок. И словно по команде, сотня клинков сверкнула стальным блеском. Кавалеристы, которые не имели шашек, взяли на изготовку автоматы.

Подминая низкорослые кусты, конь несколькими прыжками вынес Ленкина на поляну, прямо к вражеским минометам. Всю силу, помноженную на ненависть, вложил Саша в первый удар клинка… Конники налетели на минометчиков. Гитлеровцы не успели опомниться, как оказались под ударами партизанских клинков, копыт лошадей и вмиг были смяты.

Не сбавляя скорости, Ленкин резко повернул вправо и выскочил на взгорок. Быстрым взглядом окинул местность. Впереди, шагах в ста, увидел цепи карателей, а в лощине слева — их коноводов с лошадьми.

— Годзенко, займись! — Ленкин указал клинком в сторону коноводов.

— Первый взвод, за мной! — подал команду Годзенко, с двумя десятками всадников отделился от колонны и устремился в лощину.

Острым клином, на самом острие которого был Ленкин, дивизион врезался в боевые порядки карателей. Командир дивизиона вытянул клинок вправо, а затем — влево. По этому сигналу эскадроны развернулись в лаву по обе стороны своего бесстрашного командира и обрушились на врага. Одни рубили, другие строчили из автоматов, а третьи еще были на подходе.

Началась драка не на жизнь, а на смерть. Трещали кусты,

рокотали пулеметы и автоматы, слышался лязг металла. Валились враги с рассеченными головами, отрубленными руками, прошитые пулями. Ржали раненые кони… Партизаны чинили правый суд над карателями.

Отчаянно сопротивляясь, гитлеровцы пятились к болоту, потом не устояли и побежали. Однако немногим удалось унести ноги. Они нарвались на батальоны второго полка, спешившего на выручку…

Бой распался на отдельные стычки…

Еще кавалеристы и бойцы полка Кульбаки охотились в лесу за разбежавшимися врагами, а Ленкин, в сопровождении нескольких конников, кинулся к обозу раненых. Ему не терпелось узнать — живы ли?

Из кустов, из-за деревьев навстречу кавалеристам поднимались ездовые и раненые с забинтованными головами, подвязанными руками, с затянутыми в лубок ногами. Опираясь на автоматы, они, радостные, со слезами на глазах, шкандыляли к Ленкину. Санитарки и медсестры бегали по лесу, собирая своих раненых. Лена Штоцкая не выдержала, опустилась на пенек, закрыла руками лицо и заплакала.

— Саша, ребятки, — спасибо! — выкрикивал бывший командир эскадрона Супинский. Поддерживаемый Галей и опираясь вместо костыля на автомат, он скакал на одной ноге. Вторую он потерял в Польше.

Кавалеристы, как могли, старались успокоить, утешить раненых.

— Еще бы немного, и мне бы капут. Спасибо, Галя Кваша спасла, — радовался Супинский. — Всем бы нам тут была крышка, если бы не вы… Патроны кончились, а гранат вообще не было ни одной…

Немного успокоившись и придя в себя, ездовые и раненые рассказали, что каратели появились внезапно. Но охрана не растерялась, приняла бой. Тем временем взялись за оружие ездовые и легкораненые. Да и тяжелораненые, кто был в силах, сползли, а те, кто не мог двигаться, отстреливались прямо с повозок. Все вели себя молодцами.

В самом начале боя повозка, на которой находился Супинский, оказалась в нескольких шагах от карателей. К нему кинулись власовцы. Но тут появилась Галя Кваша, очередями из автомата сразила нескольких предателей, потом стащила с повозки Супинского, отволокла за дерево и вместе с ним продолжала бой.

Некоторые тяжелораненые в горячке сами повскакивали с повозок, а теперь, когда пришло спасение, не могли

пошевелиться. По лесу раздавались стоны. Партизаны находили раненых, поднимали их и бережно укладывали на повозки.

В этом бою погибло несколько наших раненых товарищей, в том числе медицинская сестра Маруся. Гриша Ненастьин получил второе ранение.

Жуткую картину представлял обоз. Многие лошади были убиты или ранены и валялись прямо в упряжках.

Убитых и раненых лошадей заменили трофейными, которых захватил Годзенко. Ленкин приказал собрать дивизион. После короткого отдыха обоз, в сопровождении второго полка и кавалеристов, продолжил путь и благополучно прибыл к новому месту.

А в это же время один батальон третьего полка вел тяжелый бой с гитлеровцами, наступавшими на местечко Мотоль. Наступало около восьмисот карателей. У партизан кончились боеприпасы, нужно было уходить. Для прикрытия оставили пять человек. Батальон отошел.

Больше часа группка храбрецов стояла насмерть, сдерживая разъяренных фашистов. А когда расстреляли патроны и израсходовали гранаты, они бросились в рукопашный бой. Выполнив до конца свой долг, все пять героев партизан — А. Ф. Акулич, Д. Е. Пасукевич, А. Я. Кашицкий, Н. Р. Андрикович и Абдул Мурзамаков — погибли. Как мы позже узнали, фашисты надругались над трупами отважных советских партизан.

Опасность подстерегала нас на каждом шагу. 11 апреля батальон Цымбала выдержал многочасовой бой с пехотой и танками противника в селе Вулька Телеханского района. Просто диву даешься, как им удалось устоять!

В бою погиб семнадцатилетний партизан Артюшенко и восемь человек были ранены. Был ранен и командир роты Серго Арутюнов.

Противник на этом не успокоился и через несколько дней вновь силою до пятисот человек пытался форсировать реку Ясельду. На этот раз в районе местечка Заостровечье. Здесь оборонялись подразделения первого полка и кавалерийского дивизиона. Роты Тютерева огнем сковали наступающих. Гитлеровцы залегли и взяли под обстрел населенный пункт. В это время первая рота во главе с Деяновым и второй эскадрон Тетеркина переправились через реку, обошли противника и навалились с тыла.

Бой был коротким. Каратели бежали. Нам достались три миномета с запасом мин, пять пулеметов, а главное, подводы, груженные ящиками с патронами и гранатами.

Это был наш последний бой. Дивизия завершила свой рейд

по глубоким тылам немецких армий — рейд на Буг, Сан и Вислу.

Теперь можно было расположиться на длительный отдых в селах Большой и Малый Рожин, Ночь, Мельники, подвести итоги многодневных походов и боев.

Даже при беглом подсчете получалось, что соединение с боями прошло по тылам врага свыше двух тысяч километров, не считая самостоятельных походов отдельных подразделений. Пересекло территорию Ровенской, Волынской, Львовской областей Украины, Жешувского, Люблинского, Варшавского, Белостокского воеводств Польши, Брестской и Пинской областей Белоруссии.

Дивизия провела 139 боев, из которых 24 — упорных, продолжительностью свыше пяти часов, с противником силою не менее тысячи человек, 94 боя — с противником силою до батальона. В результате боев и диверсий врагу был нанесен серьезный урон: убито солдат и офицеров — 5160, захвачено в плен—598, уничтожено танков, танкеток и бронемашин — 75 (в том числе в бою 28 и на платформах — 47), самолетов — 5, автомашин — 196, тракторов — 16, орудий и минометов — 22, пущено под откос 24 эшелона, выведены из строя на длительное время железнодорожные магистрали: Львов—Варшава, Рава-Русская—Ярослав.

Партизанами захвачено в качестве трофеев: минометов — 15, пулеметов — 61, автоматов и винтовок — свыше 700, патронов около 150 тысяч, снарядов и мин — 500.

Разгромлены 24 вражеских гарнизона и 117 полицейских участков[20].

Но значение рейда не только в том, что врагу были нанесены большие потери. Действия советских партизан на территории Польши всколыхнули массы польских патриотов, подняли их на вооруженную борьбу против общего врага. На местах боев нашей дивизии возникли десятки польских партизанских отрядов.

Вот какую оценку рейду 1-й Украинской партизанской дивизии дает польский историк Владислав Гура в своей работе «Боевое содружество польских и советских партизан на землях польских»: «Огромную роль сыграли советские партизаны в укреплении дружбы между польским и советским народами, в разоблачении лживой антисоветской пропаганды, распространявшейся гитлеровцами и реакционными организациями. Советские партизаны несли польскому народу слова правды о великой Советской стране, которой выпала наиболее ответственная роль в войне против фашизма, рассказывали о достижениях и о трудностях социалистического строительства, о простых советских людях, прокладывающих

человечеству путь к новому будущему. Их поведение и борьба были прологом героической борьбы Советской Армии на территории Польши в 1944–1945 гг., великим вкладом в дружбу и братство польского и советского народов»[21].

НЕМАНСКИЙ РЕЙД

На аэродроме

К югу от Большого Рожина на многие километры раскинулись Пинские леса, труднопроходимые болота, с множеством вязких озер и речушек. Среди болот, в глухом лесу, вдали от магистральных дорог и селений обосновалось партизанское соединение Пинской области под командованием генерал-майора Коржа Василия Захаровича. Отряды этого соединения держали под своим контролем железные дороги Житковичи—Пинск—Брест, Лунинец—Барановичи. Действия пинских партизан выходили далеко за пределы Пинщины. Командир соединения Корж был известен партизанам под именем генерала Комарова.

Слава об отважном командире и его отрядах ходила среди белорусских партизан и населения. В январе 1943 года, когда наше соединение принимало самолеты на озере Червонном, жители села Ляховичи рассказывали нам о партизанском командире Корже—Комарове. С особым восторгом они вспоминали о том, как в конце 1941 года Василий Захарович с группой партизан без единого выстрела разоружил полицейские гарнизоны в селах Забродье, Червонное озеро, Осово.

В отряде Коржа тогда был один партизан, который хорошо знал немецкий язык. Воспользовались этим. Переоделись в трофейную немецкую форму и пошли по селам. Партизан выступал в роли немецкого коменданта, а Василий Захарович выдавал себя за переводчика. Они приходили к старосте села, приказывали собрать полицейских, а когда полицейские приходили, заставляли их сложить оружие.

Много нам рассказывали о боях, проведенных отрядом Коржа.

Наши разведчики еще в конце 1942 года установили связь с пинскими партизанами. Встречаться же с командиром соединения нам еще не приходилось. Только теперь встреча должна состояться.

Генерал-майор Корж со своим штабом располагался в лесу, километрах в двадцати пяти южнее Большого Рожина, вблизи партизанского аэродрома. Сюда и прибыл наш первый полк, чтобы организовать прием самолетов, получить необходимые нам грузы и отправить раненых на Большую землю.

Генерал-майор Корж — человек широкоплечий, крепкого сложения, с крупными чертами лица, уже в годах — встретил нас приветливо.

— Товарищ генерал, мы к вам за помощью. Выручайте, — сказал Бакрадзе после знакомства.

— С большой радостью, если в моих силах, — ответил Василий Захарович.

— Позвольте воспользоваться вашим аэродромом?

— Устраивайте людей, а потом милости просим к нам, там поговорим…

Генерал приказал одному из штабных офицеров показать, где лучше расположить полк. Для нас отвели сухое песчаное место в большом лесу, в двух километрах от аэродрома.

Пока роты натягивали палатки и сооружали шалаши, а Тютерев выбирал место для застав, мы с Бакрадзе направились в штаб пинских партизан.

Штаб размещался в нескольких хорошо оборудованных землянках, приспособленных к зиме. Командир соединения жил в отдельной землянке. У стены — нары. Посередине — стол и две скамейки. У стенки — железная печка. На нарах лежал отделанный перламутром трофейный аккордеон итальянской фирмы. Через два маленьких окошка пробивались лучи весеннего солнца.

— Вот так и живем, — сказал генерал, жестом приглашая садиться.

Василий Захарович подробно расспрашивал о нашем рейде, обстановке в Польше. По нашей просьбе рассказал о себе и боевых делах своих отрядов.

Он — старый коммунист, бывалый и опытный партийный работник. Был в Испании, сражался против франкистских фалангистов в рядах бойцов республиканской армии. Перед войной работал в Пинском обкоме партии. По заданию обкома оставлен в тылу врага для организации партизанского отряда и подпольной работы. В первые же дни оккупации создал партизанский отряд. Начали с малого. Уничтожали мелкие группы гитлеровцев и предателей-полицаев. Основным методом действий были засады. Отряд рос. Менялись и методы борьбы. Начали проводить операции по уничтожению гарнизонов врага, развернули диверсии на железных дорогах.

Совершили первый рейд по Минской и Пинской областям. А когда окрепли, провели второй — по Минской и Барановичской областям. Летом 1942 года перебазировались в Пинские леса. Отряд вырос в соединение и расчистил территорию от фашистов и их пособников. Теперь пинские партизаны контролируют почти всю область, а боевыми действиями охватывают еще Полесье, Брестскую и Барановичскую области. Однако соединение в целом, как правило, не покидает Пинских лесов. Для этого есть веские причины.

Жестокость гитлеровских карательных экспедиций вынудила

местных жителей бросать свои дома и целыми семьями уходить под защиту партизан. В лесах возникли гражданские, или как их называли белорусы, цивильные, лагеря. Женщины, дети, старики поселились в землянках и шалашах. Там они обзавелись скудным хозяйством и жили круглый год, деля с партизанами все лишения и невзгоды.

В районе, контролируемом отрядами генерала Коржа, укрывалось несколько тысяч крестьян. Нелегко их защитить от расправы гитлеровцев, но еще труднее спасти детей и женщин от голодной смерти. На одних ягодах и грибах долго не проживешь. Партизанам приходилось снаряжать специальные отряды для разгрома гарнизонов противника, чтобы добыть продовольствие.

В конце беседы Василий Захарович пожаловался:

— Тяжело нам приходится. Сковывают гражданские лагеря. Не будь их, махнуть бы по западным областям, отвести душу, рассчитаться с фашистами.

— Вы и так насолили оккупантам: диверсии, засады, разгром гарнизонов, — сказал Бакрадзе. — А спасение советских граждан от истребления и угона в немецкую кабалу?! Разве это не заслуга? Представьте, как вам будут благодарны сыновья и мужья этих женщин, отцы детей, когда вернутся домой и узнают, что вы спасли их семьи!

— Это, конечно, так. Вот вы понимаете, а некоторые судят иначе. Им важно только одно: сколько убили оккупантов, — оживившись, сказал Корж. Видно, ему не раз приходилось вести разговор на эту тему. Теперь он был доволен, что нашлись люди, которые одобряют действия его отрядов.

— Как у вас обстоят дела с боеприпасами? — спросил я.

— Выкручиваемся, большей частью за счет немцев живем, — ответил генерал. — А вот со взрывчаткой совсем дело швах. Не знаю, как другие отряды, а нас не балует Белорусский штаб партизанского движения… Уже около трех месяцев диверсии совершаем примитивным способом: то рельсы развинтим, то завал на железной дороге устроим, а то и просто обстреляем проходящий эшелон. На днях нам повезло. Организовали засаду, разгромили карательный отряд. Среди трофеев оказалось сто килограммов тола. Радости-то было!..

Мы захотели осмотреть посадочную площадку. Показать аэродром вызвался сам генерал. Вышли на прямоугольную поляну, вытянувшуюся с запада на восток. С трех сторон к поляне подступали плотные стены высокого и густого леса. И лишь к востоку за пределами площадки громоздились стволы поваленных деревьев.

— Наши разведчики долго разыскивали место для

аэродрома, — оживленно заговорил Василий Захарович. — Остановились на этом. Он, конечно, совсем не был похож на то, что вы видите. Представьте себе заросшую кустарником поляну длиной в шестьсот, а шириной в триста метров. Немало пришлось потрудиться. Больше двадцати гектаров леса выкорчевали. Вырубили кустарник, сравняли бугры, засыпали ямы, утрамбовали. Получилась хорошая площадка. Еще с подлетной стороны на полкилометра свалили лес, чтобы облегчить посадку самолетов…

— И все своими силами? — спросил Бакрадзе.

— Одним бы нам не справиться, — ответил генерал. — Крестьяне помогли. Зато настоящий аэродром отгрохали!

Аэродром действительно был подходящим, с одним только недостатком: от летчиков требовалось большое умение, чтобы не посадить самолет на лес.

После осмотра площадки мы убедились, что лучшего аэродрома в тылу врага и не подыщешь. Договорились с Василием Захаровичем о сигналах и обслуживании.

— Когда ожидаете первый самолет? — спросил генерал.

— Сегодня сообщим координаты, описание посадочной площадки и сигналы. Думаю, послезавтра примем первый, — ответил я.

Василий Захарович недоверчиво улыбнулся и загадочно сказал:

— Поживем — увидим.

Начали прощаться. Генерал-майор Корж предложил остаться у него и «почаевничать». Мы поблагодарили, пообещав воспользоваться приглашением в другой раз.

— Наладим прием самолетов, тогда почаевничаем. Возможно, с Большой земли пришлют чего-нибудь покрепче, — весело отозвался Бакрадзе.

В полк возвращались глухой лесной тропой. Долго ехали молча.

— Я бы Так не смог, — заговорил Бакрадзе.

— Как?

— На одном месте.

— Генералу самому это не по душе. Мне показалось, он завидует нам. Но у него нет выхода.

Свой лагерь мы застали в полном порядке: палатки установлены, замаскированы, шалаши построены. Партизаны чистили оружие. Слышались песни, по которым за время рейда соскучились бойцы. В стороне от лагеря горели костры: готовили обед.

— Подготовь радиограмму генералу Строкачу, и займемся

формированием команд, — приказал мне Бакрадзе.

Через полчаса радисты Вася и Клава уже отстукивали радиограммы с точными координатами и описанием посадочной площадки. А мы с командиром полка, помпохозом Федчуком и Тютеревым определили состав разгрузочно-погрузочных команд. Ответственность за охрану и обеспечение аэродрома возложили на командира второго батальона Тютерева. Подготовкой и отправкой раненых должен ведать доктор Зима.

Первый самолет мы ждали на третий день. Но уже утром следующего дня получили радиограмму из Киева от генерал-лейтенанта Строкача. «Вас понял. Ждите самолет. Сообщите погоду районе посадки». Погода в нашем районе стояла замечательная, и мы с радостью доложили об этом.

К вечеру все, кто имел отношение к приему самолетов, заняли свои места: охранение выставлено, разгрузочно-погрузочные команды были готовы к действиям, обоз с ранеными вытянулся вдоль лесной опушки, «поджигатели» — у мест, предназначенных для костров. Тютерев торжественно расхаживал по аэродрому с заряженными двухствольными ракетницами.

Встречать первые самолеты пришел и Василий Захарович Корж со своим начальником штаба Федотовым. Мы расположились вокруг дежурного костра.

— Признаться, я не поверил, когда вы сказали, что через два дня прилетит самолет, — сказал Василий Захарович. — Да и сейчас еще не совсем верю. Нередко случалось — сообщают «встречайте», а самолетов нет. И так изо дня в день.

— Бывает и так, — согласился Бакрадзе. — На озере Червонном мы полмесяца напрасно жгли костры. Но тогда подводила погода. Зарядили снежные бураны. Летом совсем другое дело. Редко когда получаются срывы.

— К сожалению, мы этим похвастаться не можем, — проговорил кто-то из белорусских партизан.

Ночь подходила к середине, когда с юго-востока послышался гул самолета. Бакрадзе подал команду: «Приготовиться!» Гул моторов нарастал.

— Вижу, летит! — закричал Боголюбов, указывая в сторону плавно скользящего по небу огонька.

Огромные языки пламени взметнулись вверх. Саша выпустил сигнальные ракеты. Вибрирующий звук моторов нарастал. Красный и зеленый огоньки появились над макушками деревьев. Ударили сильные лучи прожекторов, осветили ветки и стволы поваленных деревьев, а затем заскользили по гладкой поверхности площадки. Самолет коснулся колесами земли и покатился по освещенной полосе. Не дошел метров сто до леса,

остановился у последнего костра, выключил прожектор, развернулся в обратном направлении и заглушил моторы. Открылась дверца, и в проеме появился летчик в комбинезоне.

— Привет ковпаковцам! — крикнул он, а когда прикрепили стремянку, соскочил на землю и предупредил: — Поторапливайтесь, через несколько минут прилетит второй…

Это был командир корабля Михайлов. Вслед за ним из самолета вышел второй пилот Володя Полевода — старый друг партизан.

На аэродроме все пришло в движение. Ящики с патронами, взрывчаткой, снарядами, мешки с одеждой, солью, махоркой, газетами, письмами… Все это партизаны быстро выгружали с самолета и укладывали на повозки. Загруженные повозки отводили в лес, а их место занимали свободные…

— Давайте раненых! — приказал Бакрадзе врачу Мирославу Зиме..

К самолету потянулась вереница носилок с тяжелоранеными. Послышались торопливые слова прощания, наказы быстрее выздоравливать, просьбы не забывать. Некоторые не выдержали, начали всхлипывать.

— А это, кацо, ни к чему, — успокаивал Бакрадзе, слегка поглаживая руку Ивана Сердюка.

— Да я ничего. Они сами текут, — оправдывался командир первого батальона.

— Мы с Бокаревым еще вернемся! — выкрикнул Гриша Дорофеев.

— Э, брат, не успеете, — ответил я.

Погрузка закончена. Помигав на прощанье бортовыми огнями, самолет взревел, взял разбег и оторвался от аэродрома, большой темной птицей проплыл над лесом и скрылся с глаз. Вскоре и гул моторов растаял в весенней ночи.

Не прошло и пяти минут с момента отлета первого самолета, а на посадку пошел второй…

— Вот это да! — восхищался генерал Корж. — Так воевать можно.

Каждую ночь генерал Строкач присылал нам один-два, а то и три самолета с грузом. За короткое время мы сумели отправить на Большую землю всех тяжелораненых. Доктор Зима развернул кипучую деятельность. Непонятно, когда он ухитрялся спать! Днем готовил раненых к отправке, обрабатывал раны, оформлял документы, заботился, чтобы все были одеты в чистое белье. Он не давал покоя ни командиру полка, ни мне, ни Федчуку, ни командирам подразделений, не говоря уже о медицинских сестрах, которые от усталости валились с ног, А ему все мало. Его

даже интересовало — всем ли выданы боевые характеристики и заготовили ли наградные листы на достойных…

— Назначили его ответственным на свою голову, — жаловался помпохоз Федчук. — Он и меня доведет до госпиталя.

Аэродром работал полным ходом.

У дежурных костров всю ночь царило оживление. В ожидании самолетов партизаны вспоминали проведенные бои, прочитанные до войны книги, рассказывали занимательные истории. Особой популярностью пользовался Колесников. На Большой земле он видел много кинокартин и постановок в театрах, о которых мы и представления-то не имели. Рассказывал он весело, со своими комментариями, зачастую увиденное дополнял собственными выдумками.

Здесь же мы узнали о забавном случае, который произошел однажды с Юрой. В апреле, перед выступлением полка из Большого Рожина на аэродром Комарова, из штаба дивизии пришел связной и сообщил, что командира полка вызывают на совещание. Бакрадзе занимался подготовкой полка к выступлению и вместо себя послал моего заместителя по разведке.

В штабе дивизии Колесников тотчас же пронюхал от писарей, что на предстоящем совещании пойдет речь о подготовке к приему с Большой земли грузов, сбрасываемых с самолетов. Это было нашей давнишней мечтой: в последнее время личный состав полка избегал боев ввиду отсутствия боеприпасов. Пополнить запас патронов, мин, снарядов и оружия — было исключительной мечтой всех командиров. А когда наконец-то такая возможность улыбнулась, старший лейтенант заволновался.

На совещание прибыли командиры полков Кульбака и Брайко, командир кавдивизиона Ленкин, командир разведроты Клейн и заместитель командира артбатареи Михайликов. Колесников завел разговор с Петей Брайко издалека, начал жаловаться, что люди после рейда очень устали и нуждаются в отдыхе, ведь скоро вновь придется выступать!

— Какой же это, к дьяволу, отдых, если по ночам придется дежурить у костров, — с печальным выражением говорил Колесников. — И еще вопрос — какая будет погода, прилетит ли самолет. А потом ползай по лесу и болоту, собирай грузы, парашюты, веди бухгалтерию, доставляй в штаб дивизии. Если чего не так, то и неприятностей потом не оберешься. Нет, увольте! С меня достаточно того, что я принимал грузы в Польше…

Брайко слушал вначале как будто равнодушно.

Потом Юра сказал:

— Первый полк ни в коем случае не согласится ишачить на аэродроме в то время, как другие подразделения будут отсыпаться.

Петр Евсеевич сочувствующе закивал головой, затем задумчиво отошел в сторону и начал что-то нашептывать командиру второго полка.

Прибывших на совещание пригласили к командиру дивизии. Вершигора заговорил о предстоящем получении грузов с Большой земли, о подготовке площадки и организации охраны.

Колесников, сидевший рядом с Брайко, сделал кислую физиономию и тихо шепнул: «Пусть лучше поручает кавдивизиону или второму полку… Хватит выезжать на чужом горбу».

Брайко промолчал. Когда же командир дивизии закончил и ждал ответа присутствующих, Петр Евсеевич первым поднялся и начал витиевато отказываться.

— В прошедшем рейде третьему полку очень досталось. Народ устал, товарищ комдив, в отдыхе нуждается. К тому же по вашему приказанию почти весь полк занят оказанием помощи населению: дома строим, пашем… Я бы рад, но вы сами понимаете, — и, посмотрев на сидевшего рядом Колесникова.

Брайко, ехидно улыбнулся и прошептал: — Вот так-то! На нас хотел спихнуть? Не выйдет!

— Дюже устали, — подтвердил Кульбака, как только Брайко сел.

Кульбака еще не закончил, поднялся Колесников, сделал шаг вперед, выпятил грудь и молодецки гаркнул:

— Товарищ командир дивизии, если все отказываются, прошу поручить первому полку!

Брайко опешил. С недоумением он уставился на старшего лейтенанта, затем посмотрел на Кульбаку и пожал плечами. Наблюдавший за сценой Саша Ленкин заранее разгадал намерения Колесникова и теперь от души смеялся, покручивая пышный ус.

— Ваш же полк отправляется для подготовки другой площадки для приема самолетов с посадкой, — напомнил Вершигора.

— Здесь достаточно одной роты, — поспешил уверить Юра.

— Что ж, — подумав, согласился Петр Петрович. — Если у всех люди устали — поручим первому полку.

Брайко и Кульбака, перебивая друг друга, начали уверять командира дивизии, что они, дескать, не отказываются, просто докладывают состояние подразделений, и хотя люди действительно устали, готовы выполнить эту задачу. Однако

Верши-гора не стал менять своего решения.

— Петр Евсеевич, как же ты попался на приманку старшего лейтенанта? — смеялся Саша Ленкин. — Это на тебя не похоже.

Брайко только развел руками, но ничего не ответил.

Колесников в полк вернулся веселый, доложил Бакрадзе. Командир полка оставил в распоряжении Юрия роту первого батальона под командованием Деянова.

Первое время все шло хорошо. Весь груз, сброшенный с самолетов, Юрий сдавал в штаб дивизии. Иногда парашюты с грузом относило далеко в сторону, в болото, тогда было трудно. Чтобы собрать все грузы, не хватало ночи, приходилось разыскивать и днем. Несколько мешков вообще не удалось найти. Словно сквозь землю провалились. Но в следующую ночь выяснилась причина, возмутившая всех ковпаковцев. Бойцы первой роты поймали нескольких партизан не из нашего отряда, которые тащили грузовой мешок с патронами. Оказалось, они с вечера подъезжали на повозке, останавливались в лесу вблизи площадки и, когда прилетал самолет, охотились за грузами. Как только груз относило в сторону, они быстро подбирали его и увозили.

Этот нечестный поступок наших соседей подсказал Юре озорную мысль. Он решил воспользоваться этим и утаить часть грузов. Так стали систематически не досчитываться одного мешка. Ругали соседей. А обоз первой роты разбухал. Когда же патроны стало некуда девать, Колесников начал вскрывать один мешок с автоматами, забирал их для полка, а вместо автоматов закладывал патроны.

Обо всем этом никто не подозревал. Выяснилось лишь 1 мая, когда в Большом Рожине Вершигора устроил парад. Были выведены все подразделения. Колесников, желая блеснуть, тоже вывел своих бойцов. Почти все были с новенькими автоматами. Первым это заметил Брайко и побежал к Вершигоре. Но вместо взбучки, которую ожидал Юрий, Вершигора рассмеялся и сказал: «И правильно сделал. За свое подразделение болеет».

— А патрончиков все-таки жаль, — сказал Тютерев, выслушав рассказ. Он одобрял действия Колесникова.

— Патроны вернутся, — уверенно ответил старший лейтенант.

— Как вернутся?

— Просто. Командиры полков сами от них откажутся. Не поднимут…

…О приеме самолетов ковпаковцами на аэродроме генерала Коржа прослышали белорусские партизаны отдаленных отрядов. Потянулись обозы с ранеными и больными. Многих привозили за

сотни километров из глухих болотистых мест. Все они были окружены вниманием и заботой доктора Зимы и ковпаковцев. Некоторым представителям белорусских партизанских отрядов, сопровождавшим раненых, доставалось от нашего доктора.

— Откуда видно, что вы привезли раненых партизан? — кипятился Зима. — Ни врачебного заключения, ни боевой характеристики, даже справки о том, что воевал в партизанском отряде — нет…

— Не во всех отрядах есть врачи, — оправдывались виновники.

Здесь у меня произошла неожиданная встреча. Однажды утром мы возвратились с аэродрома в лагерь. Наскоро составив донесение генералу Строкачу о полученных грузах и отправленных раненых, я собрался было отдохнуть в своем шалаше. Не успел задремать, как услышал голос Александра Тютерева:

— Иван Иванович, к тебе пришли.

— Товарищ капитан, разрешите? — раздался знакомый глуховатый голос с волжским выговором.

Тут меня как ветром выдуло из шалаша. Передо мной стоял младший лейтенант Леша Калинин, Тот самый Леша, с которым я без малого два года назад прилетел в тыл врага. Но тогда он был сержантом. Вот уж кого не думал встретить, так это Калинина! Я считал его погибшим. Для этого были основания.

В группе разведчиков, с которыми меня перебросили через линию фронта летом 1942 года, было десять хлопцев и радистка. Моими помощниками были сержанты Алексей Калинин и Петр Кормелицын.

Во время одного из переходов мы напоролись на засаду, Леша был ранен в живот. Мы оставили его в семье путевого обходчика. Надеялись через некоторое время забрать Лешу с собой. Но этого сделать нам не удалось. Полицейские выследили Калинина, взяли в плен и передали немцам в глуховский лагерь военнопленных.

Нашим разведчикам удалось связаться с девушкой Галей, работавшей в лагерном лазарете. Ребята попросили ее помочь Леше вырваться из плена. Девушка пообещала, хотя и не верила в возможность побега. Это было в августе 1942 года. С тех пор прошло много времени. Мы далеко ушли от тех мест, где случилась трагедия с Лешей. О судьбе Калинина ничего не знали. И вдруг!

Леша почти не изменился, только чуть раздался в плечах и возмужал. Офицерские погоны придавали ему солидность. Все это я успел заметить, прежде чем попал в крепкие объятия друга.

Излишне описывать ту радость, которую вызвала наша

встреча. Она понятна. Ведь и Леша ничего не знал о нас. Мы забросали друг друга вопросами.

И только сейчас я узнал, что Галя сдержала слово и помогла Леше убежать из плена. Выбрав удобный момент, она завернула Лешу в грязное белье, вывезла с территории лагеря и переправила в местный партизанский отряд. Калинин не остался в отряде, а перешел линию фронта и явился к начальнику разведки Чекмазову.

— Вот где была встреча! — сказал Калинин. — В Елец я пришел без документов. Большого труда стоило пробраться в разведотдел фронта. В приемной начальника много офицеров. На меня никто не обращал внимания. К счастью, адъютант полковника старший лейтенант Гаврилов узнал меня. Сначала он удивленно уставился на меня, потом спрашивает: «Калинин?» — «Калинин», — отвечаю. «Как же так? Ты же убит?» — «Был убит, а сейчас живой». — «Одну минутку», — сказал он и скрылся в кабинете начальника. Через минуту из кабинета выскочил полковник. Он расцеловал меня, схватил за руку и потащил в кабинет. У двери остановился и, обращаясь к ждавшим приема офицерам, сказал: «Извините, пожалуйста, случай необыкновенный».

Полковник Чекмазов долго и подробно расспрашивал меня о похождениях, то и дело восклицая: «Здорово! Замечательно!»

После этого мы не раз с ним беседовали. Пришлось иметь дело и с работниками особого отдела. Сомнение их взяло: не продался ли я. Десять раз заставляли писать обо всем. Наконец поверили.

Полковник Чекмазов дал мне отпуск на родину. А — когда я возвратился из отпуска, он предложил снова лететь в тыл врага. Мне присвоили звание младшего лейтенанта, дали группу разведчиков и забросили в Пинские леса.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Главным образом разведкой. Но и дороги минируем. На нашем счету четырнадцать эшелонов… Часто приходится драться с карателями, — ответил Леша. — Сейчас вынуждены заниматься только разведкой. Боеприпасов нет.

— Хорошо, что пришел. Как тебе удалось узнать, что я здесь?

— О вашем соединении добрая слава в народе ходит. Последнее время везде только и разговоров, что ковпаковцы вернулись из Польши и принимают самолеты и что на аэродроме командуют Бакрадзе и Бережной. Думаю, не наш ли это Бережной? Расспросил. Приметы сходятся. Не вытерпел, решил навестить… Пять суток добирался. И пешком, и верхом на лошади, а километров десять на лодке по речушке. Плыву и

думаю, а вдруг не тот?

Двое суток пробыл Леша Калинин у меня в гостях, и мы никак не могли с ним наговориться. Он сожалел, что не смог встретиться с остальными десантниками. Они находились далеко от аэродрома в Большом Рожине.

— Может, к нам присоединишься? — спросил я друга. Мне не хотелось с ним расставаться.

— С большой радостью сделал бы это, но не могу, — ответил Калинин. — Выполняю специальное задание.

Уезжая от нас, он увез двести килограммов тола и несколько тысяч патронов.

Это была наша последняя встреча. Уже после войны я от генерала Чекмазова узнал, что Алексей Родионович Калинин погиб в бою 15 октября 1944 года.

Судьба разведчиков

Дивизия отдыхала. Только разведчики не сидели на месте. До сих пор не пришла группа во главе с Землянко, отставшая за Бугом. Неизвестна и судьба двадцати партизан третьей роты под командованием Бычкова, оставшихся в Беловежской пуще.

Землянко — опытный разведчик, умный и смелый командир. Не раз ему приходилось вести дальнюю разведку, уходя на сотни километров от соединения. В Карпатском рейде он командовал отделением в главразведке, а в Польском ему вручили взвод.

Взвод Землянко был на хорошем счету. Под стать своему командиру были и разведчики Пашка Иванов, Николай Бережной, Вася Рюмов, Аркадий Тарасенко, Петр Бугримович и остальные. Во взводе хорошо сочетались опыт ветеранов Землянко, Иванова, Бугримовича с молодым задором непоседливого Тарасенко…

Если задание поручаешь Землянко, можешь не беспокоиться: будет выполнено со всей тщательностью.

Результаты разведки Землянко докладывал неторопливо, обдумывая каждое слово. Строго отделял данные, в правдивости которых был уверен, от сведений, полученных из сомнительных источников и требующих проверки. Не любил, когда его торопят.

— Что ты за душу тянешь? Быстрее, можешь? — обычно возмущался Вершигора.

— Не могу, — невозмутимо отвечал Землянко, уперев серьезный взгляд голубых глаз в пышную бороду комдива, и, как ни в чем не бывало, продолжал обстоятельный доклад.

Другому Вершигора дал бы нагоняй и даже отослал бы на доклад к начальнику штаба, но никогда он так не поступал с Землянко. Знал, что командир взвода не станет попусту задерживать его внимание. Комдив набирался терпения, внимательно слушал, а когда доклад заканчивался, долго благодарил и восхищенно посматривал на смущенного Землянко.

— Ну ты, брат, непрошибной, как медведь, — говорил Петр Петрович своему любимцу.

В нем и на самом деле было что-то медвежье. Высокий, грузный, с крупными чертами лица и со шрамом на щеке под левым глазом, он выглядел внушительно. Говорил мало, но веско. Прежде чем скажет, потопчется на месте, кашлянет в кулак раз-другой, как бы прочищая горло, а затем уж заговорит. Землянко пользовался авторитетом не только у комдива: его любили разведчики и с уважением называли по имени и отчеству — Антоном Петровичем…

Не удивительно, что судьба Землянко и его товарищей

волновала партизан. Прошло много времени. Было ясно: с группой случилось большое несчастье. В противном случае Землян-ко давно бы привел разведчиков в соединение.

Борьба в тылу врага приучила нас ждать. Мы ждали даже тогда, когда, казалось, бесполезно ждать. Так и на этот раз наши ожидания вознаградились.

Через полтора месяца с того дня, как взвод Землянко ушел на задание, в начале мая дивизию молнией облетела весть: «Пришли разведчики!» Но из двадцати пяти человек вернулись лишь пятнадцать. Среди них не было Землянко, Иванова, Бугримовича, Эдуарда Гилля, Рюмова…

Группу привели Аркадий Тарасенко и Николай Бережной. От них мы узнали о том, что произошло.

…За несколько часов до выступления дивизии на марш, перед вечером 16 марта, взвод покинул село Олыпанку Седлецкого повята. Взяли направление на Бялу-Подляску. Ушли с заданием: разведать гарнизон противника в городе и установить наблюдение за переброскими гитлеровских войск по шоссейной и железной дорогам Брест—Седльце. После того как дивизия форсирует эти дороги, разведчики должны были следовать на север к Янув-Подляскому, прикрывая главные силы справа, обстрелять охрану железнодорожного моста на дороге Черемха—Седльце…

Двигались перелесками, по вязкой проселочной дороге. Хотя были на лошадях, все же к железной дороге подъехали глубокой ночью. Пересекли ее, не замеченные вражескими патрулями. Перебрались через речку Кшна. На запад проследовал эшелон, через десять минут — второй. Вскоре с запада донесся взрыв. Послышались артиллерийские выстрелы.

— Дивизия форсирует «железку», — проговорил молчавший до сих пор Землянко. — Это заслоны расправляются с эшелоном.

Над Бялой-Подляской взвилось несколько ракет. Заметались лучи прожекторов.

— Всполошились гитлеровцы. Боятся за аэродром, — сказал Землянко. Он подозвал командира отделения Иванова и приказал: — Паша, останешься с отделением здесь. Наблюдай за автострадой Брест—Варшава. В случае чего, постарайся задержать фашистов. Я с остальными пойду к Бялой-Подляске, а затем к Западному Бугу. Опасения есть, что немцы могут бросить войска из Бреста на Янув-Подляский вдоль реки и отрежут дорогу к мосту… Надо помешать. Встретимся в Янув-Подляском…

Убедившись, что Иванов задачу понял правильно, Антон Петрович бросил свое любимое: «Ну, бывай!»— и повел остальных разведчиков на восток…

Проводив взглядом уезжавших товарищей, Пашка Иванов соскочил со своего чалого коника, передал повод одному из разведчиков и осмотрелся по сторонам. Темень непроглядная. Только на востоке у Бялой-Подляски судорожно мечутся лучи прожекторов, да на западе видны вспышки артиллерийских выстрелов и доносятся далекие разрывы.

— Рюмов, Тарасенко — ко мне! — позвал Иванов.

Как только пулеметчик Вася Рюмов и автоматчик Аркадий Тарасенко подошли, Иванов, не говоря ни слова, повернулся и засеменил своими короткими ногами к черневшей высотке. Вася и Аркадий еле поспевали за командиром отделения.

На холме остановились. Отсюда была видна светлеющая в темноте автострада.

— Располагайтесь здесь, — сказал Иванов. — Наблюдайте за дорогой. Старший — Рюмов. Восточнее вас в полукилометре выставлю второй пост. Я с резервом буду в рощице за холмом. Там же будут и ваши кони. Вопросы есть?

Вопросов не было, и командир отделения ушел. Рюмов нашел подходящее место, расчистил его и установил пулемет. Рядом расположился Тарасенко с автоматом.

Не успели как следует присмотреться к местности, как со стороны шоссе послышался шум. Через некоторое время разведчики увидели двигавшийся по дороге обоз. Насчитали двенадцать подвод. На каждой из них — люди, но сколько — разобрать не удалось.

— Аркаша, доложи командиру, — приказал Рюмов.

Тарасенко исчез в темноте. Через две-три минуты он вернулся с Ивановым.

Здесь их ждали новые вести.

— Слышите? — спросил Рюмов.

Прислушались: со стороны Бялой-Подляски доносился нарастающий гул машин.

— Подползем ближе, — сказал Иванов, направляясь к автостраде.

Рюмов и Тарасенко последовали за ним. Однако ближе пятидесяти метров к дороге подойти не рискнули. Тем временем подошла моторизованная колонна гитлеровцев и неторопливо поползла на запад мимо разведчиков. Шли автомашины, переполненные людьми, артиллерия…

— Как вы думаете — наши форсировали дорогу? — спросил Иванов.

— Если не было задержки, то форсировали, — ответил Рюмов.

— А вдруг не успели? — высказал сомнение Тарасенко.

— Тогда туго придется дивизии, — сказал Иванов, подумал и предложил: — Рискнем?

Разведчики к этому были готовы и в один голос поддержали:

— Рискнем!

— Васька, отходить будешь первым, а потом прикроешь наш отход, — распорядился Иванов и подал команду: — Огонь!

Пулемет и два автомата полоснули свинцовым дождем по машинам. Шоферы машин, попавших под обстрел, рванули вперед, стараясь выйти из-под огня. Несколько грузовиков столкнулись. Один свалился в кювет. Со стороны автострады послышались команды, взвились в воздух ракеты и осветили застывшую колонну. Из кузовов торопливо выскакивали фашисты. Разведчики продолжали обстрел. Вспыхнула стрельба левее. Это в бой вступил второй пост. Враг растерялся, но, ненадолго.

Ухнула пушка. Над головами разведчиков прошипел снаряд и разорвался далеко позади. Вслед за этим, захлебываясь, застрочил пулемет.

— Танк! — испуганно прошептал Рюмов.

Гитлеровцы, словно разбуженные выстрелами танка, опомнились и открыли бешеную пальбу из пулеметов, автоматов и винтовок. Они стреляли пока наугад. Однако разведчикам оставаться вблизи было опасно.

— Отходи! — приказал Иванов.

Рюмов подхватил пулемет и короткими перебежками устремился к высотке. Заняв оборудованное ранее место, пулеметчик открыл огонь. Под его прикрытием отбежали Иванов и Тарасенко. На высотке к ним присоединилось все отделение, — за исключением второго поста.

Противник нащупал разведчиков и попытался окружить. Иванов вывел отделение из-под угрозы, обошел противника и обрушился с другой стороны…

Начиная бой, разведчики даже не предполагали, что задевают огнедышащего дракона, растянувшегося на многие километры. Тем не менее группке разведчиков удалось задержать моторизованную колонну врага. И не только задержать, но и заставить ее развернуться, ввязаться в драку. Возможно, этому способствовало и то, что Землянко «прищемил» хвост этой колонны у самой Бялой-Подляски. Создавалось впечатление, что партизаны организовали засаду на широком фронте.

Непрерывная бесцельная стрельба гитлеровцев вводила их самих в заблуждение. Когда же они поняли свою ошибку, прекратили беспорядочную пальбу и организовали преследование, разведчики были далеко от дороги. Отделение в полном составе верхом на конях уходило по бездорожью. Два

танка бросились в погоню, но один из них засел в болоте, а второй увяз в грязи на пахоте.

Близился рассвет. Разведчики поспешили к Западному Бугу. На месте встречи Землянко с остальными товарищами не оказалось. Подошли гитлеровцы. Времени на размышления не оставалось. Иванов повел отделение к переправе, где дивизия вела бой с охраной моста. Разведчики спешили и все же опоздали. Охрана была уничтожена, дивизия переправилась через реку, а у догоравшего моста — уже немцы. Другой переправы вблизи не было. Наступало утро…

— Укроемся в лесу… Дождемся ночи, — предложил Иванов.

Иного выхода не было. Иванов отвел отделение на несколько километров к северу от моста и укрыл в лесу недалеко от фольварка.

Тревожно прошел день. Зато вечером пришла неожиданная радость: встретились с Землянко. Взвод был в сборе. Двадцать пять человек с автоматами и ручным пулеметом — это уже сила. А главное, здесь был командир взвода.

Проверили оружие, разделили поровну патроны и гранаты. Землянко собрал командиров отделений, чтобы решить, что делать.

— На семидесятикилометровом участке до самого Бреста нет ни одного моста через Западный Буг, — сказал Землянко. — Мост на железной дороге Черемха—Седльце не в счет. Нам его не захватить.

— Переправимся на лошадях вплавь, — предложил Иванов.

— Это в марте-то? Не дело! — отверг предложение командир взвода. — Надо что-то придумать.

— Лодки бы раздобыть.

— Это другой разговор, — оживился Землянко.

— Где их добудешь? — отозвался Петя Бугримович.

— Я вот что думаю — снова-заговорил Землянко. — Здесь рядом фольварк. Там, у мельницы должны быть лодки. Охрана фольварка всего человек пятнадцать — двадцать. Если внезапно налететь — можно захватить лодки. С лошадьми придется распрощаться. Как вы думаете? — спросил Антон Петрович и обвел испытующим взглядом своих питомцев.

— А что здесь думать? Действовать надо, — за всех ответил Иванов.

— На этом и остановимся, — подвел итог Землянко.

С наступлением темноты Петя Бугримович и Аркадий Тарасенко побывали у фольварка, узнали, где стоят часовые и отдыхают охранники. Ровно в двенадцать часов ночи взвод подошел к фольварку.

— Часовыми займемся мы с Бугримовичем и Тарасенко, — сказал Антон Петрович.

— Товарищ командир, мы вдвоем с Аркадием справимся. Не стоит вам рисковать, — сказал Бугримович.

— Втроем меньше риска, да и надежнее. Мы ошибаться не имеем права…

Вперед ушли Землянко, Бугримович и Тарасенко. С одним часовым покончили быстро и без шума. Со вторым получилась заминка. Он услышал шорох и окликнул:

— Вэр ист да?

В ответ Землянко выпустил очередь из автомата. Часовой свалился. Не ожидая команды, отделение бросилось вперед. Гитлеровцы не успели опомниться, как были перестреляны. Партизаны кинулись к реке и отыскали три лодки. Погрузились по восемь-девять человек в каждую и оттолкнулись от берега. Лодки не приспособлены для такого количества людей. Казалось, вода вот-вот перехлестнет через борта.

— Опрокинемся — не теряйтесь. Будем держаться за лодки и плыть, — успокаивал Землянко.

На середине реки выбросили трофейное оружие. С горем подолам переплыли реку. Облегченно вздохнули лишь тогда, когда под ногами почувствовали землю… Лодки пустили по течению.

Разведчики радовались, не подозревая, что главная опасность впереди. Пересекли дорогу Дрохичин—Семятыче. К утру отошли от Буга километров на двадцать пять и напали на след дивизии. От местных жителей узнали, что партизаны вели бой с фашистами, наступавшими из Дрохичина и Семятычей, и ушли в направлении станции Черемхи. Свидетелями боя остались обгоревший танк и автомашина.

— Еще один-два перехода, и догоним своих, — сказал Иванов.

Весь день без передышки шли по следу дивизии. Но по этому же следу впереди и позади взвода шли и гитлеровские войска. Этого не знал Землянко.

Перед вечером взвод достиг хуторов, разбросанных по лесу вблизи дороги Семятыче—Боцьки. Ребята устали и проголодались. Антон Петрович разрешил сделать короткую передышку. Выставили наблюдателей, остальные по три-четыре человека разошлись по хатам, чтобы перекусить. Зашел и Землянко. Гостеприимная пани поставила на стол кувшин с молоком, тарелку с ломтями хлеба и две кружки для Землянко и Тарасенко. Только наполнили кружки молоком, на улице вспыхнула стрельба. Антон Петрович и Аркадий выскочили во

двор. Гитлеровцы окружали хутор.

Партизаны торопливо выскакивали из хат, отстреливались и отходили к дому, возле которого находился Землянко. Здесь залегли за заборами и сараями. Огонь партизан становился более организованным и мощным. Однако Землянко понимал, что долго им не продержаться. Надо выстоять, пока соберутся все, а затем отходить в лес. Противник еще не успел полностью окружить хутор.

— Товарищ командир, Иванов, Бугримович и Рюмов отрезаны, — доложил подбежавший Николай Бережной.

— Где они?

— В самой дальней хате… Их окружили.

— Отвлекайте немцев, а я зайду им в тыл, помогу. Отходить будете в лес, — приказал командир взвода Николаю, взял с собою отделение автоматчиков и скрылся в кустарниках…

Пока Землянко с отделением добирался до леса и заходил в тыл гитлеровцам, у дома, где сражались три разведчика, события развивались трагически.

Иванов, Бугримович и Рюмов зашли в дом, стоявший в отдалении от хутора, у самого леса. Только уселись за стол, в дом вбежала девочка — дочь хозяйки и крикнула: «Немцы!» Разведчики бросились к выходу, но гитлеровцы, заполнившие двор, открыли по ним огонь из автоматов. Иванова ранило в ногу. Бугримович захлопнул дверь, запер ее изнутри и оттащил Иванова в комнату. Рюмов вышиб стекло, установил пулемет у окна и начал стрелять. У другого окна пристроился Бугримович с автоматом. Пашка Иванов наскоро перевязал раненую ногу и занял позицию у окна во второй комнате. Перепуганная хозяйка с детишками забилась в угол возле печки.

Гитлеровцы из пулеметов и автоматов обстреливали окна и двери, одновременно густой цепью приближались к дому. Пути отхода разведчикам отрезаны, и они понимали, что без помощи им отсюда не выбраться.

Со стороны леса подоспел Землянко. Разгорелся бой. Усилили стрельбу и разведчики, оказавшиеся в западне. Промельк-пула надежда на спасение. Но скоро последняя надежда пропала. Стрельба отдалялась. Они поняли, что Землянко не в состоянии им помочь. Слишком неравные силы. В дополнение ко всему был убит Вася Рюмов. За пулемет встал Бугримович.

Отбив попытку партизан прорваться к дому, фашисты почувствовали себя победителями. Они решили захватить разведчиков живыми и предложили сдаться.

— Ваше дело капут… Кончай стрельба, — выкрикивали

гитлеровцы.

— Да, видно, пришел конец, — сказал Бугримович.

— Живыми не сдадимся, — простонал Пашка Иванов.

Каратели после каждого предложения сдаться усиливали обстрел дома. Разведчики отвечали все реже: на исходе были патроны.

— Выходите, иначе будем вас поджарить, — кричали с хохотом фашисты.

— И в самом деле поджарят, — сказал Иванов. Задумался на минутку и приказал: — Петя, крикни, пусть прекратят стрельбу.

— Ты что, с ума сошел? — растерянно спросил Бугримович.

— Крикни… О них надо подумать, — Иванов кивнул головой в сторону насмерть перепуганной хозяйки и ее детей.

Бугримович понял замысел командира и крикнул:

— Эй, вы, сволочи, не стреляйте, сдаемся!

В подтверждение своих слов Петя выбросил в окно пулемет. Он больше не нужен, патроны к нему израсходованы.

Немцы прекратили обстрел. Бугримович подошел к хозяйке и сказал:

— Мамаша, берите детей и уходите. Мы остаемся здесь. Будете живы, передайте нашим, что честно погибли советские партизаны Иванов, Рюмов и Бугримович.

Петя вывел женщину с детьми в сенцы, открыл дверь, пропустил их. Как только они перешагнули порог, мгновенно захлопнулась дверь.

Гитлеровцы поняли, что обмануты, кинулись к дому, прошивая дверь автоматными очередями. Но поздно. Разведчики возобновили стрельбу, расходуя последние автоматные патроны.

Фашисты неистовствовали. Потеряв надежду захватить партизан живыми, они подожгли дом. Загорелась крыша, потом огонь охватил все строение. Из окон полетели последние гранаты, брошенные Ивановым и Бугримовичем. В горящем доме прозвучали два пистолетных выстрела. Стало тихо, только бушевало пламя пожара, пожиравшего крестьянскую хату вместе с трупами отважных разведчиков, верных сынов родины: ярославца Павла Иванова, белоруса Петра Бугримовича, алтайца Василия Рюмова.

Дорого гитлеровцам обошлась смерть троих советских партизан!

Свыше двадцати убитых и столько же раненых увезли они с хутора.

Первая неудачная попытка освободить товарищей не успокоила Землянко. Он переместился чуть левее и вновь повел отделение в атаку. Но немцы легко отразили удар горстки

партизан. Еще двое разведчиков были ранены. Когда же загорелся дом, в котором находились Иванов, Бугримович и Рюмов, Антон Петрович понял — их старания напрасны. Несчастье произошло… Он снял шапку и прошептал:

— Прощайте, товарищи!

Задерживаться здесь было опасно. Пришлось отходить. Когда разведчики собрались в лесу, Землянко сказал:

— Карателя не оставят нас в покое. Надо как можно скорее добраться до Беловежской пущи. Пойдем на Беловеж.

Усталые и голодные, подавленные потерей товарищей, разведчики уходили на север, надеясь найти дивизию в лесной пуще. Землянко подозвал к себе Тарасенко и сказал:

— Назначаю тебя, Аркадий, командиром отделения вместо Иванова. Справишься?

Аркадий не ожидал такого разговора и сразу не нашелся, что ответить. Ведь были товарищи старше и опытнее его. Обеспокоенный молчанием, Антон Петрович спросил:

— Что молчишь?

— Справлюсь, товарищ командир, — ответил Тарасенко.

— В таком случае, бери отделение и иди в дозор…

Так Аркадий Тарасенко стал командиром отделения. В отряд он пришел с братьями Петром и Василием Бугримовичами в ноябре 1942 года, когда я с тремя ротами громил фашистов на станции Демехи Гомельской области. Все они вызвались быть нашими проводниками. Аркадию тогда шел семнадцатый год. Более года, проведенные в главразведке, для Тарасенко не прошли даром. Он научился вести разведку и действовать в бою. Аттестат на зрелость разведчика он защитил в Карпатах. Особенно трудно ему пришлось при выходе из Карпат. В одном из боев Аркадий был ранен. Лечился в крестьянской семье в селе Гвоздецкого района Станиславской[22] области. Выздоровел и один пробрался в Полесье, пройдя по тылам врага около тысячи километров. Он все время был в отделении Иванова вместе с Петром Бугримовичем. И вот теперь не стало его боевых товарищей.

Аркадий восхищался своим командиров отделения. Считал, что отделение своими успехами обязано Иванову. Да это и справедливо. Потому-то он и задумался над предложением Землянко, взвешивал — по силам ли ему такая ноша…

Взвод продолжал идти по следам дивизии. На каждом шагу разведчиков подстерегала опасность. Не ввязываясь в затяжные бои, они обходили противника, стремясь быстрее достичь лесов. Но и здесь их ждала неудача. Беловежская пуща кишела вражескими войсками.

В Рожковке разведчики увидели свежие могилы. Из надписи узнали о гибели комиссара Иосифа Тоута, политрука Пшеницына, Вали Косиченко и других товарищей.

Преследуемые противником, от Рожковки пошли на юг. Оказались в малолесном районе, тут их и постигло еще одно несчастье. Взвод напоролся на засаду. В коротком бою потеряли еще семь человек. Погиб и командир взвода Антон Петрович Землянко, так и не узнав, что у него родился и растет сын Володя. Могилы Землянко и его побратимов затерялись где-то в лесах Брестской области.

— Как быть? Что делать? Куда податься? — задавали разведчики вопросы, с надеждой глядя на Аркадия.

Тарасенко не скрывал от товарищей, в каком критическом положении оказался потрепанный взвод. Посоветовавшись с Николаем Бережным, он сказал:

— Будем выходить. Только пойдем не по следу дивизии, а прямо на восток, кратчайшим путем к району действий белорусских партизан.

Аркадий даже не предполагал, какое мудрое решение принял. Это он понял через несколько переходов. Дело в том, что до этого взвод шел по маршруту дивизии. Этим же путем шли карательные отряды противника. Невольно разведчики оказывались в зоне действия вражеских войск. Когда же они отклонились от маршрута, войска противника стали попадаться все реже. На пути встречались лишь мелкие полицейские гарнизоны. С ними разведчики легко расправлялись.

В конце апреля Тарасенко вывел взвод в Пружанскую пущу, где базировался первый партизанский отряд имени Кирова Брестского соединения. Здесь же они встретили группу наших партизан во главе с Петром Федоровичем Бычковым.

Бычкову и его товарищам пришлось еще труднее. Оказавшись отрезанными от главных сил в Беловежской пуще, Бычасов повел группу вдоль реки Лесна Правая на юго-восток. Гитлеровцы пустили по их следам карателей с овчарками. Партизаны маневрировали. То уходили в глубь леса, то подолгу шли по ручьям, чтобы сбить с толку ищеек. Но боя избежать не удалось. Враг наседал. Группа потеряла половину своего состава. Гибель грозила всем. В одном бою партизанам удалось ранить овчарку. Собака заскулила, начала кататься по земле. Остальные овчарки не пошли дальше. После этого случая, как только появлялись немцы с собаками, партизаны старались подстрелить ищейку. Так им удалось избежать дальнейших жертв. Каратели потеряли след партизан.

К белорусским партизанам группа Бычкова пришла с

большими потерями.

— Нам дорого обошлось мартовское купание, — сказал Бычков. — Почти все ребята простудились. Даниленко подхватил воспаление легких.

— А я иду и сам себе думаю, вот ето похлеще Карпат, шоб ёны гаром горели. Если из Карпат пришел чуть жив, то тут, не дай бог чаго-нябудь, кости волкам достанутся, — закончил Аркадий Тарасенко.

Выслушав рассказ разведчиков и бойцов третьей роты, Петр Петрович Вершигора поднялся из-за стола, глубоко засунул руки в карманы брюк и долго в задумчивости расхаживал взад-вперед по комнате.

А потом заговорил тихим голосом, как бы думая вслух:

— Обыкновенные люди! Они живут среди нас, трудятся, а в грозный для родины час смело идут на ее защиту, не жалеют своей жизни, при этом ни на минуту не задумываются о величии своего подвига. Это же настоящие герои, творцы истории! — Петр Петрович подумал и продолжал: — Дорогой ценой расплачиваемся мы за право быть свободными. Хотелось, чтобы те, кто останется в живых и войдет в историю, понимали и помнили, на чьей крови и подвигах основана их слава, не забывали своих боевых соратников. Надо, чтобы эти счастливцы рассказали народу о подвигах, особенно тех сынов родины, которые погибли в трудной борьбе. — Вершигора обвел взглядом присутствующих и закончил — Это касается нас всех…

Партизанский доктор

Трудно приходилось врачам на фронте, но неизмеримо труднее им в тылу врага, в партизанских отрядах. Недостает медикаментов, перевязочных материалов и медицинских инструментов, особенно в рейдирующих отрядах.

Нашему соединению повезло. Первым врачом отряда была молодая выпускница медицинского института Надежда Казимировна Маевская, или, как ее ласково называли партизаны, — Дина Казимировна. Она еще до прихода в отряд разыскивала раненых красноармейцев, оставшихся на оккупированной территории, и помогала им.

Удивительный человек эта Дина Казимировна! Ее — невысокую, чернявую, очень энергичную — можно было всегда встретить среди раненых в подразделениях. Во время походов она превращалась в лихого наездника.

Первое время Маевская увлекалась боем, однако со временем Ковпак и Руднев возложили на ее плечи все заботы по организации медицины в отряде.

Нелегко пришлось на первых порах. Кроме недостачи всего необходимого для лечения раненых, у нее не было и квалифицированных помощников. Но она оказалась хорошим организатором. Перво-наперво занялась подготовкой медицинских сестер и санитарок. Вспоминая об этом, Маевская рассказывала:

— Мы сами готовили медицинских сестер. Отбирали девушек, отличившихся в боях, смелых, выдержанных, выносливых, находчивых. Без этих качеств медицинская сестра в тяжелых боевых условиях не сможет оказать медицинскую помощь, вынести с поля боя раненого, прикрыть его огнем, если это потребуется!

«Мы готовили!» На самом деле Маевская была единственным преподавателем, занималась в перерыве между боями и переходами. И надо отдать должное, с задачей справилась отлично. Воспитала достойных помощников. Среди них Галя Борисенко, сестры Оля и Маруся Медведь, Лиза и Наташа из третьей роты, Люся Стобурова из второй роты…

Девушки не только оказывали помощь раненым, но нередко участвовали в боях наравне со всеми. Фельдшер Нина Ляпина в критическую минуту боя вырвалась вперед и с призывом «За Родину!» увлекла за собой бойцов. Рота выполнила задачу. Но Нина в этом бою погибла. В бою за Голубовку Люся Стобурова прикрыла своим телом командира второй роты и ценой своей

жизни спасла его. Во время разгрома лельчицкого гарнизона врага геройски сражалась медсестра Маруся Медведь и была смертельно ранена. Первой жертвой в Карпатах стала медсестра Маруся Евенко. При прорыве из Карпат Галя Борисенко не оставила раненого комиссара Руднева и вместе с ним погибла под Делятином. Погибли также Лида Соловьева и Оля Медведь.

Одной из воспитанниц Надежды Казимировны была и Дуся Пащенко. До войны она работала шофером в Петрушанской машинно-тракторной станции Черниговской области. Эвакуировалась, Под Ямполем немцы отрезали путь на восток. Дуся сожгла машину и скрывалась на хуторе Гутка в Землянском лесу. В феврале 1942 года пришла к Ковпаку. Была рядовым бойцом, потом медсестрой в шестой роте. Смелая и очень сильная физически, она не оставляла на поле боя ни одного раненого. За рыжие волосы партизаны прозвали ее «чернявой». Дуся прошла школу у Дины Казимировны Маевской. После взятия Лоева в ноябре 1942 года ее перевели в санчасть соединения. Первое время была обычной медицинской сестрой, а потом стала хирургической сестрой у врача Скрипниченко. Ее неусыпными заботами многие раненые возвращены в строй. К сожалению, Дуся Пащенко заболела, и мы ее сразу же отправили на Большую землю.

Катя Приходько, прежде чем стать медицинской сестрой, повоевала связной, автоматчицей, разведчицей. Скромная и застенчивая, она к любому занятию относилась серьезно. Вместе с товарищами ходила в разведку, участвовала в боях, проведенных разведывательной ротой, и всегда действовала смело. Став медицинской сестрой, много бессонных ночей провела возле тяжелораненых разведчиков. И надо было видеть, как она радовалась, когда ей удавалось вернуть в строй раненого или больного товарища. Разведчики любили эту добрую и заботливую девушку и ласково называли ее Катюшей.

В соединении любили и медицинскую сестру Галю Гончаренко— невысокую девушку с длинной косой. Однако не все знали, что это одна из лучших разведчиц. Галя выполняла ответственные поручения командира и комиссара. Рискуя жизнью, она пробиралась в города с фашистскими гарнизонами и добывала ценные сведения. Она торговала на рынках то салом, то солью, с большим трудом добытыми партизанами для этой цели. Гитлеровцам даже в голову не приходило, что развязная и голосистая крестьяночка — партизанская разведчица. Там же на рынке Галя встречалась с нужными людьми, получала от них необходимые данные, распространяла листовки и советские газеты.

Галя ходила на задания на пару с Наткой Парфентьевой. Однажды случилось несчастье. Гестаповскому шпику удалось напасть на след Натки. Разведчицу арестовали. Галя решила вызволить подругу. На этот раз она появилась в городе не в обычной крестьянской одежде, а по-городскому разнаряженная и раскрашенная. И без того красивая, она привлекла к себе внимание немецкого коменданта из фольксдойчьей. Тот начал ухаживать за ней. Разведчица всем своим поведением показала, что это льстит ей. Однако с комендантом вела себя строго, давая понять, что не хочет быть для него забавой. Если он женится — тогда другой разговор. Комендант настолько увлекся девушкой, что решил жениться.

Готовилась свадьба. Об этом знали все в комендатуре и полицейском управлении. Галя не теряла времени попусту. Войдя в доверие к коменданту, она сумела выкрасть бланк с его подписью, и, когда он был в отъезде, изготовила документ, предписывавший освободить из-под стражи Натку. Документ, запечатанный в конверт, передала начальнику полиции из числа предателей советского народа… Когда же комендант возвратился в город, Гали и Натки и след простыл. Поняв, в какую историю попал, он даже шума поднимать не решился.

Это лишь один эпизод из боевой жизни медицинской сестры — партизанской разведчицы.

Оказать помощь раненому, сделать операцию и извлечь из тела осколок или пулю — это еще не все. Главное выходить, поставить на ноги, вернуть в строй бойца. Защитить раненых от врага. Эту задачу с честью выполняли санитарки и няни. Вообще надо доброе слово сказать о всех наших женщинах и девушках. Не было ни одной партизанки, будь то разведчицы, автоматчицы или пулеметчицы, которая бы не приняла горячего участия в уходе за ранеными. Это и Проня Новикова, и Аня Василец, и Галя Кваша, и полька Мария, и многие другие. Все они недосыпали, порой голодали, а о раненых проявляли теплую заботу: ухаживали за ними, стирали белье, готовили пищу, наконец, лаской и нежным словом согревали сердца и облегчали страдания раненым.

Из фашистского плена бежал военный врач Иван Маркович Савченко. Он заменил заболевшую Надежду Казимировну. Но в Карпатах погиб, защищая раненых от фашистских палачей.

Партизанский быт заставлял врачей, фельдшеров, медсестер лечить не только партизан, но и местных жителей, бороться с эпидемиями тифа, свирепствовавшего во многих селах, оккупированных немцами.

Врачей было мало. Санитарное дело в полках поручалось военным фельдшерам — Михаилу Михайловичу Горелову,

Николаю Соколу, Михаилу Андреевичу Никитину, Елисееву. Им приходилось даже делать сложные хирургические операции. И они успешно справлялись с этой трудной задачей.

Мне часто вспоминается такой случай.

Однажды соединение на марше вступило в бой с гитлеровцами, преградившими путь. Вскоре принесли тяжелораненого партизана. Нужна была срочная операция. Решился Михаил Михайлович Горелов.

Операцию пришлось делать прямо на тачанке при свете карманных фонарей. Помогала ему жена — медсестра Лена. Операция прошла удачно. И только была закончена она, как колонна возобновила движение.

— Как ты решился? — спрашивали после партизаны Горелова. — Ведь могли двинуться прежде, чем ты справился бы с операцией.

На это Горелов ответил:

— А что делать? Нельзя же упустить хоть малейшую возможность для спасения жизни. Ну, если бы не успел, пришлось бы задержаться и докончить, — Михаил Михайлович подумал и добавил: — Знаете, если бы мне в мирное время предложили такую операцию, честное, слово, ни за что не согласился бы…

Врачей и военных фельдшеров партизаны называли «партизанскими докторами», подчеркивая этим, что им они доверяют свою жизнь.

Как-то к нам в соединение прилетел врач Скрипниченко. Это — опытный хирург. Он не только лечил раненых, но и находил время для научной работы. Накопил массу материала по военно-полевой хирургии…

Большинство врачей и фельдшеров приходили к нам из числа окруженцев и бежавших из гитлеровского плена.

Из таких был и Мирослав Зима. Доктор Зима в отряд вступил в августе 1943 года, в Черном лесу Станиславской области, при возвращении группы Вершигоры из Карпат. Он три дня колесил вокруг партизанского лагеря, присматривался, пока его не задержали на заставе.

Когда разведчики привели невысокого, лысого, с венчиком рыжих волос ка голове и такими же рыжими усиками, с добрыми и пытливыми глазами человека, Вершигора внимательно посмотрел на нежные руки и интеллигентное лицо задержанного и сказал:

— Здравствуйте, доктор!

— День добрый, — ответил тот недоуменно.

— Садитесь.

Задержанный посмотрел вокруг, ища стула, на который

предлагают садиться, и, не найдя, аккуратно присел на траву под сосной. Вершигора улыбался и продолжал молча рассматривать незнакомца. Тот не вытерпел и заговорил:

— Я действительно доктор, Мирослав Зима. А как вы догадались?

— Это не трудно, — ответил Вершигора. — В лесу ребята задержали повозку с продуктами и медикаментами. По вам видно — интеллигент. Я и решил, что вы доктор.

— Это так. Я прошу пана полковника вернуть все это. В лесу еврейские семьи. Много больных…

— Медикаменты вернем. Что же касается огурцов, колбасы и спирта, то вряд ли что осталось. Хлопцы, наверно, все прикончили.

Вершигоре принесли котелок с супом.

— Ложка есть? — спросил Петр Петрович доктора. — Садитесь обедать.

Доктор подсел к котелку и за обедом рассказал о себе.

Задолго до войны Мирослав Зима окончил медицинский факультет Пражского университета. Занимался частной практикой в Польше и Западной Украине. Война застала его в Станиславе. Фашисты взяли на учет всех евреев и создали гетто. Зима решил бежать. На последние деньги купил револьвер и хотел подготовить запас продуктов, но не успел. Узнал, что гитлеровцы хотят расстрелять евреев. Зима с несколькими семьями бежал. Долго скрывался в Черном лесу. Установил связь с жителями города, получал от них медикаменты и лечил больных. Там его и встретили партизаны.

— Поступайте в партизаны, нам нужны врачи, — предложил Вершигора.

— Мы, врачи, призваны не убивать, а лечить, делать людям добро, — ответил Зима.

— Если эти люди заслуживают добра. По-вашему, выходит, нельзя убивать фашистов. Они уничтожают безвинных детей и женщин, а мы должны их по головке гладить? Что плохого немцам сделали вы и ваши товарищи, что они уничтожают всех евреев поголовно?

Зима долго молчал, не находил, что ответить.

— Многое для меня непонятно, — сознался он наконец.

— С нами будете — поймете. Мы не будем заставлять вас убивать. Будете заниматься своим делом — лечить раненых, — пообещал Петр Петрович.

Зима остался в группе Вершигоры. Он оказался высококвалифицированным, всесторонним специалистом. Энергичный и беспокойный, Мирослав с первых же дней взялся за

дело. Все время находился возле раненых, всячески старался облегчить их мучения. Он был чувствительным к чужим страданиям. Долгое время никак не мог привыкнуть к боевым условиям партизанской жизни. Несчастье товарищей переживал тяжело и долго.

— Удивляюсь, как можно спокойно себя чувствовать, если с товарищем завтракаешь из одного котелка, а к обеду он уже убит! — говорил Зима.

— Нам тоже нелегко. На то и война. Она не отводит времени на переживания. Надо мстить! Это будет много полезней, чем хныкать, — отвечали партизаны.

Шло время. Суровая боевая обстановка заставила доктора по-иному взглянуть на многие вещи. К моменту прихода Мирослава Зимы в первый полк трудно было узнать в этом решительном человеке того добренького интеллигента, которого встретил Вершигора в Черном лесу. Сам Зима после признавался.

— Я увидел и понял то, чего не поймут миллионы людей, не побывавшие среди советских людей в годы войны.

В характере Зимы оставались прежними лишь его трудолюбие, честность, теплая забота о людях, желание сделать добро другим.

Как и Дина Казимировна, Мирослав много труда положил на подготовку медицинских сестер. Шестнадцатилетние Зоя и Лида, пришедшие в полк, за два месяца стали хорошими медсестрами, помощницами доктора. Прошла обучение у доктора Зимы и Елена Евстафьевна, переведенная к нам из третьего полка.

Находясь среди раненых, Зима шутками и прибаутками подбадривал их, вселял уверенность в выздоровление. Мне довелось слышать, как он, инструктируя медицинских сестер, говорил:

— Для нас, медиков, важно, чтобы раненый или больной поверил в наши способности. Добьетесь этого — считайте, наполовину справились с задачей. Не скупитесь на ласку. Вы заменяете раненому и сестру, и жену, и мать.

Услышав это, я понял, почему его так любили больные. Скоро мне самому пришлось испытать способности доктора…

Наблюдая за Зимой, мало кто знал, что у него творится на душе. Лишь однажды он разоткровенничался.

— Тяжело мне.

Меня удивила и встревожила такая перемена в нем.

— Стряслось что-нибудь? — спросил я.

— Понимаете, душа болит, — пожаловался упавшим голосом Зима. — Жену мою казнили фашисты. Остался сынок. Где он? Что с ним? Может, и его уже нет?

Это откровение для меня было совершенно неожиданным.

Дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак

Герой Советского Союза С. В. Руднев

Командир 1-й Украинской партизанской дивизии имени С. А. Ковпака П. П. Вершигора

Начальник штаба дивизии В. А. Войцехович

Первый батальон на марше

Конный по пешему (кавалерийский эскадрон)

Командир дивизии П. П. Вершигора среди командного состава 1-го полка (слева направо): командир 1-го батальона А. Ф. Тютерев, помощник начальника штаба полка Ю. А. Колесников, командир 1-го батальона Н. Г. Шумейко, командир полка Д. И. Бакрадзе, П. П. Вершигора, начальник штаба полка И. И. Бережной, начальник штаба 2-го батальона Г. М. Коровченко, начальник штаба 1-го батальона майор М. Д. Мороз

Старшина кавалерийского эскадрона В. Е. Демин

Разведчик Г. Ф. Ненастьин

Комсорг разведроты П. Н. Лучинский

Командир разведывательного взвода А. П. Землянко

Начальник штаба кавалерийского дивизиона С. П. Тутученко

Командир кавалерийского дивизиона А. Н. Ленкин

Командир кавалерийского эскадрона В. И. Ларионов

Командир кавалерийского эскадрона Н. В. Гапоненко

Командир
2-го полка П. Л. Кульбака

Герои Советского Союза Р. А. Кляйн и А. Н. Ленкин

Командир 3-го полка П. Е. Брайко

Командир 1-го батальона И. Т. Сердюк

Члены бюро комсомольской организации дивизии (слева

направо): В. А. Олейник, А. В. Федоров, С. Д. Бокарев, М. В. Андросов — помощник командира по комсомолу

Старшина разведроты В. В. Зяблицкий

Командир 1-й роты С. Д. Бокарев

Старшина роты
Н. Боголюбов и командир роты Ф. Бывалин

Командир 3-й роты Г. И. Дорофеев

Автоматчик Валентин Косиченко

Политрук роты Л. Я. Прутковский

Врач 1-го полка
доктор Мирослав Бернардович Зима

Слева направо: радистка Клава Лычана (Михайликова), медсестра Шура Галушка, командир полка П. Л. Кульбака, радистка Рая Шарова

Слева направо: радистка Мария Погребенко (Козьмина). начальник штаба батальона Г. М. Коровченко, радистка Нина Янчин

Командир 5-й роты
С. Е. Ефремов (в центре) ставит задачу командирам взводов

Радиоузел за работой

Разведчик А. А. Гольцов

Командир орудия В. Е. Алексеев

Разведчики: А. Г. Лисицкий, И. В. Маркиданов, В. В. Зяблицкий, В. Е. Демин

Командир отделения конной разведки Н. Н. Соловьёв

«Общество весёлых чудаков»

Командование 1-го полка имени С. В. Руднева (слева направо): помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант

Ю. А. Колесников, командир полка Д. И. Бакрадзе, начальник штаба полка И. И. Бережной.

Кто бы мог подумать, что он носит в себе такое горе! Как мы еще мало знаем друг друга!

Мне захотелось успокоить доктора.

— Не пропадет твой сынок. Найдутся добрые люди, приютят…

— На это только и надеюсь, — согласился Мирослав.

К счастью, надежды оправдались. Много лет спустя, после окончания войны, Зима разыскал своего сына. Его от фашистской расправы спасла и усыновила одна польская семья…

Как я уже говорил, много времени наши врачи отдавали лечению местных жителей. В Польше особой популярностью пользовался Зима. Быть может, потому, что он знал польский язык. Возле дома, в котором он располагался, всегда выстраивалась очередь стариков и женщин с детишками. И никогда им не отказывали в помощи.

Большой боевой путь прошел Мирослав Зима вместе с советскими партизанами. Забегая вперед, скажу, что опыт, приобретенный Зимой во время войны, пригодился ему в мирное время, когда он стал работать главным врачом санатория в Карловых Варах в Чехословакии…

Скромные труженики войны

Наряду с разведчиками, подрывниками, артиллеристами, пулеметчиками, медиками и воинами других специальностей в партизанских отрядах большим уважением и почетом пользовались радисты. Вся моя боевая деятельность в тылу врага связана с этими скромными, порой незаметными тружениками войны. Так было, когда с группой десантников я выполнял задание штаба фронта, так было, когда командовал главразведкой в партизанском соединении, так было и тогда, когда я начальником штаба полка с помощью радистов держал связь с Большой землей, штабом дивизии и другими полками.

Радистов редко увидишь в открытом бою, хотя они являются непременными участниками этого боя. Без радистов не проходят диверсии и разведки, бои и рейды…

В условиях партизанской борьбы радио являлось главным, а чаще — единственным средством связи. Иногда от радиосвязи зависело не только выполнение задания, но и жизнь партизанских отрядов, разведывательных и подрывных групп. Не говоря уже о том, что разведывательные сведения своевременно может доставить только радио. Поэтому партизаны пуще глаза берегли радиостанции, а радистов окружали заботой.

Наше соединение никогда не теряло связи с Большой землей и соседними отрядами и соединениями. Для этого мы имели достаточное количество средств и специалистов. При штабе дивизии действовал узел связи, в который входили радисты и шифровальщики. Кроме того, в каждом полку и во многих специальных подразделениях имелись свои радисты и портативные радиостанции.

В тыл врага присылались лучшие специалисты. Здесь им не могли оказать помощи ни инструкторы, ни радиотехники, ни шифровальщики. Все эти специальности совмещал каждый радист. Среди них были такие, которые до вылета в тыл врага не нюхали пороха, но смелые и надежные люди, главным образом, посланцы Ленинского комсомола. В их числе — Аня Маленькая (Лаврухина-Туркина), Божченко, Коля Смирнов, Валя Рыкова, Клава Лычана, Вася Слюсаренко, Толя Судаков… Многих партизаны знали лишь по присвоенным радистам кличкам: Шура, Дуся, Катя, Люся, Мария.

Припоминаю, как в конце апреля 1943 года к нам прилетели новые радисты Толя Судаков и Клава Лычана. Посмотрев на них, Сидор Артемовйч Ковпак сказал:

— Шо у меня, детсад? Присылают детей!

А они и на самом деле походили на детей. Особенно Клава — маленькая, худенькая, с усыпанным веснушками острым носиком — выглядела девчонкой.

— Не смотрите, что я маленькая. Мне уже исполнилось двадцать лет, — чуть не плача, оправдывалась Клава.

Трудно было поверить, что ей двадцать.

Утром предстоял первый сеанс связи с Москвой. Ковпак пришел, чтобы лично проследить за работой своих радистов, посмотреть, чего они стоят. Наблюдал, как маленькая, шустрая радистка в брюках и гимнастерке, словно мальчуган, вскарабкалась на дерево, пристроила антенну, слезла оттуда и натянула противовес, а потом раскрыла радиостанцию, надела наушники, настроила на нужную волну, положила ключ телеграфа на колени и с серьезным видом начала выстукивать на ключе. Некоторое время передавала «вызов», затем переключила рацию на «прием» и застыла в ожидании. Вдруг лицо ее просветлело. Она быстро посмотрела на командира, подмигнула и с радостью доложила:

— Нас слышат «на пять».

Девушка сияла оттого, что выдержала первый трудный экзамен в тылу врага. Сеанс прошел удачно. Сидор Артемович подобрел. Он смотрел на Клаву и испытывал отцовскую гордость за эту девчушку, о существовании которой до вчерашнего дня даже не подозревал. Но сказал совсем не то, о чем думал:

— На первый раз неплохо. Но хвастать тебе, дивчина, еще рано. Посмотрим, как будешь работать, когда над головой пули засвистят…

— Я буду стараться, товарищ командир, — заверила радистка.

С этой памятной встречи прошло более года. Клава Лычана сдержала свое слово. Она стала закаленным партизаном. Участвовала в Карпатском рейде. А с реорганизацией соединения в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию вместе с Васей Слюсаренко была направлена к нам в первый полк. И не было случая, чтобы она спасовала. Приходилось ей и участвовать в боях. Особенно ей запомнилось, как на обоз раненых напали власовцы. В бой вступили не только ездовые, писари, радисты, но и раненые.

Бой был тяжелым. Но им удалось сдержать противника до подхода партизанских рот.

И теперь на аэродроме Вася Слюсаренко и Клава Лычана поддерживали надежную связь со штабом партизанского движения Украины, находившимся в Киеве, со штабом дивизии и полками.

В большинстве же своем радистами у нас были люди, подвывавшие в боях. Таких, как Вася Мошкия, Дмитрий Мовчан, Нина Янчин, Мария Погребенко, знали все партизаны. Некоторые из них имели ранения. Выздоровели, прошли подготовку на курсах и прибыли в тыл врага.

Радистка Мария Погребенко (Козьмина), которую партизаны знали как «Люсю», накануне войны окончила учительские курсы и работала учительницей на Донбассе. В армию попала по путевке ЦК ЛКСМУ. Окончила курсы. На курсах училась вместе с девушкой из Краснодона, впоследствии ставшей известной всему миру Любой Шевцовой… На первое задание в тыл врага вылетела с отрядом. После выполнения задания вернулась на Большую землю. В конце 1943 года прибыла в соединение Ковпака и была направлена во второй полк. Ни в бою, ни в походах, ни во время отдыха Мария не расставалась с «Белкой». Радиостанцию берегла, справедливо считая ее своим боевым оружием. Связь полка была в надежных руках.

Подруга Марии — Нина Янчин — к нам пришла, имея опыт боевой и подпольной работы в тылу врага. Горе в семью Янчин, как и во многие тысячи советских семей, нагрянуло вместе с приходом гитлеровцев. Отец и старший брат Нины ушли на фронт. Мать осталась с маленькими детьми в поселке Майском на Могилевщине. Нина была старшей среди детей. Ей только исполнилось семнадцать лет. Война прервала учебу в Кричевском педагогическом училище.

Комсомолка Нина Янчин не захотела оставаться в стороне от борьбы. Начала с малого. Встречала красноармейцев, которые группами и в одиночку выбирались из окружения, и переправляла их через линию фронта.

Однажды к Янчин пришли два красноармейца. Один из них назвался Костей-москвичом.

— Нам посоветовали обратиться к тебе, чтобы помогла пробраться к своим, — сказал Костя.

— Кто посоветовал? — спросила Нина.

— Советские люди, — ответил москвич.

Нина подумала: «Если знают об этом соседи, то могут узнать немцы и полицаи. Тогда не миновать виселицы». Но эта мысль не испугала ее.

— Вас двое? — спросила девушка и предложила: — Подождите день-два. Подойдут еще товарищи, соберем группу и пойдем.

С ней согласились. Анна Васильевна — мать Нины — накормила окруженцев дала с собою хлеба, а девушка проводила их в лес и указала, где им лучше укрыться.

Нина оказалась права. Каждый день приходили новые товарищи. Всех их направляли в лес к Косте-москвичу.

За несколько дней отряд разросся и насчитывал несколько десятков человек. Нина пришла в лес, чтобы вести группу на восток. Посмотрела — ребята один к одному, молодые, сильные. Все с оружием. Даже сумели сохранить радиостанцию. И девушка решила высказать то, о чем уже давно думала.

— За последнее время мне много раз приходилось провожать бойцов, выходящих из окружения. Встречались всякие: раненые, здоровые с оружием. Попадалось много и безоружных, растерянных, подавленных. Вы все с оружием. Видно, ребята боевые, — сказала Нина. — Почему б вам не остаться здесь и не организовать партизанский отряд?..

Это предложение застало товарищей врасплох. Некоторые протестовали, доказывали, что они не хотят быть дезертирами, что их место на фронте. Нашлись и такие, которые поддержали Нину. Это были Александр Метелкин, Костя и Матвей.

— Дезертир тот, кто удрал из боя, бросил оружие, — сказал Костя. — Мы же не сделали ни того, ни другого. Нина дело предлагает. Фронт продвинулся далеко на восток. Кто знает, сколько нам придется бесполезно шататься по тылам фашистов. Да и удастся ли прорваться?!

— Согласен с Костей, — раздумчиво проговорил Метелкин. — Надо приниматься за дело. Мы и здесь можем принести пользу. Оружие есть. Патронов на первое время достаточно. Будем пополняться за счет немцев. Кто не согласен, пусть идет на восток.

После короткого совещания все высказались за создание партизанского отряда. На том и порешили. Сразу же взяли на учет всех бойцов, оружие. Патроны и гранаты распределили поровну. Командиром стал горьковчанин Александр Васильевич Метелкин.

Приступили к действиям. Уничтожили нескольких предателей-полицейских. Организовали на дороге засаду, истребили десяток фашистов и сожгли автомашину. Об их действиях прослышали местные жители и красноармейцы, отставшие от своих частей. Отряд стал пополняться. Возникла потребность в боеприпасах.

Нина Янчин не теряла связи с партизанами. Вызвалась помогать им. Она ходила в Кричев, заводила знакомства с нужными и надежными людьми. Ей удалось связаться с подпольщиками, с их помощью она доставала для отряда оружие, боеприпасы, одежду.

Отряд набирался сил, приобретал опыт партизанской борьбы.

По радио принимали сводки Советского информационного бюро, писали листовки и передавали Нине. Девушка размножала и распространяла их в соседних селах и в городе Кричеве.

Действия отряда встревожили гитлеровцев. Фашисты пытались выследить партизан и уничтожить, а командира отряда, известного им под кличкой Кочубей, схватить живым. Но безуспешно. Нина своевременно предупреждала товарищей о готовящейся карательной экспедиции.

Однажды в Кричеве Нина познакомилась с женой советского летчика Таней Лукашук, а через нее с Марфой Фроловой. Они согласились помогать партизанам. Вместе с ними Нина добывала нужные сведения и передавала в отряд.

О действиях партизанского отряда стало известно на Большой земле. Весной 1942 года в районе Кричева опустились три парашютиста с радиостанцией. Паролем явился свежий номер газеты «Правда». Газета пошла по рукам партизан. Стало легче на душе. Ребята повеселели.

Лишь после того как партизаны окончательно убедились в надежности десантников, они организовали встречу Нины с прилетевшим из Москвы старшим группы Самсоником. Десантнику партизаны рассказали о бесстрашии Нины Янчин.

Встретившись с Ниной, Самсоник не поверил, что эта высокая, гибкая, светловолосая девушка и есть бесстрашная партизанская разведчица. Но скоро ему пришлось убедиться в своей первоначальной ошибке.

Он долго и подробно расспрашивал Нину о ее действиях, о связях, о гарнизоне гитлеровцев в Кричеве. Девушка отвечала со знанием дела.

— Ты местная. Многие тебя знают, — сказал Самсоник. — Действуешь опрометчиво. Можешь в любой момент потерять голову.

Он дал ряд советов по соблюдению правил конспирации. Напоминал об этом при каждой последующей встрече. Это пошло на пользу Нине. Теперь она стала «Марьяной».

Нина почувствовала большую ответственность. Ведь о ней знают на Большой земле. Туда передаются сведения, которые она с подругами добывает. Теперь она вела себя более осторожно. В Кричев ходила под разными предлогами. То она в лаптях, в широкой крестьянской юбке, в вышитой белорусской сорочке с корзиной яиц или ягод, под которыми лежали листовки, идет на базар. То прикинется забитой сельской девушкой, которая пришла в город, чтобы раздобыть лекарство для больной матери. И поведение ее было то серьезным, то беззаботным.

По поручению Нины Таня Лукашук связалась с Иваном

Линьковым, работавшим на железной дороге. Партизаны получили возможность своевременно узнавать о железнодорожных перевозках немцев и удачнее проводить диверсии.

Нина установила связь с советскими военнопленными, находившимися в лагере на цементном поселке. Готовила их побег. Все шло хорошо, и вдруг осечка. Предатели выдали Таню Лукашук и Ивана Линькова. Гитлеровцы ничего не добились от подпольщиков и казнили их.

Фашистские агенты начали охотиться за «Марьяной». Им и в голову не могло прийти, что девушка с простым лицом, спокойными размеренными движениями, которую они видели на базаре, у вокзала, вблизи лагеря военнопленных, и есть та «Марьяна», за которой они охотятся.

Немцы и полицаи с ног сбились, но поймать загадочную советскую разведчицу не могли. Все же им удалось заслать в отряд предателя и напасть на след Нины. Каратели хотели взять ее живой, надеялись заставить разведчицу заговорить и рассказать о действиях партизан и подпольщиков. Фашисты торопились, предвкушая победу. В Мстиславе для «Марьяны» подготовили виселицу. Но их кровавым замыслам не суждено было сбыться. Партизаны вовремя разоблачили шпиона, и неуловимая «Марьяна» снова ускользнула от карателей. Но семье Нины грозила расправа. Однако товарищи успели вывезти из поселка Майский и укрыть мать Нины с детьми…

Много еще сложных заданий выполнила Нина Янчин, пока осенью 1942 года не свалила ее тяжелая болезнь. Партизаны вынуждены были расстаться с ней, отправить на Большую землю.

После выздоровления Нина окончила курсы радисток и была направлена в тыл врага в наше соединение. Это была уже возмужавшая и опытная партизанка. В любой обстановке она вела себя спокойно, обязанности радистки выполняла быстро и точно…

Под стать Нине и Марии были и другие радистки и радисты. Не раз они ходили с разведчиками за сотни километров от главных сил, совершали отдельные рейды с подразделениями, обеспечивая постоянную связь с дивизиёй.

Партизанские будни

К нам самолеты стали прилетать реже. Появилось много свободного времени. Мы использовали его для политико-массовой работы, проведения организационных мероприятий и, конечно, для отдыха. Одним словом, набирались сил для последующих боев. Воспользовались передышкой и пополнили роты за счет новичков. Организовали боевую учебу и подготовку специалистов: минометчиков, пулеметчиков, минёров, истребителей танков. Назначили командиров вместо погибших и отправленных на лечение.

На первой роте закрепился Иван Деянов. Вторую принял бывший артиллерист Халупенко Петр Федорович. Командиром первого батальона назначили начальника штаба второго батальона Николая Гавриловича Шумейко, а на его место — Григория Коровченко. Комиссаром 1-го батальона — Хоменко И. П.

Для улучшения политико-воспитательной работы с бойцами во всех ротах были назначены политруки. В нашем полку политруками назначили Л. Я. Прутковского, С. Л. Подвязного, И. И. Даниленко, В. А. Селенко. Александра Карповна Демидчик стала политруком главразведки.

Всех их мы хорошо знали. Коровченко к нам перевели из второго полка. Это — бывалый партизанский командир. В отряд пришел в декабре 1942 года. Долгое время воевал в батальоне Кульбаки. Командовал ротой. Участвовал во многих боях. В весеннем рейде 1943 года по Украине рота под его командованием уничтожила тридцать гитлеровцев, охранявших мост на шоссе Иванков—Дымер, и взорвала мост. При бое с припятской флотилией немцев рота потопила катер и баржу с зерном, стойко оборонялась в междуречье Днепра и Припяти. При разгроме немецкого гарнизона в Вяжищах Коровченко был ранен. Его отправили на Большую землю. После выздоровления Гриша вернулся в соединение и был назначен начальником штаба батальона во втором полку. Но ему опять не повезло. В марте 1944 года получил второе ранение. На этот раз отправлять в госпиталь не пришлось. Он выздоровел в дивизии. Молодой, подвижный, Коровченко был под стать своему новому командиру — Александру Филипповичу Тютереву. Он с первых же дней деятельно взялся за подготовку подразделений к очередному рейду.

Во время рейда мы не имели возможности проводить общие партийные и комсомольские собрания. Теперь наверстывали

упущенное. Многие партизаны подали заявления с просьбой принять в ряды партии. Писали коротко: «Хочу идти в бой коммунистом», «Хочу защищать Родину с партийным билетом у сердца»… Были и такие, которые писали более пространно: «В тяжелый час для Родины, когда фашистская гадина топчет нашу священную землю, несет горе советскому народу, хочу быть в первых рядах защитников социалистического Отечества. Клянусь, что пока руки в силах держать оружие, пока бьется мое сердце, я, не жалея здоровья и самой жизни, буду драться до полной победы над врагом…»

В партию шли самые достойные воины. Так было во всех полках, во всех подразделениях.

После гибели капитана Тоута Иосифа Иосифовича наш полк остался без комиссара. Партийно-политической работой пришлось заниматься командиру полка Бакрадзе и мне. Нам помогали секретарь комсомольской организации Вася Олейник и комиссар второго батальона Непомнящий, который был избран секретарем партийного бюро полка. Об этом энергичном коммунисте хотелось бы рассказать более подробно.

Александр Борисович Непомнящий — лет тридцати пяти, коренастый, с маленькими черными усиками. По профессии инженер-конструктор. Окончил два института. Работал на заводах Сталинграда и Краматорска. Воевать начал с августа 1941 года в должности помощника командира полка по артиллерийскому снабжению. Участник обороны Киева и боев на Днепре.

Осенью сорок первого года при прорыве из окружения в районе Яготина был ранен и попал в плен. На его глазах гитлеровцы расстреляли около ста пленных командиров, политработников, евреев. Непомнящий чудом уцелел.

Начались скитания по пересыльным лагерям для военнопленных: Борисполь, Дарница, Киев, Коростень. Неизвестно, какая бы участь постигла Александра Борисовича, не попади он в лагерь военнопленных в Овруче, который охраняли солдаты 101-го полка, 2-й охранной словацкой дивизии. И хотя в лагере хозяйничали немецкие офицеры, режим здесь был менее строгим, чем в других лагерях.

Горе не сломило волю коммуниста Непомнящего. Он стал присматриваться к товарищам по несчастью, сколачивать группу из надежных, стойких ребят. Первоначально в эту группу вошли донской казак Саша Коженко, Федор Глебов из Тамбова, киевлянин Аркадий Щупак. Потом присоединились Николай Гречко, ярославец Алексей Краев и рязанец Иван Нотах. Группа разрасталась…

Начали знакомиться с словацкими солдатами, прощупывать их настроение. Многие из них охотно вступали в разговор с пленными, разрешали им получать передачи от жителей Овруча.

Однажды в лагерь приехала группа словацких офицеров. Среди них выделялся выправкой стройный офицер в очках. Это был начальник штаба 102-го словацкого полка. И хотя советские военнопленные тогда не могли знать, что капитан Ян Налепка — антифашист, все же ощутили в его отношении дружеское участие. Несколькими малозначащими замечаниями он дал понять пленным, что для них еще не все потеряно. Надо находить свой путь дальнейшей жизни.

Среди пленных начали создаваться патриотические группы. Со временем в эти группы включались и словаки. Как-то подошел словацкий солдат, ткнул себя пальцем в грудь, назвался Яном и сказал: «Словей русса не убиет».

— Я всегда помню наказ отца, — разоткровенничался Ян. — Когда меня мобилизовали, отец на прощание сказал: «Сынок, никогда не поднимай руку на друга. А друзья наши — русские…»

Ян при каждом удобном случае, когда вблизи не было офицеров, угощал пленных сигаретами, разговаривал, не таясь, высказывал вражду к немцам. Он доверительно сообщил, что многие словаки не хотят воевать против русских. От него же узнали, что капитан Ян Налепка пользуется большим авторитетом среди словацких солдат, а немцы его недолюбливают.

Ян познакомил Непомнящего с надежными словаками, предупредил, кого надо остерегаться.

В конце декабря 1941 года Ян шепнул, что из числа военнопленных будут отбирать команду человек 20–25, которых отправят на заготовку дров. С его же помощью в эту команду была включена вся группа Непомнящего.

Команду доставили в Козинки в семи километрах от Мозыря. В этом лагере Непомнящий и Глебов пробыли почти год и создали интернациональную подпольную группу. В нее, кроме советских товарищей, входили словаки Ян Быстрая, Андрей Сакса, Андрей Палша, Виктор Кендеру и другие. Началось настоящее братание советских патриотов и словаков. Словаки организовали прием по радио сводок Совинформбюро, которые размножали и распространяли среди пленных, словаков и местного населения. До народа доходил голос Москвы, и это в то время, когда фашисты кричали на всех перекрестках о взятии советской столицы и города Ленинграда.

С помощью словацких друзей пленные начали добывать оружие, прятать его и готовиться к побегу.

Как ни скрытничали подпольщики, все же немцы заподозрили что-то неладное в лагере и намеревались провести тщательную проверку и чистку. Узнав об этом от словаков, пленные ускорили подготовку к побегу. Этому способствовало и то, что словаки сообщили пленным о продвижении к Лельчицам крупного партизанского отряда. Медлить нельзя.

Побег назначили на воскресенье, когда офицеры, обычно, развлекаются. С солдатами охраны договорились, чтобы они не поднимали тревоги до утра. А на постах как раз стояли Ян Быстрая и его друзья. На прощанье Непомнящий и Ян обменялись фотокарточками и адресами, пообещав после войны разыскать друг друга[23].

Глубокой ночью группа в тринадцать человек выбралась из лагеря через заранее проделанный в заборе проход. К ним присоединился лейтенант Иван Климов, скрывавшийся в крестьянской семье в Козинках. Через три дня, утром 24 ноября 1942 года подошли к селу Стодолищи и были задержаны партизанской заставой ковпаковцев. Двое из группы по пути зашли в деревню и вновь попали в руки немцев.

Всех прибывших зачислили в отряд. Сашу Коженко взял Вершигора в тринадцатую роту ездовым. Непомнящего определили в боевой расчет 45-миллиметрового орудия в восьмую роту.

А через несколько месяцев большинство словаков из лагерной охраны в Козинках, в том числе Андрей Сакса и Андрей Палша, пришло к нам. Сакса и сейчас командует отделением в главразведке, а Палша, во время нашего пребывания в Карпатах летом сорок третьего года, ушел в Чехословакию. В это же время словацкий полк почти в полном составе во главе с Яном Нелепкой перешел на сторону советских партизан и вместе с соединением генерала А. Н. Сабурова участвовал в освобождении города Овруча. В этом бою Ян Налепка погиб. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прежде чем попасть в 1-й полк, Непомнящий воевал политруком восьмой роты, комиссаром артбатареи и 7-го батальона в 3-м полку. Дело свое Александр Борисович знает хорошо, к порученным обязанностям относится со всей душой, большую заботу проявляет о бойцах. Вместе с комбатом Тютеревым и начальником штаба Коровченко он многое сделал для поддержания боевой способности батальона.

…При организации полка меня избрали секретарем штабной партийной организации. Как-то ко мне подошел Юра Колесников. Обычно разговорчивый, веселый, любитель пошутить, на этот раз он был серьезным. Чувствовалось, его что-то волнует. Наконец

Юра решился.

— У меня к вам большая просьба, — заговорил он.

Меня удивило его обращение на «вы». Мы были друзьями, а тут вдруг такая официальность.

— Что же у вас за просьба, Юрий Антонович? — в тон Колесникову спросил я.

— Прошу вашей рекомендации в партию, — сказал Юра и поспешил добавить: — Правда, вы меня знаете всего пять с половиной месяцев. Заверяю — краснеть за меня не придется. Доверие оправдаю.

— Эти пять месяцев стоят пяти лет, — ответил я и перешел на дружеский тон. — В тебе я не сомневаюсь. С удовольствием поручусь за тебя. Когда надо?

— Сейчас, — повеселел Юрий Антонович. — У меня две уже есть… Спасибо.

Я тут же написал рекомендацию и вручил Колесникову.

Сложнее было с Мирославом Зимой. Он попросил рекомендацию еще во время рейда. Человек он замечательный, прекрасный знаток своего дела, к работе относится с душой, врага ненавидит. По всем статьям заслуживает высокого звания коммуниста. Но как быть? Ведь он не является гражданином Советского Союза. Это и поставило меня в тупик. Я откровенно сказал ему о своем затруднении. Попросил подождать, пока посоветуюсь с замполитом дивизии. При первом удобном случае я обратился за разъяснением. Николай Алексеевич Москаленко выслушал меня и сказал:

— Чудак человек, кто же за него поручится, если не мы? Воюет-то он вместе с нами. Думаю, мы имеем право рекомендовать доктора в ряды Коммунистической партии.

Так решился вопрос о приеме Мирослава Зимы кандидатом в члены партии.

Изрядно пришлось потрудиться и нашему комсомольскому секретарю Васе Олейнику. Основной состав полка — молодежь, много среди них новичков. Васю просто забросали заявлениями о приеме в комсомол. На помощь Олейнику пришел вездесущий Миша Андросов — главный комсомольский секретарь дивизии. Он часто бывал в полках и подразделениях, помогал комсоргам организовать работу среди молодежи.

…Большую работу провели наши хозяйственники во главе с Николаем Боголюбовым. Отремонтировали повозки, упряжь, перековали лошадей, рассортировали и упаковали грузы, распределили боеприпасы по батальонам и ротам, создали полковой резерв. В порядок привели одежду и обувь.

Подразделения были готовы к походу.

Высокая награда

К началу июня 1944 года мы отправили на Большую землю раненых и получили почти все необходимые грузы. Нас обеспечили не только боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, питанием для раций, но и куревом, солью, обмундированием, большим количеством литературы. Многие партизаны получили письма от родных, а некоторым пришло по два-три письма.

Получил и я сразу два письма: из Запорожья от жены и из Россоши — от родителей. Радости моей не было предела. Я с жадностью прочел их одно за другим. А потом, уже не спеша, перечитывал до тех пор, пока не выучил наизусть. И тем и другим нелегко пришлось. Жена с маленькой дочуркой не смогла эвакуироваться в тыл. Бросила квартиру в Полтаве и с ребенком на руках пешком ушла в Запорожье к своим родным. Там и промучилась все время оккупации, укрываясь от фашистов в селе.

Моих родителей война застала в Ворошиловграде. Оттуда они перебрались в Майкоп. Но и там не удалось старикам удержаться. Исколесив многие сотни километров в прифронтрвой полосе, они попали в родную Воронежскую область и остались в Россоши.

В этом месяце исполняется три года, как я расстался с семьей. Читаю письмо и, в который уже раз, стараюсь мысленно представить, какая дочь сейчас, и не могу. Она в моем воображении по-прежнему такая же, какой я ее видел в последний раз перед отъездом на фронт — полугодовалой. Невольно возникает мысль — увидимся ли? Ведь впереди еще предстоят серьезные бои!

Не один я радовался вестям из дома. Большое оживление внесли в партизанскую жизнь полученные письма. Счастливцы перебегали от костра к костру и по нескольку раз перечитывали свои письма товарищам.

Особенно торжествовал Александр Филиппович Тютерев. После Карпатского рейда он отправил свою жену на Большую землю. Теперь Саша получил от нее первое письмо. Оля сообщала, что у них родился сын Виктор. Счастливый отец был на десятом нёбе. Бегал по лагерю и всем хвастался, что у него растет наследник. Заранее они с женой договорились назвать его Виктором в честь будущей победы.

— Назови его Виктором Карпатским. Ведь он тоже участник рейда в Карпаты, — посоветовал кто-то из товарищей.

— А что ты думаешь? Так и назовем — Виктор

Александрович Карпатский-Тютерев, — согласился Саша.

Так и остался его сын с двойной фамилией…

В эти дни часто к нам приходили в гости белорусские партизаны. Однажды Бакрадзе пригласил генерала Коржа и его начальника штаба Федотова. Они побывали во всех подразделениях, разговаривали с партизанами, знакомились с людьми… Повар Семён Сорока приготовил замечательный обед.

Во время еды заговорили о том, что мы скоро покинем аэродром и уйдем в новый поход.

— Вы нас вызволили, — сказал Бакрадзе. — Спасибо за аэродром.

— Да, вам подбросили всего, — сказал с обидой генерал. — А мне хоть бы тонну взрывчатки прислали.

— Из запасов полка я могу вам немного выделить, — пообещал Бакрадзе.

— Буду очень благодарен, — оживился Василий Захарович.

— А если попросить через Киев? — предложил я.

— Вряд ли что получится, — сомневался Корж. — Мы подчиняемся Белорусскому штабу.

— Спрос не ударит в нос. Попробовать можно…

Этому разговору ни Бакрадзе, ни тем более генерал Корж не придали особого значения. Я же решил испробовать этот вариант.

Не откладывая дела в долгий ящик, я составил на имя генерала Строкача радиограмму следующего содержания: «Генерал Комаров (Корж) три месяца вынужден бездействовать из-за отсутствия взрывчатки. Просит содействовать присылке». Тут же вручил радистке.

Радиограмму передали при очередном сеансе связи. Какова же была наша радость, когда на следующий день из Киева получили ответную радиограмму. В ней говорилось, чтобы встречали самолет с грузом для Василия Захаровича Коржа. Это сообщение особенно взволновало генерала. Он не мог дождаться ночи. Встречать самолет вышел со всем своим штабом…

Когда самолет приземлился, из него вышел тот же самый Михайлов и сказал:

— На этот раз подарки привез белорусским партизанам…

С получением взрывчатки пинские партизаны развернули активные действия на железной дороге Пинск—Брест и на длительный период вывели ее из строя. А через несколько дней генерал Корж получил сообщение о вылете самолета с грузом из Белорусского штаба.

— Не было ни гроша, да вдруг алтын, — весело шутил генерал.

В ту ночь мы тоже ждали гостя с Большой земли. Но к концу дня разразился грозовой ливень. Он не прекращался и ночью. Хотя надежды на прилет самолета в такую ненастную погоду не было, мы все же с Колесниковым поехали на аэродром. Вышел встречать свой самолет и генерал.

Дождь заливал костры. Молнии рассекали темень, резкие раскаты грома переваливались из края в край… Промаялись под дождем до двенадцати часов ночи.

— Дальше ждать нет смысла, — сказал я генералу. — Поедем сушиться.

— Мы все-таки еще часик подождем, — отозвался Василий Захарович.

Мы с Юрой сели на лошадей и галопом помчались в лагерь. Но не успели расседлать, как услышали гул моторов. Самолет! Пришлось скакать на аэродром. Не доезжая до площадки, мы увидели сигнальные ракеты. Самолет с ходу пошел на посадку. Видно, аэродром летчикам был знаком. Мерный рокот моторов то и дело заглушался раскатами грома.

Вдруг моторы надрывно взревели, резкая вспышка полыхнула над аэродромом. Послышался сильный взрыв. Наступила минутная тишина. Затем снова взрывы, но уже меньшей силы. Захлопали рвущиеся патроны.

Вскочили на поляну и увидели пылающий самолет. Разбрасывая снопы искр, раз за разом ухали мины, часто хлопали автоматные патроны.

Место пожара оцепили патрулями. Однако партизаны, пренебрегая опасностью, прорывались к горящему самолету и из огня выхватывали тол, ящики с патронами, автоматы, пачки писем…

Поединок партизан с пожаром продолжался до утра. То, что было возможно, спасли. Основную же часть грузов поглотил огонь.

О случившемся Василий Захарович сообщил в Белорусский штаб, а я — в Киев.

Разгадка наступила через несколько часов. Генерал Строкач сообщил, что из Киева самолет вылетал, но ввиду плохой погоды вынужден был вернуться. Скоро пришел ответ из Белорусского штаба: самолет вылетел, но не вернулся.

На следующую ночь прибыла комиссия, чтобы расследовать причины катастрофы. Комиссию возглавлял пожилой, щуплый полковник. От него мы узнали, как же все это произошло.

Когда самолет улетал с Большой земли, там стояла хорошая летная погода. Но с полпути командир экипажа доложил, что попали в зону грозовых разрядов. Ему предложили вернуться.

Летчики решили обойти грозу и доставить груз партизанам. Они не раз попадали в такое положение и всегда выходили победителями в борьбе со стихией.

Как проходил дальнейший полет, можно только догадываться. Попав в полосу грозовых разрядов, самолет метался в поисках безопасных направлений. Радиостанция вышла из строя. Возможно, были и еще какие-либо повреждения. Возвращаться поздно. До партизанского аэродрома уже близко.

Летчикам с большим трудом удалось дотянуть до места посадки. Над аэродромом поднималась дымка, видимость плохая. Это помешало правильно рассчитать… Шасси самолета коснулись земли на середине площадки. Когда машина прокатилась метров двести, впереди в лучах прожектора показалась стена леса. Поняв свою оплошность, летчик дал полный газ, пытаясь избежать катастрофы. Но было поздно. Самолет врезался в самые верхушки елей, опрокинулся через нос на спину, упал на лес и взорвался.

Вместе с экипажем погибли два радиста, летевшие к партизанам. Всех их похоронили в братской могиле. На могиле поставили пропеллер разбившегося самолета.

Несколько дней в лагере не было слышно ни песен, ни веселья. Люди, привыкшие ежечасно смотреть смерти в глаза, похоронившие не один десяток боевых товарищей, не могли смириться с тем, что смерть летчиков была такой нелепой.

Кто-то из партизан припомнил еще один, не менее трагический случай. Однажды с партизанского аэродрома поднялся самолет с ранеными и взял направление на восток. У линии фронта был атакован двумя немецкими истребителями. Стрелок-радист Валентин Стольников сбил один «мессершмитт». Но когда самолет пересекал линию фронта, второй немецкий истребитель прошил пулеметной очередью вдоль фюзеляжа. Машина вздрогнула и начала резко падать. Стольников бросился в кабину и увидел страшную картину: оба летчика и штурман тяжело ранены, а пылающий самолет падает… Вот когда пригодились знания, полученные Валентином в аэроклубе! Он пробрался к рычагам управления, с большим трудом выровнял машину и повел на посадку. Приземлился в расположении своих войск в километре от переднего края. На помощь подоспели бойцы, наблюдавшие с земли за поединком транспортного самолета с двумя вражескими истребителями. Только успели вынести раненых — самолет взорвался.

После несчастного случая прилет каждого самолета вызывал страх в наших сердцах. К счастью, все сходило благополучно. И лишь один раз чуть не произошла катастрофа с самолетом, на борту которого летел Вершигора.

Дело в том, что 11 июня 1944 года его и Мишу Андросова вызвали в Киев с отчетом и для получения нового задания.

Первым из Киева возвратился Андросов. На его груди сверкали новенькие ордена Красного Знамени и Красной Звезды. Миша привез Красное знамя Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров Украины, 650 орденов и медалей и подарки для вручения партизанам.

17 июня мы встречали Вершигору. Наступила долгожданная минута. Появился самолет и сразу пошел на посадку. Но что это? Один, второй костер остались позади, а самолет еще в воздухе. Лишь перемахнув за середину площадки, он коснулся земли. Казалось, авария неизбежна. Впереди лес. Это вовремя заметил Колесников. Он перед самым носом самолета выпустил ракету и осветил лес. Летчик не растерялся, дал полные обороты моторам и поднял самолет над лесом. Вздох облегчения вырвался из груди партизан.

Сделав большой круг, самолет вторично зашел на посадку. На этот раз по всем правилам, и посадку произвел с ювелирной точностью.

Первым из самолета вышел летчик Михайлов. Ему не дали и слова вымолвить, подхватили и начали качать. Пораженный этим зрелищем, Вершигора спросил:

— Что это значит?

— Вы были на волосок от смерти, — ответил не пришедший еще в себя, мертвенно бледный Юра Колесников.

Вершигора в полете не заметил случившегося, и только теперь до его сознания дошло, почему в самолете их так сильно тряхнуло. Глаза Петра Петровича смешно округлились, и он не нашелся что сказать, только удивленно проговорил:

— Да ну?!

Вырвавшись от партизан, запыхавшийся Михайлов подошел ко мне и спросил:

— Ну, как?

— Думал, каюк. Даже глаза зажмурил.

— Я тоже, — признался он. — Не могу понять, как выкрутился. Пришлось сделать большой круг. Не мог идти на посадку. Всего колотило…

— Скажи, что это за история с коровой? — спросил, я, чтобы отвлечь его.

— Петр Петрович побывал в партизанском госпитале. Пообещал прислать раненым молока, — смеясь, ответил летчик…

Разгрузка самолета подходила к концу, уже ящики с патронами и гранатами уложены на повозки, а возле самолета, освещенная пламенем костра поблескивала

семидесятишестимиллиметровая пушка — подарок киевских арсенальцев.

— Начальник штаба, а корова? — вдруг вспомнил Вершигора.

— Какая корова? — сделал я удивленный вид.

— Как, разве не получили…

— Не волнуйтесь, товарищ командир, — сказал Юра. — Первый сорт… Симменталочка. Стоит возле елочки, жует травку и не подозревает, что ей выпала честь лететь в столицу Украины.

— Грузите!

Сделать это оказалось не просто. Буренка не проявляла особого восторга от предстоящего полета, упиралась и никак не хотела подойти к самолету. Повалили ее, связали ноги и только тогда втиснули в самолет.

День 18 июня был праздничным для первого полка. Утром роты стройными колоннами пришли на поляну. Полк выстроился буквой «П». В центре поставили длинный столб, покрытый красным полотнищем. На столе разложили коробочки с орденами и медалями, подготовленными для вручения. Бакрадзе отдал рапорт командиру дивизии, а потом скомандовал:

— Полк, для встречи знамени, смирно!

Строй замер. Слева появился старший лейтенант Колесников с развернутым Красным знаменем Верховного Совета и Совета Министров УССР. Его сопровождали ассистенты — два партизана, вооруженные автоматами. Знаменосцы, чеканя шаг, несли знамя вдоль полкового строя. Они шли так близко к строю, что полотнище касалось лиц партизан, стоявших в первой шеренге.

Знаменосцы совершили обход строя и стали на правом фланге полка. Бакрадзе подал команду: «Вольно!» Вперед выступил Вершигора и заговорил:

— Дорогие товарищи! Польский рейд получил высокую оценку Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. За успешные боевые действия наше соединение награждено Красным знаменем Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров Украины…

Троекратное многоголосое «Ура!» прокатилось над поляной. Засияли улыбками лица партизан.

— Кроме того, — продолжал командир дивизии, — Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденами и медалями большая группа партизан нашей дивизии. Мне поручили вручить вам эти награды.

Он тут же начал вручать ордена и медали награжденным.

Затем Андросов вручил подарки Центрального Комитета комсомола Украины. Особый восторг вызвали именные автоматы, которые достались самым отважным партизанам-комсомольцам.

После вручения наград и подарков партизаны окружили Вершигору и Андросова. Посыпались вопросы. Всем хотелось послушать рассказ человека, побывавшего на Большой земле.

И еще одно радостное событие произошло в жизни партизан. Вместе с Андросовым прилетел наш старый знакомый— корреспондент «Правды» Леонид Алексеевич Коробов. Первый раз он к нам прилетел в январе 1943 года на озере Червонном. Три месяца вместе с ковпаковцами совершал рейды по тылам врага в Белоруссии и на Украине, участвовал в боях, ходил в разведку, совершал диверсии. Партизаны полюбили Леню за смелость и веселый нрав. Коробов много фотографировал и обещал прислать фотокарточки боевым друзьям. Когда он весной 1943 года улетел на Большую землю, мало кто верил его обещаниям. Но Леня сдержал свое слово, и теперь, прилетев к нам снова, привез полную сумку фотокарточек.

Партизаны были рады прилету корреспондента. Они с жадностью набросились на сумку, перебирая фотокарточки, отыскивали свои, припоминали, где и когда были сделаны снимки. Не только радость, но и грусть вызвали карточки. Часто слышалось: «Этот погиб в Карпатах», «Сердюк ранен», «Гапоненко убит».

Через час сумку переполовинили и возвратили Коробову, На мою долю тоже выпало с дюжину фотокарточек.

— Фотокарточки погибших надо отправить их семьям, — сказал Леня.

— Да, да, — подхватил Андросов и, обращаясь к секретарю комсомольской организации полка Олейнику, сказал — Вася, займись этим…

— Обязательно вышлю, — пообещал Вася.

Торжество продолжалось весь день. Организовали спортивные состязания. Выступали борцы, акробаты, бегуны, наездники. Оживленно было возле волейбольной сетки, натянутой между деревьями. Сетку и мяч привез из Киева Миша Андросов.

Все шло хорошо, пока не уселись за праздничный стол. И здесь поначалу было все в порядке. Повар Семен Сорока и его помощница Надя Левченко радушно угощали гостей и хозяев. Когда же подали котлеты, старшина Боголюбов и Колесников переглянулись и засмеялись. Сорока растерянно заморгал маленькими глазками и поспешил к кухне. На вопрос, чем вызван смех, Колесников и Боголюбов отшучивались и прямого ответа не давали. Я даже не предполагал, что этот иронический смех имел прямое отношение ко мне. Скоро все выяснилось.

Оказывается, повар Сорока чистил свой карабин, случайно

выстрелил, и надо же было пуле попасть в голову моего коня. Серый свалился замертво. От меня это скрыли. Предприимчивый повар упросил Боголюбова и Колесникова пока не говорить мне о случившемся, разделал Серого, кожу променял крестьянам на самогонку, а из мяса нажарил котлет. Этими-то котлетами Сорока и потчевал нас.

Все это рассказали мне после обеда. Бакрадзе, Вершигора, Андросов, Коробов, Колесников и особенно Тютерев смеялись до колик в животе. Я же не на шутку обозлился. Честно говоря, коник был невзрачный, но я к нему привык. Вообще лошади — моя болезнь. К ним я пристрастился еще в Тамбовском кавалерийском училище и считал, что нет животного лучше лошади. И неудивительно, что случай с Серым испортил мне праздничное настроение.

После обеда Вершигора, Андросов и Коробов в сопровождении взвода конных разведчиков уехали в штаб дивизии в Большой Рожин. Прощаясь, Петр Петрович предупредил:

— Завтра примете последний самолет. Через два-три дня выступаем…

Как только проводили гостей, ко мне подошел озадаченный доктор Зима.

— Что с тобой? — спросил я.

— Со мной, товарищ начальник штаба, все в порядке. А вот, правда, с Ковалевым неладно. Надо его отправлять на Большую землю.

— Почему?

— Опасно больной. Нуждается в немедленном лечении.

— Он никогда не жаловался на здоровье.

— В том-то и беда. Болеет туберкулезом. Я обследовал… Опасная форма. Правда, беседовал с ним — лететь отказывается. Требуется ваше вмешательство. Здесь мы ему ничем помочь не можем. Это правда.

Известие доктора встревожило меня. В отряде Ковалев давно. Больше года мы с ним командовали главразведкой.

О разговоре с доктором я доложил командиру полка. Для него это известие тоже было неожиданным. Бакрадзе долго думал, а потом сказал:

— Жаль расставаться, но и шутить с этой болезнью нельзя. Придется отправить. Вместе с ним отправим и Федчука. Ведь ему скоро семьдесят стукнет. Тяжело старику.

Федчука и Ковалева провожали всем полком. Вручили им подарки. Теплые проводы растрогали улетавших. Им не хотелось расставаться с боевой, дружной партизанской семьей.

— Выздоравливайте!

— До встречи на Большой земле, — напутствовали партизаны улетавших товарищей. — Передайте наш привет Сидору Артемовичу, Федоту Даниловичу Матюшенко, Панину, Базыме…

Они улетели с последним самолетом. Вместе с ними улетела и Анна Ивановна Василец. Она получила письмо из дома, в котором сообщалось, что ее мать тяжело больна.

— Больше нам здесь делать нечего, — сказал Бакрадзе. — Будем перебираться ближе к штабу дивизии.

Два месяца пробыли мы на аэродроме пинских партизан. За это время мы с ними сдружились, побывали во многих белорусских отрядах. Особенно хорошие отношения установились у нас с генералом Коржем Василием Захаровичем и его начальником штаба Федотовым. Саша Тютерев встретил здесь своих земляков-сибиряков. Бывший связист, офицер Николай Максимович Баранов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Пришелся нам по душе и его начальник штаба— веселый и горячий Мешекбай Хасенов. Отряд имени Г. И. Котовского был на хорошем счету. У Баранова действовала замечательная артиллерийская мастерская. Партизанские умельцы наловчились карабины переделывать на автоматы.

В знак дружбы белорусских и украинских партизан командиру полка Давиду Ильичу Бакрадзе и командиру батальона Александру Филипповичу Тютереву белорусы подарили именные автоматы партизанского производства. Мы преподнесли пинским партизанам отечественные ППШ.

Наступил день прощания. Проводить нас пришли Василий Захарович Корж и Федотов со своими партизанами.

— Новых вам боевых успехов. Бейте врага по-ковпаковски! — сказал на прощание генерал Корж.

В новый рейд

Последнее время о чем бы ни говорили партизаны, а непременно возвращались к событиям в Нормандии. Наконец-то дождались открытия второго фронта! Высадку войск наших союзников на северном побережье Франции партизаны встретили с радостью. Надеялись, что действия союзников вынудят фашистское командование перебросить часть сил с восточного фронта на Запад. Это облегчит действия советских войск.

— Теперь Гитлер долго не продержится, — радовался Боголюбов. — Правильно сказано: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!»

— Поднявший меч от меча и погибнет — это, конечно, так, — сказал Леонид Прутковский. — Но никогда добровольно не вложит его в ножны. Надо еще выбить из рук этот меч.

— Выбьем! — уверенно сказал Боголюбов. — Еще три-четыре месяца — и войне конец.

— Не спеши праздновать победу, — охладил пыл старшины Прутковский. — Драка предстоит жестокая. Чем ближе к границам Германии, тем яростнее и ожесточеннее будут сопротивляться гитлеровцы.

— Пусть сопротивляются. Тем хуже для них… Если мы одни сумели сломать хребет фашистской военной машине, то с союзниками и подавно, — стоял на своем старшина.

— Как бы не так! На бога надейся, а сам не плошай, — предостерег политрук. — Если бы они горели желанием быстрее покончить с фашизмом — давно бы открыли второй фронт. Подумай, почему они именно теперь высадились? Поняли, что мы и без них управимся…

— Почувствовали — жареным запахло. Боятся опоздать к пирогу, — поддержал Тютерев. — Они высадились делить победу.

— И не только это. Не хотят допустить полного разгрома фашистской Германии, — пояснил Прутковский. — Свояк свояка видит издалека…

— Я так рассуждаю: фашисты почувствовали неустойку на востоке, сами попросили англичан и американцев поспешить на помощь, — высказал свое предположение майор Мороз. — Куда, мол, вы, господа капиталисты, смотрите? Ждете, когда коммунисты придут в Германию? Тогда и вам от ваших же рабочих не поздоровится…

— Доля правды в твоих словах есть, — сказал замполит второго батальона Непомнящий. — Открывая второй фронт, наши союзники меньше всего заботятся о помощи советским войскам.

Только не думаю, чтобы и гитлеровцы пришли в особый восторг от высадки американские и английских войск.

— Нет, что ни говорите, а облегчение на фронте будет, — стоял на своем Боголюбов.

— А не получится так, что немцы против нас будут драться, а на западе начнут пачками сдаваться в плен, или, чего доброго, попытаются снюхаться с нашими союзниками? — высказал опасения Тютерев.

— До сделки союзников с Гитлером не дойдет. Мы не допустим, — твердо сказал Прутковский. — Не затем кровь проливаем, чтобы позволить кому-то, в том числе и нашим союзникам, спасти гитлеризм.

— Допускать-то не допустим, а ухо надо держать востро! — сказал Тютерев, подумал и добавил — Думаю, наши войска усилят удары. Да и нам нечего засиживаться.

Слова Тютерева оказались пророческими. Третья годовщина со дня начала Великой Отечественной войны застала нас на марше. Партизанская дивизия выходила в исходный район для броска через автомагистраль Минск—Варшава на север. Последнюю остановку сделали на хуторе Ясенец и в прилегающем лесу. До 1939 года здесь находилось имение какого-то польского пана. Ему принадлежали лучшие угодья, луга и леса. Теперь о польском помещике напоминал лишь добротный семейный склеп на кладбище.

Здесь мы задержались на несколько дней, чтобы получить точные данные об охране шоссе и ближайших гарнизонах врага. И тут произошел досадный случай: в один день были ранены начальник штаба кавалерийского дивизиона Семен Тутученко и командир артбатареи Тюпов. Артиллеристам вообще не везло. В польском рейде подорвалась одна пушка. Большого труда стоило ее восстановить. А теперь, во время последнего перехода, на мину наехала вторая. Были ранены наводчик Вася Алексеев, орудийный номер Таргонский и еще один из новичков.

Наводчик Вася Алексеев — любимец партизан. Участник всех рейдов. В бою за переправу на реке Сан был ранен в руку. Только поправился — и снова ранение. На этот раз тяжелое, в ногу, с переломом кости.

Мы вынуждены были всех раненых подготовить к отправке на аэродром генерала Коржа.

…В Ясенце к нам пришла группа десантников-москвичей. Они попросили оказать помощь тяжелобольной девушке-радистке.

Пока доктор Зима осматривал больную, я разговаривал с десантниками. Их командир — среднего роста, подтянутый,

чернобровый лейтенант — рассказывал о действиях своей группы. В это время из хаты вышел Колесников. Лейтенант быстро глянул на моего помощника и бросился к нему с раскрытыми для объятий руками.

— Юрий Антонович, вы?

Смотрю, оба тискают друг друга в объятиях. Послышались возгласы: «А помнишь?», «Не забыл?!».

— Я наблюдал за ними и ничего не мог понять. Когда страсти, вызванные неожиданной встречей, улеглись, Колесников представил своего товарища:

— Познакомься: Олег Кириллович Ляховский. Я тебе рассказывал о нем. Его сбросили к нам с парашютом в 1943 году. Партизанили вместе в Белоруссии… Расстались в Гомельской области… Приятная встреча, не правда ли?

Шумный разговор привлек внимание многих ковпаковцев. Десантники рассказывали о своих боевых делах. Юра — о ковпаковцах. Особенно запомнилось, как Колесников и Ляховский заговорили о разведчиках Саше Полетаеве, Коле Баляеве и Жене Панкове. Все они горьковчане, поэтому белорусские партизаны прозвали их «горьковской троицей».

Ляховский вспомнил, как однажды эти разведчики провожали Колесникова на партизанский аэродром. Ночью прилетел самолет, произвел посадку и, взяв на борт Юрия, благополучно взлетел с большака, заменявшего посадочную площадку. Через двое суток, когда Полетаев, Баляев, Панков и Ляховский сидели у костра и с завистью говорили, что Юрий Антонович «уже пьет чай в Москве», в лагерь вдруг заявился Колесников с летчиками. Оказывается, самолет подбили немцы. Он загорелся и грохнулся в болото. Это их спасло. И к тому же командир корабля, известный партизанский летчик Таран, который в 1942 году перебросил через линию фронта и мою группу, перед самой землей сумел нисколько выровнять машину. Ранен был только бортмеханик Пашка Авроров…

Дослушать их разговор мне не удалось. Меня и командира полка вызывали в штаб дивизии. А когда вернулись, десантников уже не было. Они получили консультацию доктора Зимы, необходимые медикаменты и уехали к свой отряд.

Вершигора созвал командиров, политруков, секретарей партийных и комсомольских организаций на совещание. К штабной палатке, установленной в роще рядом с хутором, подходили партизанские командиры, рассаживались группками, дымили махоркой и оживленно разговаривали. Особо нетерпеливые молодые командиры спрашивали: «Куда пойдем?» Те же, кто поопытней, понимающе улыбались и подшучивали над

молодежью: «Как бы не так! Держи карман шире — сейчас тебе все выложат как на ладони!»

Порядок, заведенный Ковпаком и Рудневым, при котором конечная цель рейда известна лишь небольшому числу лиц, Вершигорой и-Войцеховичем не нарушался. К этому партизаны привыкли и не проявляли излишнего любопытства.

Когда все командиры и политработники собрались, Вершигора сказал:

— Завтра выступаем. Путь наш — на север. Первым препятствием является «варшавка». Немцы превратили ее в настоящую оборонительную позицию. Подступы со стороны леса прикрыты минированными завалами. Придется прорывать… В этом рейде от подразделений потребуется большая маневренность. Будем выбирать открытую местность, избегая лесов и болот…

Вершигора помолчал некоторое время, как бы размышляя, говорить или нет, и, наконец, решился:

— Хочу обратить внимание на одну из особенностей. Мосты захватывать, но не взрывать. В исключительных случаях разрешаю разбирать…

Услышав последние слова, Бакрадзе локтем толкнул меня в бок, подмигнул и прошептал в ухо:

— Понимаешь, Вано, к чему клонит Борода?

Я утвердительно кивнул головой.

Вершигора продолжал:

— От вас, командиров и политруков, зависит выполнение задачи, поставленной нам советским командованием. В оставшееся время на открытых партийных и комсомольских собраниях нацельте товарищей на выполнение трудной и ответственной задачи… По всей вероятности, это будет наш последний рейд по тылам врага. Думаю, не ударим в грязь лицом.

В конце совещания Войцехович зачитал приказ о выступлении в рейд, объявил маршрут первого перехода и дал ряд советов, как лучше подготовить подразделения к маршу.

Командиры начали расходиться по своим подразделениям.

Воспользовавшись моментом, когда Петр Петрович остался один, я подошел к нему.

— Тебе что-нибудь не понятно? — спросил он.

— И да, и нет. Кое-что до меня не доходит.

— Что именно?

— Можно откровенно?

— Конечно.

— Я понимаю так: каждый наш шаг в тылу врага должен быть целесообразным, отвечать требованиям обстановки, сложившейся

на фронте. Об этом нам никто не говорит, но стоит припомнить основные рейды, проведенные соединением, и самому можно понять. Из Брянских лесов вышли перед контрнаступлением на Волге. Карпатский рейд «совпал» с Курской битвой. Рейд в Польшу сопровождался наступлением Украинских фронтов. Все это не случайно, не простое совпадение. Наши походы заранее планируются…

— Минуточку. Отойдем в сторонку, — прервал меня Вершигора, взял под руку и повел в глубь рощи. Несколько минут шли молча. Первым заговорил Петр Петрович — Какое отношение, по-твоему, к сегодняшнему дню имеет все то, о чем ты только что говорил?

— Это меня как раз и интересует. Думаю, прямое. Мы идем не на Украину, а на север. Значит, следует ожидать перемен в Белоруссии.

Вершигора резко остановился и посмотрел мне в глаза.

— Почему бы и не быть этим переменам? — спросил он.

— Я за перемены, но поведение противника говорит о другом. Наши войска нанесут удар где-то на Украине.

— Ты так думаешь? — улыбнулся Петр Петрович. — Выкладывай свои козыри.

— У меня один козырь, зато туз! Наши разведчики ежедневно докладывают о том, что немцы из Белоруссии перебрасывают войска на юг. Железные дороги забиты эшелонами с танками, артиллерией…

— А что сегодня утром докладывали, знаешь?

— Нет. От нашего полка в дальнюю разведку уже дня четыре не посылают — ответил я.

— В таком случае твой козырный туз не стоит простой шестерки. Да будет тебе известно, наступление в Белоруссии началось! Возможно, немцы уже драпают.

— Как драпают?!

— А вот так, — ответил Вершигора и пальцами правой руки на ладони левой изобразил, как они драпают.

Для меня эта радостная весть явилась большой неожиданностью.

— Отказываюсь понимать. Зачем же немцы перебрасывали отсюда войска? Выходит, дураки?

— В этом история разберется. Нам многое неизвестно. Думаю, и немцы не дураки, просто наши оказались умнее и хитрее.

— Вы об этом знали?

— Да. Меня в Киеве предупредили, чтобы был готов к взаимодействию с наступающими войсками. А когда Украинский

партизанский штаб дал команду выступать, я понял: в Белоруссии началось. Генерал Строкач требует, чтобы через два-три перехода вышли на рубеж Столбцы—Мир. Думаю, неспроста. Последние данные разведки подтверждают мои догадки. Противник в панике. Местные власти и всякие там чиновники улепетывают на запад. Это верный признак неустойки противника на фронте.

— Почему же вы не сказали об этом на совещании?

— Зачем раньше времени говорить? Скоро сами убедитесь, — ответил комдив.

Вершигора не ошибся. Вечером радисты приняли сводку Совинформбюро. В ней сообщалось, что советскими войсками освобожден город Жлобин. Ведутся бои по уничтожению гитлеровских войск, окруженных под Бобруйском. Перечислялись села, из которых изгнаны оккупанты.

В партизанском лагере ликовали. Слышались радостные возгласы.

— Петро, наших освободили! Ура! — торжествовал мой ездовой Иосиф Борисенко.

— А как же моя деревня? Она ведь рядом с твоим селом, о твоем сообщили, а моя в сводке не упоминается? — беспокоился его друг Петро.

— Освободили и твою, факт!

— Радость-то какая! Живы они там, мои родные? Йося, давай письма напишем домой.

— А как отослать?

— Раненых еще не успели отправить на аэродром. С ними передадим.

До поздней ночи не спали партизаны, поздравляли друг друга с новыми успехами на фронте.

Ранним утром меня разбудил Юра Колесников. Он со взводом разведчиков только что вернулся от автострады. По сияющему лицу видно — Юра доволен результатами разведки.

— Что там творится! Драпают фрицы вовсю, — заговорил он весело, то и дело подкручивая рыжие усики. — Подходы к дороге — во! Незаметно пробрались к «варшавке», смотрим, прет немец на запад: автомашины, броневики, танки, повозки… Конца не видать. Оставил наблюдателя и сюда.

— А как маршрут?

— Дорога болотистая, топкая, местами вымощена бревнами. Одним словом, дорога дрянь. Единственное утешение— проходит лесом. Но что нам дорога! Где прошел один человек, там пройдет полк, где прошла одна лошадь — пройдет обоз.

Во второй половине дня 29 июня 1944 года дивизия покинула Ясенец и двинулась на север. Колонну вел Колесников. Впереди

шли кавдивизион и первый полк. Дорога действительно была дрянной. Топи, колдобины, пни. То и дело приходилось вытаскивать застрявшие телеги и пушки.

Вечером с горем пополам подошли к автомагистрали в районе Синявки. По шоссе непрерывным потоком в несколько рядов отступали разрозненные фашистские войска, перемешавшиеся с обозами. Автомашины чередовались с повозками, тягачами, танками… Среди военного обоза двигались подводы, груженные узлами и домашним скарбом. На них ехали семьи чиновников немецкой администрации и полицейских. Предатели убегали от народного гнева.

В том месте, где мы вышли к переезду, автомагистраль прорезалась сквозь заболоченный лес. Съездов с шоссе нет. Пытаясь обогнать передних, подводы цеплялись одна за другую, опрокидывались и преграждали путь остальным. Создавались заторы. На шоссе не прекращался ровный многоголосый шум.

— Бегут во все лопатки, — в который раз повторяет Юра. — Видать, сильно поджимают наши…

Подавая надрывные гудки и обгоняя клокочущий поток обозов и людей, по шоссе пробирались грузовики с гитлеровцами. За ними лязгали гусеницами два танка. Перед затором машины остановились. Солдаты начали опрокидывать повозки в болото, расчищая дорогу. Хозяин одной подводы, с повязкой полицейского на рукаве, бегал вслед за немецким офицером, совал ему какую-то бумажку, что-то доказывал. Офицер не обращал на него внимания. Но тот не отставал. Тогда гитлеровец резко повернулся, отвесил полицаю пощечину. Полицейский пошатнулся, но на ногах устоял. Схватился за щеку и с отчаянием уставился на офицера. Фашист смотрел на него с презрением. Не выдержав, предатель кинулся в лес. Но, не сделав и десяти шагов, упал, сраженный немецкой пулей.

— Изменники получают награду от своих хозяев, — прошептал Колесников. — Немцам сейчас не до холуев.

Солдаты заканчивали расчищать дорогу. К этому времени кавалерийский дивизион и первый полк приготовились к бою, затаились в ожидании команды.

— Начнем, — сказал Бакрадзе. — Юрий, подавай сигнал.

Колесников выстрелил из ракетницы. Повинуясь сигналу, партизаны обрушили всю силу огня по немецкой колонне. Патронов не жалели. Надо было сокрушить противника, захватить переезд и обеспечить переход дивизии через шоссе.

Немцы не ждали такого сильного удара партизан. Поэтому с началом боя среди них поднялась паника. Некоторые бросились удирать, не приняв боя. Однако большинство гитлеровцев залегло

в кюветах и за машинами и начало отстреливаться. Заработали пулеметы, расположенные в дзотах.

— Приготовиться к атаке! — подал команду Колесников. — За мной, ура-а!

Оба батальона первого полка и кавалерийский дивизион бросились вперед и, не давая опомниться гитлеровцам, начали уничтожать их. Первыми на шоссе выскочили разведчики кавдивизиона. Старшина эскадрона Вася Демин подбежал к машине и был сражен насмерть очередью немецкого автоматчика, засевшего в кювете.

Бой продолжался. Оба немецких танка боя не приняли. Им не было места для разворота. Или же просто танкисты струсили! Танки столкнули в кювет преграждавшие им путь автомашины и прорвались вперед. Пехота отстреливалась. К месту боя подходили все новые силы. Все же нам удалось разорвать колонну противника, с помощью подразделений второго полка оттеснить от переезда и выставить заслоны.

Не ожидая окончания боя, дивизия ринулась через шоссейку. Впереди скакали кавалеристы. А на шоссе противник бросался в яростные контратаки, но безуспешно. Потеряв свыше шестидесяти человек, шесть автомашин, два мотоцикла и несколько подвод с грузами, гитлеровцы прекратили атаки. Смирились с прорывом партизан.

Еще не утихли выстрелы на шоссе, а кавалеристы приступили к ликвидации охраны переезда на железнодорожном перегоне Клецк—Барановичи. Уничтожив двадцать гитлеровцев и захватив переезд, кавалерийский дивизион открыл дорогу соединению на север.

Долгожданная встреча

Партизанская дивизия вышла на коммуникации противника в Барановичской области. Местность открытая. Гарнизоны противника малочисленные, да и те, чувствуя неустойку на фронте, были на колесах, жили тревожной жизнью. При встрече с партизанами не оказывали особого сопротивления.

На большаке Несвиж—Снов — Барановичи эскадрон Зезюлина встретился с большой группой немцев. Партизаны уничтожили два грузовика с боеприпасами, авторемонтную мастерскую и шесть гитлеровцев. Одного захватили в плен. Остальные немцы разбежались и, пользуясь ночной теменью, скрылись.

В эту же ночь рота Андрея Бородового, из батальона Тютерева, уничтожила охрану железнодорожного переезда на перегоне Хвоево—Погорельцы, ликвидировала гарнизон противника в фольварке Чельняково и захватила шесть танкеток и другое вооружение.

Не успели расположиться на дневку, в хутор Задзвея примчался запыхавшийся связной от сержанта Барсукова.

— Немцы! — выпалил он. — Много немцев!

— Успокойся. Толком доложи: где и сколько?

— Колонна автомашин с пехотой, артиллерия… Движутся по дороге из Мира на Барановичи, — более спокойно доложил разведчик Звягин. — Сколько? Много. Хвоста колонны не видно. Прошли Большие Жуховичи. Барсуков с ребятами следит за их передвижением.

— Доложите в штаб дивизии. Полку объявите тревогу! Идем на перехват, — приказал Бакрадзе.

Через несколько минут подразделения уже ждали на улице. Я пошел со вторым батальоном.

Задачи командирам рот Тютерев поставил на ходу.

К месту подоспели вовремя. На склоне высотки в кустарнике нас встретили разведчики.

— Минут десять, как проехала разведка противника, — доложил Барсуков. — Вот-вот появится колонна.

И действительно, не прошло и пяти минут, послышался гул моторов, а затем из-за рощицы вынырнула автомашина, за ней вторая, третья… Всего девять грузовиков с пехотой и двумя легкими орудиями.

— Охранение, — сказал Барсуков.

Машины двигались медленно, переваливаясь из стороны в сторону и подымая тучи пыли на ухабистой проселочной дороге.

Солдаты, серые от пыли, сидели в кузовах плотными рядами, автоматы и карабины держали зажатыми между колен.

Мы пропустили охранение и начали располагать роты. От кустов, где залег второй батальон, до дороги метров двести. Посевы мешали обстрелу. Пришлось орудие поставить на бугре для стрельбы прямой наводкой, а пехоту продвинуть вперед метров на сто. Залегли в борозде на меже. Справа заняла оборону рота Бородового. Слева, со стороны Вольны — рота Касинцева.

Навстречу вражеской колонне к Полонечке выслали дозор. В его обязанность входило — следить, чтобы противник не обошел справа.

Ждать пришлось недолго. Сначала послышался рев моторов, а затем там, где дорога взбиралась на бугор, появилась легковая машина, за ней потянулась целая вереница тупорылых грузовиков с пехотой и грузами. Часть машин — крытые. Колонну в два десятка грузовиков замыкали бронемашина и танк. В полукилометре за первой колонной двигалась вторая, состоявшая из двадцати трех автомобилей с грузом. И эту колонну прикрывали танк и танкетка. Правее, за рощицей, поднималось и быстро приближалось густое облако пыли. Воздух наполнен ревом моторов и лязгом гусениц.

— Видно, колонне не будет конца. Что-то Давид Ильич с Шумейко молчат? Не проморгать бы, — забеспокоился Тютерев, наблюдая за дорогой.

Я и сам начал испытывать тревогу. По времени вроде бы немцы должны подойти к засаде первого батальона. Успел ли Шумейко заминировать дорогу? Но в это время, рассеивая все наши сомнения, слева раздались два взрыва. Вслед за взрывами послышалась отдаленная пулеметная и автоматная стрельба.

— Начнем? — спросил Саша.

— Давай!

Тютерев вскочил на ноги и, прежде чем выпустить ракету, во весь голос скомандовал:

— Батальон, по фашистам, огонь!

Хлопнул выстрел, ракета с шипеньем взвилась ввысь, лопнула над немецкой колонной и, мигая, начала падать на дорогу. Партизаны открыли огонь по машинам.

Стараясь выйти из-под обстрела, колонна развила огромную скорость. Машина за машиной пролетали мимо нас.

— По кабинам, по кабинам бейте! — кричал комбат, вспоминая всех святых…

Одиннадцать машин проскочили невредимыми, двенадцатая заюлила на дороге. Следовавший за ней грузовик на полном ходу врезался в ее кузов. Обе машины развернулись и остановились,

загородив проезд. И тут же, как по команде, вспыхнули два грузовика в середине колонны.

Перепуганные гитлеровцы повыскакивали из машин и на четвереньках поспешили скрыться в посевах по ту сторону дороги. Несколько шоферов-смельчаков не растерялись. Чудом развернули автомашины, перемахнули через кювет и, сопровождаемые огнем партизанских пулеметов и бронебоек, умчались обратно. Танк повернулся в нашу сторону и поливал пулеметным огнем оборону батальона, время от времени посылая снаряды в направлении нашей пушки. Танкетка, осыпаемая градом пуль и снарядов, как собачонка, ерзала, стараясь укрыться за броней танка. Но это ей не удалось. Скоро она остановилась, выпустила густое облако дыма и вспыхнула.

— Бронебойщики, по танку! — крикнул я в пылу боя, хотя этого и не требовалось. Бронебойщики и артиллеристы сами понимали, что главной для них целью является танк, и не выпускали его из вида.

Часть гитлеровцев залегла у машин и отстреливалась. И лишь после того, как вспыхнула танкетка, а потом и танк, прекратили стрельбу и попытались укрыться в посевах.

— Бычков, выделите взвод для преследования! — приказал комбат.

— Первый взвод, за мной! — подал команду рыжеусый волгарь Петр Бычков — помощник командира роты — и первым бросился на врага.

Чуть правее из посевов выскочила группа партизан четвертой роты и стала преследовать удиравшего противника…

А на участке первого батальона продолжалась перестрелка. Там обстановка сложилась несколько иначе. Как только на минах подорвались легковая и грузовая автомашины, партизаны накрыли огнем гитлеровскую колонну. Шоферы бросили передние машины и в панике бежали. Автоматчики залегли за дорогой. Партизаны увлеклись боем с пехотой и упустили бронемашину и около десяти автомашин, оказавшихся вне зоны обстрела первого батальона. Машины свернули на полевую дорогу и устремились на Городище.

Партизанским бронебойщикам никак не удавалось подбить танк. Он, неуязвимый, утюжил дорогу, прикрывая пехоту. Когда же один за другим загорелись шесть грузовиков, а сопротивление пехоты почти прекратилось, танкисты поняли бесполезность своих действий и решили прорваться вперед. Танк обошел горящие машины и наскочил на мину. Экипажу ничего не оставалось, как сдаться в плен. Их примеру последовали еще двенадцать гитлеровцев.

Бой утихал. Слышались лишь редкие короткие автоматные очереди партизан, вылавливающих фашистов в посевах, да беспорядочная трескотня патронов в горящих машинах.

Бой первого полка длился чуть больше часа. Противник потерял два средних танка, танкетку, двадцать две автомашины с различным грузом и свыше шестидесяти солдат и офицеров.

Отгремели последние выстрелы. В знойном небе повисла благодатная тишина, тишина, которая особенно заметна после боя. Закроешь глаза и не верится, что всего несколько минут назад здесь шла смертельная схватка с врагом. Но удивительно, такая гнетущая тишина меня всегда тревожила, заставляла настораживаться. Она таила в себе неприятные неожиданности. Как говорится, затишье перед бурей.

И буря грянула.

Противник подтянул свежие силы и начал наступление, стремясь во что бы то ни стало расчистить путь на Барановичи. В ход пустил пехоту, усиленную большим количеством артиллерии и минометов.

Первый удар пришелся по батальону Тютерева. Силы были явно на стороне противника. Однако партизаны не оставили рубежа до подхода Бакрадзе с ротами первого батальона. Полк вступил в тяжелый длительный бой.

Путь гитлеровцам на Барановичи был прегражден. Пятнадцатикилометровый участок дороги до местечка Мир был запружен автомашинами, артиллерией. Немецкое командование бросало в бой все новые подразделения. Мы с трудом сдерживали напор врага. Неожиданно пришла помощь. Вершигора, получив от Бакрадзе донесения о тяжелом положении полка, прислал на усиление артиллерийскую батарею.

— Прибыл в ваше распоряжение, — молодцевато доложил Михайликов.

— Вовремя прибыл, кацо, — обрадовался Бакрадзе. — Как дела у Брайко и Кульбаки?

— Нормально. Засады второго и третьего полков действуют в нескольких километрах восточнее… Противник паникует. Наши нахватали уйму пленных. Нас принимают за десантный части Красной Армии, усиленные артиллерией и танками.

— Обстановку на нашем участке видишь? Разворачивай батарею, — распорядился Бакрадзе.

Вступление в бой семидесятишестимиллиметровых орудий и успешные действия подразделений второго и третьего полков внесли перелом в ход боя. А тут еще налетели наши штурмовики. Противник в результате семичасового боя понес тяжелые потери. У фашистов отпала охота повторять попытку прорваться на

Барановичи. От местечка Мир они вынуждены были повернуть на Новогрудок.

Взяв инициативу в свои руки, партизаны не оставили в покое немецкую колонну, преследуя ее по всем направлениям. Большую роль играли минеры. Особенно удачными были диверсии, проводимые ночью минерами Кальницкого и Дубиллера.

В конце дня дивизия возобновила движение на северо-восток к большаку Столбцы—Мир. Ночью с востока отчетливо доносилась артиллерийская канонада. Видно, наши фронтовые части поджимали врага.

На рассвете второго июля 1944 года Брайко с полком подошел к селам Подлесье и Езеры. По дороге из Столбцов на Мир сплошным потоком двигались фашистские автомашины, пехота, артиллерия, танки, обозы… Здесь творилось подобное тому, что мы видели на автостраде Москва—Варшава. Полк занял круговую оборону в селе Езеры и небольшом сосновом лесу, подходившем к большаку, заминировал все дороги, а также организовал тщательную разведку. В сторону Столбцов и Мира направили диверсионные группы.

От нашего полка одна ударная группа, усиленная конной разведкой, во главе с Колесниковым и Коровченко ушла к железной дороге Столбцы—Барановичи. К утру следующего дня на взмыленном коне прискакал связной. Он вбежал в штаб полка настолько возбужденным, что Тютерев и на этот раз не преминул поддеть:

— Тише, товарищи, Юрий Антонович с моим начальником штаба прислали гонца: Гитлера небось поймали…

— До хвюрера покамест ще не добралысь, — ответил краснощекий, дюжий парень Гриша Филоненко, исполнявший при Колесникове функции связного «по особо важным поручениям». — Але ж три эшелона с танками та самоходками прибралы к рукам…

— На одной мине — три эшелона? Ого-го! — съязвил Саша.

— А мы без мины. Целехонькие досталысь…

— Тютерев, перестань! А ты толком докладывай, — вмешался я.

Филоненко рассказал, что к полустанку на перегоне Столбцы—Городея прибыло три эшелона. Колесников и Коровченко решили запереть их. Разрушили путь в нескольких местах, а затем налетели на полустанок. Охрана оказалась сильной. Три часа потребовалось, чтобы расправиться с нею. Паровозы стояли на парах. Но ни в одном из них — ни души. Только когда партизаны полностью овладели полустанком, из кустов прибежали железнодорожники. «Братцы, ребятушки, соколики наши

родимые, наконец-то!» — запричитали они наперебой, «Кто такие?»— спросил Колесников. «Тутошние!» — «Почему столько эшелонов скопилось на полустанке?» — спросил вновь Колесников. «Э-э, товарищи, понимать надо!»

Оказалось, что машинисты наши — русские и белорусы.

— Какой резон им в Германию ехать? — пояснил стрелочник. — Вот и задержка. А когда, чуем, свои налетели на станцию, — мы попрятались…

Связной доложил, что Колесников и Коровченко с партизанами остались охранять эшелоны.

— Меня прислали узнать, шо робить с эшелонами. Там одни танки, самоходки, тягачи, автомашины, — закончил Филоненко.

Не верилось. Неужели в действительности три эшелона с танками? Посоветовавшись с Бакрадзе, я решил немедленно отправиться со связным и разведчиками на станцию.

На полустанке нас встретили Колесников и Коровченко.

— Товарищ начальник штаба, опись танков, самоходок и прочих грузов составлена, — доложил Колесников.

— Все учли? — спросил я, осматривая трофеи.

— Да что вы! Разве тут учтешь? — заметил довольный командир роты Андрей Бородовой.

Начали осмотр эшелонов. Какого только груза здесь не было! Танки (правда, не так много, как представлялось из доклада связного), автомашины, самоходки, тягачи, ящики с патронами и новенькими автоматами… Несколько вагонов забиты радиостанциями, телефонными аппаратами, катушками с телефонным кабелем и другим имуществом связи.

— Это особенно ценный груз, — сказал Колесников, когда мы подошли к вагонам, охраняемым часовыми. — Два вагона со штабными документами. Я приказал никого в вагоны не допускать..

Мы рассматривали богатые трофеи. Оружие, танки и автомашины попали в руки партизан, не побывав в бою.

От эшелонов нас оторвал голос наблюдателя:

— Группа противника приближается к полустанку!

Коровченко подал команду «к бою!». Роты заняли заранее указанные им места.

От рощицы крадучись пробиралась группа вооруженных. Насчитали восемь человек.

— Не стрелять. Подпустить и захватить живыми, — предупредил я ротных, а те своих бойцов.

Колесников забрался на паровоз и оттуда наблюдал в бинокль за приближающейся группой.

— Справа еще восемь человек, — доложил Юра. Внимательно

присмотрелся и вдруг закричал — Не стрелять! Кажется, наши! Да, да, наши! В пилотках, с ППШ…

Он спрыгнул с паровоза и побежал навстречу красноармейцам. Когда вооруженные приблизились, теперь и мы увидели, что это красноармейцы. Одежду и оружие можно было различить простым глазом.

Увидев бегущего к ним человека, красноармейцы залегли. Только теперь я спохватился, что Колесников одет в немецкую форму. Фронтовые разведчики могут принять его за фашиста. Высказал свое опасение начальнику штаба батальона.

— Не будут они палить по одному человеку, — успокоил меня Коровченко.

— Знаешь что? Запевай «Катюшу». Пусть знают — здесь свои.

Кто-то из партизан во всю глотку затянул песню. Подхватили остальные. Собрались в одно место, не маскируясь. Видимо, слова песни долетели до разведчиков. Они поднялись и пошли на сближение с Юрой.

Колесников, не доходя шагов пятидесяти до красноармейцев, снял фуражку, запустил ее в воздух, с криком «ура» бросился вперед. Партизаны не утерпели и тоже побежали встречать фронтовиков. Начались рукопожатия, крепкие объятия… А к полустанку с разных сторон группами подходили красноармейцы. Всего их набралось более полсотни человек. Командовал ими молодой лейтенант.

Это была разведка конно-механизированной группы, созданной на базе четвертого гвардейского казачьего корпуса, которым командовал генерал Плиев. Встреча с Красной Армией, которой мы так долго ждали, состоялась! Через некоторое время прибыли танкисты. Им Колесников и передал эшелоны с грузом. Все честь по чести, даже расписку потребовал… С собой мы прихватили лишь несколько ящиков с пистолетами и…шпротами.

На полпути к дивизии нас насторожила стрельба и частые разрывы снарядов и мин на большаке Столбцы—Мир. Над дорогой кружилось звено наших «илов».

На месте нам сказали, что бой ведет третий полк. Брайко узнал о приближении передовых советских частей и повел полк в атаку на немецкую колонну, отступавшую на Мир. Гитлеровцы, подгоняемые конно-механизированной группой генерала Плиева, бросили технику и разбежались. Партизаны расчистили большак и с ходу овладели местечком Мир. Здесь произошла вторая встреча с передовыми частями 1-го Белорусского фронта.

Не обошлось без недоразумений. Партизаны приняли фронтовую разведку за немцев. Те, в свою очередь, наших приняли за противника. Вспыхнула перестрелка. Недоразумение

быстро ликвидировали. Потерь ни с той ни с другой стороны не было. Все же фронтовики с недоверием отнеслись к партизанам, одетым, большей частью, в немецкую одежду.

— Кто вы такие? — спросил один из красноармейцев.

— Ковпаковцы, — ответил чернобровый, шустрый Коля Черников.

— Это мы сейчас проверим, — сказал красноармеец и позвал: —Боровских, подойди сюда!

На зов вышел невысокий, белолицый парень. Увидав его, Черников обрадовался.

— Павлик! Откуда? Вот так встреча!

— Колька Черников? Здорово! — Боровских кинулся обнимать партизана.

Красноармейцы и партизаны смотрели на обнимающихся с недоумением.

— Да что вы, не узнаете Пашку Боровских? — спросил Черников товарищей. — Это же наш, ковпаковец. Мы его, раненого, отправили с Князь-озера!

— Бывает же так! — отозвался красноармеец постарше. — Полтора года, как расстались, и вдруг — встреча!

От недоверия не осталось и следа. Партизаны угощали фронтовиков самосадом, а те предлагали нашим папиросы и сигареты…

Подразделения нашего полка на дневку расположились в лесу недалеко от Мира. Здесь нам пришлось расстаться с командиром первого батальона капитаном Шумейко.

Произошло это неожиданно. Как-то Бакрадзе отозвал меня в сторону и сказал:

— Что будем делать с Шумейко?

— В чем дело? — удивился я.

— Он совсем больной. Командовать батальоном не может.

И Бакрадзе рассказал, что давно замечает, как трудно приходится Николаю Гавриловичу. Он страдает одышкой. Особенно это проявилось, когда батальоны спешили в засаду на большак под Барановичами.

— Понимаешь, Вано, думал, помрет… Пришлось посадить его на подводу, — рассказывал Давид. — Надо отправить на Большую землю, пусть подлечится, иначе пропадет человек. Пули пощадили, так болезнь доконает.

Что поделаешь…

Шумейко я знал с лета 1942 года. Это один из ветеранов соединения… Возглавлял разведку Глуховского отряда, потом был начальником штаба батальона, недавно принял первый батальон. Отличался олимпийским спокойствием. Ничто не

могло заставить Николая Гавриловича потерять спокойствие. Внешне казалось — это человек стальных нервов и богатырского здоровья. На самом деле не так… Жаль было расставаться с этим хорошим командиром.

Не откладывая, я заготовил документы. Проводить товарища собрались многие партизаны. В знак уважения ему вручили трофейный аккордеон. Николай Гаврилович Шумейко был растроган вниманием.

Так мы расстались еще с одним боевым товарищем.

Танки

В городе Мир мы расстались с подразделениями конно-механизированной группы. Двинулись по большаку на Новогрудок. Переправились вброд через речку Уша и на рассвете третьего июля подошли к местечку Турец. В это время наша авиация нанесла удар по немецким войскам, расположенным в местечке.

— Воспользуемся удобным случаем, — сказал Войцехович, замещавший Вершигору. Командира дивизии пригласил к себе генерал Плиев для организации взаимодействия. — Давид Ильич, разворачивай полк и вместе с кавалерийским дивизионом атакуй…

Авиация еще не закончила бомбить, а партизаны с ходу ворвались в Турец. На улицах местечка завязались бои… Турец взяли без особых усилий.

Вскоре колонну догнал Вершигора.

— При поддержке авиации можно воевать! — сказал Петр Петрович.

— Вот чего нам недоставало в Карпатах, — отозвался Бакрадзе.

— Да и противник не тот, жидковат стал, — высказал Тютерев полюбившееся за последнее время определение.

Противник не тот…

Когда первый и второй полки миновали Турец, со стороны Еремичей подошли шесть немецких маршевых батальонов группы генерала Гроппе и обрушились на третий полк. Брайко не растерялся. Расположив в оборону батальон Берсенева, шестой бросил в решительную контратаку. Смелыми действиями батальон Цымбала опрокинул численно превосходящие, но слабо вооруженные и необученные фашистские батальоны.

Пленные рассказали, что батальоны состояли из стариков, подростков и лиц, ограниченно годных к воинской службе.

…На Новогрудок нам не удалось пройти. Мост через реку Сервечь перед Кореличами был сожжен белорусскими партизанами. Брода не отыскали. К тому же разведчики доложили о переправе немцев через Неман у Еремичей.

— Надо задержать их до подхода группы генерала Плиева, — приказал Вершигора. — Занять оборону в районе сел Тарасовичи, Репьево, Валевка, перекрыть дорогу Еремичи—Турец и ни в коем случае не допускать противника на Новогрудок.

Дивизия расположилась фронтом на юго-восток. Справа первый полк оседлал дорогу у местечка Турец. Второй полк в

центре. Третий полк своим левым флангом упирался в реку Неман севернее Еремичей. Дорогу Еремичи—Турец во многих местах минировали. Штаб дивизии и тылы расположились в Большой Слободе.

Бой начался в первой половине дня. Противник выставил крепкие заслоны пехоты и артиллерии с севера со стороны Тарасовичей и Репьева, а главными силами начал наступление на оборону первого полка, стараясь прорваться на большак Турец—Новогрудок. Пехота, усиленная танками и бронемашинами, при поддержке артиллерии предпринимала отчаянные попытки сломить сопротивление партизан.

Роты нашего полка занимали выгодную оборону на холмах, что позволило подпустить противника на близкое расстояние и расстреливать. Тогда немцы впереди пехоты бросили около двадцати танков, поддержав их атаку мощным артиллерийским и минометным огнем.

Танкам удалось подойти к разобранному мостику. Огонь наших бронебоек и сорокапятимиллиметровых орудий не причинял им вреда. Снаряды отлетали от танков, как от стенки горох, даже не оставляя царапин на броне.

— Опять проклятые «тигры», — ругался Тютерев, но от этого легче не становилось.

Все же нашим бронебойщикам удалось поджечь две танкетки. Танки попятились назад, усилили обстрел нашей обороны и пошли в обход мостика. Два «тигра» подорвались на минах. Остальные обошли минное поле и продолжали наступать.

Казалось, противник вот-вот прорвется. Но подорвался третий танк, остальные прекратили наступление и стреляли с места. Пехота не осмелилась наступать без сопровождения танков.

Немцы решили попытать счастья на другом участке. Для этого они использовали части, только что подошедшие из-за Немана. После мощной артиллерийской и минометной подготовки гитлеровская пехота и танки бросились на Тарасиху и Репьево. Над селами коршунами вились фашистские самолеты.

Второй и третий полки тоже вступили в бой.

Противнику удалось вбить клин в стыке между вторым и третьим полками. Танки и пехота устремились в прорыв; развивая его в сторону Большой Слободы, где располагались тылы и штаб дивизии. Видно было, как кавдивизион и разведрота спешно занимали оборону на холмах, чтобы преградить путь противнику. Третий полк под угрозой окружения.

— Надо помогать! — волновался Бакрадзе.

— Пойдем в контратаку, — предложил я вгорячах.

— Ты что, в своем уме? На танки с автоматами?

Однако надо что-то делать. Первым нашелся Бакрадзе.

— Огонь! Как можно больше огонь! — выкрикивал Давид. От волнения особенно явственно чувствовался у него грузинский выговор. — Патрона, снаряда не жалеть.

Приказы командира передавались по цепи вправо и влево. Отдельные пулеметные и автоматные очереди скоро слились в единый нескончаемый рокот. Усилили стрельбу по танкам артиллеристы и бронебойщики. Танки, осыпаемые градом пуль и снарядов, отползли за бугор.

— Ура-а-а! — во весь голос крикнул Юра Колесников, не вылезая из окопа. Его поддержал весь полк.

И как эхом отозвалось слева «а-а-а!»

— Пошли, пошли… в контратаку пошли, — радостно закричал Саша Тютерев. — Удирают фрицы. А-а, не выдержали! Кишка оказалась тонкой!

Робкое сначала «а-а-а» переросло затем в мощное «ура!». Второй и третий полки перешли в контратаку. Мне показалось, что я за два километра вижу в цепи партизан великана Петра Кульбаку, размахивающего автоматом, как это было в августе прошлого года под Делятином, и невысокого, проворного Петю Брайко. Душа переполнилась радостью за их боевую удачу.

Кульбака и Брайко решились на отчаянный шаг. Видя, что противнику удалось вклиниться в стык между их полками, они повели своих бойцов в контратаку. Огнем с места их поддерживали дивизионные разведчики Клейна и кавалеристы Ленкина. Противник был отброшен, положение восстановлено.

Это был критический момент боя. И здесь гитлеровцам не удалось пробиться. К вечеру бой ослаб, однако противник не собирался уходить.

Во время контратаки вторым и третьим полками было захвачено около тридцати пленных.

— Какой части? — спросил переводчик пленного офицера.

— Двадцатой танковой, — ответил офицер.

— Дивизия в полном составе?

— Нет. Здесь остатки. Многие не вышли из минского «котла».

— Что-то многовато для остатков. Какие еще части с вами?

— Здесь все, что осталось от седьмой и двадцатой танковых дивизий, трех пехотных дивизий и других частей четвертой и девятой армий…

Показания пленных пролили свет на создавшуюся обстановку. Противник принял нас за фронтовые части, прорвавшиеся на пути его отхода. Только потеря боевого духа и охватившая немецких солдат паника при встрече с советскими

войсками не позволили гитлеровцам, имевшим громадное превосходство в численности и вооружении, одержать верх над партизанами. Мы же вступили в бой в надежде, что на помощь подоспеет подвижная группа генерала Плиева. Кроме того, не знали, что встретимся с такой сильной группировкой. Признаться, даже страшно стало, что ввязались в такую «драчку».

Вечером Вершигора пригласил командиров полков на совещание. Бакрадзе, Кульбака и Брайко не виделись всего несколько часов, но встретились как после долгой разлуки. Слишком мало шансов было на то, что из боя они выйдут живымц. Петр Петрович улыбался в бороду и следил, как эти взрослые, солидные люди, которым доверены судьбы сотен партизан, словно дети радуются встрече.

— Может, приступим к делу? Пока вы обнимаетесь, фрицы могут удрать, — пошутил Вершигора.

— Если они узнают, сколько нас, то придется нам удирать, а не фрицам, — ответил Кульбака.

— А пока они этого не знают, попытаемся еще задержать их, тем временем и наши передовые части подойдут, — сказал Петр Петрович. — Разведка донесла: немцы оставили против нас заслон, а главные силы направили в обход местечка Турец с юга. Видимо, хотят выйти к Городищам, а оттуда по шоссе повернуть на Новогрудок. Кстати, разведчики наблюдали оживленное передвижение войск по шоссе Барановичи—Новогрудок—Лида. Наша задача — не допустить соединения этих двух группировок. Давайте обсудим.

Обсуждение было коротким. Бакрадзе предложил одним полком обойти Турец с запада и преградить путь противнику, а двумя полками нанести удар по отходящим колоннам. Такого же мнения были и Брайко с Кульбакой.

Итог подвел Вершигора. По плану боя первый полк должен был перекрыть дорогу на Турец. Как только гитлеровцы подойдут и завяжут бой с подразделениями первого полка, Кульбака со своим полком атакует растянувшуюся колонну противника на дороге. Одновременно Брайко нанесет удар по переправе на Немане, перережет дорогу Еремичи—Турец. После этого выставит сильный заслон со стороны Еремичей, а основными силами совместно со вторым полком перейдет в наступление в направлении местечка Турец. Таким образом, противник окажется зажатым между Турцом и Неманом…

— Давид, держи крепче голову фашистов, а мы с Петром Леонтьевичем ударим по туловищу и хвосту колонны, — сказал Брайко, прощаясь с Бакрадзе.

Давид в полк вернулся глубокой ночью. Подразделения были

готовы к действиям.

— Останешься с батальоном Тютерева. В случае угрозы обоз отправишь к штабу дивизии, — сказал мне Бакрадзе. — Я с первым батальоном пойду в засаду под Турец…

— Разрешите и мне с вами? — поднялся помначштаба Колесников.

— Хорошо, Юрий, — Согласился Бакрадзе.

К рассвету первый батальон вышел к намеченному месту. Роты заняли оборону. Дорогу заминировали, мостик разобрали.

Утром, находясь на наблюдательном пункте, я увидел колонну автомашин и танков противника, которая двигалась на запад, туда, где расположился Бакрадзе с батальоном. Впереди шли бронетранспортеры и легкие танки. Колонна растянулась на несколько километров, хвоста ее не видно, а голова подходила к местечку Турец.

— Ну, друзья, сегодня нам придется туго. Смотри, какая силища прет! — сказал Тютерев.

События развернулись совсем не так, как нам хотелось. Бой первым начал противник. Гитлеровцев никак не устраивало то, что с севера над их колоннами нависали наши второй и третий полки. Они и так за сутки потеряли несколько танков и около двухсот человек. Поэтому решили обезопасить себя справа.

Для этого создали сильную группировку из пехоты, танков и артиллерии и утром 4 июля нанесли удар по полку Брайко. После двухчасового кровопролитного боя партизаны вынуждены были отойти к Большой Слободе. Вслед за этим последовал такой же удар по боевым порядкам второго и первого полков.

Начали сбываться опасения Тютерева. Вступил в бой Бакрадзе со своими ротами. На батальон Тютерева тоже наступало свыше батальона с танками и бронемашинами. Их поддерживала артиллерия. Партизаны встретили дружным огнем и заставили залечь пехоту противника. От немецкой группировки отделилась рота пехоты, три танка, две бронемашины и танкетка. Они под прикрытием холмов направились в обход второго батальона справа.

Немцы непрерывно обстреливали нас из танковых орудий и крупнокалиберных пулеметов. В деревне загорелось несколько домов. В это время на мине взорвалась бронемашина…

Видимо, немцы по-прежнему не знали наших сил или же не считали нужным заходить в населенный пункт. Танки прорвались по дороге Турец—Кореличи. Бакрадзе оказался отрезанным от главных сил.

По дороге на машинах подъезжала немецкая пехота и с ходу вступала в бой. Вокруг первого батальона замыкалось кольцо.

Опасность мы видели, но помочь ничем не могли.

— Отходить надо, что он, не видит? — нервничал Боголюбов.

Опасность видел и Бакрадзе, но прорваться не мог. Сдерживая наседавшего противника, Давид уводил роты дальше от нас. Скоро батальон скрылся за бугром. Туда же перевалили немецкие танки и пехота.

— Обоз галопом к штабу дивизии! — передал приказание комдива связной Филоненко. — Отходите скорее, можете опоздать. Кульбака и Брайко еле сдерживают противника…

Боголюбов повел обоз. Я снял с обороны батальон Тютерева и поспешил в Большую Слободу. Штаба дивизии на месте не застали. Только проскочили пылающее село, как туда со стороны большака ворвались танки.

Колонну мы настигли на Немане, где она переправлялась вброд. Я доложил Войцеховичу, в каком положении оказался Бакрадзе. Казалось, он не обратил внимания на мои слова.

— Получилось не так, как мы планировали, — сказал Василий Александрович. — Противник оказался во много раз сильнее, чем мы предполагали. Из-за Немана продолжают подходить колонны мотопехоты и танков. Мы рассчитывали на помощь генерала Плиева, а он, оказывается, уже далеко на запад рванул.

— Все это так, но как помочь Давиду?

— За Бакрадзе не бойся, не пропадет. Обоза с ним нет, а налегке он обведет немцев вокруг пальца. Хитрый кацо, — успокаивал меня Войцехович.

Его доводы мало успокоили меня. Я видел, какие силы навалились на батальон. Если бы это случилось ночью, можно было бы не беспокоиться! А то ведь двенадцать часов дня! Чтобы спасти батальон от разгрома, кроме храбрости, нужно большое умение.

Переправились через Неман. Первым в Налибокскую пущу проник Андрей Цымбал с группой партизан. Там повстречал местный белорусский отряд.

— Кто вы такие? — спросил командир местного отряда.

— Ковпаковцы.

Командир внимательно посмотрел на Цымбала и пригласил отойти в сторонку, чтобы поговорить. Но как только Андрей оказался один среди местных партизан, на него набросилось несколько человек, обезоружили и связали.

— Что вы, черти, делаете? — кричал Андрей.

— Не ерепенься! — угрожающе проговорил здоровенный партизан. — На сук вздернем, еще не так взвоешь.

Цымбал решил, что попал в западню, подготовленную

власовцами.

— Предатели! Плевал я на ваши угрозы! — кричал Андрей. — Плачет по вас виселица.

— Сам ты предатель, партизаном прикидываешься.

— Да, я партизан!

— Ковпаковец? — саркастически спросил местный партизан.

— Ковпаковец, — ответил Цымбал.

— Как вам нравится — он ковпаковец? — под общий смех сказал все тот же верзила. — Да будет тебе известно, ковпаковцы на Украине.

Цымбал понял, что его принимают за власовца или полицая.

— Да будет тебе известно, через час ковпаковцы будут здесь, — отпарировал Андрей. — И скажу я вам — вы не партизаны.

— А кто мы, по-твоему?

— Партизаны не станут одного человека бояться и связывать. Во всяком случае, ковпаковцы так не поступают.

— Что мы развесили уши, слушаем? Байки рассказывает. Показать ему кузькину мать, сразу признается, что он за птица…

— Попробуй!

Местные партизаны не принимали во внимание никаких доказательств со стороны Цымбала. Но тут в разговор вмешался совсем еще юный партизан.

— А может, и на самом деле он ковпаковец? — сказал он. — Давайте отправим в штаб.

— Хватит нам возни с пленными немцами. Предателей расстреливать на месте, — настаивал на своем верзила.

— Прикончить, и вся недолга, — поддержали и другие.

Цымбал понял, что можно погибнуть ни за понюх табака.

— Приведите моих хлопцев, — попросил он.

— Хитер мужик. Нет, пусть они отдыхают. И до них доберемся.

Судорожно работала мысль, ища выхода. Неужели конец? И от кого? От своих же. Цымбал решил попросить, чтобы выслали разведчиков для связи с Вершигорой. Это его последний козырь. Не могут же они отказать ему в этой просьбе, если они действительно партизаны.

Спасение пришло неожиданно и не с той стороны, откуда ждал Цымбал.

— Что здесь происходит? — услышал он знакомый голос.

— Изменника поймали. Прикидывается партизаном-ковпаковцем, — последовал ответ.

Спрашивающий подошел ближе и ахнул:

— Цымбал!

Он бросился к Андрею и начал распутывать веревки и на все лады склонять чересчур бдительных партизан.

— Вы знаете, кто это? Это Андрей Калинович Цымбал! Командир второй роты у Ковпака! Эх вы! Изменника поймали…

Цымбалу развязали руки. Он настолько перенервничал, что никак не мог припомнить, где видел этого бойкого парня.

— Андрей, ты меня узнаешь? Я — Володя Казнаков. На Припяти был ранен…

Теперь Андрей Калинович вспомнил Володю, который пришел в отряд с группой Бакрадзе. Был ранен, и его отправили на Большую землю с аэродрома в Кожушках. Видимо, после выздоровления он вновь оказался в тылу врага.

Местные партизаны растерялись. Они не ожидали такого поворота.

— Как вам не стыдно?! — выговаривал Цымбал. — Не можете отличить партизана от предателя.

— Так они сейчас подделываются под партизан, — оправдывались хозяева Налибокской пущи.

Скоро подошли главные силы дивизии и расположились на отдых в лесу.

Опустилась ночь, а первый батальон не возвращался. Мое беспокойство еще больше усилилось, когда он не пришел и утром. Бойцы угрюмо молчали. Раненые досаждали одними и теми же вопросами: «Командир полка пришел?», «Что слышно о батальоне?». Лучше самому быть на месте Бакрадзе и Колесникова, чем ждать в неизвестности.

Бакрадзе с батальоном пришел лишь к вечеру следующего дня. Нашей радости не было предела. Я повел их прежде всего показать раненым.

Доктор Зима повис у Давида на шее. Раненые подзывали его к себе. Такая теплая встреча очень растрогала командира полка.

— Расскажи, как вам удалось прорваться? — попросил я.

— Эх, Вано, досталось нам на орехи, — покачал головой Бакрадзе. — Сначала, понимаешь, все было хорошо. Повредили два танка, а потом еще два. Жаль, поджечь не удалось и некоторые из них стреляли с места. Остальные вместе с пехотой навалились на батальон. Жарко пришлось. Все же первую их атаку мы отбили. Но скоро противник на машинах подбросил подкрепление…

— Я как увидел, сколько их, с бугра далеко видно, сразу сказал: здесь нам не удержаться, — вставил Колесников.

— Немец пошел в новую атаку. Наши хлопцы держались крепко. Сорвали и эту атаку. Но гитлеровцы понимали, что сила на их стороне, и лезли напролом, — продолжал Давид. — В

самый разгар боя меня сильно толкнуло, я упал и почувствовал острую боль в правом плече. Понимаешь, перед глазами желтые круги пошли. Маму вспомнил, думал, без руки остался…

— Я увидел, как Давид Ильич упал, и закричал: командир ранен! — сказал командир роты Деянов.

— Не успел опомниться, как бойцы отволокли меня за бугор, — рассказывал Бакрадзе. — Прибежала медсестра Лена, новенькая, которую нам перевели от Брайко. Молодец дивчина, смелая… Давайте, говорит, перевяжу. Стащили с меня гимнастерку. Смотрим, раны нет. Кожа местами содрана, плечо горит, а раны, понимаешь, нет. Что случилось? Клянусь мамой, не мог понять!

— Тут я глянул на автомат командира, а у него дульная часть разворочена. Видно, крупнокалиберной пулей изуродовало. Посмотрите, — сказал Деянов, протягивая мне автомат Бакрадзе — подарок белорусских партизан.

— И на этот раз смерть прошла в миллиметре от меня, — сказал Давид. — Думать некогда. Вскочил на ноги, взял из рук тяжелораненого бойца автомат и снова в бой. Ты, Вано. знаешь, я левша. На этот раз это мне сильно пригодилось… На минах подорвалось еще три танка. Зато пехоты и артиллерии стало в два раза больше. Гитлеровцы обошли высотки и окружили батальон. Что делать? До ночи, думаю, не устоим. Какой решение принять? Один решение — прорываться, пока, понимаешь, не поздно.

— А немцы обрушили на нас такой огонь, что головы поднять невозможно, — сказал Колесников. — Единственная надежда на Кульбаку и Брайко.

— Мы навострили уши, с надеждой прислушиваемся к бою второго и третьего полков, но замечаем, что они, должно быть, смазывают пятки, — вставил Деянов. — Вот тебе, думаю, нанесли согласованный удар всеми полками.

— Фашисты пытались зажать нас на бугре. Оставаться на месте было опасно. Теперь рассчитывать на помощь не приходилось. Видно, нашим товарищам было не легче. Надо уходить, говорю Юрию. Начали пробираться среди посевов. Противник заметил и снова преградил нам путь. Здесь уже медлить нельзя было. Эх, думаю, была не была! Подаю команду «в атаку!». Поднялись во весь рост, открыли огонь, проложили путь гранатами и вырвались из окружения. Гитлеровцы кинулись было за нами, но мы успели добежать до речки. Подпустили их поближе и накрыли гранатами. Они залегли, а мы тем временем бросились в речку, — закончил рассказ Бакрадзе.

— Но на этом дело не кончилось. Фашисты почти целые сутки гонялись за нами. Дважды пришлось переходить речку

Сервечь, пока напали на ваш след и переправились через Неман… Нам-то ничего, а раненым досталось, — дополнил рассказ командира полка Колесников.

— Я тебе говорил, что Давид Ильич не пропадет, — улыбаясь, сказал Войцехович.

Так закончился тридцатишестичасовой бой первой Украинской партизанской дивизии с превосходящими силами частей четвертой и девятой немецких армий. Противник потерял в этом бою десять танков, две танкетки, пять бронемашин, тридцать автомашин с боеприпасами и более трехсот солдат и офицеров. Кроме того, несколько танков были повреждены.

Продвижение вражеских войск было задержано почти на двое суток.

Три «мушкетера»

Темной июльской ночью партизанская дивизия пробиралась Налибокской пущей вдоль восточного берега Немана. Двигались на север в сторону местечка Щорсы. Там мы намеревались захватить переправу через Неман. Колонна шла привычным размеренным маршем. Впереди, как всегда, Клейн со своими разведчиками. Первый полк шел за кавалерийским дивизионом.

Я с полковыми разведчиками ехал в голове полка. Рядом со мной — командир взвода Бычковский. Сегодня его взвод был в резерве. Мы ехали и тихо разговаривали. Послышался топот скачущих коней. К нам подъехали Юрий Колесников и дивизионный разведчик Миша Демин, по прозвищу Миша Ария.

Прошло полгода, как я ушел из разведроты, но меня все еще тянуло к боевым друзьям. При каждом удобном случае я заглядывал к ним. Но в последнее время получилось так, что никак не удавалось навестить разведчиков. Отвлекали бесконечные бои, длинные переходы, да и разведчики тоже редко собирались вместе. Поэтому я обрадовался встрече с Деминым.

Мишу я знаю давно. Высокого, никогда не унывающего и отчаянного разведчика любили за веселый и покладистый нрав, а главное, за песни, неисчислимое множество которых он знал. Демин мечтал стать артистом. Даже когда в 1938 году поступил в Московский геологоразведочный институт, он вечерами учился в театральной студии. Миша — компанейский парень. Каждый считал за честь идти с ним на задание. Особая дружба его связывала с онежским пареньком Пашкой Лучинским и острогожцем Алексеем Журовым. Низенький, толстый, почти кругленький Пашка Лучинский рядом с Мишей выглядел малышом. Зато Лешка Журов — длинный, но худой, как жердина. Все трое были в одном отделении, вместе ходили на задания. Неразлучные они были и во время отдыха. Достаточно было кому-то из них подсесть к костру, как появлялись остальные, и тут же звенела песня. Миша пел тенором, Леша— баритоном, Павлик подпевал неопределенным голосом, несмело.

Демин первым в соединении узнавал новые фронтовые песни. Просто непонятно, какими путями он их раздобывал. Иногда он пел арии из опер. Особенно нравилась ему ария Ленского. Ее исполнение и дало Мише прозвище — Мишка Ария.

В главразведке Демина, Журова и Лучинского называли «три друга». Партизанский весельчак, танцор и пародист Вася Демин, однофамилец Миши, в честь троицы песню «Жили два друга» переделал на «Три друга — разведчика» и, подражая Утесову,

исполнял на вечерах партизанской самодеятельности.

У разведчиков были свои любимые песни. Чаще всего пели «Трех мушкетеров». Только вместо слов «мушкетеры» пели «разведчики». А Демина, Журова и Лучинского «перекрестили» в «трех мушкетеров».

Трусов рождает ваша планета, —

запевал Журов,—

Все же ей выпала честь, да, честь:
Есть ведь разведчики, есть ведь разведчики,
есть! —

подхватывали товарищи. Тут уж и Павлик Лучинский не стеснялся, пел во весь голос.

Как-то друзей встретил Гриша Дорофеев из третьей роты и сказал:

— Мушкетеры, а не создать ли нам партизанский ансамбль песни и пляски? На фронт приезжают артисты, к нам им прилететь нелегко. А мы что, рыжие?

Идея Гриши понравилась, поддержали. Создали самодеятельное общество, получившее название «общества веселых чудаков». Каждому участнику присвоили клички. Среди них были вполне приличные: Гуцул, граф Бамбула, граф Черный Глаз… Но были и такие, от упоминания которых партизаны валились со смеху.

Много забавных, поистине радостных минут доставили партизанам доморощенные артисты. Непременными участниками всех концертов были Демин и Журов. Лучинский по своей скромности выполнял роль сочувствующего зрителя.

Дружба этой троицы крепла. Идя в разведку, каждый знал, что товарищ не спасует, не подведет. Как-то, еще во время рейда из Брянских лесов за Днепр, надо было разведать город Лоев, раздобыть лодки и паром для переправы подразделений. Выполнение этой задачи поручили главразведке и третьей роте.

Отделение Фетисова, в котором воевали Демин, Журов и Лучинский, прошло вдоль Днепра около десяти километров, но на восточном берегу не нашло ни одной лодки. Выручил один старик. Он извлек из-под хвороста старенький челн и отдал разведчикам.

Ребята взвалили этот челнок на плечи и принесли к реке, спустили на воду. Челнок на воде держался, но во многих местах

пропускал воду. Разведчики позатыкали щели и решили переправиться на западный берег. Когда же начали усаживаться, поняли, что челнок всех не удержит. Надо было кому-то остаться на восточном берегу.

— Демин, ждите нас здесь, — сказал Фетисов.

— Ни за какие тысячи! — взъерепенился Миша и первым влез в челн. — Что я, хуже других?

— Пусть остается Лучинский, — подсказал Чусовитин.

— И не подумаю. Тоже нашли козла отпущения, — обиделся Пашка.

Фетисов мог приказать любому, и тот бы выполнил приказ. Но командир отделения надеялся, что найдется охотник, который согласится остаться. Охотника не нашлось.

— А если Павлик поплывет за лодкой?.. Он архангельский мужичок — морозоустойчивый и плавает хорошо, — предложил Миша.

— И поплыву, но не отстану от отделения, — решительно сказал Лучинский и быстро начал раздеваться.

— Ты что, спятил? Река у берегов замерзла. Ветер пронизывает до костей! Знаешь, что может от этого получиться? Я пошутил, — сказал Демин.

— Не дури, Павлик, — пытался уговорить его Фетисов.

Однако Лучинский уже снял сапоги, френч, брюки. Все это свернул в узел и перетянул брючным ремнем. В одном белье, как лунатик, бултыхнулся в ледяную воду. Крякнул, подплыл к челну, бросил в него узел и уцепился за корму. Ноги и руки сводило, но отступать поздно. Друзья уселись, оттолкнули челн от берега, и Чусовитин из всех сил заработал единственным веслом.

Павлик усиленно болтал ногами, стараясь не окоченеть окончательно. Потом даже укусил себе руку, чтобы избавиться от подкрадывающейся судороги. Стало легче. Однако ног он почти не чувствовал. Все сознание его сосредоточилось на одном: лишь бы не оторваться от челна.

Демин снял брючный брезентовый пояс и петлей прихватил руку Лучинского. На всякий случай, чтобы не дать другу утонуть. Ребята гребли по очереди, меняясь. Павлик направлял челнок к противоположному берегу и старался подталкивать сзади.

— Держи на огонек, — сказал Фетисов.

Днепр в этом месте широк, беспокоен. Разведчиков сносило. Большого труда стоило выдержать направление. Плыли очень медленно. Павлику показалось, что прошла целая вечность, пока челн уткнулся носом в противоположный берег. Все облегченно вздохнули. Быстро вытащили Лучинского из воды. Белье на нем сразу же задубело. Поверх белья натянули брюки, френч. Обули.

Накрыли плащпалаткой и провели в ближайший дом на окраине города Лоева.

Дверь открыл старик и оторопел. Потом спохватился, всплеснул руками и проговорил:

— Да откуда вы, сынки?

— Из Днепра, — ответил Фетисов. — Пустите отогреться.

Оставив Чусовитина и Журова дежурить на улице, Фетисов и Демин затащили Лучинского в дом. Старик и старуха забеспокоились.

— Разве так можно! Что же вы не сняли мокрого белья? Соколик мой, родной, пропадешь, — запричитала старуха.

— Быстро раздевайте, скипидарчиком разотрите, а я мигом — торопливо проговорил старик, накинул на плечи пальто и выбежал из дома.

Пока разведчики с помощью хозяйки стаскивали с Лучинского мокрую одежду, старик успел сбегать к соседке. Вернулся он с бутылкой мутной, неприятно пахнувшей, но хорошо знакомой партизанам жидкости. Налил стакан и заставил Павлика выпить. Оставшейся самогонкой растерли ноги, руки, грудь, спину. Пашка почувствовал, как благодатное тепло разлилось по телу…

Разведать гарнизон не стоило большого труда. Сложнее было с переправочными средствами. Но и здесь помог старик. С помощью рыбаков разыскал лодки, указал, где можно раздобыть паром. Отделение Фетисова взяло три лодки и переправилось обратно.

На рассвете через реку переправились третья и разведывательная роты, ворвались в город Лоев и завязали бой с гитлеровцами. Утром начали переправу остальные подразделения. Двое суток шла переправа партизан через Днепр…

Два с лишним года воевали неразлучные друзья. Участвовали во всех рейдах, во многих боях. Побывали в Карпатах, в Польше.

Случилось так, что Павлик и Миша влюбились в одну девушку — смелую автоматчицу. Влюбились не на шутку. Первую любовь каждый переживал по-своему. Миша перестал петь залихватские песни, перешел на лирические. Павлик, наоборот, стал еще более молчаливым. Только при встрече с люби-мои девушкой веселел» улыбался и… молчал. А она, шестнадцатилетняя, даже не подозревала о своем успехе.

Свою сокровенную тайну, каждый в отдельности, поведали Леше Журову.

— Эх, друг, взвалил ты на свои плечи непосильный груз. Ей нравится другой парень, — не то всерьез, не то в шутку говорил

Леша то одному, то другому товарищу.

Это открытие озадачило дружков. Смелые в бою, находчивые в разведке, Миша и Павлик на этот раз растерялись и не проявили ни находчивости, ни смелости. Еще больше терялись, услышав звонкий, беспечный голос девушки.

— Ох эта любовь! Что она может сделать с хорошим человеком?! — переживал Леша за дружков.

Объясниться в любви не успели. В одном из боев автоматчица была тяжело ранена. Ее отправили на Большую землю. Даже проститься не удалось. К девушке не возвращалось сознание.

После этого случая Миша и Павлик долго ходили удрученные. Повеселели, лишь когда узнали, что девушка выжила.

Миша вновь запел. Но на этот раз чаще всего слышалась песня «Нина-Ниночка, Ниночка-блондиночка, я тебя не в силах позабыть…»

Много времени прошло с тех пор, но Демин и Лучинский помнили о девушке.

Я знал о безответной любви разведчиков, но никогда не заводил об этом разговора. И теперь, когда увидел Демина, вспомнил о той девушке, однако спросил совсем о другом.

— Давно не виделись, Миша. Что нового у разведчиков?

— Новостей много, — ответил Демин. — Старший лейтенант Семченок со взводом фронтовиков ушел от нас.

— Как ушел?

— Получил специальное задание фронта. Оказывается, к нам их присылали на учебу. Получили практику ведения разведки в тылу врага, набрались ковпаковского опыта и айда на самостоятельную работу. Снова подались в Польшу, а возможно, до самого Берлина доберутся[24].

— Какие еще новости? Как твой друг — Лучинский?

— О-о, до Пашки рукой не дотянуться! В начальство выбился — комсорг роты! Я перекочевал в конную разведку к Усачу. Пришлось вспомнить и свою старую специальность минера, — выкладывал новости Демин. И сразу же перешел на другую тему — По всему видно, скоро кончается наша партизансная жизнь.

— Почему?

— Да как же? Фронт ведь рядом, а генерал Плиев уже обогнал нас, говорят, к Западному Бугу подался… Обидно, что из «общества веселых чудаков» встречать советские войска придется мне одному. Погибли Коженко, Никанорыч, Вася Демин… Ранены — Гришка Артист, Леша Журов, Вася Алексеев…

Рассказ Демина заставил и меня еще раз вспомнить о тех, кого мы потеряли в боях. Их могилы разбросаны по всей Украине

от Сумщины до Карпатских гор, на польских равнинах, в белорусских лесах. Каких людей потеряли!

— Единственное утешение — мы фашистов положили в несколько раз больше. — Миша задумался, потом продолжал: — На фронте сейчас веселые дела. Как только соединимся с армией окончательно, обязательно пойду в разведку. В наступлении и особенно при преследовании фронтовые разведчики действуют нашими, партизанскими методами…

Не суждено было попасть Демийу во фронтовую разведку. Впереди началась стрельба, рвались мины, грохотали орудия, отчетливо выделялись крупнокалиберные пулеметы. Миша пустил своего коня галопом и, напевая:

Ты одессит, Мишка,
А это значит, что не страшны тебе
Ни горе, ни беда… —

поскакал вперед.

Я понял — начался бой за местечко Щорсы.

Вслед за Деминым поспешил и Юра Колесников, чтобы уточнить обстановку. А через пять минут Миша Демин был убит.

Пройдя вперед, я увидел плачущего Колесникова.

— Миш… только что… Видел, как он упал лошади. Подбегаю, он еще жив. Возле него разведчики. Миша открыл глава, обвел взглядом товарищей и сказал: «Ребята, что же это делается?» И тут же потерял сознание…

Не сбылись мечты Михаила Родионовича Демина. Не стал он ни геологом, ни артистом.

Бой разгорался. Здесь мы встретили упорное сопротивление фашистского гарнизона. Как выяснилось, в местечке оборонялись казачьи части кавалерийской дивизии белогвардейского генерала-Краснова, укомплектованные сынками и внуками белогвардейцев, выброшенных за пределы нашей страны Октябрьской революцией и гражданской войной.

После двухчасового боя нам удалось сломить сопротивление противника и зацепиться на окраину местечка. Но на помощь красновцам подошла новая немецкая часть. Кроме того, в тылу казачков гитлеровцы выставили заградительные отряды.

Не желая нести напрасные потери в уличных боях и понимая, что гарнизон врага обречен, Вершигора приказал обойти Щорсы с севера, вынудить противника к отходу и покончить с ним на открытой местности. Однако довести дело до конца нам не удалось. На следующий день к Щорсам подошли механизированные части Советской Армии и полностью

уничтожили весь гарнизон врага.

Возмездие

Советские войска наращивали удары. Гитлеровцы несли огромные потери и откатывались на запад. Они то цеплялись за каждую речушку, за каждое селение, за каждый холмик, вгрызались в землю и отчаянно сопротивлялись — все равно, дескать, подыхать, то сдавались целыми пачками. Вынужденные отходить, немцы для прикрытия в качестве смертников оставляли власовцев и дивизию белогвардейского генерала Краснова. Однако по мере усиления ударов Советской Армии возрастала растерянность в рядах фашистов. И, удирая, гитлеровцы оставались верны себе: старались как можно больше навредить. Специальные отряды «поджигателей» на автомашинах и броневиках шныряли по проселкам, жгли деревни и села, чинили расправы над мирными жителями, угоняли последний скот или расстреливали его.

Наша дивизия обошла Щорсы с севера, форсировала Березину и Неман и вышла на дорогу отступления фашистов в районе Детемли, южнее города Лиды.

Батальон Тютерева встретил колонну гитлеровцев на шоссе Новогрудок—Ивье, вступил в бой и вынудил ее повернуть на Березовку. Не доходя до Березовки, оккупанты напоролись на засаду первого батальона и вторично изменили направление движения, пошли на юг, но в районе села Неман их поджидали подразделения второго полка…

Лишь за два дня, 7 и 8 июля 1944 года, подразделениями первого и второго полков было уничтожено четыре танка, бронемашина, около трехсот солдат и офицеров врага. Захвачено много пленных и сорок подвод с боеприпасами и различным военным имуществом.

Партизаны потерь почти не имели.

А на следующий день наши разведчики доложили, что гитлеровцы сосредоточили большое количество своих войск у Немана в районе села Березовки. Вершигора приказал третьему полку нанести удар по противнику и помешать ему закрепиться на западном берегу реки.

Фашисты были настолько деморализованы неудачами на фронте, что при ударе подразделений Брайко и не помышляли о серьезном сопротивлении. Потеряв свыше ста солдат и офицеров убитыми и ранеными, они в панике бежали. Партизаны овладели Березовкой и мостом через Неман. По этому мосту переправились подошедшие части танковой армии 2-го Белорусского фронта.

Из засад возвратились батальоны первого полка и привели с

собой около тридцати пленных немцев. Местные жители активно помогали партизанам, сообщали, где прячутся каратели, а иногда сами вылавливали их и приводили к нам.

Пленные немецкие офицеры и солдаты на допросах не запирались, как прежде, охотно отвечали на все наши вопросы и с удовольствием уплетали хлеб, который им давали партизаны. Они потеряли всякую уверенность в своем успехе.

— Гитлер капут! — сказал пленный офицер. — Теперь только фанатики и глупцы могут надеяться на победу… Мы совершили роковую ошибку в этой войне.

— Какую? — поинтересовался Бакрадзе.

— Не надо было начинать войну с Россией, — ответил пленный.

— Об этом следовало подумать в сорок первом году, — сказал Колесников.

Во время допроса пленных Саша Гольцов с двумя белорусскими крестьянами, вооруженными вилами, привел здоровенного гитлеровца, одетого в солдатские брюки и гимнастерку. С первого взгляда было видно, что обмундирование на нем с чужого плеча. Вызывало подозрение и то, что с его появлением пленные замолчали, словно воды в рот набрали.

— В соседней деревне захватили, — доложил Саша Гольцов. — Возвращаемся с задания, смотрим — пожар. Слышна стрельба. Мы туда… По деревне шастают гитлеровские автоматчики с факелами, поджигают дома, расстреливают жителей… Мы и дали им жару. Почти всех перебили, а этого живым поймали. Ванюшка Маркиданов говорит: «Отведи…» Старики вызвались помочь…

— Юра, изолируй этого верзилу, — посоветовал я.

— Барсуков, поручаю под твою личную ответственность. Глаз не спускай, — приказал Колесников командиру взвода.

Как только увели верзилу, пленные заговорили, перебивая друг друга. Колесников еле успевал переводить.

— Это — страшный человек, — говорили одни.

— Мы не хотим быть с ним вместе, — заявляли другие.

— То есть офицер, — сказал один из пленных. — Я тоже офицер, но я честно сражался в открытом бою. А тот — военный преступник. Он нацист. Мы ничего общего с ним не имели и не хотим иметь. Прошу это записать, говорю от имени всех моих подчиненных, — он указал на окруживших его пленных немцев…

Из рассказов немцев выяснилось, что пленный является офицером, закоренелым фашистом, возглавлявшим карателей. Им совершено множество преступлений против мирного населения. Его жестокости побаивались даже немецкие офицеры-

фронтовики.

После допроса пленных построили в колонну и в сопровождении взвода разведчиков направили на восток, навстречу нашим войскам. Пленные могли и сами добраться до сборного пункта военнопленных, но Бакрадзе опасался, что местные партизаны или белорусские крестьяне в горячке могут с ними расправиться.

— Встретитесь с фронтовыми частями, передадите и сразу же возвращайтесь, — напутствовал Бакрадзе сержанта Барсукова.

Как только увели пленных, ко мне подошел Колесников и сказал:

— Разрешите мне заняться нацистом?

— Пожалуйста…

Колесников долго допрашивал фашистского офицера, стараясь вытянуть из него интересующие нас сведения. Пленный вел себя вызывающе, отвечать на вопросы отказывался, дерзил. Он не скрывал своей неприязни к русским, особенно к партизанам. Своим поведением старался вывести Колесникова из равновесия. Однако Юра допрашивал терпеливо, подчеркнуто вежливо, с улыбочкой. Я просто удивился, как это, обычно нетерпеливый, горячий, старший лейтенант мог переносить нахальные выпады фашиста.

Гитлеровец тоже улыбался, стараясь показать свое бесстрашие и превосходство над Колесниковым. Ведь он был капитаном, а допрашивал его всего-навсего старший лейтенант. Видите ли, его офицерская честь задета.

Вдоволь наговорившись, Колесников ничего не добился от фашистского офицера и сдал его под охрану коменданта штаба полка.

— Отпетый фашист, — сказал Юра, и голос его прозвучал словно приговор. — За зверства над мирным населением, за сожженные села и деревни, за сотни уничтоженных детей, женщин, стариков военный преступник, фашистский капитан заслуживает смертной казни!

Иного решения и не могло быть. Мы согласились.

Колесников повел фашиста за село. Любопытства ради пошел и ездовой Борисенко. Юра шагал рядом с пленным и разговаривал с ним. Вышли из села, кладбище давно осталось позади, а они все шли.

— Куда вы меня ведете? — спросил сбитый с толку фашист.

— Не. спеши, придет время — узнаешь, — ответил Колесников.

Некоторое время шли молча. Потом Юрий спросил:

— Откуда родом?

— Из Гамбурга, — ответил гитлеровец и с надеждой посмотрел на старшего лейтенанта.

— Семья сейчас в Гамбурге?

— Да. Жена, дочь и мать.

— Где они живут? Адрес?

Немец совсем повеселел и назвал адрес семьи. Колесников записал в блокнот. Пленный попросил закурить. Юра протянул ему немецкую сигарету, дал прикурить и, когда тот сделал несколько затяжек, спросил:

— Интересуетесь, куда я вас веду?

Гитлеровец встрепенулся и вопросительно посмотрел на Колесникова.

— На расстрел. Не догадываетесь, зачем мне нужен адрес вашей семьи? Могу пояснить. Когда мы придем в Гамбург, я разыщу вашу семью. Расскажу матери, какую сволочь она родила и вырастила. Жене скажу, с каким зверем она жила, лежала вместе в кровати… А что дочурке рассказать? Разве то, скольких таких же, как она, советских девочек и мальчиков вы лично и по вашему приказу расстреляли и сожгли заживо? Да, именно это. Жене еще скажу, как вы со своими молодчиками насильничали над советскими женщинами и девушками. Надо же, чтобы в Германии знали о твоих «подвигах».

После этих слов фашиста словно подменили. Он весь затрясся, побледнел. Сигарета вывалилась из трясущихся губ. На мгновение он даже остановился.

— Пошли, пошли, — тут уже близко, — сказал Колесников.

Пленный шел, еле переставляя ноги. Казалось, к его ногам подвесили по пудовой гире.

— Вы что же, надеялись, что все зверства вам сойдут, будут прощены, забыты? — продолжал Колесников. — Когда вы уничтожали ни в чем не повинных советских людей, задумывались ли, что ждет вашу семью? Следуя вашему примеру, я должен вашу мать расстрелять, жену — повесить, а дочь сжечь вместе с домом.

— Вы этого не сделаете, это бесчеловечно! — истерически закричал гитлеровец.

— Э-э, гад ползучий, знаешь, что ни я, ни кто другой из советских воинов не способен на такую жестокость, — сорвался Колесников. — Бесчеловечно?! — Значит, ты понимал, что творишь незаконные расправы, и все же творил? «То, что мне можно, другим нельзя» — таков твой идеал? Да, я не пойду по твоим кровавым стопам! Но то, что обещаю, обязательно скажу твоей матери, жене и дочери. Нет такой меры наказания, которую ты заслужил своими зверствами. Пусть для тебя самой страшной

карой будет проклятие твоих близких…

Фашист застонал, обхватив голову руками…

Пленного привели к догорающей белорусской деревне, в которой несколько часов назад он зверствовал со своими молодчиками. На улицах валялись трупы женщин и детей. Гитлеровец понял, что прощения не будет.

— Вот мы и пришли, — сказал Колесников. — Узнаешь деревню? Последний раз посмотри на грязные дела своих, рук. Не отворачивайся, смотри! Жаль, нет фотоаппарата, заснять бы тебя на фоне этого пожарища и фото вручить матери… Насмотрелся? Быстрее становись к развалинам. Видишь, бегут? — указал Юра на женщин, бежавших из ближайшего леса. — Попадешь к ним в руки — растерзают.

Прогремел выстрел.

— Этот уже не сожжет ни одной хаты, — сказал молчавший до сих пор Борисенко. — А сколько их еще шныряет с факелами по нашей земле.

Колесникова и Борисенко обступили женщины. Грязные, оборванные, худые — они представляли страшное зрелище. Крестьянки сразу же в убитом фашисте признали командира карателей. Они, перебивая одна другую, жаловались на зверства фашистов. Рассказали, как в деревню нагрянули каратели на автомашинах и начали поджигать все дома подряд. Убивали всех, кто попадался им на глаза. Бросали гранаты в погреба, где прятались женщины с детишками. Даже скот и птицу перестреляли. Если бы не подошел взвод Маркиданова, всех бы уничтожили…

Колесников и Борисенко возвращались в полк молча. Наконец заговорил Борисенко.

— Зачем мы топали сюда четыре километра? Там бы на кладбище хлопнули — и конец!

— Эх, друг, человек ты, немало проживший на свете, до войны колхозом командовал, а понять того не можешь! — сказал Колесников. — Пошел четвертый год войны. Я за это время чего только не насмотрелся! Убитые, сожженные, искалеченные… Видел трупы детей и женщин с выколотыми глазами и распоротыми животами. Страшные преступления творят фашисты. За все это они заслуживают самой жестокой казни. Мне захотелось приговор привести в исполнение на том месте, где им совершено преступление… Ты думаешь, мне легко было с ним так поступать? А он? Скотина скотиной, а заговорил о человечности… Нет, не могу я таким прощать! И ты не тревожь мою душу!

…Дивизия увлеклась засадами, потеряла два дня и снова

оказалась в боевых порядках войск Белорусских фронтов. Наша же задача — глубже проникать в тыл врага и содействовать успешному наступлению советских войск. Надо было спешить.

В течение 9 и 10 июля дивизия совершила 85-километровый марш из Детемли, оторвалась от фронтовых войск и вышла на реку Щару, с ходу форсировала ее и в районе Песчанки, Бояр, Воли, Крупиц захватила плацдарм по фронту в десять и в глубину пять километров.

Противник пытался отбросить партизан за реку. Двадцать часов дивизия удерживала плацдарм. Наибольшая тяжесть выпала на четвертый батальон Степана Ефимовича Ефремова, который до сих пор не отличался особой стойкостью.

История четвертого батальона второго полка такова, что следует о ней рассказать. Он был сформирован из бывших полицаев и власовцев, перешедших на сторону партизан, а также из числа советских граждан, освобожденных из фашистского плена. Вполне понятно, что боевой и моральный дух личного состава батальона был невысок.

Встал вопрос: кого назначить командиром батальона? Нужен был волевой и авторитетный человек, который бы сумел в короткий срок из этой разношерстной человеческой массы сколотить боевое подразделение. Долго думали. Наконец Вершигора предложил кандидатуру Ефремова.

Бывший бухгалтер Степан Ефимович Ефремов в соединении показал себя храбрым воином и умным организатором. Отличался дисциплинированностью и исполнительностью. Пятая рота под его командованием была на хорошем счету. Вершигора выдвинул его на должность помощника начальника штаба соединения. Теперь ему вручался батальон.

Среднего роста, стройный, очень подвижный, стремительный в движениях и действиях, Ефремов сразу же приступил к исполнению обязанностей. Старшиной батальона он взял своего старого друга Петра Шепшинского. Перво-наперво они произвели смотр рот. Обойдя строй и присматриваясь к подчиненным, Степан Ефимович помрачнел. Действительность превзошла все его ожидания. Уж больно неприглядную картину представлял батальон.

— Да, батальон, что называется, смерть фашизму! — пробурчал комбат.

— Шо и говорить, смерть мухам и комарам! — поддакнул Петя.

Ефремов строго посмотрел на старшину и отчеканил:

— Эти штучки, Петр Моисеевич, брось. Это теперь наш батальон, и мы должны сделать из него настоящий боевой

коллектив.

— Слушаюсь, товарищ командир, — виновато ответил старшина.

Как и следовало ожидать, на первых порах новички не блистали ни храбростью, ни умением. В первом бою, когда настал момент для решительных действий и Ефремов подал команду «в атаку», — почти половина бойцов осталась на месте. Да и те, которые поднялись, особой прыти не проявили, больше оглядывались назад. Неизвестно, чем бы окончился бой, если бы не подоспел на помощь батальон Шолина.

После боя разгневанный Ефремов построил батальон, быстрым шагом прошел вдоль строя, потом резко остановился и, сдерживая клокотавший в нем гнев, выкрикнул, словно кнутом стеганул:

— В нашем батальоне есть трусы!!

Строй замер. Виновники стояли, опустив головы, не смея взглянуть в глаза комбату. А Ефремов напирал:

— Вы зачем пришли к нам? Воевать? Или вам нужны справки, что сражались в партизанах? — не дожидаясь ответа, комбат продолжал — Право называться народным мстителем завоевывается в бою, кровью. Вы же сами пришли к нам и сказали: «Хотим кровью искупить свою вину перед Родиной». Вам дали такую возможность. Что же вы, хотите чужой кровью искупать свою вину? Не выйдет! — сказал Ефремов, словно гвоздь вколотил. — Трусам среди партизан нет места. Кто не хочет воевать — пусть уходит. Удерживать не будем. Есть такие? Три шага вперед! Ну…

Строй не шелохнулся. Комбат выдержал минуту, а потом сказал:

— Значит, нет таких? Так зарубите себе на носу: с трусами и паникерами цацкаться не будем. Будем судить партизанским судом. Подумайте… Командирам и политрукам рот — сделать подробный разбор боя, указать на ошибки… Разойдись!

Партизаны уходили пристыженные, с неприязнью смотрели на виновников, а те брели, понурив головы, не решаясь взглянуть в глаза товарищам.

Допоздна в подразделениях батальона шел жаркий разговор о случившемся. Командиры и политруки рот подробно разбирали ошибки в действиях партизан, указывали, как надо вести себя в бою, приводили примеры из своей боевой практики…

Конечно, не сразу четвертый батальон стал вполне боеспособным подразделением. Пришлось еще много потрудиться комбату вместе с ротными и взводными командирами. Немало комбату помогал и командир полка Кульбака. Но сейчас был

сделан перелом…

С каждым боем батальон набирал силу. В последнем бою на реке Щаре четвертый батальон принял на себя основной удар. Гитлеровцы понимали, какое значение для наступающих советских войск будет иметь плацдарм, удерживаемый партизанами, и прилагали все усилия, чтобы отбросить наши подразделения за реку. Но их отчаянные атаки не сдвинули батальон. Бойцы Ефремова дрались по-настоящему: мужественно и стойко. В них трудно было узнать тех новичков, с которыми комбат шел в первый бой.

Теперь и командир полка Кульбака говорил с восхищением:

— Смотри, яки хлопцы? Орлы!

Да и сами партизаны теперь почувствовали свою силу, гордились батальоном. Их гордость была законной. В этом бою гитлеровцы потеряли более трехсот пятидесяти солдат и офицеров, два танка, бронемашину и прекратили атаки.

Наши саперы оборудовали три переправы через Щару, в селах Москали, Песчанке и Щаре. Переправы вместе с плацдармом передали подошедшим советским войскам.

На путях отступления немцев

Совершив два перехода, партизанская дивизия имени С. А. Ковпака в третий раз форсировала Неман, на двенадцать километров углубилась в тыл врага и расположилась на хуторах южнее местечка Щучин Гродненской области. Подразделения заняли круговую оборону. Во всех направлениях ушли разведывательные группы.

К полудню от командира взвода батальонной разведки сержанта Барсукова поступило донесение:

«По шоссе Щучин—Волковыск, Щучин—Гродно и по прилегающим к ним проселочным дорогам наблюдается интенсивное движение автоколонн противника с живой силой и техникой, преимущественно артиллерией…»

В штаб полка немедленно были вызваны Тютерев и майор Мороз — начальник штаба первого батальона.

Не дожидаясь возвращения командира полка из штаба дивизии, куда он был вызван, я поставил перед прибывшими офицерами задачу: приостановить движение фашистских колонн.

Батальоны тотчас же снялись с обороны и направились на задание. Первый батальон возглавил старший лейтенант Колесников, который, после того как отправили Шумейко, шефствовал над батальоном. Проводив батальоны, я отправил донесение в штаб дивизии и занялся организацией боевого охранения. Пришлось расположить в оборону комендантский взвод, ездовых и даже часть больных, которые не могли идти с ротами на задание. Противотанковые орудия и взвод бронебойщиков перекрыли дороги, подходившие к хутору.

Был знойный июльский день. Откуда-то с востока, даже несколько южнее, доносилась артиллерийская канонада. Наши войска преследовали врага, стараясь не давать ему передышки. Примерно часа через два послышались отдаленные взрывы с юго-западной стороны, куда ушли наши батальоны.

— Слышишь? — настороженно спросил меня Бакрадзе, вернувшийся к тому времени из штаба дивизии.

Мы прислушались. Взрывы то учащались, то редели. Судя по взрывам, била немецкая артиллерия. Наши взяли с собой лишь противотанковые сорокапятимиллиметровые орудия.

— Тютерев и Колесников начали, — сказал я. — По всему видно, ввязались в драку с сильным противником. Боюсь, как бы их там не поколотили.

— Не поколотят, — уверенно сказал Бакрадзе. — Лишь бы немецкие самолеты не налетели.

Это беспокоило и меня. Выступили-то они среди белого дня, окунулись в самую гущу отступающих гитлеровских войск, которых кругом было более чем достаточно.

Мы стояли, тревожась за своих, прислушивались к бою и перекидывались репликами. Из-за дальности пулеметной и автоматной стрельбы не было слышно. Скоро взрывов стало меньше, а еще через некоторое время они и вовсе прекратились. Мы беспокоились за исход боя.

С востока гул канонады накатывался. До нас донеслись выстрелы автоматической пушки и пулеметная дробь, вдали замелькали наши штурмовики. Они кружились над лесом, обстреливали, бомбили. По-видимому, наши войска сломили сопротивление противника.

— Смотри, смотри — вот дают жизни фашистам! — радовался я, наблюдая за самолетами. Там во многих местах поднимались клубы густого черного дыма. — Это уже близко.

— Как бы эта радость не обернулась для нас обратной стороной, — охладил меня Бакрадзе.

— Почему? — удивился я.

— Убегая, гитлеровцы могут напасть на тылы полка, а нам и защититься нечем.

— Всех, кого можно, я расположил в оборону.

— Подумаешь, оборона — два десятка ездовых и десять человек из комендантского взвода. Надо всех их перебросить на восточную окраину. Пойду туда, а ты оставайся с орудием…

Опасения командира полка вскоре подтвердились. Оставляя за собой хвост серо-бурой пыли, по проселку с востока приближалась к хутору колонна автомашин. У наших пулеметчиков, оборонявшихся на восточной окраине хутора, не выдержали нервы. Они открыли огонь, когда до противника было более полукилометра. Немецкие автомашины остановились, потом повернули вправо и, перебравшись на другой проселок, двинулись в обход хутора с севера.

Проехав километра три, гитлеровцы напоролись на кавдивизион Ленкина и подразделения полка Кульбаки. Завязался короткий бой. Немцы побросали машины и разбежались по рощам и посевам. Но в погоню за ними кинулись наши кавалеристы…

Мы ждали возвращения батальона. По времени должны бы вернуться. Я стоял у противотанковой пушки и слушал интригующий рассказ политрука роты Прутковского о том, как накануне его земляк Вася Зяблицкий со своим взводом разведчиков взял в плен два десятка гитлеровских солдат. Не успел политрук досказать одну забавную сценку пленения

фашистов, как из-за кустарника вдруг вынырнула легковая автомашина. Это произошло настолько внезапно, что расчет, не дожидаясь моей команды, бросился к орудию. Наводчик торопливо завертел маховик наводки, опуская ствол пушчонки.

— В радиатор» в радиатор цельсь! Бронебойщики — по шоферу! — кричал я, уверенный, что мои хлопцы хотят подпустить автомобиль ближе, чтобы наверняка сразить его.

Однако машина остановилась. Видимо, заметили нас. И прежде, чем командир орудия успел скомандовать «огонь», из автомашины выскочил человек в немецкой форме и начал размахивать руками.

Мы поразились: вроде это Юра Колесников. Не своим голосом он кричал:

— Стой! Свои! Я еще жить хочу…

Мы никак не могли понять, откуда взялся Колесников, да еще на столь шикарной немецкой автомашине. Не верилось глазам. Артиллеристы тоже узнали старшего лейтенанта и облегченно вздохнули. Ведь еще несколько секунд, и кто знает… Пушкари наши, да и бронебойщики, мимо цели очень редко стреляли, тем более на таком близком расстоянии…

— Что же ты без предупреждения прешь? — напал я на своего помощника, когда он подъехал на машине.

— Хотелось быстрее доложить результаты операции, — скороговоркой ответил Колесников и кивнул на сидящего в машине пассажира.

— Но эта поспешность могла стоить жизни тебе и тем, кто с тобой…

В машине, кроме Колесникова, были старшина Боголюбов, пулеметчик Исаев — любимец Юры и пленный немец, здоровенный детина.

— Как машинёнка? Нравится? — спросил старший лейтенант, нервно покусывая свои рыжеватые усики.

— Ничего особенного, — ответил я. — Мы таких немало уничтожили…

— Знаю, — сухо согласился Колесников. — Но те не в счет «Как думаешь, от кого эта досталась нам?

— Понятия не имею, — пожал я плечами и в шутку добавил — Может, от фюрера?

— Не от самого бесноватого, но почти, — почему-то сердито ответил Юра и вздохнул.

— Точно! — подтвердил Боголюбов. — От генерала одного — командира немецкой дивизии…

Я посмотрел на Юру. Бледный, с крепко поджатыми губами, он переминался с ноги на ногу. Такое с ним случалось в минуты

крайнего расстройства.

— Можешь убедиться, — пробурчал Юра и, указав на вылезавшего из машины немца, добавил — Личный шофер генерала.

Колесников что-то рявкнул пленному по-немецки. Гитлеровец вмиг вытянулся, щелкнул каблуками и, опустив одновременно руки по швам, отчеканил неведомые нам слова, из которых мы уловили «дивизионе генералы.

Юра оттолкнул пленного от машины, открыл дверцу и извлек новенькую шинель с блестевшей серо-зеленой шелковой подкладкой, мундир со всеми генеральскими регалиями, крестами, бляхами и прочими причиндалами, которыми так любили украшаться высшие представители вермахта. Но нас поразило, что среди побрякушек был и значок члена гитлеровского рейхстага.

— А вот и карта с обстановкой района Немана, документики, удостоверяющие личность герра генерала, — произнес Колесников гем же недружелюбным тоном и вновь полез в машину. Выбросил оттуда какие-то мелкие вещицы, бинокль и большой никелированный термос. Открыв его, Юра понюхал и передернулся:

— Кофе, кажется…с ромом.

— Все это хорошо — кофе с ромом, — не выдержал я, — но сам генерал-то где?

— Генерал? — переспросил грустно Колесников.

— Ну да, — поддакнул и политрук Прутковский, также не понимавший, почему Юрий, обычно разговорчивый, теперь отделывается отговорками.

Причину всего этого раскрыл старшина Боголюбов.

Согласно заданию Колесников и начальник штаба майор Мороз повели партизан в намеченный район действия. В пути следования головной дозор полковой разведки с ходу захватил железнодорожный переезд. Среди взятых в плен охранников были и два итальянца. Один из них — смуглолицый, худощавый, с посеребренной нашивкой на рукаве серженти мажори[25] привлек к себе внимание партизанского разведчика своей необыкновенной подвижностью и словоохотливостью. К тому же Колесников умел располагать к себе такого рода людей. «Адъютантом» у него одно время был француз Мишо Легре. Теперь этот только что взятый в плен итальянец стал вдруг проявлять инициативу, указывая на уязвимые места фашистов, расположение охраны и укреплений.

— Глядим, — сказал Боголюбов, — калякает наш старший лейтенант с итальянцем, ну, прямо, как со своим, вовсю!

Было установлено, что примерно в трех-четырех километрах от переезда в городе Мосты гитлеровский гарнизон готовится отступать. С противоположной стороны моста приближались наступающие части Советской Армии. Гитлеровцы, однако, не собирались уйти, предварительно не взорвав ряд важнейших военных и хозяйственных объектов. Среди них были железнодорожная станция и депо, а главное — железобетонный мост через реку Неман. Немцы рассчитывали, что благодаря этому удастся задержать форсирование нашими войсками крупного водного рубежа.

Оценив создавшееся положение, Колесников и Мороз всеми силами батальона ударили по фашистскому гарнизону в городе Мосты, нацелив основные усилия в направлении переправы.

В момент атаки партизан у моста находилась на трех автомашинах подрывная команда фашистов. Подтверждались показания пленного итальянца. Больше того, итальянец проникся уважением к Колесникову и симпатией к советским партизанам или же старался спасти свою жизнь, и во время атаки вырывался вперед, показывая, каким путем легче пробраться к мосту с меньшими потерями.

Партизаны пробрались к виадуку с той стороны, откуда немцы меньше всего их ждали. Установили противотанковую пушку в непосредственной близости от дзотов, откуда немецкие пулеметчики прикрывали прицельным огнем, работу своих саперов на мосту…

Пока партизанская пушка расстреливала прямой наводкой укрепления немцев, а несколько, пулеметчиков отвлекали внимание фашистов, рота Деянова прорвалась к мосту и атаковала подрывную команду. Когда овладели мостом и допросили пленных, то оказалось, что до взрыва моста оставались считанные минуты.

Тем временем от начальника штаба батальона Мороза было получено сообщение об обезвреживании железнодорожной станции и депо.

Овладев полностью городом Мосты, переправой через Неман, Колесников наиболее толковых и лихих разведчиков направил по мосту на связь с частями Советской Армии, подступавшими к городу.

Вдруг с наблюдательного пункта от командира второй роты Халупенко поступило донесение: к городу мчится легковая автомашина.

Группа партизан тотчас же вскочила на коней и бросилась на перехват машины. Пассажиры ее, видимо, были уверены, что гарнизон немцев по-прежнему продолжает удерживать город.

Ничего не подозревая, они вкатили на полном ходу в город. Их встретил Колесников в своем обычном облачении: немецкий френч с зеленым бархатным воротником и венгерские брюки с кожаными леями. Он поднял руку. «Оппель-капитан» вроде сбавил ход, но не остановился, прошмыгнул, обдав пылью старшего лейтенанта. Тут же по машине ударили из бронебойки. Попадание было удачным: прострелили капот. Шофер растерялся, и машина съехала в кювет. Ее пассажиры — немецкий генерал и шофер оказались в «объятиях» партизан. Вмиг пленных обезоружили, обыскали, а ретивые разведчики «разжаловали» высокопоставленного фашиста, сняв с него френч с побрякушками.

Перепуганного генерала партизаны проводили к одной из хат и втолкнули в темный чулан. Колесников приказал Морозу организовать охрану, глаз не спускать с пленного. Сам же умчался на коне к мосту, где полным ходом шло разминирование. Но не успел подъехать к мосту и отдать кое-какие распоряжения, как вслед за ним прискакал разведчик с донесением: с востока подходила к городу колонна немцев.

Положение осложнялось. Старший лейтенант поспешил в штаб батальона. Мороз был встревожен.

— Наверное, немцы хотят создать 9 Мостах опорный пункт, — сказал майор. — Мост они, конечно, сразу же взорвут, как только займут город.

— В отношении опорного пункта — вряд ли… Что же касается взрыва моста, то мы не допустим, — твердо сказал Колесников. — Сдать такой мост — преступление! Это же не только переправа, но и плацдарм для наступления наших войск.

Взвесив обстановку, Колесников и Мороз на входе в город подготовили достойную встречу фашистской колонне, командование которой не подозревало, что город уже в руках советских партизан. Деянов и Халупенко расположили роты в оборону.

Как только колонна вступила в город, партизаны открыли шквальный огонь из всех видов оружия. Гитлеровцы, не успевшие развернуться в боевой порядок, в короткий срок были смяты, частью уничтожены, частью рассеяны. Это оказался 122-й артиллерийский полк 50-й немецкой дивизии. Немецкая часть была разгромлена на марше. Вся ее материальная часть досталась партизанам.

В городе воцарилась тишина. Но опять не надолго. На окраине города неожиданно разразилась стрельба. Когда старший лейтенант прискакал на взмыленном коне к месту, где был расположен штаб, Мороз его встретил бледный и взволнованный.

Оказалось, что пленный генерал сбежал. Его заперли в темном чулане, а там в стене было окошко, заложенное мешком с соломой, о существовании которого никто из партизан не подозревал. Мороз оставил, как положено, для охраны пулеметный расчет. Но гитлеровец обнаружил лазейку, вылез и задворками, на четвереньках устремился в высокую рожь. Когда партизаны спохватились, гитлеровец был уже далеко. Открыли стрельбу, начали прочесывать рожь, но безрезультатно. Генералу удалось добраться до леса. Сколько ни искали беглеца, как ни прочесывали кустарник и лес — найти фашиста не удалось. Словно сквозь землю провалился…

Колесников накинулся на Мороза с упреками. Тот разводил руками и оправдывался. «Кто же мог подумать, что такой высокопоставленный фашист опустится до положения мелкого воришки и рискнет…»

— Быть бы старшему лейтенанту Героем Советского Союза, не упусти майор Мороз пленного генерала, — подковырнул старшина Боголюбов.

— Не в геройстве дело. Не за награды воюем. Генерал — ценный «язык». Понимать надо! Представляете, сколько бы он мог нам рассказать? Ух, этот мороженый! — все еще не успокоившись, отпарировал Колесников. -

…Пока Боголюбов и Колесников рассказывали об этих событиях, подошли батальоны, привели с собой пленных. Второму батальону тоже удалось разгромить роту немецкой пехоты. Во время допроса пленный ефрейтор из артполка рассказал, что генерал командиром дивизии назначен совсем недавно. Вчера на совещании командиров частей и специальных подразделений генерал заявил: «Положение наше серьезное, но я дал клятву фюреру — задание выполнить, людей спасти, а технику сохранить… Я не пойду по стопам моего предшественника, который в трудную минуту оставил вас и бежал…»

— Интересно, кто его предшественник? — поинтересовался Прутковский.

— Это не так важно, — отозвался Тютерев. — Жаль, что генерала прошляпили.

— Здорово генерал выполнил клятву! По всем статьям: технику в сохранности оставил нам, людей бросил, и тоже большинство попало к нам, а что касается задания, этот вопрос сам собой отпадает, — засмеялся Прутковский.

— Не горюй, Юра, — решил я подбодрить своего помощника. — Не сошелся свет клином на одном генерале. Теперь они будут чаще попадаться. Вы и так свершили большое

дело. Предотвратить взрыв такого моста и передать его Красной Армии — это поважнее одного генерала.

— А плацдарм, который мы передали фронтовым частям! — дополнил Боголюбов.

В полк завернули дивизионные разведчики во главе с Робертом Клейном.

— Видал, какую птицу отхватил Юрка, — сказал Тютерев, указывая на машину. — Мне на «оппель-капитане» всего один раз приходилось ездить. Хочешь, Роберт Александрович, с ветерком?

— С удовольствием, — согласился Клейн. Оба они были страстными автомобилистами.

Они уселись в машину. Тютерев завел мотор, включил скорость и дал газ. «Оппель» сорвался с места, обдал нас дорожной пылью и скрылся за хутором. Однако не прошло и пяти минут с момента их отъезда, как машина на бешеной скорости возвратилась на хутор. Из нее выскочили пассажиры. Тютерев, не говоря ни слова, побежал в свой батальон, а Клейн, припадая на левую ногу, поспешил к нам.

— Фашисты… человек тридцать, — выкрикнул Роберт.

— Где?

— Идут сюда. Мы чуть не врезались в группу гитлеровцев. Спасла немецкая форма. Офицер-немец даже козырнул мне. Видимо, машина ввела его в заблуждение. И тут у меня само собой вырвалось: «Почему так медленно плететесь? Мы вас ждем на хуторе». Офицер только щелкнул каблуками: «Яволь!» «Поворачивай», — тихо говорю Тютереву. Едем, а я в зеркало посматриваю — не пустят ли пулю в спину.

Я тут же приказал спрятаться во дворах, стрельбы без надобности не поднимать.

Когда немцы подошли к хутору, на улице не было ни души. Шли они смело, не опасаясь засады. Навстречу им направился Клейн. Не доходя шагов двадцати, он поднял руку и сказал:

— Спокойно, господа! Вы окружены партизанами. Не вздумайте дурить. Сопротивление бесполезно.

Справа и слева со дворов вышли партизаны с автоматами и пулеметами. Гитлеровцы беспомощно озирались по сторонам, но с места не двигались.

— Положить оружие! — приказал Клейн. Выждал, пока солдаты побросали винтовки и автоматы, скомандовал: — Двадцать шагов вперед, шагом марш!

Немцы стройно отшагали указанное расстояние и замерли. Партизаны подобрали оружие, после чего Клейн разрешил стоять «вольно».

Мы плотным кольцом окружили пленников. Роберт

расспрашивал, какой части, куда держат путь. Немцы рассказали, что принадлежат 50-й дивизии. А куда идут — сами не имеют представления. Увидели машину своего командира — обрадовались, а вышло совсем непредвиденное…

Пленных свели с дороги и посадили в тени. Они поняли, что им ничто не угрожает, повеселели. Стали более разговорчивыми. Попросили разрешения сходить за водой, вынули свои продовольственные запасы и принялись закусывать, запивая колодезной водой.

— Отвоевались… Теперь нах хаузен, домой, — сказал один из пленных. Его, видно, устраивало то положение, в котором он оказался.

Да оно и понятно. Война ими проиграна. Смерть теперь казалась бессмыслицей. Плен же сохранит жизнь.

— О доме говорить рано, — сказал Тютерев, а Клейн перевел.

— Нам теперь не к спеху, — отозвался пленный.

— Мы вас проведем по всем местам, покажем, что вы натворили. Заставим восстановить сожженные города и села. После этого, битте, до матки.

— Еще неизвестно, что останется от наших городов и сел, — невесело отозвался молчавший до сих пор немецкий офицер. — Авиаций ваших союзников беспощадно разрушает наши города.

— А вы что же хотели, чтобы война не коснулась ваших городов? Не знаю, что там творят американцы и англичане, но вижу, что вы натворили на нашей земле… Мы же не намерены напрасно уничтожать немецкие села и города. Народ и так натерпелся. Хотя, откровенно говоря, следовало бы для примера продемонстрировать перед германским народом, как поступали их солдаты на нашей земле, — сказал Боголюбов, зло посматривая на пленников.

— Не все же немецкие солдаты и офицеры повинны в злодеяниях против вашего народа, — возразил офицер. — Надо в этом разобраться…

— В этом трудно разобраться, но будьте уверены — разберемся, — пообещал Тютерев. — Во всем разберемся и воздадим каждому по его заслугам…

Немцы закусили и улеглись спать. А утром следующего дня мы передали их советским войскам. Передали также трофейную боевую технику. Ночью и днем 13 июля по мосту через Неман на плацдарм, подготовленный нашими партизанами, прошли два стрелковых корпуса наступающих частей Советской Армии.

Партизанская дивизия готовилась к выступлению в сторону Августовских лесов, обходя Гродно с севера. И тут произошел случай, который чуть не привел к трагическим последствиям.

Вершигора решил проехать в один из штабов фронтового соединения. Уселся с адъютантом Ясоном Жоржолиани в машину и приказал старшему лейтенанту Колесникову трогать. Выехали на проселочную дорогу и взяли направление к населенному пункту, где должен был находиться штаб одной из дивизий Белорусского фронта.

Ехали быстро. Уже из-за бугра показались купола церкви. Дорога перед самым селом пошла под уклон, между двух холмов. Холмы остались позади, и перед взором пассажиров раскинулось большое село, забитое войсками. Когда же они подъехали ближе, то не поверили своим глазам: на машинах сидели немецкие солдаты, и кто закусывал, выскребывая содержимое из консервных банок и котелков, кто пиликал на губных гармошках…

— Стой! — выкрикнул Вершигора, хватаясь за автомат.

— Поздно! Снимите фуражку, — быстро проговорил Юра и дал полный газ, стараясь прорваться вперед, так как развернуться было невозможно.

Машина мчалась вдоль села, мимо стоявшей там немецкой колонны, а пассажиры затаили дыхание и были ни живы ни мертвы. К счастью, и немцы не сообразили, чья эта машина, и опомнились лишь после того, как Колесников вывел свой «оппель» за село и скрылся за бугром. Позади послышалась стрельба. Но теперь уже опасность миновала.

— Фу-у, — с облегчением вздохнул Вершигора. — Чуть не попали, как ворона в суп. А знаешь, Юрка, я подумал: отвоевались. Крышка!

— Если бы я остановил машину — тогда была бы крышка, — ответил повеселевший Колесников.

— Молодец, не растерялся, — сказал Вершигора…

Сделали большой крюк, обогнули село и возвратились в дивизию. Когда они рассказали о происшествии, то Бороде досталось от Войцеховича и Москаленко за излишнее лихачество.

По своему характеру Петр Петрович — человек спокойный, вдумчивый, сдержанный. Но иногда им овладевал боевой азарт. Тогда он лез в самое пекло. Так было во время уничтожения немецкой охраны моста на Буге и на шоссе Брест—Каменец, когда он шел в цепи атакующих партизан. Иногда он помимо своей воли попадал в, казалось бы, безвыходные положения. На Волыни он чуть не угодил в лапы бандеровцев. На Волчанских хуторах его миновала шашка атамана Сосенко-Антонюка. При посадке на аэродром генерала Коржа чудом избежал смерти. И вот последний случай. До сих пор все оканчивалось для Вершигоры благополучно.

— Борода везучий, — говорили одни.

— Наоборот, Петру Петровичу страшно не везет, — утверждали другие.

Так кто же он — везучий или невезучий? Я все-таки думаю — Вершигора везучий.

Последний бой

Генерал Строкач настоятельно требовал, чтобы мы быстрее углубились в тыл врага и усилили удары по отступающим гитлеровцам, не давали им возможности закрепиться на промежуточных рубежах.

Партизанская дивизия попыталась переправиться через Неман севернее Гродно и прорваться в тыл врага. Не удалось. Совершила несколько переходов вдоль фронта на юг и повернула на запад. Однако оторваться от фронта не могла. Сделает ночью стремительный рывок километров на двадцать — двадцать пять, а на следующий день ее настигают передовые части Советской Армии.

22 июля 1944 года мы проникли в Беловежскую пущу и считали, что уже находимся в тылу врага. Утром выяснилось, что моторизованные части 1-го Белорусского фронта вышли к Западному Бугу, овладели местечком Семятыче. Мы опять оказались в тылу своих войск.

Вершигора все же не терял надежды на переход линии фронта. Прорыв наметили в районе местечка Бельск-Подляский.

На следующий день партизанская дивизия перебазировалась в район станции Григоровцы на железной дороге Белосток—Бельск—Брест и заняла исходное положение для броска к Западному Бугу. Расположилась в селах Дидулы и Григоровцы.

Выставив охранение и выслав разведку, я решил отдохнуть. Забрался на сеновал в сарае и сразу же уснул. Пережитое за войну сказывалось на здоровье. Я воевал даже во сне. И на этот раз, весь в поту, несколько раз просыпался от собственного крика. Наконец погрузился в глубокий сон. Снится мне, что война кончилась. Народ празднует победу… Кругом веселье, песни. Откуда ни возьмись, корреспондент «Правды» Коробов. Он заставляет меня и Тютерева спеть песню «Темная ночь». Это наша любимая. Она для нас являлась своего рода паролем. Ведет, бывало, полк ночной бой. Не разберешь, где свои, а где чужие. Вдруг слышу голос Тютерева: «Темная ночь…» Отвечаю: «Только пули свистят по степи». Значит, свои.

Вот Коробов и заставил нас петь эту песню. Спели. Корреспондент улыбается, открывает патефон и заводит пластинку. Оказывается, пока мы пели, он записал на пластинку. «Теперь песня в вашем исполнении пойдет по всему Советскому Союзу», — говорит он. «Пойдет ли?» — сомневаемся мы с Сашей. И как-то радостно на душе, что о нас услышат на Большой земле. А патефон поет, я подпеваю…

— Товарищ майор, проснитесь! Что это вы распелись?

Открываю глаза. Передо мной ездовой Борисенко.

— И во сне не можете расстаться с «Темной ночью», — говорит он и улыбается. — Обед готов. Ленкин в гости приехал.

Окончательно просыпаюсь, спускаюсь с сеновала, а на сердце такая досада: не дали сон досмотреть…

В просторном, чисто подметенном овине меня ждали Бакрадзе, Ленкин, Колесников, Тютерев и Боголюбов.

— Надо вспрыснуть встречу с фронтом, — весело сказал Ленкин, разглаживая буденновские усы.

— Все готово, тебя ждали, — проговорил Бакрадзе.

— Сон перебили, — сказал я. — Пели с Тютеревым, а Коробов на патефонную пластинку записал. Старые люди говорят: кто во сне поет, тот наяву плачет. Как бы нам с тобой, Саша, не пришлось поплакать.

— Не придется. Сегодня веселиться надо. Теперь мы уже окончательно на Большой земле, — отозвался Тютерев.

— Это еще вопрос… На душе как-то муторно, — продолжал я.

— Брось, Вано, ни к чему этот разговор. Откуда немцам взяться? Впереди наши войска. Видишь, мой глаз не танцует? — прервал меня недовольный разговором Бакрадзе. — Колька, наливай.

На этот раз глаз Бакрадзе нас подвел. Боголюбов еще не успел разлить спирт по кружкам, во двор вбежали дивизионные разведчики.

— Немецкие танки! — выкрикнул с ходу Лучинский.

— Где?

— К селу подходят… Больше тридцати.

— Тревога! Комбаты, подготовиться к бою, — приказал командир полка. — Разведку выслать немедленно.

Тютерев и Колесников убежали. Вихрем помчался на своем вороном Ленкин. Я продолжал расспрашивать разведчиков.

— Танки вышли из леса. Мы думали, наши. Присмотрелись — увидели кресты. Насчитали тридцать шесть, — рассказывал Лучинский. — Колонной идут прямо на нас. Сейчас километрах в четырех отсюда. В штаб дивизии не успеем. Решили оставить наблюдателей и к вам…

— Правильно сделали…

— За Григоровцами на опушке леса остановилась Сивашская артиллерийская бригада, — продолжал Лучинский. — Они отстали от пехоты: горючее кончилось, а подвезти еще не успели…

Пока я разговаривал с разведчиками, батальоны и минеры выстроились вдоль улицы.

— Я пойду с батальонами? — обратился я к Бакрадзе.

— Хорошо. Будь осторожен. Докладывай.

Барсуков с разведчиками был уже за селом. Комбаты доложили о готовности.

Вышли из села и проселочной дорогой направились к лесу, пересекли его. На противоположной опушке спешно готовились к бою артиллеристы. Вперед от леса уходил пологий склон, покрытый высокими посевами. Километрах в двух — населенный пункт. Оттуда по дороге в нашу сторону неторопливо двигалась колонна танков. Насчитали пятнадцать. Вслед за ними, на некотором отдалении, еще пять… На дороге, метрах в трехстах от опушки леса, уже ползали наши минеры.

— Колесников, занимайте оборону правее дороги Тюте-рев — слева, — приказал я. — Бронебойщиков сосредоточить ближе к дороге.

Комбаты подали команды, партизаны бегом развернулись в цепь, залегли впереди артиллерийских огневых позиций и быстро начали окапываться.

— Хорошо, что вы пришли. Гора с плеч, — обрадовался артиллерийский майор. — Понимаете, пехота прошла вперед, а мы застряли. Горючее кончилось. Да и снаряды на исходе…

Мы быстро договорились о взаимодействии, и майор побежал к орудиям.

Танки двигались не спеша, как бы принюхиваясь. Наши батальоны успели расположиться в оборону. Артиллеристы открыли огонь. После нескольких залпов загорелся один танк, за ним второй. Уцелевшие развернулись по фронту и начали обстреливать огневые позиции нашей артиллерии. Снаряды рвались у самой опушки леса.

— Смотри, сколько их! — крикнул Колесников, указывая в сторону противника. Свыше пятидесяти танков развернутым фронтом шли в атаку на нашу жидкую оборону.

Артиллеристы вели прицельный огонь. Вспыхнуло еще пять танков. Остальные увеличили скорость и стремительно приближались к нам. Из посевов виднелись лишь их башни и орудия.

— Нам здесь не удержаться. Уходи в штаб, — сказал Юра.

— Ты в своем уме? — удивился я. — Понимаешь, что предлагаешь?

— Послушай, не кипятись, — спокойно проговорил старший лейтенант. — Ты же сам прекрасно понимаешь: не сдержим. Может, это для нас будет последний бой…

— Так беги…

— Не обо мне речь. Я весь здесь. А у тебя жена, дочурка. Как

друга прошу, ради них, уходи. Боишься мне доверить?.. Да и подкрепление необходимо запросить…

— Считай, этого разговора между нами не было, — оборвал я своего помощника. — Держись здесь. Побегу к Тютереву, посмотрю, как у него дела… За подкреплением успеем послать.

— Смотри, поздно будет, — предостерег Колесников.

Послышался сильный взрыв. Танк, двигавшийся по дороге, застыл на месте, окутанный дымом и пылью. Защелкали противотанковые ружья…

Я поспешил во второй батальон. Не успел пробежать и пятидесяти шагов, как над головой раздался трескучий взрыв. Второй взрыв всколыхнул подо мной землю. В это же мгновение сильный удар в левую ногу свалил меня на землю. Разрывом оглушило. Поднимаюсь, чтобы отбежать в сторону, но тут же падаю от страшной боли. Сапог быстро наполняется теплой влагой. Ранен. Первая мысль: цела ли кость? Пытаюсь подняться — и не могу. Тело отяжелело, словно свинцом налилось. Подбежал Колесников.

— Куда ранен? — спрашивает.

— Нога, — простонал я. — Посмотри, цела ли кость, а если нет, то…

— Кажется, цела, — говорит Юра, ощупывая мою ногу.

Я перевел взгляд на лицо друга, чтобы убедиться: правду ли говорит, и тут замечаю струйку крови на его лице.

— Ты тоже ранен?

— Пустяк. Оглушило, чуть царапнуло и изорвало китель.

— Оставайся за меня. Передай Тютереву, пусть бережется…

Подбежали разведчики, подхватили меня, отнесли к дороге и уложили на первую попавшуюся повозку.

— Барсуков убит! — услышал я, когда подвода тронулась с места.

— Останови, — сказал я ездовому. — Забери сержанта Барсукова.

Разведчики принесли своего командира и положили рядом со мной. Бой только начался, а уже появились убитые и раненые.

Ездовой хлестнул лошадей, и они помчались к селу, а позади разыгралась артиллерийская канонада. От разрывов снарядов дрожала земля. Послышалась пулеметная и автоматная стрельба. Вступила в бой пехота.

«Отвоевался, — подумал я. — Как обидно, что все это произошло именно сегодня, когда соединились с фронтом. Чего боялся, то и случилось. По всему видно, это наш последний бой. В тыл врага нам уже не прорваться».

Больше всего меня беспокоила мысль о ноге. Удастся ли ее

сохранить?

Лошади неслись рысью. Повозку сильно подбрасывало на неровной дороге. Каждый толчок причинял боль. Тело Барсукова наваливалось на меня и казалось очень тяжелым. Но я терпел. Надо спешить на перевязку. И так много потерял крови, а на месте в суматохе даже перевязать забыли.

Открыл глаза и увидел синее-синее небо, а на нем всего лишь одно облачко. «Теперь и *я,* как это облачко, оторван от своих товарищей. Как они там?» — подумалось…

— Кого везешь? — спросил кто-то ездового.

— Начальника штаба, — ответил тот, останавливая лошадей.

К повозке подошел Андрей Цымбал.

— Шо ж это ты, Иван Иванович, подкачал? — проговорил Цымбал, как будто это зависело от меня. — Ну, как там?

— Плохо… танков много. Помощь нужна…

— Вот я иду с батальоном… Фашисты наступают и на других направлениях. Вся дивизия поднята по тревоге… Ну, бывай! — сказал на прощанье Андрей Калинович и побежал догонять своих.

В селе встретили Бакрадзе и Зиму. Доктор наскоро прочистил мою рану. Нога выше колена насквозь пробита осколком. Зима сделал перевязку, сильно перетянул ногу, и начал шпиговать меня уколами: от столбняка, от заражения крови и еще от чего-то. Я лежал уже на своей тачанке и прислушивался к бою, который то затихал, то вновь разгорался.

— Самолеты, наши самолеты! — радостно закричали раненые.

Низко над селом промелькнули наши «илы». Скоро за лесом послышались взрывы бомб…

В бой, длившийся до вечера, были втянуты все подразделения партизанской дивизии. Во взаимодействии с 95-й Сивашской гвардейской артиллерийской бригадой и частями 15-й Сивашской стрелковой дивизии, подоспевшими в ходе боя, партизаны отразили три танковые атаки противника и лишь после того как артиллеристы и стрелковые части израсходовали боеприпасы, отошли. Партизанская дивизия держала оборону до тех пор, пока вся материальная часть артиллерийской бригады не была вывезена в тыл.

В ожесточенном бою противник потерял тридцать шесть танков. Только нашими бронебойщиками и минерами уничтожено восемь танков, бронемашина и пять автомашин. Остальные танки были подбиты артиллерией 95-й артбригады и 15-й Сивашской стрелковой дивизии, а также штурмовиками.

Появление такого большого количества танков было для нас загадкой. И лишь спустя некоторое время нам удалось установить

истину.

В то время как советские войска, не встречая особого сопротивления противника, прорвались далеко на запад, заняли Семятыче и даже в нескольких местах форсировали Западный Буг, немцы подтянули на рубеж Белосток, Бельск, Брест крупные силы. С утра 23 июля в район Вельска бросили 1-й танковый корпус в составе дивизий «Мертвая голова», «Великая Германия» и «Викинг». Удар этой группировки частично пришелся и по нашей дивизии.

К утру 24 июля 1944 года первая Украинская партизанская дивизия отошла в село Витово на западной опушке Беловежской пущи.

Доктор Зима не отходил от меня. Он все время балагурил, рассказывал всякие смешные истории, стараясь отвлечь мое внимание от раны. Только теперь я понял, почему раненые партизаны души не чаяли в докторе Мирославе. Кроме того, что он мастер своего дела, он еще и золотой человек. Сколько энергии и теплоты в душе этого неугомонного доктора!

— Иван Иванович, выдался благоприятный случай всерьез заняться вашей раной, — сказал Мирослав Зима на следующий день. — Вы согласны, правда?

— Разве требуется мое согласие? — спросил я.

— Конечно, нет.

— Зачем же спрашиваете? Делайте, что хотите, только ногу спасите, — процедил я сквозь зубы.

— Вот и прекрасно, дорогой мой пациент. Теперь я командую — вы подчиняетесь. Так берегитесь! — пошутил доктор.

Его шуточные угрозы не были лишены смысла. Дело в том, что у нас не было никаких обезболивающих и замораживающих средств. Меня раздели, положили на широкую скамью, и Зима начал расчищать рану, полосуя ножом по живому телу. Пришлось скрежетать зубами и терпеть. Работая, Мирослав засыпал меня вопросами и за короткое время узнал почти всю мою жизнь.

После операции навестить меня пришли Вершигора и Войцехович.

— Как же это ты, Иван, сын собственных родителей? Придется отправлять тебя в партизанский госпиталь, — сказал Петр Петрович и тут же постарался успокоить меня — Ты не волнуйся. Рейд окончен. Мы уже не партизаны, а регулярная часть Красной Армии.

— Жаль, мне с вами не придется дойти до Берлина, — сказал я.

— Да и нам вряд ли удастся. Получен приказ Строкача— вести дивизию на Украину…

— Еще успеешь, — успокоил меня Войцехович. — Мы в этом рейде поработали хорошо. Уничтожили свыше двух тысяч гитлеровцев, несколько сот захватили в плен. Одних танков подбили более тридцати.

— Когда же на Украину? — спросил я.

— Завтра двинем. Для тебя марши будут мучительными. Мой совет — ехать прямо в Киев, — предложил Вершигора.

Я не возражал. Войцехович приказал Колесникову, временно заменившему меня на должности начальника штаба полка, заготовить необходимые документы. Бакрадзе снабдил продуктами на дорогу. Заместитель командира кавдивизиона Саша Годзенко подарил мне на память трофейные часы.

В этот же день я распрощался с полком и боевыми товарищами.

Путь на Киев

Путь предстоял не близкий: из Беловежской пущи почти через всю Белоруссию, потом по Украине до Киева. Предполагалось весь этот путь проделать на тачанке. К длительным переходам мы привыкли.

Сопровождали меня ездовой Иосиф Илларионович Борисенко и медсестра Ольга Александровна Рябченко. Дорога большей частью проходила лесами, могли встретиться мелкие группы немцев, отбившихся от своих частей и во множестве блуждавших в поисках прорыва на запад, поэтому мы ехали с автоматами. Это оказалось кстати. Километров через десять мы увидели, как группа гитлеровцев, человек десять — двенадцать, перебегала через дорогу. Борисенко обстрелял их. Подняли стрельбу и мы с медсестрой. Больше для острастки. Они боя не приняли и скрылись в чаще. Видимо, посчитали, что мы едем не одни, а, скорее всего, им было не до нас.

За первый день проехали километров тридцать, добрались до Пружан и поняли: не доехать нам на тачанке до Киева. Езда доставляла много страданий. Рана не давала покоя. Сдали тачанку вместе с лошадьми военному коменданту. Он пересадил нас на попутную машину. На вторые сутки мы были уже в Слуцке.

Более чем за два года войны мне впервые приходилось ехать на машине. Да еще по освобожденной советской земле, опаленной пожаром войны. Много троп и дорог исхожено мной и моими товарищами-партизанами. Где крадучись, тайком, а где напролом, с шумом и грохотом. На каждом шагу подстерегала опасность. Постоянная готовность и настороженность были нашими спутниками и вошли в привычку. И теперь было как-то необычно и в то же время радостно вот так, свободно, среди дня, под палящим июльским солнцем мчаться на перекладных, сознавая, что впереди тебе ничто не угрожает, ждет безопасный спокойный отдых.

Однако все здесь живо напоминает о недавно отгремевших боях. Превращенные в руины города и села, изувеченные машины, разбитые орудия и танки, которые еще не успели увезти трофейные команды, штабеля гитлеровских мин, обезвреженных советскими саперами, ребра сгоревших вагонов под откосом — результат «рельсовой войны» партизан, — все это возвращает к действительности, напоминает, что война еще не окончена, она только отступила на запад…

Многострадальная белорусская земля! Двойным огненным шквалом прошла по ней война. Да и тогда, когда фронт

отодвинулся далеко на восток, здесь ни на минуту не прекращалась борьба. Гитлеровцы на своей шкуре испытали силу гнева советских людей.

Освобожденная земля! Израненная, истерзанная, но не покорившаяся врагу, белорусская земля обновлялась. Повсюду чувствовалось оживление. В поле трудились крестьяне. В городах, разрушенных фашистами, расчищались развалины. Люди устраивали жизнь. Жизнь торжествовала победу над смертью. Это радовало и переполняло сердце гордостью за наш народ. Но сколько усилий потребуется, чтобы залечить раны, стереть с лица земли шрамы, оставленные войной!

От Слуцка до Калинковичей пришлось ехать со многими пересадками: в товарном вагоне, на паровозе, на тормозной площадке, на дрезине и, наконец, на санитарном поезде.

Б Киев приехали вечером. Там ждала санитарная машина. Из машины я попал прямо под душ. Когда же через полчаса, неуклюже опираясь на костыль, поддерживаемый Борисенко, вышел из бани, меня ошарашила команда:

— Для встречи начштаба, смирно!

Ко мне на костылях скакал улыбающийся Вася Алексеев. За его спиной в строю застыли раненые. Человек тридцать. На костылях и с палочками, с затянутыми в гипс руками и с повязками на головах они представляли странную картину.

Вася еще не успел отрапортовать, а раненые не выдержали, веселой гурьбой кинулись ко мне… Оказывается, они узнали о моем приезде и вышли встретить. Меня тронула такая встреча. И здесь, в госпитале, я был среди своих друзей-ковпаковцев.

В госпитале мне тоже пришлось изрядно поволноваться и перенести еще одну операцию. Через несколько дней после приезда, моя рана вдруг начала сильно кровоточить. Меня сразу положили на операционный стол. К счастью, на дежурстве оказался профессор Дудко. Он не одну сотню партизан вернул к жизни.

Операцию делали под общим наркозом. Оказалось, осколком снаряда перебило кровеносный сосуд. Я потерял много крови, ослаб. А когда немного окреп, кровь пробила себе путь и хлынула снова. Случись это в пути — смерть неминуема.

Более двух месяцев я провалялся на госпитальной койке. В госпитале же меня застал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении партизан. Звания Героя Советского Союза были удостоены: Вершигора П. П., Войцехович В. А., Бакрадзе Д. И., Брайко П. Б., Кульбака П. Л., Ленкин А. Н., Тутученко С. П. Кроме того, Петру Петровичу Вершигоре присвоили внеочередное воинское звание генерал-майора.

Несколько сот партизан и партизанок награждены орденами и медалями. Наградили и меня орденом Ленина. Через некоторое время звания Героя было присвоено Цымбалу А. К.

С выходом на Украину партизанская дивизия имени Ковпака была передана в распоряжение Народного Комиссариата Внутренних дел Украины и переключена на борьбу с остатками вражеских войск и фашистской агентуры на освобожденной территории.

Часть бойцов и командиров ушла в ряды Красной Армии и продолжала громить врага до победного конца. Некоторые были демобилизованы и направлены в народное хозяйство. Я после выздоровления продолжал службу в Советской Армии.

На этом закончило свою боевую деятельность партизанское соединение имени легендарного С. А. Ковпака. Созданное осенью 1941 года, оно провело сотни боев и диверсий, в которых было уничтожено свыше 26 тысяч солдат и офицеров противника, 177 танков, танкеток и бронемашин, 12 самолетов, 788 автомашин, 1–5 речных судов, 2 нефтеперегонных завода, 41 нефтяная вышка, 54 967 тонн нефти, бензина, керосина, а также большое количество вооружения и военного имущества. Пущено под откос около сотни воинских эшелонов, взорвано 4072 погонных метра железнодорожных мостов, 8867 погонных метров мостов на шоссейных дорогах. Систематически срывались переброски войск и грузов… Неоценимую услугу оказали фронту разведывательные данные, добытые партизанскими разведчиками[26].

Много лет спустя

Много лет прошло с того дня, когда отгремели последние залпы. Давно уже восстановлены заводы и фабрики, колхозы и совхозы. Не только отстроены разрушенные города и села, ко и воздвигнуты десятки новых современных городов. Выросло новое поколение людей. Однако еще кровоточат старые раны. Еще матери и жены оплакивают погибших сыновей, дочерей и мужей. Продолжают еще ждать тех, кто числится в списках пропавших без вести. Еще не стерлись из памяти народов ужасы войны. Еще продолжает, время от времени, напоминать о себе война притаившимися минами, складами снарядов и авиабомб.

И уходят, все уходят и уходят от нас боевые друзья. Умер организатор и первый командир соединения, народный герой, легендарный Ковпак Сидор Артемович, с именем которого неразрывно связаны наши победы. Не стало прославленного комдива, воина и писателя, человека с чистой совестью Петра Петровича Вершигоры. Умер любимец ковпаковцев — командир партизанской конницы Александр Николаевич Ленкин. На сорок втором году оборвалась жизнь вожака партизанской комсомолии Михаила Васильевича Андросова. Умерли Петр Леонтьевич Кульбака и Иван Трофимович Сердюк…

По-разному сложилась судьба тех, кто, пройдя бури испытаний, остался в живых. Жизнь разбросала их по разным уголкам необъятной страны.

Бывшие разведчики, автоматчики, пулеметчики, артиллеристы, минеры, радисты, медики стали рабочими, колхозниками, учителями, врачами, инженерами, руководителями предприятий.

Сидор Артемович Ковпак до последних своих дней, несмотря на преклонный возраст, продолжал трудиться. Он был заместителем председателя Президиума Верховного Совета Украины, неизменным депутатом Верховного Совета СССР и УССР.

Александр Николаевич Ленкин после войны окончил лесной институт и работал директором Козловского домостроительного завода в Чувашии.

Михаил Васильевич Андросов был секретарем Запорожского обкома комсомола, а затем секретарем райкома партии.

Многие и сейчас продолжают трудиться.

Давид Ильич Бакрадзе — заслуженный инженер Грузии, управляющий трестом Союзмрамор, много раз избирался депутатом Верховного Совета СССР и Грузинской ССР.

Александра Карповна Демидчик, Павел Николаевич Лучинский, Григорий Иванович Дорофеев, Александр Борисович Непомнящий, Мария Михайловна Козьмина, Серго Арутюнов посвятили себя школе.

Леонид Яковлевич Прутковский — инженер.

Александр Филиппович Тютерев многие годы занимается благоустройством города Омска.

Семен Павлович. Тутученко— архитектор. Им созданы: бессмертный памятник комиссару Рудневу С. В. в Путивле, памятники боевой славы партизанам-ковпаковцам в Спадщанском лесу Сумской области и в Яремче Ивано-Франковской области. По его проектам построены многие здания.

Юрий Антонович Колесников — член Союза писателей — посвятил себя литературному труду.

Да всех не перечтешь! Можно с гордостью сказать: люди, которые отважно сражались с врагом в годы Великой Отечественной войны, на собственном опыте испытали ужасы и лишения войны и познали цену жизни, так же самоотверженно трудятся в дни мирного строительства.

Василий Александрович Войцехович, Николай Алексеевич Москаленко, Степан Ефимович Ефремов, Петр Моисеевич Шепшинский, Андрей Калинович Цымбал, Петр Евсеевич Брайко, Роберт Александрович Клейн и многие другие товарищи ушли на заслуженный отдых. Но и они не сидят сложа руки, занимаются общественно полезным трудом передают свой опыт молодежи.

Суров и труден был партизанский быт. Но именно эти трудности порождали особые отношения между людьми. Советские люди не только научились убивать, что неизбежно на войне, они научились и фронтовой дружбе, коллективизму, взаимовыручке, научились ценить жизнь, любовь, дорожить Родиной и презирать смерть.

Дружба, закаленная в боях и походах, — священна. Эта дружба крепнет и в мирные дни. Где бы ни были боевые соратники, связи между ними не прерывались. И хотя бывшие воины живут в разных местах, всех их влечет туда, где прошла юность огневая. Традицией стали встречи бывших партизан-ковпаковцев на местах боев.

Собираются боевые соратники, ветераны войны, чтобы вспомнить былые бои и походы, отдать дань уважения погибшим товарищам.

Сейчас это уже немолодые люди. Даже те, которые приходили в отряд подростками, стали отцами семейств. Мои боевые друзья поседели и постарели. Однако, встречаясь с ними, я без труда узнавал их, припоминал подробности нашей

партизанской жизни…

Народ помнит советских партизан и их подвиги. В Путивле, Спадщанском лесу и Яремче созданы народные музеи партизанской славы. В десятках школ организованы уголки, в которых отражен боевой путь ковпаковцев.

Имена С. А. Ковпака, С. В. Руднева, П. П. Вершигоры, М. В. Андросова, А. Н. Ленкина, Радика Руднева, Нины Ляпиной, Валентина Косиченко, Кости Стрелюка, Миши Демина, Дмитрия Черемушкина с честью носят пионерские дружины и отряды многих школ. На героических примерах старшего поколения воспитывается молодежь.

Нет! Время не в силах выветрить из памяти народа подвиг советских людей, совершенный в годы Великой Отечественной войны. Дети и внуки приняли эстафету дедов и отцов и крепко держат ее в своих руках. Из поколения в поколение, из века в век будет переходить слава о Великой Победе. По этой победе будут судить о нас потомки.

notes

Примечания

1

Это не женского ума дело.

2

Правда, что вместе с Советской Армией сражаются польские солдаты?

3

Помогают партизанам оружием... Все будет в порядке.

4

Понимаю. Все будет исполнено.

5

Майор Зомб — псевдоним бывшего офицера польского уланского полка. Переброшен из Лондона. Представитель организации «Народове силы збройне» — самой реакционной партии в составе АК.

6

7

— Что? Не понимаю.

8

Прошу прощения.

9

Орудие, миномет, пулемет, повозка…

10

Уже давно сражается на территории районов Замостья и Хелма. Испытываем трудности с оружием.

11

К черту, стой. Мне надо проверить путь.

12

Бросай оружие!

13

Что вы сказали? Нас не расстреляете?

14

В 1957 году во время поездки в Польшу Героя Советского Союза П. Б. Брайко председатель Томашувского повятового Совета Тадеуш Понята, работавший во время войны на станции Тожимехы, сообщил, что на первой мине подорвался и свалился под откос эшелон с авиабомбами и снарядами, а на второй подорвался бронепоезд.

15

Прошу прощения, нам необходимо укрыться здесь до вечера.

16

История Великой Отечественной войны. Т. 4. М., Воениздат, 1962, с. 232.

17

Институт истории партии при ЦК КПУ, филиал Центрального партархива института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛУ). Ф. 63, оп. 63 — I, ед. хр. 3, л. 119.

18

Архив украинского штаба партизанского движения. Ф. 63, оп. 63 — I, ед. хр. 3, л. 103.

зыжеца и восточную часть Седлецкого повята. В момент отъезда бои шли в районе Морды и Лосице. Деревни ГаДынув, Ольховка, Проженки горят после происходивших там ожесточенных боев. Вдоль дороги (шоссе Кшевск—Мендзыжец) лежит масса убитых, разбитое автомашины и повозки. В Седльце прибывают раненые, которых привозят на автомашинах… Численность партизанских войск, действующих в районе Мендзыжец, Морды, Лосице, немцы определяют в 6–7 тыс. человек» («Боевое содружество польских и советских партизан», 1959). В донесении информатора в основном правильно освещаются события в целом. Но есть и неточности. Численность партизан 1-й УПД в то время составляла около двух с половиной тысяч человек.

20

ИМЛУ, ф. 63, оп. 63 — I, ед. хр. 3, л. 182–184, 186–189.

21

Боевое содружество польских и советских партизан. М., Издательство социально-экономической литературы, 1959, с. 67–68.

Ныне — Ивано-Франковская область.

23

Ян Быстран живет в Чехословакии, работает лесником. В 1967 году в г. Черновцах состоялась встреча Непомнящего с Яном Быстраном.

24

Семченок со взводом, выполняя задание советского командования, вышел на территорию Германии и действовал под Берлином до прихода Красной Армии. А затем участвовал в разгроме Квантунской армии японцев в Маньчжурии.

25

Старший сержант (итал.).

26

Из отчета 1-й УПД им. дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака.